

ВСТУПЛЕНИЕ

Данная книга является попыткой определить и, на сколько это возможно, ясно изложить какая связь существует между Индуизмом и Христианством. Пусть она и не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим описанием индуизма, но все же, она включает большую часть его выдающихся черт. Существуют и другие аспекты этой религии, которые могли бы быть включены в эту книгу. Среди них - жертвоприношения и жрецы - тема не менее интересная и плодотворная, чем те, которые описаны в данном томе. Причина ее отсутствия тут заключается в том, что значительные составляющие данной темы еще не были исследованы учеными, и я не мог провести столь серьезное исследование самостоятельно. Несмотря на это, тут по большей мере содержится достаточное количество материалов, чтобы читатели могли самостоятельно решить, является ли главный тезис книги оправданным.

Начиналась эта книга в надежде, что все, что может быть сказано - может быть и построено на фундаменте, уже заложенном великими учеными; но это оказалось невозможным, и для меня появилась необходимость провести несколько небольших исследований самостоятельно. Я не желал этого делать, но такой исход был неизбежен. По правде, в прошлом столетии было проведено множество высококачественных исследований касательно Индуизма, но далеко не многие из них рассматривали его как практикующую религию. По данной причине, я счел необходимым исключить подобный взгляд на Индуизм в этой книге.

В сносках я попытался передать мой долг перед другими книгами, но вряд ли смогу сделать то же самое. чтобы показать мой долг перед друзьями индуистами, брамами, и христианами из разных частей Индии, которые безгранично помогали мне как в беседах, так и в переписках. Всем им я выражаю мою искреннюю благодарность. И особую благодарность хочу передать преподобному С. Ф. Эндрюсу из г. Дели, который прочитал всю рукопись и сделал множество ценных предложений. И также, я в особом долгу перед преподобным Д. Эмлин Эвансом из г. Мирзапур, который прочитав гранки оказал мне большую любезность.

Оксфорд,

Июль, 1913.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

- I. Новая эра всемирной коммуникации и ее результаты в религии
- II. Вопрос относительной ценности религий
 - A. Малоизученное в науке и религии
 - B. Проблема обрела актуальность для христианства
- III. Христианство и другие религии с христианской точки зрения
- IV. Связь Христианства и Индуизма, как отображено в этом томе

ГЛАВА I

Индоарийская вера

- I. Религия неразделенных арийцев
- II. Религия индо-иранской ветви арийского племени
- III. Религия индоарийцев в *Ригведе*
- IV. Связь религии *Ригведы* с Арья Самаджем и христианством

ГЛАВА II

Индусская семья

- I. Патриархальная семья
- II. Патриархальная семья индусов
- III. Современные реформаторские движения в индусских семьях
- IV. Христос предлагает новые принципы, необходимые для семьи
- V. Принципы Христа - естественный венец для индусской семьи

ГЛАВА III

Вечный нравственный порядок

- I. Появление доктрины о карме и перерождении
- II. Влияние доктрины на верования и практики в индуизме
- III. Упадок доктрины под влиянием Запада

ГЛАВА IV

Божественный общественный порядок

- I. Раннее общество
- II. Различные формы общественного продвижения
- III. Возникновение индусского общественного порядка
- IV. Основные положения системы каст
- V. Положительные результаты системы
- VI. Современные движения против каст
- VII. Религиозные основы каст исчезли из мышления образованных людей
- VIII. Параллельные движения в других странах
- IX. Христос снабжает общество необходимыми религиозными основами
- X. Индусские общественные идеалы восполняются в Христе

ГЛАВА V

Основы индуизма

- I. Схема системы
- II. Ведущие характеристики индуизма
- III. Обязательные элементы системы

ГЛАВА VI

Вершина индийской мысли

- I. Возникновение философии Веданты
- II. Благородные качества
- III. Значимость доктрины о бездействии Атмана
- IV. Связь философии с популярной религией
- V. Возникновение других школ мысли
- VI. Поздняя история Веданты
- VII. Шанкарачарья

ГЛАВА VII

Желтые одеяния

- I. Аскетизм в эпоху Ригведы
- II. Ранний аскетизм: отшельники
- III. Уход от мирских благ: монахи
- IV. Современный аскетизм
- V. Этериализация приписываемая аскетам
- VI. Чудотворная сила приписываемая аскетам
- VII. Индуистские аскеты бездействуют, пока современному человеку нужно в активном служении
- VIII. Христос пробуждает людей к служению
- IX. Методы Христа по возвращению учеников для человечества восполняются в индуистской аскетической дисциплине

ГЛАВА VIII

Работа рук человека

- I. Индуистские боги в ранней литературе
- II. Истоки поклонения образам
- III. Очерк истории индуистских образов
- IV. Параллель между индуистскими и иностранными образами
- V. Культ индуистских храмов
- VI. Индуистские верования о богах и образах
- VII. История за индуистским идолопоклонством
- VIII. Критика индуизма в сторону идолопоклонства
- IX. Защита индуизма в сторону идолопоклонства
- X. Религиозные нужды, вдохновляющие индуистское идолопоклонство
- XI. Христос, образ Божий, восполняющий эти нужды и стремления духовным способом

ГЛАВА IX

Великие секты

- I. Ранняя история сект Вишнуитов и Шиваитов, и буддизма
- II. Богословие Веданты привнесенное в секты и Буддизм
- III. Поздняя история сект
- IV. Влияние доктрины Воплощения
- V. Результаты внесения богословия Веданты в секты
- VI. Ведущие силы в развитии богословия сект

ГЛАВА X

Бог с нами

- I. Христианская концепция Бога
- II. Христианская доктрина о человеке
- III. Мифические воплощения в Индуизме и исторический Христос
- IV. Христос восполняет индийский идеал Воплощенного

ГЛАВА XI

Религиозный организм

- I. Разница между религией и философской теорией
- II. Индуистский религиозный организм и его суеверные практики
- III. Индуистская система в соотношении с философией
- IV. Неоиндусы и система
- V. Христос - венец индуизма

ИНДЕКС

<i>А.</i>	<i>Араньяка.</i>
<i>Эндрюс</i>	<i>Эндрюс, Возрождение в Индии.</i>
<i>Анастамба</i>	<i>Анастамба Дхармасутра.</i>
<i>Ахвалайна</i>	<i>Асваидьяна Грихьясутра.</i>
<i>Б.</i>	<i>Брахмана.</i>
<i>Баудхаяна</i>	<i>Баудхаяна Дхармасутра.</i>
<i>Брахманизм и индуизм</i>	<i>Монье-Уильямс, Брахманизм и индуизм.</i>
<i>Deussen</i>	<i>Дейссен, Философия Упанишад.</i>
<i>Божественная мудрость</i>	<i>Говиндачарья, Божественная мудрость дравидских святых.</i>
<i>Э. Р. Э.</i>	<i>Энциклопедия религии и этики.</i>
<i>Гаутама</i>	<i>Гаутама Дхармасутра.</i>
<i>Гловер</i>	<i>Гловер, Конфликт религий в ранней Римской империи.</i>
<i>Великий эпос</i>	<i>Хопкинс, "Великий эпос Индии".</i>
<i>Гриффит</i>	<i>Гриффит, "Рамаяна Вдлмики в английском стихе".</i>
<i>Growse</i>	<i>Growse, "The Ramayana of Tulsidas".</i>
<i>Сердце Индии</i>	<i>Барнетт, "Сердце Индии".</i>
<i>Святые жизни</i>	<i>Говиндачарья, "Священные жизни ажваров".</i>

Конспекты Айенгара	Шриниваса Айенгар, <i>“Изложение индийской философии”</i> .
М. О. М.	<i>Международное обозрение миссий.</i>
И. С. Р.	<i>Индийский социальный реформатор.</i>
Ж. К. А. О.	<i>Журнал Королевского Азиатского общества.</i>
Каэги	<i>“Ригведа”</i> Адольфа Каэги.
Макдоннелл	Макдоннелл, <i>“Санскритская литература”</i> .
Мадхва	Падманабха Чар, <i>“Жизнь и учение Шри Мадхвачарья”</i> .
Ману	<i>“Манава Дхармашастра”</i> . Бюлер, С. К. В., глава XXV.
Современный джайнизм	Синклер Стивенсон, <i>“Заметки о современном джайнизме”</i> .
Оман	Оман, <i>“Мифы, аскеты, и святые в Индии”</i> .
Параскара	<i>“Параскара Грихьясутра”</i> .
Филипс	Филипс, <i>“Истоки надежды”</i> .
Папа Римский	Папа Римский
Рамакришна	Макс Мюллер, <i>“Рамакришна, его жизнь и высказывания”</i> .
Рамануджа	Жизнь Рамануджи
Ранаде	Ранаде, <i>“Утверждение власти маратхов”</i>
Ранаде, Эссе	Ранаде, <i>“Религиозные и социальные реформы, эссе и высказывания”</i> .

<i>Религиозные секты</i>	Мердок, <i>“Религиозные секты индуизма”</i> .
<i>Шайва Сиддханта</i>	Наллашвами Пиллаи, <i>“Исследования по Шайва Сиддханте”</i> .
<i>С. К. В.</i>	<i>Священные книги востока</i>
<i>Шива Бхакти</i>	Мердок, <i>“Шива Бхакти”</i> .
<i>Шесть систем</i>	Макс Мюллер, <i>“Шесть систем индуистской философии”</i> .
<i>Шри Шанкарачарья</i>	<i>“Шри Шанкарачарья, Его жизнь и времена”</i> К. Айяр и Ш. Таттва.
Сузуки	Сузуки, <i>“Ашвагхоша. Трактат о пробуждении веры в Махаяне”</i> .
<i>Т.</i>	Тантра
Тревелиян	Тревелиян, <i>“Закон индуистской семьи”</i> .
<i>У.</i>	Упанишад
<i>Васиштха</i>	<i>Дхармасутра Васиштхи</i>
Вивекананда	<i>Изречения и писания Сванти Вивекананды</i>
Уоррен	Уоррен, <i>“Буддизм в переводах”</i> .
Весткотт	Весткотт, <i>“Кабир и Кабир Пантх”</i> .

ВВЕДЕНИЕ

Мы вступили в новую эпоху. Каждая часть мира по крайней мере единожды устанавливала коммуникацию друг с другом. Мы читаем новости из любой страны за завтраком. Нации стали одним городом: мы покупаем друг у друга; мы читаем книги друг друга; мы думаем мыслями друг друга. Впервые в истории, единство человеческой расы стало действенным. Отныне, мы можем говорить о полноценной взаимосвязи между людьми - в прошлом все было расовым и частичным. Лишь теперь мы начинаем слышать музыку человечества.

Это новое положение вещей было достигнуто отчасти благодаря обширным исследованиям, еще больше - благодаря прогрессивному совершенствованию средств связи, но более всего - через распространение правильного управления на значительной части земной поверхности и эффективному контролю за океанскими водами. Без мира на суше и на море наши знания о земной поверхности и наши средства связи были бы сравнительно бесполезны. Мир на земле приносит доброжелательность среди людей.

Уже сейчас все могут наблюдать значительные результаты возникающие благодаря этой всемирной взаимосвязи. Цивилизованные народы учатся друг у друга. Происходит стремительный процесс ассимиляции в промышленности, методах ведения бизнеса, образовании, науке, искусстве, литературе, морали и религии, и этот процесс отчасти происходит мирно, но отчасти и с определенными трениями и напряжением.

Каковым же будет окончательный исход никто пока сказать не может, но никто и не рискует пророчествовать, что результат точно будет отличным, поскольку в новых условиях темпы развития человеческого прогресса, несомненно, будут ускоряться. Эволюция нашей человеческой

жизни вступила на новую стадию, что ожидаемо принесет множество полезных плодов. Лишь теперь человеческие знания и навыки имеют потенциал проявить себя с лучшей стороны. Лишь теперь мы имеем величайшие силы, чтобы воспользоваться возможностью действовать. Большую часть нашей истории можно рассматривать как процесс устранения препятствий на пути прогресса. Отныне, человеческая работа, если она действительно ценна, будет известна по всему миру, в то время как в прошлые века лучшие работы часто надолго ограничивались влиянием небольшой группы народов или одной нации. Мы стремительно приближаемся к моменту, когда любой кусочек наших знаний будет впитан каждой нацией в тот же момент, когда они его получили, и когда опыт одного народа, будь то в сфере промышленности, искусства, морали или религии, будет в миг оценен, подхвачен, и использован по всему миру.

Здесь мы ограничимся результатами, которые принесло религии наступление нового периода для человечества. Все религии в мире, представляющие какую либо важность, уже установили эффективный контакт с друг другом, и, следовательно, начали в полной мере проявлять те сокровища, которыми они обладают каждая по отдельности. Каждая из них движима инстинктом самосохранения и стремится привлечь других людей в свое лоно.

Другим важнейшим фактом в этой ситуации является подъем Науки о Религии. Научное сознание, признающее единство религиозной жизни человека, гипотеза эволюции, с помощью которой самые разнообразные и, казалось бы, самые противоречивые явления приводятся в разумный порядок в рамках этого единства, и страстное желание узнать, что древние племена думали о Боге и как стремились приблизиться к Нему, обеспечили нам необходимые интеллектуальные условия; в то время как требуемый материал, а именно информация о религиях мира, стал доступен благодаря открытию древних языков Индии, Персии, Вавилонии, Ассирии и Египта,

а также благодаря установлению связи со всеми населенными частями Земли. Наши знания еще далеки от полноты, и есть много направлений, о которых мы еще пока даже задумывались; но тем не менее, наука достигла больших масштабов, и уже достигнутые результаты имеют неоценимое значение для размышлений.

Первым результатом этого большого накопления религиозного материала стало чувство глубокого удивления по поводу богатого наследия некоторых религий, особенно в области философии и искусства. Отсюда возник огромный интерес не только среди изучающих религии людей, но и среди всего культурного общества. Рост этого интереса за последнее десятилетие является очень значительным. Это отображается в огромном количестве публикаций книг о разных аспектах восточных религий. Такой углубленный интерес породил новое чувство братства между религиями, и сочувствия между людьми разных вер, что очень ценно а также чревато многими благами для будущего. Прослеживается неподдельное желание обмениваться мыслями, пополнить знания, выразить точку зрения науки, и столь же неподдельное отвращение к возникающим противоречиям. Углубляется осознание священности и интимности каждой религии. Некоторые элементы, разделяемые ведущими религиями, принимаются людьми с энтузиазмом. Простое осознание того, что подобные вещи существуют, вызывает заметную симпатию. Также, появилась склонность рассматривать ведущие религии как группу однозначных равных, одинаково достойных глубочайшего взаимного уважения, и надежда на то, что искренне верующие люди любой расы и веры смогут объединиться и сотрудничать вместе.

Но все же нужно признать тот факт, что в отличии от посвященных изучению мира и религий трудяг, новое движение скорее руководствуется любопытством, а не знаниями, и оно больше напоминает романтичность и делитанство, чем науку и религиозность. Те, кого унесло этим новым

течением - с энтузиазмом рассуждающие о религиозной философии, литературе, и искусстве - это чаще всего те самые люди, которые нетерпеливы к подлинному сердцу веры. Мужчины и женщины, потерявшие собственную религию и тепло веры в своих жизнях отвлекаются каким-либо привлекательным элементом в другой вере, и, не испытав его временем, принимают в свою жизнь, восхваляя его. Как видно, в этом новом движении много всего поддельного и глупого.

Однако, так выглядит лишь на первый взгляд. Это новое отношение является пророчеством того, что грядет в будущем. Одновременно с тем, как увеличивается объем знаний и углубляются исследования, многие поверхностные люди осознают главенство религии в государстве, ее первенство в понятиях морали, общества, семьи, и тех значительных результатах, которые столетиями приносили в жизнь народов религиозные принципы. Они начнут понимать, какое серьезное значение имеет религия в жизни отдельных личностей, и какую неизмеримую ценность имеет истинно религиозный человек для своего народа.

II. Великий прогресс религиоведения принес и великие плоды для многих научных ветвей, особенно для богословия. Среди самых заметных заслуг данной науки находится доказательство того, что каждая раса - религиозна, и религия является одной из самых практических занятий человека как такового, и что это напрямую влияет на построение человеческого общества, создания новых институций, и залога моральных принципов. Религиоведение преобразило все предыдущие исследования, демонстрируя важность поклонения и объясняя смысл ритуалов. Функции веры и положение литературы в религии стали намного яснее, чем были раньше. Теперь мы можем наблюдать, как часто параллельные практики и убеждения развивались в разных народах независимо друг от друга, и тем самым, мы больше не можем заявлять о том что все это было заимствовано, пока не увидим тому прямых доказательств.

Антропологическая сторона исследований пролила свет на ранние формы религий, сделав для нас понятным то, что не было таковым ранее, сделав для нас возможным замечать сохранившиеся с древних времен элементы в религиях.

А. Но существует один аспект религиозной проблемы, который пока что далеко не сполна был затронут наукой, а именно, относительная ценность разных религий. Только когда у нас появиться метод для определения практической ценности каждой религии, мы сможем установить и их подлинное соотношение друг с другом. По крайней мере, до настоящего момента автору кажется, что современные изучающие науку студенты все еще не считают это одной из научных задач. На самом деле, существует множество наблюдений данной темы, но разбросанных по разным книгам. Сама классификация религий на племенные, народные и всемирные, природные или этические, как ритуальные или духовные, и признание того что более низкие верования появлялись отчасти как пародия на более высокие верования - все это наводит на практические размышления. То в одном месте, то в другом, время от времени появляются автор, который однозначно заявляет что конкретная религия ценнее других, либо указывает на практическую разницу между двумя верами, и при этом он пишет так, будто подобные размышления - из области личного мнения, а не предмет научных работ. Авторам нелегко высказывать свои мнения: христианин выражает себя догматично либо неуверенно, а антихристианин склонен выражаться на повышенных тонах. И очень редко можно наблюдать тихий, уверенный голос науки, тот который рассматривает предмет в большой, трезвой, и упорядоченной манере.

И все же, разве это не та самая живая проблема, связанная с изучением науки? Ведь в конце концов, как наука может объяснить нам жизнь, если не имеет ответов на практические вопросы?

В. В то же время, нужда в четком утверждении о практической связи христианства и других великий религий стала для нас срочным.

I. Нужда серьезно ощущаться изнутри.

(a) Приход религиоведения и всемирный интерес к нехристианским системам верований сделал крайне необходимым, как для духовенства так и для народа, изучить и ясно объяснить как христианство связано с другими религиями. В большинстве богословских колледжей уже присутствуют попытки ответить на подобные нужды будущих проповедников, но для простого народа же, пока что, было сделано очень мало.

(b) Миссионерское движение непрестанно растет в своей силе, влиянии, и самосознании. Государства и научные деятели теперь ясно понимают и откровенно признают его важность. Работа кипит везде, и прогрессирует. Последняя перепись населения в Индии показывают такой же результат, как и рост христиан по всему миру. Христиане хотят четко и ясно понимать цель работы своих движений. Мировая Миссионерская Конференция, проходившая в Эдинбурге в 1910 году, является одним из самых выразительных примеров этого желания. Но, одновременно с этим, в церквях растет и количество важных, обладающих потенциалом методов. Курсы по обучению миссии, которые в научном ключе рассматривают нехристианские религии, а также цели и основные деятельности миссий, издаются ежегодно и изучаются молодыми людьми в рамках так называемых миссионерских учебных кружков.

(c) Миссионеры ощущают острую необходимость четко обозначить, как их работа и вера связаны с системами, с которыми они сталкиваются; и они находятся в выраженном недоумении, как это совершить. Во многих областях расходятся во мнении как христианин должен относиться к другим, нехристианским религиям. В Индии существует группа людей, будь она значительная по численности или нет, которая явно не одобряет

позицию, занятую в отношении индуизма Комиссией Эдинбургской конференции, которая занималась миссионерскими вопросами. Рекомендую к прочтению блестящее заключение доктора Кэрнса в четвертом томе отчета с конференции.

(d) Ради молодых церквей, растущих сейчас в разных миссионерских полях областях деятельности, понимание связи древних религий и христианства также является необходимым. Церкви неизбежно будут находится под влиянием верований из их окружения. Таким образом, лидерам церквей крайне важно понимать те силы, которые находятся вокруг них, чтобы они могли противостоять злу и быть готовыми принять все, что есть доброе.

2. С другой стороны, христиане должны искать понимания связи своей веры с другими религиями, дабы ответить и на возражения извне. Как упоминалось выше, мир меняется, и это неизбежно приводит к большим переменам в религиозной мысли и убеждениях. Неизбежен тот факт, что христианство будет также глубоко затронуто. Каждая его фундаментальная идея касается каждого человека. Те, кто придерживаются религии с убежденностью и разумом, ожидают что она станет заветным достоянием для каждого человека. Миссионерский труд является одной из самых жизненно необходимых деятельностей веры. Церковь должна расширяться, либо погибнуть от неверия. Поэтому, любая новая мысль о религиозной жизни мира обязательно с неизмеримой силой влияет и на христианство. Каждый универсальный принцип подвержен такой же опасности. С новым периодом, естественно, приходят и новые формы оппозиции и критики.

По сравнению с тем, что было еще двадцать лет назад, в Европе и Америке сейчас виден достаточно глубокий раскол во мнениях о миссионерском вопросе. Пока в каждой церкви есть поддержка миссий, более активная чем когда либо, и также есть достаточное количество денег

и желающих служить, чем ранее, глупое и мертвое безразличие, сформировавшееся в последние годы, стало сознательным и теперь выражается в требовании ограничить миссионерскую деятельность. Раньше, можно было услышать насмешки и обесценивание в сторону миссий. И это, в основном, осталось в прошлом. Такое отношение возможно лишь там, где царит крайнее невежество. Но сейчас существуют и те, кто откровенно говорят что миссии - не обязательны, а некоторые даже требуют остановить попытки завоевывать сердца новообращенных, по крайней мере их великий религий. За недавнее время, оппозиция от лица образованных неверующих людей по отношению к миссиям заметно обострилась. Их обвинения в сторону миссионеров стали более прямолинейными и определенными. В некоторых странах появились громкие требования запретить миссионерам обращать людей в свою веру.

Сейчас, такое отношение к христианству, будь оно дома или на поле миссии, явно подразумевает определенную позицию христианства по отношению к другим религиям. Когда человек утверждает что убеждать индуистов, буддистов, и мусульман - это неправильно, то у него, несомненно, есть некое представление, ограничивающее права христианской веры по отношению к этим религиям.

Исходя из такой точки зрения, крайне важно чтобы христиане четко осознавали и искренне формулировали свое отношение к другим религиям. Если в глазах образованных людей мы не в состоянии обосновать необходимость миссионерства - мы должны будем признать свое поражение; и очевидно, что в нынешнем положении дел, мы не сможем сделать этого не имея ясного разъяснения того, как христианство соотносится с другими религиями мира.

Но для того чтобы наша позиция орудовала фактами, нам стоит сначала понять те теории, которые предполагают что христианская церковь должна прекратить стремиться обращать других в христианство. Начнем с

двух теорий, которые настолько неудовлетворительны что не заслуживают внимания, но поскольку они влияют на общественное мнение, нам будет полезно взглянуть и на них.

(а) Прежде всего есть убеждение, которое предполагает что все различия между религиями - искусственные и не имеют значения, и, взглянув в глубины реальности, окажется, что все люди на самом деле верят в одно и то же. Это сведет все религии на мертвый уровень, и сделает все попытки сравнить соотношение между любой парой религий бесполезными. Сравнительно не много людей согласятся с таким голословным утверждением, но все же, некоторые его выдвигают. В одной из своих новых книг миссис Безант описывает фундаментальные принципы теософии, и далее утверждает:

“Второстепенные учения - это те, которые популярны среди всех религий, живых и мертвых: единство Бога; троичность Его природы; превращение Духа в материю, и следовательно, иерархия разумных существ, среди которых и человеческий род; рост человечества через расширение сознания и эволюцию тел, или другими словами, трансмиграцию; продвижение этого роста в соответствии с нерушимым законом - законом причинно-следственности, то есть, кармой; сама среда, где этот рост происходит - физический мир, астральный и ментальный, или земля, промежуточный мир и небеса; божественные Учителя, то есть, сверхчеловеческие существа.”

В данном отрывке нам говорится, что все религии, живые и мертвые, учат нас длинному списку доктрин. Что думают антропологи о таком большом каталоге идей в дикарских религиях? Что думают христиане об утверждении, что христианство учит теории трансмиграции?

Что думают мусульмане о том, что Ислам учит троичности Божией природы? Здравомыслящие люди могут лишь попытаться выразить свое удивление насчет таких необоснованных, да еще и всерьез сделанных заявлений.

(b) Вторая группа более разумная и многочисленная. Они вполне готовы признать, что религии глубоко отличаются друг от друга в доктринах и способах прославления, но они считают, что поскольку религия - вещь практичная, то все эти различия не несут никакой важности. Даже в низших религиях каждый человек знает, что он обязан выполнять свой долг и перед Богом, и перед людьми. Все религии ищут одного и того же Бога, осознанно или неосознанно. Следовательно, нет смысла обращать людей в другую религию. Еще часто от них можно услышать такую мысль, что для каждого человека лучше всего подходит его родная религия.

Такую идею выразил индуистский аскет по имени Рамакришна Парамхамса:

“Каждый человек должен следовать своей религии. Христианин должен следовать христианству, мусульманин - мусульманству, и так далее. Для индуистов, лучший путь - это древний путь арийских риши.”

Подобным высказыванием можно оправдать самые мерзкие религии на земле, которые одобряют каннибализм, человеческие жертвоприношения, беспорядочные половые отношения, инцест, и все остальные проявления гнилости и жестокости.

(c) Но серьезные люди не верят в то, что все религии одинаковы, или что пытаться обратить каннибала в христианство - неправильно. Правда в том, что эти оба утверждения - просто неуклюжие попытки облечь в

универсальную форму инстинктивное чувство, присутствующее в тысячах современных разумов, что великие религии мира, ислам, иудаизм, буддизм, джайнизм, и зороастризм, являются благородными, и дают настолько положительные плоды, что позорно на них нападать и беспокоить тех, кто их исповедует.

На этом основании и построена теософия. Теория, что все великие религии могут примириться, и что больше нет нужды в разногласиях или пропаганде, но каждая вера может жить своей жизнью в любви и гармонии с другими соседними религиями. Многих людей по всему миру привлекает такое заявление, как и призыв Теософского Сообщества сформировать братство. Учения Сообщества были приняты многими людьми, которые не имели своей устоявшейся веры; в Индии, Бурме и Цейлоне, множество признали его как средство, которому суждено восстановить древние религии.

Но, пусть программа любви и единства наиболее привлекательна, а призывы к братству и служению людям должны порадовать каждого христианина, Теософия сама по себе не является безопасным убежищем в нынешних бедах. Вместо примирения между уже существующими религиями, теософия создает новую религиозную систему. Это просто новая доктрина с грубой мифологией. Миссис Безант, являющаяся президентом Теософского Общества, в ее книге “Теософия”¹, серия Джек, “Книги Народов”, выдвигает в качестве центральной доктрины системы утверждение, что:

“Общность религиозных учений, этики, историй, символов, церемоний, и даже их следов среди дикарей, возникла из общего центрального происхождения всех религий, из Братства Божественных Людей, которое время от времени отправляло

¹ ? теософия ?

одного из своих представителей в мир, чтобы тот создал новую религию, содержащую в себе те же истины, но появившиеся в разных формах зависимо от потребностей времен и возможностей людей, к которым отправляли Посланника.”

Христианство учит, что Отец послал Сына быть Спасителем мира; ислам учит, что Аллах послал Мухаммада, как своего последнего Пророка; в индуизме есть аватары, которые не являются каким-то человеческим братством, но каждый из них - воплощение всевышнего Вишну; в то же время, махаяна буддизм также учит о воплощениях, но они исходят от верховного подобия. Действительно, легко утверждать что Христос, Мухаммад, Кришна, Гаутама и все остальные являются членами одного братства, и что это объединяет все религии воедино. Примирение происходит путем вырезания сердцевины каждого верования, и замены его новой мифологией. Истина заключается в том, что с точки зрения своих богословских идей индуизм, буддизм, иудаизм, ислам, и христианство намного ближе друг ко другу, чем к этой новой догме. Несомненно, никакой искренний христианин, иудей, или мусульманин не примет систему, которая исключает Бога из религии. Эта система ближе всего к индуизму, чем к другим верам; и несмотря на это, многие представители индуизма протестуют против отождествления своей религии с этой системой. Но со временем, ее истинная природа станет ясна всем, кто сейчас ей доверяет. По большей части, огромный успех пропаганды в Индии объясняется защитой системы каст и идолов. Какое же примирение она может предложить христианам и мусульманам?

(d) Но львиную долю оказавшихся под влиянием новой мысли составляют вовсе не склонные принимать причудливые идеи теософии люди. Они не могут аргументированно изложить свою позицию, но все же

их чувства и убеждения по этому вопросу достаточно глубоки и серьезны. Их можно разделить на две разные группы.

I. Первая группа состоит из живущих в христианских странах людей, и многие из них и есть искренними христианами, другие - это мужчины и женщины чья вера однажды частично пошатнулась, но они глубоко проникнуты важностью восточных вер и обязанностью относиться к ним с уважением. Они проявляют неподдельный интерес к этим религиям. Они охотно слушают новую информацию от компетентных учителей, и иногда даже готовы потрудиться над чтением сложных книг. Даже если у них мало знаний, они все равно проявляют энтузиазм. Все они склонны говорить: эти великие религии настолько хороши, и в них так много мудрого, и они воспитывают много добрых людей, что как-либо их тревожить кажется постыдным. Разве не лучше нам проявлять благодарность и стремиться учиться у них новому? - Подобные идеи пришли к ним из множества источников.

Европейские администраторы, судьи, офицеры войск, педагоги и бизнесмены, все они вступают в личный контакт с образованными индуистами, буддистами, мусульманами, и обнаруживают что многие из них - люди высоких моральных принципов, острого интеллекта, и подлинного религиозного чувства. Часто, они оказываются настолько же хорошими людьми, как и христиане того же уровня жизни. Вполне очевидно, что их религии им действительно помогают. Они полны радости и глубокого убеждения в своих верах. Поэтому возникает вполне естественный вопрос: зачем беспокоить их и обращать в христианство?

Некоторые европейцы также вступали в контакт с тихими жителями деревень восточных земель, и научились восхищаться их покладистостью, терпением, выносливостью, и милосердием. Эти люди живут тихой и оседлой жизнью. Они счастливы по-своему, и в их взаимодействии друг с другом и в их религиях есть множество прекрасного. В их разговорах

время от времени вспыхивают отблески духовной и религиозной проницательности. Кажется, их идеи и практики очень вписываются в жизненные обстоятельства. В целом, они относятся к своим верованиям очень хорошо. Зачем же их беспокоить? С другой стороны, некоторые из тех, кто стали христианами наоборот, будто потеряли свои прежние манеры, и обрели облик пародии европейской цивилизации. Стоит ли так сильно трудиться ради такого исхода событий?

Обычно, практичного человека вполне устраивают азиатские земли в их нынешнем виде. Это население представляют из себя хороший материал для управления, и строевой подготовки в качестве солдат. Торговля с ними является прибыльной для предпринимателей. Дела в целом идут отлично. С этой точки зрения, не выглядит так, будто у них есть нужда в имениях. Поэтому многие индийские граждане, врачи, солдаты и бизнесмены во время отпуска говорят своим друзьям, что знают индийский народ, и не видят никаких причин им становиться христианами.

Возрождение индуизма и стремительный рост Национального Движения сподвиг индийцев показывать себя выразительно как в литературе, так и в речи. За последние несколько лет, образованная Индия несомненно оказала очень значительное влияние на Европу и Америку.

Публикации огромного количества переведенных священных писаний из Востока, неисчисляемое множество статей и книг, излагающих суть великих религий, громкие протесты некоторых европейских ученых, которые, отбросив христианство, благосклонно относятся к восточным религиям, Парламент религий в Чикаго, визиты индуистских и буддийских учителей в Америку и Британию - все это способствовало более глубокому пониманию этих религий и сочувствию к исповедующим их людям.

Общими соображениями, народ также поспособствовал к укреплению этих чувств. Люди рассуждают следующим образом: мы на

самом деле не знаем, каков другой мир - так с чего бы нам что-то утверждать о нем с догматической уверенностью? Будем же жить достойно, и позволим другим жить так же. Зачем возбуждать религиозную рознь?

Расовые и национальные вопросы также оказывают определенное влияние. Расовые и национальные различия простираются глубоко и далеко. Как правители, мы обязаны запастись терпением, и оказывать большую благосклонность для рас: могут ли религии этих странных народов быть связаны с их расовыми качествами? Здесь мы приближаемся к идее, которую принес Рамакришна. Конечно же, многие люди настаивают на адаптации восточных систем к народам и цивилизациям; эти идеи подкрепляются как воспоминаниями об однажды пробужденных яростных религиозных страстях, так и верой в то, что отделить эти народы от их религий полностью просто невозможно.

В этих восточных религиях существует много элементов, привлекающих людей с подобным видом мышления. Доктрина трансмиграции одна из наиболее интересная и наводящая на размышления. Мистический пантеизм привлекает еще больше. Большая веротерпимость в этих религиях для многих людей является самой восхитительной чертой. Раз уж они просто просят спокойствия, и вполне толерантны к христианству, почему бы и нам не принять их правила?

Несмотря на присутствие в массах всех этих честных мыслей и благородных чувств, было бы глупо игнорировать то, что многие считают вопрос религий не настолько важным, чтобы оправдать работу миссий и вызванные ими беспорядки. Этот плод невежества и безразличия к религиям должен быть четко отделен от других факторов всеми, кого интересует практическая религия или развитие религиоведения.

II. Вторая группа почти полностью состоит из не являющихся христианами людей, получивших западное образование. Их восхищает

западная мысль, наука и общественная жизнь, и среди них мало тех, кто в той или иной степени не перенял западные привычки. Они часто говорят на английском языке о душевных и духовных вещах. Они, как правило, знают кое-что о христианстве. Но несмотря на это, они - люди, на собственной жизни и в своей собственной общине ощутившие силу своей религии. Они были созданы ею. Очки души, через которые они смотрят на мир, были созданы ею. Внутри них живет прошлое. Каждый аспект их религии, ее идеи, ее философия, ее культ, ее бытовая жизнь, и даже те вещи, которые кажутся постороннему человеку абсурдными, - все это для них священо. Они во всем видят отблеск духовного мира. Их это вполне удовлетворяет. Подобно Плутарху, они говорят,

“Нам достаточно древней веры наших отцов.”

Иисус знал о них, и дал таким людям следующее описание:

“И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше”²

Те, кто более осознают опасность, идут дальше и говорят: "Наша религия настолько же хороша, как и христианство. Мы утверждаем что наша религия одной единственная для всего человечества, но считаем, что она чиста, духовна, вдохновляет и приносит удовлетворение. Она радует нас больше, чем смогла бы любая другая вера. Следовательно, мы уверены, что она настолько же хороша, как и ваша." Таким образом, индуисты, мусульмане и буддисты не только защищают свои религии, но и заявляют, что стремящиеся обратить людей в христианство миссионеры на самом

² Луки 5:39

деле поступает неправильно. Некоторые экстремисты были бы не против увидеть как миссионера отправляют домой с чемоданом в руке; однако большинство образованных людей настаивают на том, что просветительская, цивилизующая, возвышающая работа миссий слишком ценна, чтобы отказываться от нее. Единственное, против чего они действительно возражают в деятельности миссий - это крещение новообращенных, и основание новых церквей. По их мнению это не только ненужно, но и является актом несправедливой агрессии по отношению к существующим религиям.

Следовательно, перед лицом такого большого множества серьезных и умеренных мнений становится ясно, что христианин должен либо изменить свой подход к миссии, либо оправдать свои действия перед лицом всего мира. Единственный способ это сделать - четко изложить, как, по его мнению, христианство связано с другими существующими религиями. Тем более что здесь мы имеем дело не просто с одним аргументированным мнением, а с большой массой сильных и возвышенных чувств, пронизанных множеством мыслей - ясных и смутных, сильных и слабых.

III. Позицию, которую занимает осмысленный, современный христианин по отношению к другим религиям, можно изложить в следующих четырех пунктах.

A. Как и в проявлениях любой другой человеческой функции, во всех религиях присутствует некое глубинное единство. Сердце и разум человека везде одинаковы. Следовательно, существует нечто, что связывает самые низкие религии с самыми высокими. Даже в самой деградирующем веровании можно отыскать отблески света и намеки на истину. В каждой из бесчисленных форм, которую занимает религия, существует определенная идентичность.

Помимо этого, каждая религия обладает ценностью для тех, кто ее исповедует. И каждая религия дает своим последователям, как минимум, представление о долге перед обществом, и чаще всего, представление о сущности Бога и поклонении. Еще не существовало ни единой религии, которая не возвышала бы людей, не приближала их к Богу.

Но даже в этом не отображается полностью вся истина. Религия дикаря - это самое высокое, что ему известно, какой бы примитивной она ни являлась. Душа человека достигает самого наибольшего напряжения в своей религиозной деятельности. Поэтому мы обязаны признать, что через свою примитивную религию даже дикарь может достичь Бога -

“Что беспомощные руки,

Шаря оцупь в темноте,

Руку Божию находят,

Выводящую на свет.”³

Как сказал один хороший человек на некоем общественном собрании: "Религия - это, должно быть, очень простая вещь в глазах Бога, иначе у обычных людей попросту не было бы никаких шансов! Мы должны верить, что любой человек, какими не были бы его обстоятельства, имеет возможность отыскать свой путь к Богу, если он действительно использует весь свет, который имеет. Иначе, отношения Отца и ребенка просто не существовали бы. Поэтому, основы христианской веры обязывают это признать. Вера во Христа ведет нас к этой самой истине, ибо мы верим, что Он:

“Свет истинный, Который просвещает всякого человека”⁴

³ Песнь о Гайавате, отрывок.

⁴ иоанна

и мы верим, что даже в разуме дикаря, Бог

“не переставал свидетельствовать о Себе”⁵

и люди самых низших убеждений

“показывают, что дело закона у них написано в сердцах”⁶

Следовательно, даже через самую примитивную религию есть путь к Богу.

Христианство откровенно признает, что Бог человек может быть угоден Богу в любой религии. Об этом самым ясным способом утверждает Петр:

“истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе, боящийся Его и поступающий по правде, приятен Ему.”⁷

Лестница с Небес до земли простирается как для самого низшего дикаря, так и для Иакова, и для современного человека.

В. Человек достигает Бога в условии абсолютной искренности, повороте всей его души к свету, откровенном принятии в свое сердце истины, и прямом послушании тому самому высшему, что ему известно. Именно в этой позиции души она открыта к влиянию с Небес, и позволяет Отцу вступить в личное общение со Своим дитем. Не может быть истинной религии, если там нет такого отношения. И за эти пределы не может выйти ни один человек, какими бы широкими или узкими ни были его знания, его опыт или возможности. Данный закон применим к представителям любой веры.

Возьмем случай дикаря, живущего достойной жизнью, в соответствии со своим светом, в грубой религии, допускающей

⁵ деяния

⁶ рим

⁷ Деяния 10:34–35

каннибализм. Он слышит мусульманскую проповедь, чувствует разумность монотеизма, давление доктрины осуждения на его совесть, и высокую моральную ценность исламской этики. Но по определенным причинам он продолжает вести прежний образ жизни и практиковать каннибализм. Каков результат неизбежен? Религия, которая раньше ему помогала, больше не приносит пользы. Он услышал истину, но отказался ей подчиниться. Он больше не религиозный человек.

Таким образом, когда многобожник соприкасается с христианством, он осознает глупость идолопоклонства, и чувствует что крест и любовь Христа это именно то, что ему нужно для преобразования его запятнанной грехом души и жизни; если же он не исповедует Христа публично, если уклоняется от воздействия откровения и религиозной истины на его внутреннюю жизнь, если он продолжает поклоняться идолам, по своей старой вере, насколько бы ценной она ни была для него когда-то, то для него не будет дверей в общение с Богом вновь, потому как он повернулся спиной к высшему, и совершил великое отречение.

С. Христиане в полноте признают большую и благородную работу, что была проделана каждой из великих религий. Мы с радостью признаем, что благодаря им было воспитано множество святых, тысячи домов были очищены и возвышены, а множество женщин и мужчин обрели в своей жизни Бога. Опыт этих добрых людей нас бесконечно радует. Мы также признаем, что в каждой из этих религий мужчины и женщины все еще обучаются добродетели и становятся ближе к Богу. Люди в Европе и Америке, а также образованные нехристиане настаивают именно на этих фактах, требуя, чтобы миссионеры прекратили обращать других в христианство. С нашей стороны, мы признаем эти факты и благодарны Богу за них.

Мы идем еще дальше: с радостью соглашаемся, что эти великие и благие плоды свидетельствуют о наличии истины в каждой из этих систем:

“По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с рпейника смоквы?”⁸

Когда-же некоторые из наших друзей продвигаются на шаг вперед и говорят “Значит, все религии - истинны”, мы делаем паузу и просим их более определенно сформулировать, что они имеют в виду под этим. Хотят ли они сказать, что каждая религия является истинной отчасти, или же полностью? Что каждая из них содержит в себе большую долю истины или что каждая из них и есть - сама истина Божья? Очевидно, что правильным ответом может быть только первый из вариантов, ведь эти великие религии серьезно противоречат друг другу по многим пунктам. Поэтому мы вполне согласны с нашими друзьями, если они говорят: "Все эти религии несут благо и пользу, потому что каждая из них содержит в себе часть истины".

D. Теперь необходимо рассмотреть характеристики, по которым великие религии не разделяют мнение друг друга; и, чтобы сделать наши выводы как можно более ясными, ограничимся великой четверкой: индуизмом, буддизмом, христианством, и исламом. В Них вполне достаточно материала для иллюстраций и примеров. Индуизм учит, что каждая душа рождается и умирает по многу раз; христианство говорит,

“И как человекам положено однажды умереть, а потом суд”⁹,

Буддизм согласен с индуизмом, но все же осуждает индуистскую литературу, жрецов и жертвоприношения, а Будду преподносит как всеведущего и непогрешимого учителя для всего человечества. Христианство учит, что Бог является Отцом людей, что Его Сын

⁸ Матфея 7:16

⁹ Евреям 9:27

воплотился, дабы показать нам Отца и умереть за грехи мира, и что Он - это идеал для каждого человека, и что Его нравственное и духовное учение необходимо для всех. Соглашаясь с христианской точкой зрения, Ислам учит что люди рождаются и умирают единожды, отрицает все христианские утверждения, и провозглашает Мухаммада последним и величайшим пророком, а Коран - вечным изречением Бога. Данные противоречия и несогласования настолько острые и четкие, насколько это возможно, и существует много других, столь же четких и непримиримых противоречий. Различия между великими религиями вовсе не малы.

Теперь, давайте сопоставим эти факты с утверждением, что все великие религии настолько достигают благородства и величия, что нам нельзя выделять между ними различия, а нужно признать их как братские. Очевиден тот факт, что это утверждение действительно только если смотреть на совсем незначительные различия между этими религиями. Но считать их незначительными можно с абсолютно разных точек зрения. Атеисты и агностики признают ценность нравственного учения различных систем, и отбрасывают различия между ними, будто те всего лишь мифология. Многие скромные люди говорят: "Я верю, что моя религия является истинной; но я также понимаю, что индуисты или мусульмане чувствуют то же, что и я; поэтому я думаю, что лучше просто не вмешиваться в вопросы, которые я не все равно не способен разрешить, ведь в каждой системе есть столько приносящего добро"; некоторые люди настаивают на примирении основываясь на том, что все религии содержат один и тот же дух; в то время как современный студент скажет: "Я не способен заглянуть в другой мир: мне не известна истина в таких глубоких вопросах, как природа и характер Бога, рождение людей и их судьба после смерти. Зачем нам создавать догматы? Пусть каждая вера делает все добро, что может. А мы будем изучать каждую из них, и будем ко всем благосклонны". Точки зрения различны, но, какими бы они ни были, требование признать эти

религии равными и не стремиться обращать их в свою веру основывается на той идее, что различия между ними - незначительны.

Лишь с одним аспектом христианин не согласится. Как мы уже видели, он вполне признает, что великие религии имеют исключительную ценность по сравнению с более низкими верованиями, и что в каждой из них содержится доля истины, и что все они приносят плодотворны: таким образом, с этим мы все согласимся. Христианин просто сделает один шаг дальше других. Он скажет, что эти противоречия, которые для многих людей незначительны, имеют огромную значимость.

Сегодняшний мир отличается от того, как было пятьдесят лет назад. Нации мира стали гораздо ближе друг ко другу, чем были ранее, и масса информации о народах и их религиях собрана в одно; религиоведение больше не считается сомнительным экспериментом, теперь оно уверенно практикуется. Параллельно с этим, христианская церковь находится в более тесных отношениях с каждой из великих религий, чем когда-либо; изучает литературу и практику, ежедневно общаясь с образованными представителями религий, и вникает в их духовный опыт и мышление. В этом вопросе христиане находятся в исключительно выгодном положении. Еще ни в одном другом сообществе мужчин и женщин не было настолько бесценных возможностей, как в работе миссии среди образованных представителей буддизма, конфуцианства, индуизма, джайнизма, ислама и зороастризма. На основании этих накопленных знаний и всего этого практического религиозного общения с не христианскими народами и отдельными личностями, христианин может смело утверждать, что противоречия, разделяющие великие религии, вовсе не незначительны, а имеют огромную важность. В результате своих изучений и опыта, он убежден, что вопросы, в которых христианство различно от других верований, имеют высшую практическую ценность и значение для человеческих жизней. Превосходство великих религий над более низкими

верованиями ясно видно каждому мыслящему человеку. И так же ясно христианин осознает превосходство христианства над остальными великими религиями и верит, что это неопровержимо доказуемо.

Так или иначе, дикарь живет в рамках своей собственной веры; и как было подмечено, для него она полезна и действенна. Но вот, в деревню заходят мусульмане. Со временем дикарь и его соседи впитают элементы чужой, более высокой культуры, и постепенно их мышление расширится. Достаточно ли для них будет их прежней, дикарской веры? Будет ли она теперь полезна для него, будет ли побуждать к тому лучшему на что он способен? Очевидно, что нет, так как она является частью той низшей ступени знаний и мышления, которую он оставил позади. Ему нужно либо обрести более высокую веру или жить атрофированной религиозной жизнью. Этот принцип повсеместен. Религия имеет ценность для народа только до тех пор, пока она является наивысшим, что ему известно. Несложно понять тому причину. Религия - это творческая, организующая, пробуждающая и вдохновляющая сила в человеческой жизни: как же она может двигать людей вперед, если сама не опережает их? Когда большинство ведущих идей религии становятся неприемлемым для ее последователей, они могут продолжать соблюдать ее древние обряды, но это очевидно, что она больше не будет способна оказывать прежнее влияние на их разум и сердце. Урожай, что был собран с прежней живой веры, не прорастет вновь из уже мертвой почвы.

Весь мир вошел в новую стадию своего существования - стадию универсализма. Теперь мы вынуждены мыслить категориями человеческой расы. Народ, чей горизонт мышления еще недавно ограничивался его границами, теперь размышляет о всех континентах. Дело не только в нашей заинтересованности мировой политикой. Вопросы нравственности теперь стали межрасовыми и международными: примером этому может послужить то, как в Южной Африке сейчас обращаются с индусами. Все

цивилизации находят в столкновении друг с другом; все религии встретились лицом к лицу. Жители Бенгалии, Шантунга, Токайдо превратились в граждан мира. Таким же образом, изменились пропорции и соотношение вещей. Новые идеи стремительно овладевают целыми народами и за один день меняют облик всего вокруг.

Все это очень значимо для христианина. В свете новых обстоятельств жизни народов, по его мнению, практические несостыковки между христианством и остальными великими религиями проявляются с поразительной яркостью. Новая эпоха, в ее глобальных связях и повсеместном мышлении, подвергает суровому испытанию и тяжелому давлению каждую деловую практику, каждое нравственное правило и каждое религиозное убеждение. Те законы и обычаи, которые на веками равнялись требованиям жизни народа, теперь скрипят, ломаются и разлетаются на мелкие щепки, как лонжероны старых судов, попавших в циклон. Насколько мы видим, только лишь христианство способно удовлетворить потребности новых времен. Мы говорим это не в высокомерии и не в партийном духе, но с широко открытыми глазами и с полной осознанностью грандиозности сделанных нами утверждений.

В данном томе предпринимается попытка в некоторой степени обосновать эти грандиозные утверждения, взяв в пример индуизм. Религиозные столь разнообразны и требуют такого тщательного, аккуратного изложения, что гораздо эффективнее будет сделать одно глубокое исследование, чем бегло пробежаться по всему обширному списку, касаемого этого поля изучений. Остальная часть Введения будет объяснять, как отношения между христианством и индуизмом представляются писателю, а также метод, которого он придерживался при сопоставлении этих двух религий в последующих главах книги.

IV. Мы будем находится как можно ближе к фактам, а также отыщем отличную отправную точку для развития нашей позиции, если начнем с

возражений, которые часто выдвигаются против христианских миссий на территории Индии в наши дни. Образованные индусы рассматривают миссионерскую весть как неоправданное нападение на их национальное наследие и дух. Христианство обвиняют не как лжерелигию, а скорее как несущее деструктивность и денационализацию. Подтверждение этому можно взять с достаточно убедительной цитаты одного индуистского писателя:

“Миссионер - это представитель общества, государства, общественной системы, религии и морали, полностью отличных от наших. Он приходит как атакующая сторона и нападает на наши, временем освященные, традиции и институты, литературу и обычаи, наши исторические ассоциации и память... Его желание - разрушить наше общество, историю и цивилизацию... Он - это заклятый враг, имеющий множество обличий, великий противник того, что носит имя индуизма, вечно начеку, всегда действующий, непримиримый разрушитель трудов риши и маха-риши, тех чудес нравственных, интеллектуальных и общественных достижений, которые имеют название индуистская цивилизация. Так давайте же быть бдительными на этот счет. Вы можете забыть собственное имя, можете забыть свою родную мать. Но нельзя ни на минуту не забывать о том величайшем и важнейшем факте, что миссионер - это самый страшный противник, с которым вам предстоит встретиться... величайший враг дхармы и современной индуистской национальной жизни.”

Смысл этих предложений изложен без ошибок. Они ясны и понятны. Мы также верим, что эти слова вызовут в каждом сердце сочувствие. Современный разум глубоко отзывчив к национальному духу.

Совершенно верно, что разрушение, на которое ссылается автор, все еще продолжается. В древней структуре индуизма происходят серьезные разломы. Верно и то, что христианство - одна из сил, разрушающих эту религию, но лишь одна из нескольких, и эти разломы будут продолжаться почти так же быстро, как происходили и раньше, даже в том случае если завтра из Индии выдворят каждого миссионера.

Разрушительная сила миссионера подвержена достаточно эффективному автоматическому контролю, а его стремление к разрушению ограничено самой природой цели, которую он преследует. Многим кажется, что миссионерские речи - это сплошная череда разоблачения и осуждений. Нет ничего дальше от истины. Разрушение не служит христианскому труду. Полная утрата веры не сделает индуса христианином. Стать христианином возможно только посредством личного подчинения Христу и духовного единения с Ним. Поэтому христианская речь должна отражать духовную мудрость и силу, чтобы принести хоть немного пользы. Я слышал сотни обращений к образованным индусам, мусульманам и буддистам, произнесенных представителями разных народов и церквей; и я уверен, что по крайней мере восемьдесят пять процентов всех этих обращений являлись чистым учением христианства, и не ссылались на учения какой-либо другой религии. Около десяти процентов выступлений, по моему мнению, были сравнительными исследованиями, поясняющими некоторые характеристики христианства и индуизма или какой-либо другой веры. Даже такое небольшое количество смешанных выступлений не произошло бы, если бы не нехристианская аудитория, которой хочется услышать подобные сравнения. Миссионеры были бы услышано гораздо большим количеством людей, если бы они были готовы больше рассказывать о религиях, но вместо этого, они предпочитают преподносить христианское учение малому числу людей. За все те сотни собраний, на которых мне довелось побывать, я почти ни разу

не слышал никаких оскорбительных слов в адрес какой-либо нехристианской веры. Даже если бы какой-то миссионер был настолько глуп, что хотел бы выставить индуизм в плохом свете, то он бы не осмелился этого сделать, потому как ни одна образованная аудитория не будет терпеть подобное. В миссионерских школах и колледжах преподавание ведется почти исключительно основываясь на христианстве. Только изредка можно услышать как упоминается индуизм.

С миссионерской литературой дела обстоят немного по-другому. Значительно большее количество книг посвящено индуизму и другим религиям. И здесь автор охотно признается, что миссионерский история не совсем безупречна. Еще недалеких десять-двенадцать лет назад большая часть христианских книг, изданных в Индии, содержала резкие суждения, обличительные высказывания, а местами даже серьезные искажения фактов. Но на сегодняшний день, это почти полностью осталось в прошлом. Современные писатели обладают гораздо более компетентными знаниями религий, о которых повествуют, в то время как издательские общества категорически против резких высказываний и обличений. Однако главное, на что следует обратить внимание, - это что подобные ошибки влекут за собой наказание и поправки. Индусы просто напросто не читают такие материалы, они запоминают таких авторов и не будут иметь с ним ничего общего.

Следовательно, несущая разрушение сила миссионера достаточно строго ограничивается. Но само по себе, христианское учение предлагает индуистскому мышлению новые идеи; и в насколько эти идеи шире, глубже, этичнее, и духовнее чем идеи индуизма, настолько они, несомненно, и ослабляют индуистскую веру. Но тут снова срабатывает двойная защита: индус не обязан слушать, если он сам этого не хочет; а новое учение может получить признание только в случае, если оно очевидно превосходит старое.

Те силы, что в основном разрушают индуизм, совершенно очевидны. Все, приходящее с запада, несет с собой крайне неблагоприятную для древней веры атмосферу. На сознание каждого студента оказывается неизмеримо сильное воздействие. Английская литература, современная наука, технические изобретения, европейские методы ведения дел и принципы правительственной деятельности в Индии - все эти вещи являются мощными факторами дезинтеграции традиционного мировоззрения.

Но существует также и другая сила, о которой тоже нельзя забывать: никто не наносит таких точных и разрушительных ударов по индуизму, как образованный индус. Ниже приведены выдержки из статьи того самого писателя, чье обвинение в сторону миссионеров, как заклятого врага Индии, мы рассматривали ранее:

“Проклятием Индии была метафизика. Она омрачила ее историю и привела к упадку. Из великих людей она сделала жалких спорщиков и направила их в бесполезное русло размышлений и усилий. На протяжении многих столетий она была опасным блуждающим огоньком индийской мысли. Софистику она вознесла в ранг искусства, а знания подменила тщетными фантазиями. Она обрекла индийский интеллект сотнями лет блуждать по одному и тому же кругу. Она ослепила глаза провидцев, чтобы они принимали фантомы за реальность. . . . Надменная, претенциозная, многословная и слепая, она принимала свое кудачтанье за пророчества оракула, а фантастические словесные башни - за прочную каменную кладку...

В то время как происходят все эти трансцендентные глупости, наши земли опустошаются голодом, мор и малярия нависают над городами и селами, а по всей стране, при этом всем, не

найти ни приличного представительного учреждения, ни технического института, ни лаборатории или библиотеки. Просвещенные умы Индии предали науку, экономику и политику - анафеме. Все что они любят теперь - это вечные истины, глубокие тайны теософии и брахмавидьи! Друзья мои, пока вы вдохновляетесь невыносимым бредом многих ваших шастр и цитируете Шопенгауэра и Макса Мюллера защищая их, мир обгоняет вас с помощью научных исследований, экономических реформ и политического прогресса. Пока вы повествуете людям невыразимые радости "самадхи", их уже настигает другой транс - транс голода и смертельных болезней.

Упанишады, как там утверждается, раскрывают "познавая что, все становится распознанным". Эти средневековые поиски "абсолюта" несут основу всей фальшивой индийской метафизики. В этих трактах полно абсурдных вымыслов, причудливых фантазий и хаотичных спекуляций. А мы так и не осознали, что в них нет ни грамма стоящего. Мы двигаемся по старой колее; редактируем и заново издаем древние книги хотя могли бы переводить произведения европейских классиков общественной мысли. Чем бы сейчас была Европа, если бы Фредерик Харрисон, Брие, Бебель, Анатоль Франс, Эрве, Геккель, Гиддингс и Маршалл сочиняли в свое драгоценное время трактаты о Дунсе Скоте и Фоме Аквинском, и писали обсуждения достоинств законов Пятикнижия или поэзии Беовульфа? Похоже на то, что индийские специалисты и выпускники страдают своего рода манией по всему ожившему себя и устаревшему. К примеру, институт, который был основан прогрессивными людьми, стремится привести нашу молодежь через грамматику санскрита к Ведам через Шесть Даршан! Какой же это ложный путь в поисках мудрости! Это как если бы караван шел

через пустыню к берегам Мертвого моря, ища при этом пресную воду! Молодежь Индии, прекратите искать мудрость в заплесневелых свитках ваших метафизических трактатов. В них только нескончаемое словесное жонглирование. Лучшие читайте Руссо и Вольтера, Платона и Аристотеля, Гегеля и Спенсера, Маркса и Толстого, Рескина и Комте и других европейских мыслителей, если действительно хотите понять эту жизнь и ее проблемы... В Индии есть сотни по-настоящему искренних и стремящихся к истине юношей и девушек, в которых нет ни жадности, ни мирской суеты, но от них нет никакой пользы на практике. Они идут в закоулки гор и создают там монастыри, с целью постичь Брахмана. Они могли бы разделить тяготы повседневной жизни окружающих, а они мечтают дойти до высшего уровня озарения, и принимают для этого всякие загадочные положения тела и странные, грубые мистические приемы.

“Самадхи”, или другими словами транс, вот что теперь считают вершиной духовности! Как странно, что способность вызывать у себя обморок - это сейчас признак мудрости! Потерять сознание очень легко, когда присутствуют сильные эмоции и слабый интеллект. Именно поэтому дамы так часто теряют сознание при малейшей причине для волнения. Но в Индии, самадхи считается восьмой ступенью йоги, которая доступна только парамахансам. Вот твои Боги, о Израиль! Считать психические отклонения, да еще и искусственно вызванные, признаком просвещения - на такую глупость способны только индийские философы.”

В индийской журналистике подобные статьи совсем не редкость. А следующее появилось в качестве передовой статьи в колонках "Бенгали",

ведущей индуистской газеты в Калькутте, редактором которой является известный националист, господин Сурендранатх Банерджи:

“В прошлых номерах мы уже упоминали, что современная индуистская Индия разделена на несколько лагерей - ортодоксы, считающие спасение заслугой строгого и неукоснительного соблюдения переданных из прошлого правил и норм социальной жизни, и неортодоксальные индуисты, которые под влиянием западных культур и идеалов пытаются создать новую Индию, но с духом социальных, промышленных и политических институтов Европы. Можно без особых размышлений понять следующее: крайний консерватизм ортодоксальной лагеря индуистского сообщества, который проявляется в непоколебимом следовании существующим институтам и воспринимающий даже самые малые изменения и нововведения - как ругательство и осквернение, по своей сути является отрицающим фактором прогресса. Он рожден из убеждения, что каждая существующая в современном индуистском обществе практика и обычай - происходят от Бога, и что, следовательно, отступление от них является не меньшим грехом, чем отрицание вдохновения Вед.

Однако вполне очевидно и то, что сообщество, придерживающееся подобного вероучения, обречено на застой, а в конце концов и на вымирание в той современной борьбе за существование, к которой все народы мира были вовлечены благодаря уничтожению времени и пространства с помощью электрики и пара. В мире нет ни одного народа, который бы не пересматривал и не адаптировал свои

институты, идеи своих обычаев, и свои идеалы в соответствии с новыми условиями и с той суровой реальностью, что нация, стремящаяся занять место на сцене прогресса, теперь конкурирует не только с соседями, но и со всеми другими народами мира. Каковы шансы у Индии идти в ногу с братскими народами в развитии прогресса, или хотя бы не отставать от них, пока она клянется на верность модели общества, которая была приспособлена к условиям тысячелетней давности?

Вот несколько примеров тому. Столетиями мы чтили богиню Шакти (т. е. энергию); но как же так получилось, что на протяжении всех этих столетий мы оставались настолько слабой и беспомощной нацией? Мы набожно поклоняемся Сарасвати (богиня знаний); и в то же время мы видим, что имеем лишь малую часть ее благословений. Обладающие монополией в разных обрядах и службах жрецы, в большинстве своем, настолько же далеки от ведических знаний как и шудры, когда кастовые законы держали врата знаний перед ними были закрытыми. Мы каждый год молимся Лакишми (богине богатства), но несмотря на это, мы остаемся нищей нацией.

Некоторые правила гигиены стали целым культом для ортодоксальных индуистов, сформулированных их предками в далеком прошлом; к примеру, грехом считается принимать пищу не помывшись, или носить нестиранную одежду более одного дня; но несмотря на всю преданность своими религиозным традициям, они демонстрирует непонятное безразличие к принципам санитарии, которые предлагает нам современная наука, в то время как чума, холера и остальные

вызванные антисанитарией заболевания год за годом уничтожают тысячи сограждан. Одного дня в доме индуса будет достаточно, чтобы обнаружить его полное незнание элементарных правил санитарии, в сравнении с тем, как хорошо он осведомлен с предписанными ему традицией правилами чистоты. Ошибочно предполагать, что индусы безразличны к правилам гигиены и другим жизненно важным рекомендациям современной науки, ведь они, благодаря суровой духовной дисциплине, якобы преодолевают человеческую тягу к жизни. Они любят жизнь не меньше, чем страстные миряне “материального Запада”, как они называют европейцев.

Отец из индуистской семьи благословляет жену сына словами "Пусть она будет как Савитри". Но было ли в жизни древних индусов место для мещанства, которое побуждает современного отца-индуса вести торг за своего сына с несчастным человеком, ищущим жениха для своей дочери? Даже случайный наблюдатель понимает, что крайняя ортодоксальность лишена той души, которая могла бы спасти ее от разрушительного влияния, надвигающегося со всех сторон.

Во имя морали, ортодоксальный индуист цепляется за мертвые формы и мумифицированные институты, из которых давно улетучился дух жизни. Разве акт поклонения Богу в установленные промежутки дня и года на языке, который чаще всего непонятен поклоняющимся, не является таким же механическим, как автоматическая работа машины? Есть ли хотя бы след жизни в системе обрядов, которая требует педантичного выполнения церемоний на

том лишь основании, что они совершались на протяжении предыдущих веков? Спросите индуса, почему он тратит свое состояние и влезает в долги ради празднования свадьбы дочери; он всегда искренне ответит: "Потому что так делали мои предки". Спросите жениха, что он понял из обряда, которые прошел, и что он понял из мантр (ведических текстов), которые произносил под диктовку зачастую неграмотного и неправильно произносящего слова священника; он ответит, что понял немного, или вообще ничего. Но для его ума это не имеет значения, ведь разве он не исполнил свой долг, следуя предписаниям из Шастр (индуистских законов)? Но, конечно, во времена, когда индуизм еще был жив, индуист, возносящий молитвы своему Богу, делал это в полном осознании произносимых им слов; молодой жених читал священные мантры, полностью понимая их цель и смысл.

Не будем приводить множество примеров. Но ясно одно: когда религия и обряды народа превращаются в бездушные формулы, они теряют всякое влияние, будь оно корректирующим или контролирующим, и перестают иметь живую связь с повседневностью народа как в мыслях, так и в жизни. Это же происходит и в нашей стране. Защитник ортодоксии, придерживающийся окаменевших форм религиозного и нравственного кодекса, давно утратившего дух жизни, в быту оказывается далеко не индуистским человеком."

Можно также процитировать несколько абзацев из статьи, которая представлена в журнале Мадрасского христианского колледжа в апреле 1912 года, и написана индуистом, господином В. Кунхиканнана:

“Наверное, немногие народы мира, древние или современные, были более суеверными, доверчивыми, легковерными, чем народ индусов. Примечательно, что даже на таком расстоянии, даже в этом бурно развивающемся двадцатом столетии, во времена триумфального интеллектуального и научного прогресса которому не было аналогов в истории человечества, многие вещи, которые сгорели в прах под всепоглощающим огнем современной науки и современной мысли, все еще благочестиво сохраняются значительным большинством индусов.

Тот, кто имеет глаза, чтобы видеть, и ими пользуется - не может отрицать, что в последние несколько лет среди индуистов и вправду началось чудесное религиозное возрождение...

Но все же, как бы ни было приятно наблюдать за этой стороной возрождения, никто не может закрыть глаза на слишком явное усиление древних суеверий, сопровождающее более истинное религиозное пробуждение. Очень прискорбно, что вместе с буйным ростом кукурузы возросло и много сорняков, мешающих созреванию настоящего зерна.

Крайне больно, но, тем не менее, верно, что Теософское общество в значительной, если не в главной степени, несет ответственность за такое положение дел в настоящее время. Довольно забавно и то, что ученые теософы защищают и популяризуют даже самые худшие

индуистские суеверия и пытаются найти оккультное значение в каждой традиции, обряде и церемонии, которые мы давно переросли благодаря эволюции интеллекта и растущего познания природы и ее законов. Несомненно, Теософия внесла немалый вклад в современное индуистское религиозное возрождение. Но пусть она и сделала много хорошего и благого, она также нанесла вред, пытаясь в нынешние времена убедить нас в том, что все повести из Пуран являются историческими фактами; что за каждым физическим явлением стоит некий Бог; что идолопоклонство и поклонение множеству богов - правильно; что после смерти человека, тела его ближайших родственников становятся буквально оскверненными; что в бессмысленных индуистских ритуалах и церемониях скрывается некая оккультная польза и цель, и тому подобное. Совершенно бесполезно и бесперспективно преподавать подобное в наш век, когда разум и интеллект преобладают... Каждый критически мыслящий наблюдатель видит, что современное мышление почти полностью подорвало своеобразные индуистские идеи и обычаи. Каркас этой могущественной системы религиозной и социальной организации практически разрушен, и не обязательно быть пророком, чтобы утверждать, что в недалеком будущем произойдет полная перестройка...

Удивительно, что и сегодня можно видеть индусов, отвергающих идею путешествий за границу на основании якобы имеющихся в Шастрах запретов против этого. Практика изгнания из касты нарушителей этого правила до сих пор существует среди высших каст. К столь вопиющему суевию любые комментарии будут излишними.

Опять же, я часто с жалостью замечал, как даже образованные индусы с благоговением встают и складывают ладони перед лампой, зажженной в сумерках и выставленной на крыльце каждого индуистского дома. Оказывается, они поклоняются богу огня! Вполне ясно, что первобытные, невежественные времена люди олицетворяли силы природы и поклонялись им как богам, ведь тайны природы их поражали. Они увидели славное солнце, посчитали его богом и начинали поклоняться ему. Но же что думать о современном индусе, который следует этому примеру, несмотря на прогресс в познании природы и ее тайн?

И еще печальнее наблюдать, как индусы по-прежнему поклоняются деревенским богам и богиням самым отвратительным и суеверным образом. В моей местности есть "каву" (храм), где ежегодно забивают тысячи кур и овец, ради того чтобы умилостивить предполагаемых бога и богиню. Священный храм буквально превращается в скотобойню. Возможно ли представить себе более ужасающий и унижительный способ поклонения Всевышнему Отцу Вселенной?

Еще одно суеверие - вера в то, что если искупаться в водах Ганга и других священных рек, а также посетить священные города, например Бенарес, - наши грехи смываются. Миллионы индусов ради этого тратят все свои, тяжелым трудом заработанные, деньги, дабы посетить такие места и искупаться в водах таких рек, думая, что таким образом их грехи будут прощены. Может ли быть еще более примитивная идея? Если можно совершать грехи и а потом просто смывать их, купаясь в определенных реках, то

насколько же все легко устроено! Подобные идеи очень опасны для нравственного развития человека. Они поощряют совершение грехов, давая надежду на очищение с помощью святой воды Ганга.

Опять таки, индусы тратят много денег, совершая шеша-крий (посмертные обряды, как пиндам, шраддха и прочие). У нас нет абсолютно никаких доказательств того, что умершие получают хоть какую-то пользу от этих обрядов, и, если доктрина кармы верна, то очевидно, что после смерти человеческие страдания будут в точности соответствовать злым делам, совершенным в мирской жизни, и ему придется расплачиваться до последней монеты. Как же тогда шраддха может быть хоть чем-то полезна мертвому? Пока неясно, как определенные совершаемые в физическом мире церемонии могут повлиять на тех, кто, как предполагается, находится в других, нефизических сферах.. До тех пор, пока не будет представлено четкое объяснение, ни один разумный человек не имеет права совершать действия, о пользе которых он толком не знает.

Еще одно поразительное суеверие гласит, что оспа и холера вызваны посещением определенных богинь. Богиня по тем или иным причинам гневается, и из-за этого начинается вспышка эпидемии. Хотя западная наука открыла нам глаза на истинную причину и профилактику этих кошмарных болезней, но подавляющее большинство индусов свято хранят эту устаревшую веру, к их вечному стыду и унижению. И еще, если в доме кто-либо заболел, сначала консультируются с астрологом, а потом уже вызывают врача.”

Каждый ясно понимает, насколько разрушительное влияние должно быть оказывают на молодое индуистское сознание такие статьи, написанные самими же индусами. Какой миссионер осмелился бы, или захотел бы писать в таком тоне?

Возможно, теперь большинство читателей согласятся, что, независимо от вопроса следует ли осуждать миссионеров как заклятых врагов Индии или нет, на первом плане стоит гораздо более важный момент, а именно: индуизм разрушается, кто бы ни был виновен в этом. Данный великий факт необходимо осознать. Древняя религия Индии распадается. В последующих главах будет дано множество доказательств этого факта. Каждая из ее великих старых религиозных идей исчезает из умов образованных людей. Они неуклонно гаснут, и заметны лишь немногие признаки нового единства.

Очевидно также, что причиной распада старой веры является наступление новой эры. Мысль Запада создает новый климат, который губителен для индуизма. Воздух слишком насыщен. В новой атмосфере его основополагающие принципы разрушаются. Те, кто вошел в мир западной культуры, просто не в состоянии удержать их. По мере нашего продвижения будут видны многие доказательства вышесказанному. В третьей статье, из процитированных выше, этот факт весьма четко выражен в двух предложениях:

“Каждый критически мыслящий наблюдатель видит, что современное мышление почти полностью подорвало своеобразные индуистские идеи и обычаи. Каркас этой могущественной системы религиозной и социальной организации практически разрушен.”

Таким образом, именно христианство, отнюдь не являясь незванным гостем в наши времена, крайне нуждается в том, чтобы сеять семена

духовной религии и здоровой нравственной жизни. Здравомыслящие индийские лидеры искренне признают, что этическое и религиозное влияние миссий имеет чрезвычайную ценность в это время испытаний; и каждый, кто тесно общался с образованными представителями классов, осознает, что им очень нужна моральная поддержка. Но мы можем пойти дальше. Если “каркас этой могущественной системы религиозной и социальной организации практически разрушился”, то не пора ли привести в умы и сердца Индии новую систему, которая способна выдержать давление и стресс эпохи, и достойна пробудить индусский народ к самой высокой духовной деятельности? Эта крайняя необходимость будет становиться все более очевидной по мере того, как будет продолжаться упадок индуизма.

Теперь нам стоит вернуться к обвинению в том, что христианство - это разрушающая и денационализирующая сила, и предпринять попытки понять, что стоит за этим упреком.

А. В первую очередь, необходимо уяснить, что это обвинение, было выдвинуто против христианства и во многие периоды его истории с самого начала. На одном из собраний иудейского совета обсуждался случай Христа, и разговор шел о следующем,

“Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим, и народом.”¹⁰

На это первосвященник ответил,

¹⁰ Евангелие от Иоанна 11:47-48

“Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб”¹¹

В последствии, Он был отдан римлянам и распят. Когда Павел и Сила проповедовали в римской колонии Филиппы в Македонии, их привели к городским судьям, и обвинители сказали,

“Сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять”¹²

Власти Римской империи считали христианскую религию настолько несовместимой с обычаями и законами, регулирующими цивилизованное общество, что само исповедание христианства считалось преступлением; в глазах римского закона христиане находились на ряду с разбойниками; время от времени на протяжении первых трех столетий вспыхивали жестокие гонения, в которых бесчисленные тысячи мужчин и женщин страдали от смерти за свою веру.

История повторилась в наши дни. В XVI веке христианство дошло до Японии, и значительная часть народа приняла его; но в XVII веке правительство побоялось, что это движение может оказаться нелояльным, и, как следствие, запретило исповедовать эту религию и уничтожило ее в ходе таких жестоких преследований, каких редко видел этот мир. Подобная идея стала причиной двадцатилетнего гонения на Мадагаскаре. Наконец, произошедшее всего тринадцать лет назад Боксерское восстание в Китае, во время которого тысячи китайских христиан отдали свои жизни во имя Христа, было вызвано идеей, что эта вера - чуждая и денационализирующая.

¹¹ Иоанна 11:49-59

¹² Деяния 16:20-21

Итак, вполне ясен тот факт, что в религии есть некая черта, которая неизбежно вызывает подобные подозрения. Поэтому, нет ничего странного в том, что индуисты думают и говорят такого рода вещи.

В. Но теперь, давайте посмотрим на последующую историю.

1. Существует ли на сегодняшний день хоть один мыслящий человек, который считает, что иудеи поступили мудро, распяв Христа? Нет; сегодня все люди признают, что учение и жизнь Иисуса были самыми здоровыми и святейшими влияниями тех времен; и не представляя опасности для национальности, Он был единственным мудрым другом народа. Если бы евреи приняли Его, они сохранили бы национальность, которую через сорок лет потеряли в войне с Римом. Иисус сделал достоянием всего человеческого рода Бога Авраама, Писания Израиля и историю Израиля, при этом не разрушив иудаизм.

2. Обратимся к Римской империи. Что показал ход истории? Теперь очевидно, что в первые века христианской эпохи древние религии погибали, неизбежно оставаясь в прошлом. Осознавая опасность, римские императоры пытались поддержать и оживить их; они верили, что поклонение Цезарю может стать новым живым центром для старых верований, но все было тщетно. Христианство, отнюдь не будучи опасным врагом, было именно тем другом, в котором нуждалась великая империя. Константин понял эту истину и действовал соответствуя ей. Не только безопасность древней империи, но и жизнь и здоровье Европы, а также перспективы и возможности всего современного мира находились на борту этого хрупкого судна, которое императоры столь усердно пытались разрушить.

3. Примечательно и то, что именно в Европе и Америке, где цивилизация глубже всего ощутила влияние Христа, возникли современные самоуправляющиеся народы. Автономная нация - идеал, к

которому сейчас стремятся исламские державы и древние народы Азии, - на самом деле, является порождением христианской атмосферы.

4. Коммодор Перри прибыл в бухту Эдо в 1853 году; в 1854 году японским правительством был подписан договор, открывший Японию миру; а в 1858 году в страну прибыли первые миссионеры. Однако, исповедовать христианство по-прежнему было запрещено. В 1868 году на досках объявлений был размещен новый указ, гласящий:

“Зловещая секта, именуемая христианской, находится под строгим запретом. О подозрительных лицах следует немедленно сообщать соответствующим офицерам, за что полагается вознаграждение”¹³.

Представители иностранных держав начали протестовать против этого указа, но правительство упорствовало вплоть до 1872 года, когда указы наконец были отменены, находившиеся в тюрьмах христиане были освобождены, а тем, кто был в изгнании - разрешили вернуться домой. Таким образом, прошел всего сорок один год с момента, как Япония прекратила преследования христиан.

И все же 25 февраля 1912 года японское правительство провело конференцию в Токио, прямой целью которой было укрепить моральные силы, присутствующие в стране; на эту конференцию пригласили не только буддистов и синтоистов, но и христиан. По приглашению правительства на конференции присутствовали тринадцать синтоистов, пятьдесят один буддист и семь христиан.

Понятно, что за эти сорок лет японское правительство извлекло для себя урок.

¹³ Murray's Japan (Story of the Nations Series), 379

5. В 1900 году произошло Боксерское восстание, в ходе которого было убито множество миссионеров и многие тысячи христиан, как враги национальной жизни. Однако лидер революции Сунь Ятсен, сделавшей Китай республикой, - христианин; многие из самых выдающихся националистических лидеров - христиане; Юань Шикай, президент республики, лично дружит с миссионерами, и воспитательницей его детей была дочь миссионера; 17 апреля прошлого года китайское правительство потребовало, чтобы во всех христианских церквях империи возносились молитвы за Китай.

6. Даже в современной Индии мы понимаем, что реальный характер религии проясняется. Совершенно верно, что ничтожные по численности христианские общины, всего лишь как булавочные головки среди огромной массы индуистского и мусульманского населения, в прошлом были вынуждены жить в замкнутости, чтобы сохранить в чистоте вверенную им драгоценную истину; но железная необходимость тех времен теперь уходит, и в будущем христианские мужчины и женщины будут принимать все более активное участие в жизни страны.

Даже сейчас эти признаки вполне очевидны каждому, у кого есть глаза. Является ли христианская работа среди неприкасаемых денационализирующей? Пусть на это ответят брахма, арья и индуисты, которые сами подражают миссионерам настолько, насколько это возможно. Денационализируются ли христиане, когда сидят на скамье подсудимых в качестве мировых судей или служат членами окружных советов или муниципалитетов? Кто бы работал в женских больницах в Индии, если бы в них не было индийских христианок? В скольких индуистских школах для девочек учительницы - христианки? Становятся ли образованные индусы денационалистами, когда принимают христианство? Был ли когда-либо в Индии, от Кашмира до мыса Коморин, более искренний националист, чем Кали Чаран Банерджи? Он был активным членом

Индийского национального конгресса с момента его основания и до самой своей смерти; выпускники избрали его официальным представителем Калькуттского университета в Совете вице-губернатора Бенгалии; он был личным другом каждого выдающегося индийца, независимо от его вероисповедания.

Разве христианское образование денационализирует? Смеем предположить, что следующая статья, написанная индусом, станет классикой:

“Хотя благодаря индийским предрассудкам и нетерпимости, индийская христианка отрезана от родительской общины религией, она стала благовестником образования в сотнях и тысячах индуистских домов. Простая, аккуратная и добрая, она проложила себе путь до самых глубин ортодоксии, преодолевая силу и горечь предубеждений, которые мало кто из посторонних может даже представить. Пока пишутся эти строки, перед глазами встает картина десятков чистоплотных, кротких девушек, бредущих по знойным и пыльным улицам босиком, под палящим солнцем, с целью нести свет знаний в дома, где их не пустят дальше прихожей и где они не получают и стакана воды без унижения, но при этом они никогда не жалуются, и всегда терпеливы. Этим храбрым и самоотверженным женищинам, где бы они ни были, друзья женского образования по всей стране от всей души желают "Да поможет вам Бог!".

Таким образом очевидно, что подозрение христианства в разрушительной и денационализирующей силе, несмотря на его выносливость и стойкость, по большей мере является ошибочным.

С. Можем ли мы тогда указать, какой именно элемент в христианстве приводит людей во всех странах к мысли, что оно разрушительно и денационализирует? Иисус обращается к каждому человеку:

“Следуй за мной”.

Далее Он объясняет, что имеется ввиду под этим приглашением:

“Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною”¹⁴.

Этот наиболее серьезный поступок, когда человек отрекается от себя и принимает Христа как Господа в своей жизни, неизбежно подразумевает отречение от мирской жизни, как и от любой другой религии, которую он, возможно, исповедовал раньше. Если он является последователем одной из великих древних национальных религий, то зачастую это требование кажется ему совершенно необоснованным. Национальная религия связана с массой национальных идей, обычаев и образов жизни. В ней, верование и патриотизм переплетаются друг с другом. В большинстве древних народов не признающий национальных богов человек считался плохим гражданином. Именно это и было одним из пунктов в обвинении против Сократа. Поэтому для людей, воспитанных в подобной вере, Христос неизбежно предстает врагом не только национальной религии, но и национальной жизни.

Таким образом, христианство уже изначально кажется достаточно плохим по отношению к личности человека. Но положение становится гораздо хуже, когда несколько человек отрекаются от национальной религии и обращаются в христианство. Тогда создается впечатление, что

¹⁴ Марка 8:34

само существование этой национальной религии оказывается под угрозой. Христианство выглядит как какое-то новое, неслыханное чудовище, которое как кажется, может просто поглотить в себя саму идею национальности. В это же время обычно появляется еще одно явление. По мере распространения христианской мысли и учения, многие доктрины и практики старой веры начинают выглядеть нереальными и ничтожными. Поэтому тогда в народе раздается призыв: "Давайте избавимся от этого чужака. Он нам не нужен. Раньше мы прекрасно обходились и без него".

Христианская идея, согласно которой человек должен отречься от своей прежней национальной религии, - это не случайное дополнение, а самое сердце всей системы Христа. Истина, которой Он учит, предназначена для всех людей, и мы можем воспользоваться ее благословениями только через полностью подчиняясь Ему и преданно следуя Его законам. То, что призыв Христа "Следуй за Мной" естественно приводит к отказу человека от прежней религии и, в конце концов, к смерти этой прежней религии, полностью соответствует основным принципам Его учения.

Христос требует серьезных перемен от каждого, кто желает следовать за Ним: "Покайся в своих грехах; оставь прежнюю жизнь; отвергни себя; предайся Мне и умри для всех своих прежних страстей и желаний"

Ибо только через смерть Христос обещает дать нам жизнь. Великое утверждение,

"Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною"¹⁵,

¹⁵ Марка 8:34

сопровождается следующим объяснением,

“Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее”¹⁶.

В этом заключается постоянное отношение Христа к человеку: вечная жизнь возникает через смерть старого "я".

Этот же принцип применим и к каждой из национальных религий. В силу своего национального характера и организации, ни одна из них не может практически реализовать свои самые возвышенные идеи и сделать их доступными для других народов. Поэтому, все они должны погаснуть, прежде чем иметь возможность принести плоды во всем мире и найти истинное воплощение своих высших устремлений. Незадолго до смерти Христа группа греков пришла поговорить с Ним в Иерусалиме. Это событие крайне символично и важно, ведь когда представители греческой религии, философии и искусства предстали перед Ним, то именно этот великий урок жизни через Свою смерть Он хотел преподать. Его слова были следующими:

“Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную”¹⁷,

¹⁶ Марка 8:35

¹⁷ Евангелия от Иоанна, 12 глава

Этот закон, который должен был исполниться в Нем Самом, Он представил грекам как необходимый и для них; несомненно, Он ясно видел, что система, в которой жил греческий народ, должна была умереть, прежде чем стать высшим служением для всего мира.

Этот принцип наилучшим образом проиллюстрирован в Самом Христе. Свою победу Он одержал через смерть. Его собственное воскресение и рождение христианской церкви являются плодами Его смерти на кресте. Именно Голгофа родила христианство. Живой принцип веры был раз и навсегда показан в самоотдаче и смерти нашего Господа. Как пшеничное зерно, Он упал на землю и умер, чтобы впоследствии принести обильный плод.

Таким образом, когда Иисус говорит: "Следуй за Мной", этим Он говорит: "Следуй за Мной, отказавшись от всего; следуй за Мной, если понадобится, даже до креста". Это умирание для всего, что препятствует работе Бога в душе, включает для индуса умирание для индуизма, а это далеко не является легкой и приятной обязанностью.

В философии и теистическом богословии индуизма заложено множество драгоценных истин; но, как мы увидим далее, древняя индуистская система, в рамках которой эти истины появились, мешает им проникнуть в народ. Эта жесткая, неподатливая система должна упасть на землю и умереть, прежде чем стремления и мечты индуистских мыслителей и аскетов смогут обрести свободу, расти в здравии и силе, порождая плоды в жизни простых индуистских жителей деревень. Индуизм должен умереть, чтобы жить. Он должен умереть и возродиться в христианстве.

D. Каким же образом смерть порождает жизнь?

Своей жизнью, смертью и учением Иисус основал новую религию. В каком-то смысле Он занимает место рядом с основателями других религий. Однако способ, которым Он это сделал, навсегда отличает Его от

всех остальных. Мы лучше поймем это, если сравним Его с великим лидером буддизма. Гаутама полностью отрекся от индуизма и ведических жертвоприношений, Вед и всего труда брахманов. Он сделал тщательную уборку и начал все с нуля. Иисус же, напротив, признавал, что вера Израиля - от Бога, но при этом заявлял, что послан преобразовать ее в новую религию. Это было возможно благодаря тому, что Он знал: Божий метод откровения - это не раз и навсегда изложенная в книге полноценная система истины, а постепенный и исторический процесс. в Книге Бытия изложены простые истоки веры Израиля; затем они, на наших глазах, разворачиваются в повествованиях других книг Моисея; и они находят еще более глубокое развитие в книгах Пророков и Псалмах. Но даже в них воля Божья не еще раскрыта нам полностью. Поэтому, по мнению Иисуса, религия Израиля была дана Богом, но не в окончательном виде. Она была Божьим инструментом для воспитания Израиля. Он же пришел, чтобы увенчать ее, преобразив в религию для всех людей, как и увенчать познание Бога, открыв Его как Отца людей.

В этом отношении контраст между Христом и Буддой проявляется наиболее отчетливо, когда мы сравниваем буддийские книги и Библию. В палийском Трипитаке нет ни одного гимна из Ригведы, ни одной медитации из Араньяки, ни одного вдохновенного отрывка из Упанишад; в то время как еврейские Писания вновь появляются в Библии в качестве Ветхого Завета. Следовательно, принцип живого роста, прогресса и развития предстает перед нами в наглядной форме в христианских Писаниях. Ветхий Завет - это бутон, а Новый Завет - цветок.

Но, хотя все еврейские Писания включены в христианскую Библию, христиане не используют их так, как это делали иудеи. Весь Ветхий Завет сохраняется, но читается он через призму Христа. Для иудея Ветхий Завет обязателен к исполнению полностью, а для христианина - настолько, насколько он в согласии с Духом Христовым. Христианин не

следует законам Моисея, хотя все они и содержатся в его священной книге. Он не приносит животных в жертву, не воздерживается от предусмотренной законом нечистой пищи, и не обрезает своих сыновей. Установления старого закона были необходимы для детства человечества. Все они - образы, символы, пророчества, но реальность - это Христос. Для человека, познавшего Христа, эти внешние обряды не нужны. Тем не менее, весь Ветхий Завет представляет огромную ценность для духовной жизни; значительная его часть наполнена высочайшей нравственной и духовной истиной, и принимается христианином так же, как Христос ее принимал.

Христос рассматривал Ветхий Завет как указание на Себя. Вот одна из самых поучительных сцен, а именно проповедь в синагоге Его родного города Назарета:

“И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано:

"Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное».

И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами”¹⁸.

¹⁸ Луки, 4 глава

В Его пришествии, учении, жизни, смерти, воскресении, личности заключена вся прежняя религия и положено новое начало, не только для Израиля, но и для всего мира. Он - Мессия пророков; Он приносит обещанное ими Царство Небесное; Его учение подводит к итогу Закон и Пророков. В Нем сходятся все древние линии и вновь простираются ко всем народам. Свое отношение к Израилю и подытоживает в этих словах:

“не нарушить пришел Я, но исполнить.”¹⁹

Религии Греции и Рима не могли бы стать отправной точкой для мировой религии так, как смогла религия Израиля. Но тем не менее, в них также присутствовал отблеск духовного света; и каждый прообраз, символ и тень нашли свое духовное заключение во Христе. Он не уничтожил древнюю цивилизацию, философию, литературу и искусство. Все ценное, что содержал в себе тот древний мир, было сохранено и вновь расцвело в христианстве. Наше современное образование, мышление, наука и искусство покоятся на древнем фундаменте. Очень значимо и то, что сначала греческие философы относились к распятому еврею с невыразимым презрением, но позже поняли, что греческая философия была лишь подготовкой к его учению. Климент Александрийский писал:

“Философия готовила греков ко Христу, как Закон готовил к Нему евреев.”

Так же произойдет и с Индией. Миссионеры не “хотят разрушить” индуистское “общество, историю и цивилизацию”, как это представляет себе профессор Хар Даял. Мусульмане пришли, разгромив храм и образы, убив священников и ученых, конфисковав храмовые и монастырские

¹⁹ Матфея 5:17

земли. Христос приходит не для того, чтобы украсть, убить и погубить, но чтобы дать жизнь в ее избытке²⁰. Под Его влиянием современная Индия уже пробуждается к новой и удивительной жизни. Вот свидетельство одного человека, не христианина, по имени Нараяна Чандаваркара, вице-канцлера Бомбейского университета и судьи Бомбейского Высокого суда:

“Идеи, лежащие в основе Евангелия Христа, медленно, но верно проникают во все слои индуистского общества и изменяют каждый аспект индуистской мысли”.

Христос уже вдыхает жизнь в индуистский народ. Он приходит не для того, чтобы разрушать. Ему дорого все великое и доброе: благородное искусство Индии, сила и духовность ее лучшей литературы, красота и простота индусской деревенской жизни, любовь и нежность индусского дома, преданность и выносливость аскетических школ. Павел дал отличное определение христианскому духу в этом отношении:

*“Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте”.*²¹

И вправду, Христос пропускает все через Свой очищающий огонь, чтобы мысок, о котором так хорошо знают индусы, исчез, но золото после этого будет сиять только ярче. Чего Он не будет терпеть, так это того, чтобы изящное искусство, высокая литература и возвышенная философия использовались для порабощения бедных людей суеверием. Ради их блага должно быть очищено все. Индусы, как и Его собственный народ,

²⁰ Иоанна 10:10

²¹ Филиппийцам 4:8

ошибочно воспринимают Его как разрушителя; но, когда период боли и раздоров пройдет, они тоже увидят, что Он - не разрушитель, а восстановитель национального наследия, и что все отблески света, делающие индуистскую веру и поклонение столь увлекательными для исследователей, находят свое объяснение и восполнение в Нем. Одна из главных целей этой книги - показать, что христианство - это венец индуизма.

Е. Церкви Запада и посылаемые ими миссионеры должны повиноваться этому духовному закону - искать жизнь через смерть.

1. По отношению к тем, кого они стремятся обратить ко Христу. Миссионерская жизнь должна быть ежедневной смертью для себя во всех проявлениях поведения, если миссионер хочет полностью использовать свое влияние во имя Христа. Не хватит слов, чтобы описать, каким кротким и смиренным сердцем должен быть тот, кто побеждает для Христа души, и какое смирение в речи, какая тишина в поведении, какое превосходное самоотвержение необходимы для того, чтобы свет Христов воссиял через него в глазах индусов. Особенности индийских обстоятельств придают этой задаче особое значение через три аспекта.

Во-первых, тут присутствует чувствительность к расе. То, что Индия находится под властью Великобритании, довольно серьезно осложняет деятельность христианина там. Разумеется, миссионер совершенно не способен на крайнюю грубость, которую нередко проявляют некоторые отдельные европейцы по отношению к индийцам: наглый британский рядовой, продавец в магазине, механик на фабрике, офицер, а иногда даже индийский чиновник, все они иногда демонстрируют общую невоспитанность и недостойное статуса империи поведение. Однако, даже миссионера может подстерегать крайняя опасность. Он приходит к индийцу, воспринимая его как своего брата; но в его мышлении все еще живет гордость, присущая его расе, и проявление ее имперского

положения; и тот простой факт, что по состоянию на сегодня среди европейцев есть гораздо больше выдающихся людей, чем среди индийцев, может на практике приобрести преувеличенное значение; вследствие, то братство, которому учит нас Христос, может исказиться на деле. Опасность заключается в том, что эти идеи будут определять поведение христианина, и индеец быстро поймет, что к нему относятся как к существу низшему по порядку. Поэтому, мы должны быть очень осторожны и относиться к каждому человеку с наивысшей вежливостью, какую бы проявлял Христос, чтобы не вводить в искушение одного из “малых сих”. Также верным и мудрым является стремление к наиболее тесным межличностным отношениям. В данном случае, пример Христа играет решающую роль. Крайние трудности, с которыми сталкивается индийское общество, должны вдохновлять христианина на большую мудрость и изобретательность. И тут, и в других ситуациях, любовь способна обнаружить изначально скрытые от нашего взора пути.

Также, миссионер должен сдерживать заметную среди индийцев тенденцию подчиняться европейцам. Правильный настрой показал наш благородный царь-император: один пенджабец собирался упасть к его ногам, но царь-император поймал его, прежде тот успел это сделать. Христианин должен прекратить позволять восточному человеку вести себя иначе, чем как человек с достоинством.

Часто, чувствительная индийская душа отталкивается от нашей слишком самосознательной культуры, от наших светских манер и академического тона. К самой культуре индеец испытывает безграничное уважение; но мужчина, который превращает поведение в клише, или дама со своим “светским фырканьем” - ранят его душу и заставляют замыкаться в себе. Если человек, следующий за Христом и изучающий святого Павла, не справляется в данном вопросе, то ему нет оправдания.

Правила поведения монаха, как буддийского, так и индуистского, о чем речь пойдет ниже, задали высокий эталон для стиля жизни религиозных деятелей и их отношений с окружающими в глазах индуса. Ему вполне ясно, что Христос не требует от Своих последователей становится монахами; но тем не менее, он ожидает от них скромного, терпеливого, немногословного темперамента, требуемого монашеством, - без гнева, суеты, без высокомерных слов. Наш западный темперамент, стремящийся к действию, нетерпимый к лени, обману, халтуре и беспечности, склонен к возмущению когда дело доходит до практической работы с индусами. Даже когда индус ведет себя ничем не лучше - он все равно считает, что миссионер ведет себя еще более неправильно, и что в этом Христос с ним согласен.

2. По отношению к индуизму мы должны руководствоваться тем же правилом. В законах и обычаях этой религии так много аморального и жестокого, что первым побуждением здорового христианина - это осудить эти вещи в самых откровенных формулировках, как они осуждаются индусами в статьях, процитированных выше; и надо признать, что на первый взгляд кажется, что такое осуждение полностью оправдано с практической точки зрения благополучия индийского народа. Но есть еще один факт, который обычно остается незамеченным практикующим миссионером. Каким бы грубым, суеверным, жестоким или аморальным ни был определенный закон или практика, в них всегда есть отблеск света свыше. Более подробно об этом написано в последней главе. Даже если это драгоценность в носу свиньи, то все же она там есть, и в этом заключается секрет того почтения, с которым индусы относятся к обрядам и обычаям. Поэтому осуждать конкретную практику без учета того, что в ней затрагивает чувствительную индийскую душу, просто несправедливо и неразумно. Действительно, нельзя полностью показать научную истину, пока не будут признаны оба аспекта и не будет указано как именно на

порочную практику падает отблеск духовности. Таким образом, при изучении каждой детали индуизма требуется максимальное самообладание. Кроме того, в данном вопросе необходимо и отречься от самого себя. Тут, автор хочет публично признаться, что в первые годы жизни в Индии он допускал неосторожные высказывания во время преподавания, публичных выступлений и в литературе, за которые теперь ему искренне стыдно.

Многие индусы, в большинстве своем доброжелательно относящиеся к практической работе миссий, а также к распространению учения Христа в Индии, жалуются, что миссионерская литература очень часто судит об индуизме по его худшим сторонам, и для контраста сравнивает с высшими идеалами христианства. Следует признать, что в этом серьезном обвинении присутствует доля правды, и автор данной книги желает полностью устранить ее от подобного рода литературы. Христианскую критику нельзя назвать христианской, пока в ней нет неприступной справедливости и манеры выражаться, подобной манере Христа. В этом отношении необходима неустанная бдительность. Следующие главы писались с немалыми усилиями для того чтобы справедливо и сочувственно интерпретировать индуистское учение, как это бы сделал Христос. Особое внимание было уделено тому, чтобы не нарушать великое правило, согласно которому нельзя судить о религии по поведению не следующих ей людей. Преступления и безнравственность страны могут быть приписаны ее религии лишь в той мере, в какой она повелевает им. Сексуальные пороки Европы существуют вопреки Христу, и так же многое, что достойно сожаления в жизни индусов, возникает из-за открытого неповиновения заповедям индуизма. Поэтому единственное разумное решение - это судить о религии исходя из ее принципов, законов и институтов, а не пороков отдельных отдельных слоев общества.

3. С таким же самоотречением нам стоит оценивать некоторые аспекты нашей собственной христианской жизни. Утверждая что христианство - это венец индуизма, мы имеем в виду не то христианство, которое мы наблюдаем среди народов или которое определено церквями в их вероучениях, проповедях, ритуалах, литургиях, а то христианство, которое является животворящим началом, исходящим от Самого Христа. Христос - глава всей Церкви, а не одной конкретной деноминации. Христос - человек, а не представитель запада. И тем более, Он не англичанин, не шотландец, не американец или немец.

Только таким способом мы можем быть верными Христу. Ведь Он не издал никаких готовых детальных законов ни для Церкви, ни для нравственной жизни, ни для государства. В то же время, индуизм, ислам и другие религии в изобилии имеют строгие правила поведения человека в вопросах семьи и других сферах, но Христос сознательно от этого отказался. Все, что Он преподавал нам - это духовные принципы, весьма необходимые для жизни людей, при этом дав нам свободу применять их на практике. В этом отношении, контраст между Ветхим и Новым Заветами настолько поразителен, что не оставляет места сомнениям. Закон Моисея во многом сильно отличается от Закона Ману; при этом, оба затрагивают все аспекты человеческой жизни и подводят под религиозный закон; оба смешивают духовные, политические, нравственные и санитарные нормы таким образом, что для современного ума это чересчур; и оба содержат многочисленные правила поведения человека в разных кругах общения. Таким образом, индуистский закон и иудейский закон в целом находятся на одном уровне. Но Новый Завет не содержит законов. Иисус не оставил Своим последователям никакого списка социальных и религиозных правил. Вместо разных приказов и запретов, Он дал нам Свои собственные принципы и свободу Божьих детей. Тем самым, Он достиг двух самых важных целей.

В первую очередь, Его система по-настоящему универсальна, применима ко всем народам, странам и во все времена, тогда как любая детальная система законов, какой бы продуманной она ни была, неизбежно устареет с развитием цивилизации. На сегодняшний день индусы приходят к осознанию того, что это работает в отношении всех сфер их религии, и ищут мудрые пути реформирования. То же самое происходит и в исламских кругах, но пока что не многие мусульмане это признают. Они еще осознали, что построить современное здоровое общество и нацию, применяя арабийские законы седьмого века - невозможная задача. Там, где христианство правильно понято не возникают подобные трудности, ведь Христос подарил нам принципы, применимые к любым человеческим нуждам и в любых обстоятельствах.

Во-вторых, метод Христа дает свободу каждой нации, позволяя ей выстраивать социальную жизнь согласно ее народному духу. До тех пор, пока люди водимы духовными принципами Иисуса, социальные системы будут оставаться христианскими. Но и на этом еще не все. К свободе Церкви есть важное дополнение, а именно присутствие и действие Святого Духа:

“Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину”²²

Свободная, посвященная, ищущая и следующая за Духом Христовым церковь, применяющая истины Иисуса в своей жизни, мышлении и поклонении, находит свой путь к здоровью и праведности.

В этих вопросах нет равных оригинальным методам Иисуса. С Ним не сравниться ни один учитель. Студенты заметят, насколько последовательно Он придерживался этой позиции: независимо от обстоятельств Он оставался универсальным религиозным учителем; Он отказывался стать обычным законодателем. Он также отказался брать на

²² Иоанна 16:13

себя роль судьи, следуя данной позиции. Когда один мужчина попросил Его разрешить спор ним и его братом о семейном имуществе между, Он сказал:

*“Кто поставил Меня судить или делить вас?”*²³

И в том трагическом случае с женщиной, обвиненной в прелюбодеянии, Он действовал так, что обвинители были облечены своей же совестью, и в конце концов разошлись; женщина же увидела в Иисусе не судью, а Спасителя тела и души.²⁴

В Новом Завете нам даны практические примеры того, как действуют эти принципы. Пусть первые ученики Христа и были иудеями, вскоре Благая Весть была передана и язычникам, многие из которых откликнулись на нее. Вначале, следуя первому побуждению, христианские лидеры попробовали обратить новообращенных в иудаизм и навязать им весь его закон. Отчасти благодаря Петру и в основном Павлу, появились возражение, и в конце концов вся Церковь увидела что одного лишь Христа достаточно для них, без Закона.²⁵ Отсюда и исходит та совершенная свобода, которую мы сегодня имеем во Христе.

То, что для церквей Сирии, Малой Азии, Греции и Италии было младенческим, оказалось вполне достаточным для Индии, Китая и Японии. Им не нужно навязанное нами сложное богословие, наше подробный канонический закон, особенности наших обрядов или формы нашего общества. Полностью отличить живой дух от внешнего облика - не легкая задача; но желание “умереть для всего, что только наше”, позволит нам услышать голос Духа Христова и распознать, что в нашем восприятии Христа и Его Евангелия - от Него, а что является лишь расовым, национальным, локальным и временным. Сделать это на практике - намного легче, чем понять в теории. И вправду, во многих общинах эту

²³ Луки 12:13-14

²⁴ Деяния 15:1-31

²⁵ Иоанна 8:1-11

работу уже проделали. Чем больше христиане будут в сотрудничестве и союзничестве друг с другом, в исполнении принципа свободы Христа²⁶ и Его молитвы о единстве²⁷, тем легче будет провести это трудное, но необходимое различие между тем, что временно, и тем, что подлинно. Поэтому, показывая индусам жизнь во Христе, христиане должны быть очень осторожны, и делать это отбросив все западное и временное, предлагая только Хлеб Жизни.

Г. Мы также хотели бы пригласить самих индусов присоединиться к этому процессу различения. Иногда, люди создают впечатление, будто все что делают миссионеры - это навязывание индусам своего религиозного, гражданского и социального уклада без каких-либо изменений. Такая политика была бы прямой тиранией, а в случае ее успеха она подрывала бы самобытность народа. Но подобное не является ни возможным, ни желательным. Настоящие христиане и подумать не могут о таком насилии над человеческой душой. Мы вполне осознаем насколько несовершенным является христианство и в Англии, и во всех других западных странах. Мы не считаем что мы, или какая-либо другая группа людей достигли идеала; но мы твердо убеждены, что во Христе нам доступно все, что нужно народам. Английские или германские наука и образование отнюдь не совершенны, но в то же время Индия, Китай и Япония перенимают их так стремительно, как могут. Правительство Великобритании далеко от идеала, и все же каждая пробужденная нация Востока, будь то мусульманская, индуистская, буддийская или конфуцианская, жаждет британской свободы.

Можно принять духовную религию без потери национальности, как и другие виды достижения человеческого ума. И если интеллектуальная

²⁶ Матфея 17:24-26

²⁷ Иоанна 17:20-23

жизнь Запада так необходима для благословений на Востоке, то тем более принципы Христа крайне важны для исцеления народов.

Нет такого понятия, как национальное принятие Христа. Его невозможно принять *коллективно*. Каждая отдельная душа должна обратиться к своей обнаженной личности, дабы обрести единство с Ним. Единственное, что мы можем произнести:

“Ты Господь - скала веков, дай найти в Тебе покров”.

Поэтому, не существует ни одной полностью христианской нации. К Нему обращается только определенный процент населения, другие - проявляют частичную преданность, а некоторые даже сознательно Ему противостоят. Христос возложил на человеческую душу моральный и духовный стандарт, который настолько высок и требователен, что мирской человек попросту восстает, и многие стремятся следовать Ему, но при этом всеми способами избегают Его полного господства в их жизнях. Поэтому нет ни одной христианской страны, которая представляла бы Христа в полной мере. Его сила неизмерима какой-либо страной. Мы в полной мере признаем каждый из видимых пороков в жизнях западных христианских стран. Индусы очень часто пишут и говорят об этих пороках, но для христианского сознания они гораздо более болезненные. И все же, ни один из этих фактов не доказывает, что Христос потерпел поражение.

Достаточно посмотреть на пример Израиля, чтобы убедиться что нация может представлять настоящую и крайне важную ценность для всего мира, и при этом большая часть народа не использует ее в своей жизни. Ветхий Завет - это летопись наивысшего религиозного откровения всего древнего мира, но непослушание большинства народа - это самая повторяющаяся его черта. С другой стороны, ядро народа всегда было верно Яхве; и в первую очередь из него, а потом и из всего остального народа, проявлялась чудесная работа Бога. Так происходит и на Западе. В наших жизнях проявляется превосходство Христа в изобилии, несмотря на

наши жалкие неудачи. Западные страны превосходят весь остальной мир в филантропии, искреннем стремлении служить людям, праведности и чистоте своего управления, как и в эффективности в целом. Это последнее качество, к которому так стремится Восток, по большей части является результатом действия двух сил христианства, а именно: положения женщины в семье и обществе, и чистоты государственного правления; обе эти силы проистекают из глубины и ясности этики Христа. Тот факт, что сегодня все восточные народы пытаются копировать Запад, доказывает мощь сил которые двигают прогресс там. Но критически мыслящий человек будет судит о Христе не по западному миру, а по его христианскому ядру, где он увидит постоянное присутствие великого и благородного характера, отличающегося героическим служением людям и полным примирением самой высокой из известных миру культур с полной верой во Христа.

Но тут следует обратить внимание и на другой момент. Насколько бы ни была предана Христу отдельная страна, она не сможет полноценно Его истолковать. Он - человек, и заключенное в Нем богатство можно раскрыть только объединенными усилиями человечества. Существует множество признаваемых церковью элементов в Его жизни и учении, но многие еще никогда не были полностью реализованы ни в мыслях, ни в жизни:

“Мы лишь Твои разбитые светильники”.

Но новый век уже наступает. Мы смотрим на увенчанного венцом Иисуса, но пока еще и не видим, чтобы Ему покорились все. Однако в этом наступающем новом веке Его Царство будет стремительно расширяться до тех пор, пока:

“Поклонятся Ему все цари; все народы будут служить ему”²⁸.

²⁸ Псалом 71:11

Тогда многое, что сейчас является лишь обещанием, обретет ясное выражение и воплощение, а слава и всемогущество нашего Господа не оставят следа сомнений. Сколько всего станет возможным, когда весь мир хоть на долю осознания признает Господство Христа? Сколько реформ непременно произойдет? Сколько павших - возвысятся, будь то отдельные люди или целые народы? Сколько форм изменений тогда будет в пределах возможного нам?

Тогда удивительный религиозный ум Индии проявит себя по-новому, но уже в интерпретации Христа. Аспекты Его примера и Его послания, пока что скрытые на Западе, смогут обрести свободное и полноценное выражение в Индии. Тогда, разве не обретет отношение Христа к бедности - славу? Не будет ли глубокое чувство значения и святости общества явлено миру народом, освобожденным от каст, но как никогда прежде пожирающим ее плоды? И разве молитва и общение с Отцом, которому Иисус так часто посвящал свои ночи, не будут бесценны для потомков риши и йогов? Эти аспекты Христа, которые суровый практичный Запад не так и не научился использовать, принесут немыслимое количество плодов в христианском опыте богато одаренной индийской расы.

Поэтому, представляя христианство как венец индуизма в этой книге, мы постараемся ограничиться Самим Христом, и заимствовать свидетельства из Его жизни и учения, а также из частей Ветхого Завета, которые Он преподнес без изменений. И если местами мы будем упоминать фразы апостолов, то только с той целью, чтобы еще больше проиллюстрировать значение слов Иисуса.

Порядок, в котором следует рассматривать разные аспекты индуизма было довольно сложно составить, потому что каждый из них взаимосвязан и влияет на остальные. Но поскольку принцип кармы - это единственное, чем пропиталась вся индуистская религия, было принято решения рассмотреть его в самом начале. С другой стороны, очевидно, что

основополагающие для индуистской семьи религиозные идеи были сформированы еще до появления теории кармы; в целом, они продолжали свое существование так, как если бы этой доктрины вовсе и не существовало. Поэтому, в первую очередь рассмотрим семью, а потом аспект кармы. В этой религии есть еще один элемент, который почти не подвергался влиянию доктрины кармы, а именно - отшельническая жизнь, *ванастхити*; но, поскольку она связана многими узами с аскетической жизнью *саньасина*, более уместно разобрать их вместе и просто указать на те исторические обстоятельства, в которых эти правила возникли. Причины расположения остальных глав достаточно просты.

ГЛАВА I

ИНДОАРИЙСКАЯ ВЕРА

I. В полутьме доисторических времен мы начинаем смутно различать очертания веры, по которой когда-то жил праарийский народ, до того как он рассеялся по миру и положил начало многим нациям. Их первыми божествами было множество мелких духов, которые как предполагалось, выполняли только одну функцию на каждого; однако позже они научились поклоняться более значительным природным явлениям. С помощью жертвоприношений, молитв и жрецов они почитали небесные силы. Также, большое значение придавалось поклонению предкам - именно этот ритуал стал основанием для последующих систем семьи и социума у ариев.

II. Одно из численных ответвлений от первоначального учения попало к югу от когда-то существовавшего города Оксус, и постепенно завладело сердцами ариев на западе, востоке и юге. Народ можно назвать индо-иранским уже на данном этапе, поскольку в ходе постепенной экспансии он разделился на две ветви: восточная вошла в Индию, сформировав ее цивилизацию и индуизм, а западная - в Иран, создав древнюю Персидскую империю и зороастризм. Сравнивая Веды и Авесту, мы можем в общих чертах представить, как выглядели религии этих доисторических народов.

Вполне очевидно, что их представление о небесных божествах значительно продвинулось, ведь теперь существует целая пантеон разных божественных личностей с конкретными именами и высшими функциями. В те времена уже можно было перечислить следующих сформировавшихся божеств: Варуна, Митра, Арьяман, Бхага и Индра, а также Яма и Сома. Богословие достигло стремительного прогресса; богов стали

рассматривать как духовных существ, а те явления природы, из которых они возникли в начале, теперь стали лишь инструментами которыми они дают о себе знать.

В то же время, жертвоприношения значительно усовершенствовались. Появились особые ритуалы, каждый из которых сопровождался как песнопениями, так и молитвами. Обитель богов теперь находился на небесах, как начали считать, поэтому жертв стали спаливать и отправлять наверх с помощью пламени и дыма от жертвенного костра. В жертву приносили также напиток богов, а именно сок растения сома (на санскрите), или на языке зендов - хаома. Этот напиток преподносился с помощью особого ритуала, и со временем он был обожествлен. Сомы сам по себе начал считаться богом. Жрецов тоже наделили гораздо более широкими функциями, чем ранее, и дали им особые имена.

Верования о мертвых тоже достигли значительного прогресса. Сожжение мертвых почти повсеместно заменило погребение, вероятнее всего из-за желания быстрее освободить душу от тела и дымом костра унести ее в небеса, к богам. Считается, что умерев люди попадают на небо, где воссоединяются с прославленными предками и вместе с богами наслаждаются бессмертием. Их так же, как и богов приглашают принять жертвоприношение, и считают очень могущественными.

Но самый любопытный факт об индо-иранскую эпоху это то, что там существовало движение, которое, могло бы сформировать этический теизм, не будь оно остановленным; и по всей видимости, выдвинутые в ходе реформации идеи были весьма ценными. Варуна был главным богом. Сейчас ученые сходятся во мнении, что Варуна в "*Ригведе*" - это та же личность, что и Ахура Мазда в "*Авесте*". В *Ригведе* Варуна называется *кха ритасья*, а в *Авесте* Ахура Мазда именуется *ашахе кхао*. Это всего лишь диалектические различия одной и той же фразы, которая переводится как "источник божественного закона". Этот концепт божественного закона,

- санскритского *рита* и зендского аша, - охватывает как неизменный порядок природы, так и нравственный закон. Однако, как мы видим, к моменту когда народ бессознательно разделится реформа еще не была до конца сформирована.

III. Если наши знания о праариях и даже об индоиранцах довольно туманны и строятся в основном на предположениях, то об их устройстве жизни мы знаем из Ригведы, где она четко описана радужно прекрасной, как снег Гималаев на рассвете. Как только Ригведа стала известна Европе, он превратился в центр исследований для множества ученых; поэтому представленная в нем религия теперь очень хорошо понятна, а ее верования и практики тщательно проанализированы и соотнесены с аналогичными явлениями их других религий. В начале их родиной считался Западный Пенджаб и некоторые районы Афганистана за рекой Инд, но со временем они распространились на и восток, поработая или вытесняя племена аборигенов, и тем самым постепенно увеличивая подвластную им территорию. Это был простой народ, объединенный в племена, у каждого из которых был свой правящий вождь. Они жили в деревнях, выживая благодаря скотоводству и земледелию, и поэтому их ресурсы зависели от солнечного света, земли, дождей и рек. Однако, мечом он владели не хуже чем плугом, и всегда были готовы сражаться с темнокожими варварами или решить спор за кусок земель с соседним арийским племенем. Их знания в ремесленности были очень смутны; они не имели ни грамоты, ни монет. В основном, они питались говядиной и употребляли опьяняющие напитки.

Как и в древнеарийскую эпоху, только отец исполнял обряды предков, и, как следствие, он обладал авторитетом в семье. Браки были всеобщими, и родители молились о рождении сыновей, чтобы те могли перенимать и нести дальше их обряды и ритуалы. Как и прежде, жизнь девочек часто подвергалась опасности. Но несмотря на то, что

патриархальная система давала огромную власть в руки отцов, на тот момент в ней еще не проявились темные стороны. Женщины имели большую свободу. Юноши и девушки знакомились на празднованиях и других всеобщих сборищах, а браки в целом заключались по обоюдному согласию. Детских браков не существовало, как и изолированной жизни женщин за пурдой. Не было такой практики, чтобы вдова сжигала себя на костре мужа, и не было ни одного правила, запрещающего ей выйти замуж снова. О многоженстве было известно, но оно практиковалось крайне редко.

Сформированных каст на тот момент не существовало, но среди них уже прослеживались три класса - воины, жрецы, земледельцы, которые впоследствии стали тремя дважды рожденными кастами.

Как ни странно, но из той эпохи так и не нашли ни одного материального памятника, который точно и уверенно можно было отнести к тем временам. Не сохранилась даже керамика, скорее всего из-за их полукочевого образа жизни. Если бы не их религия, то мы бы остались абсолютно без прямых свидетельств жизни этого интереснейшего и одаренного народа. Но благодаря ей, до наших дней дошел самый величественный и самый значимый памятник о раннем человечестве из всех, которые мы имеем.

Ригведа - это произведение исключительной ценности. Мы точно не можем утверждать, что религия и цивилизация, породившие эти гимны - примитивные, ведь ни один другой народ не оставил нам в наследство такого рода возвышенной литературы со времен столь ранней стадии развития цивилизации. Создавшие Ригведы люди несомненно были расой с крайне выдающимися способностями. Их высокие качества проявляются как в гимнах, так и в характере их языка. Древний санскрит является частью большой группы арийских языков с похожими чертами, но только он сохранил лексику в такой форме, что его происхождение совершенно

очевидно для филологов. Языковое сознание людей, разработавших санскрит, должно было быть очень тонким и аналитическим, намного выше среднего. Брахманы, завоевавшие весь Индийский полуостров, также произвели философию и литературу с удивительными качествами, на основании чего можно утверждать что они занимают высокое место в аристократии человечества.

Небесные боги, которые в арийский период только восходили на пьедестал, теперь достигли вершины своей славы затмив всех остальных, либо же втянули их в свой блистающий круг небожителей. Всех индоарийских богов называют дэвами. Они считаются великими и так притягивают внимание еще и тем, что их до сих пор отождествляют с самыми яркими природными явлениями: бесконечным небом, ярким солнцем, гигантскими грозowymi тучами, божественно прекрасным рассветом, и ревущей бурей. Поэтому, ни о каком храме или образе не приходилось и задумываться. Однако, эти боги настолько персонифицированы, что не только принимают жертвы и слушают молитвы с песнопениями, но и имеют свои личные дома недостижимые для света, где-то за пределами солнца и звезд, где они живут в бессмертии и радости.

Индра-громовержец считался величайшим из богов, главной задачей которого было приносить дождь на иссушенные поля, будучи вооруженным молниями и дикими ветрами - Марутами, и поражать демона-ограничителя Ахи, который не давал живым водам наполнить погибающую от засухи землю. Боевой бог громовержец, со временем стал богом войны и вождем в походах арийцев-завоевателей. Отсюда ему уже несложно было достигнуть статуса поддерживающего творца у и всемогущего владыки. Второе место по главенству занимает Агни, верховный жрец богов и людей, символизирующий огонь. Вместе с ним идет Сома, который когда-то был всего лишь опьяняющим сок растения.

Напиток, первоначально божественный для людей и богов, теперь сам стал великим богом, которому приносят жертвы и поют песни. Сурья, Вишну, Савитар, Пушан - все это различные формы солнца; Ушас - богиня рассвета; Ашвины, сыновья богини Мары, - это в своем роде Диоскуры, приносящие свет утреннего неба. К ним добавилась роль целителей и помощников в беде. Рудра - бог ревущей бури, Ваю - бог ветра, Дьяус - бог неба, Притхиви - земли, но последние два божества со временем отошли на задний план. Яма почитается как бог, но описывается как первый человек и тот, кто открыл путь, для умерших праведников, по которому они идут после смерти и присоединяются к предкам и богам.

Но самый большой интерес представляет группа Адитьев, семи сыновей великой матери Адити, или другими словами вечности. Имена всех семерых нам неизвестны. Мы знаем только о Варуне, Митре, Арьямане и Бхаге. Они считаются высшими из всех богов. Варуна и Митра представляются как особенные силы, стоящие за другими богами и однажды проложившими им путь. Происхождение этой группы божеств до сих пор окутано неизвестностью.

Фигура Варуны в Ригведе - самая благородная. В индо-иранскую эпоху он был центром теистического движения, как уже упоминалось выше. Он воплощает все самые возвышенные представления, связанные с Адитьями, которых мы узнаем из Ригведы. Его выделяют в одиночестве и величии, которое, на наш взгляд, несет в себе что-то одновременно торжественное и печальное; ведь эти благородные концепты, с которыми он несет в себе, - это единственный сегмент ригведической теологии, который так и не был использован в подъеме индийской мысли, характерной для следующей эпохи.

Его имя изначально переводилось как "всеобъемлющее небо", но в гимнах и песнопениях он встречается в этом образе весьма редко. Он - творец и хранитель всего сущего, всеведущий правитель, наблюдающий за

вселенной всевидящим и недремлющим оком, сострадательный защитник и помощник, Святой, от которого исходят закон (рита), благословляющий праведников, наказывающий грешников, прощающий кающихся и дарующий бессмертие верным ему. Обычно, серьезные болезни и опасности интерпретировались как результат гнева Варуны за нарушение людьми его законов. Существует немало гимнов, в которых жрецы молятся ему о помиловании и просят освободить от наказания. Чаще всего, там поется: "Сознательно или бессознательно мы согрешили" или "Какой бы из твоих законов, известных или неизвестных, мы бы ни нарушили". В обращенных к Варуне гимнах больше чувств нравственности, чем в любой другой группе гимнов. Он - единственный в Ригведе бог, которого называют святым.

Но этот милостивый, праведный, всеведущий Господь теперь отходит на второй план, а Индра, смелый воин, занимает место национального бога. Ему приносят величайшие жертвы, для него певцы придумывают новые гимны. Варуна же напротив, больше не встречается среди новых гимнов Ригведы. Ранее прославляемый бог полностью исчезает из поля зрения. Отныне он становится одним из второстепенных божеств, богом воды. Вместе с Варуной исчезает и великолепный концепт виты, то есть божественного закона. Этические планы этой ранней идеи так и не были реализованы. Индия потеряла их вместе с Варуной, источником праведности, и так и не поднялась из древнего представления о богах, согласно которому они стоят выше любой морали.

Но пусть арии времен Ригведы были многобожниками, они были достаточно развиты в мысли и религиозном чувстве, и их инстинкты часто порождали идеи, которые отнюдь не согласуются с политеизмом. Как мы уже видели, Индра почитается как Творец, поддерживающий, всемогущий господь, а Варуна обладает этими же титулами, но вдобавок, признается источником закона. В пылу своей чувственной молитвы, поклоняющийся

часто приходит к мысли о нем как о верховном боге, и единственном возможном объекте прославления. Правильная интерпретации этих фактов заключается в том, что действительно рациональной формой религии является поклонение только одному Богу, единственному и верховному. На самом деле, древние народы очень редко (если вообще когда-либо) достигали этой истины; но чем более открытым становился их разум, и чем более благоговейными и нравственными они были в жизни, тем больше они бессознательно тянулись к вере в единого Бога. Ригведа - источник многобожия, но в нем содержится множество доказательств того, что умы поклоняющихся тянулись в совсем другое направление.

Верования Ригведы сводится к жертвоприношениям. Жрецы, домохозяин и его семья собирались под открытым небом, в подготовленном месте. Алтари представляли собой неглубокие траншеи, наполненные особой жертвенной травой. Рядом были три священных костра и жертвенные столбы, на которые привязывали жертв. Жрецы выдавливали сому и наливали ее по чашам. Затем, закалывали животных, возливали масла и молоко костры, и раскладывали еду на покрытых травой алтарях. Все это время они зачитывали, напевали и бормотали фрагменты гимнов, приглашая богов к жертвоприношению и прося их быть благосклонными и милостивыми. Одновременно с этим, они тщательно следили чтобы в ритуале и песнопениях не допускались ни малейшие ошибки.

Впрочем, их способ поклонения не назовешь благородным. По сути, это просто торг с богами и убеждение их дать семье и жрецу желаемые материальные блага. Чем красивее и возвышеннее гим - тем более результативным будет достижение целей. Во всем этом изощренном культе настоящая духовность почти не отсутствует.

Культ предков, которых начали называть просто "отцы", приобрело очень яркое выражение в гимнах. Погребение еще не везде выжило себя,

но кремация стала обычным методом избавления от трупов. Гимн, исполняемый на похоронах, призывает душу идти не бояться и следовать за Ямой, который нашел путь к дому праведных "отцов" на небесах, где он будет наслаждаться бессмертием рядом с теми близкими, которые умерли до него. Затем устраивается погребальная трапеза, которую повторяют ежегодно. Яма и Агни, как и известные и неизвестные "отцы", приглашаются разделить погребальную трапезу и испить священной сомы. У "отцов" есть свой дом на небесах, но они свободно перемещаются по широкому пространству, и разносят благословения своим потомкам, помогая им во всех бедах.

Они - праведники, и различают тех, кто поступает правильно, и тех, кто поступает неправильно. Примечательно, что в те времена считалось, что люди умирают только один раз и после этого наслаждаются бессмертием. В гимнах не встречается ни одной мысли о перерождении души.

И вправду, мысль о перерождении в те времена считалась бы чем-то мрачным. Все взгляды людей были светлыми. Мир не был для них только иллюзией, и жизнь была хороша: они молились чтобы боги дали им прожить сто лет, и возможность встречи со своими любимыми, живя с ними в вечной радости на небесах. Что не менее примечательно, у них не было даже намека на аскетизм. Термин тапас встречается в некоторых поздних гимнах, но в отличие от современности, он не был связан с аскетическими идеями. Это просто метод получения желаемого, стоящий наряду с жертвоприношением.

Есть еще один важный элемент в Ригведе, которым нельзя пренебрегать. В некоторых поздних гимнах мы встречаем зачатки религиозной философии. Здесь отсутствует какая-либо система. Это скорее некая череда трудных вопросов и мистических предложений. Но одна из характерных идей индуистской философии уже тогда нашла свое

выражение - Стоящий за множеством богов, Единый, Тот, Кто является невидимым Источником и незаменимым Помощником для всего сущего.

В то же время, очевидно полного представления о религиозной жизни того времени Ригведа не может дать. Частные и домашние обряды почти не представлены в гимнах, за исключением обрядов поклонения предкам. Должно быть, существовали простые домашние ритуалы, которые позже переросли в описанные в законодательной литературе таинства. Атхарваведа также содержит некоторые свидетельства того, что люди использовали колдовские обряды и заклинания, чтобы спастись от разного рода опасностей и врагов, а также проклясть своих ненавистников. Можно отследить как сохранились подобные практики из раннего арийского периода и аж до наших дней, по крайней мере в Индии. Несмотря на то, что Атхарван составлен позже, чем Ригведа, многие из его гимнов и заклинаний относятся к тому же периоду, что и жертвенные гимны, так что его свидетельства неоспоримо ценные для нас.

Уже тогда жрецы имели большое могущество. Величайшим из них считался капеллан вождя, пурохита; но за свои священные знания и мастерство, а также за власть над богами - все они были почитаемы. По функциям их можно было разделить на три группы: котрис, или чтецы, удгатрис, или песнопевцы, и адхвариус, или обрядовцы. Существовало шесть самых известных и способных жреческих семей, и каждая из них хранила свою группу гимнов, которые имели бесценное влияние на богов, как они верили. Ближе к концу эпохи мы находим свидетельства существования школ, в которых обучали молодых жрецов. Это было исключительно устное обучение, и единственным предметом были гимны для жертвоприношений. Вероятнее всего, эти школы возникли в тех самых шести больших семьях; глава одной из них выучил гимны пяти других семей, и решил обучить своих учеников всем шести наборам гимнов. Именно так мы и объясняем объединение шести групп гимнов, каждая из

которых приписывается одному из великих семей. Сегодня они составляют II и VII книги Ригведы и признаются всеми учеными как сердце этого сборника текстов. К ним постепенно добавлялись другие группы гимнов, и в какой-то момент мы получили сборник всех десяти книг, который мы имеем на сегодняшний день.

IV. Ныне, религию Ригведы не исповедует ни один индус. В ходе покорения Индии она преобразовалась в совершенно иную религию. В следующих главах мы больше расскажем о том, как произошла эта великая перемена и какие силы ее вызвали.

Очень часто можно услышать как возвышенно индусы отзываются о религии Ригведы, и это вполне оправдано. Впрочем, они толком не осознают, что эта ранняя вера гораздо ближе к христианству, чем к индуизму. Было бы гораздо проще и естественнее совершить переход от религии Ригведы к христианству, чем переход к индуизму. Есть множество доказанных примеров того, насколько легкий этот переход от простого показательного политеизма, с которым мы имеем дело, к христианству. Те, кто ранее приносил в жертвы животных - обращаются к совершенной нравственной жертве смерти Христа с глубокой радостью, как только внутри них просыпается жажда настоящей духовности. Как мы уже видели, некоторое время люди молились Варуне, праведному и всемогущему Господу, источнику риты - нравственного и естественного закона - который карает виновных и прощает кающихся. Эта прекрасная, но недолговечная вера полностью оправдывается в Небесном Отце: Его природа - это любовь и святость, а Его воля выражена как в естественном, так и в нравственном законе; Он отдал Своего единственного Сына на смерть, чтобы мы были прощены; кроме того, учение Христа о том, что познавшие Небесного Отца на земле, проведут вечность в общении с Ним на Небесах - это прямая духовная кульминация ведического вероучения одной жизни и одной смерти, за которыми следует бессмертие и радость.

Трансмиграция и карма - это совершенно чуждая концепция. И наконец, подумайте о светлых, полных надежд перспективах, о радостном принятии мира как чего-то доброго, о здоровой социальной и семейной свободе, которой так наслаждались индоарийцы: не было никаких каст, никаких браков детских браков, никаких сжигающих себя живьем вдов, и тем более никакой принудительной изоляции женщин, сати и зенаны. Все это так близко к духу христианства!

Члены Арья Самадж почитают Ригведу и три другие Веды как единственное истинное Откровение, утверждая, что они являются "знанием Бога" (в переводе с санскрита, веда означает "знание"). По их мнению, в четырех Ведах содержатся абсолютно все религиозные истины и естественные науки. Содержащиеся там религиозные истины гласят, что существует один единственный Бог, что трансмиграция и карма - это законы, управляющие человеческой жизнью, и что прощение проступков попросту невозможно. Арья Самадж также отрицают существование многобожия в Ведах, и утверждают, что те учат монотеизму и трансмиграции. Кроме этого, они уверены что все достижения западной науки можно найти в Ведах, пусть и не в развитой форме. Все эти утверждения поразительны, ведь Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа демонстрируют как политеизм, так и доктрину жизни и смерти, которые мы обнаружили в Ригведе; и зачатков научных знаний в них не больше, чем в гомеровских поэмах.

Поддерживать живую связь с прошлым - это не просто полезно, но и необходимо для современной религии; поэтому, пытаясь связать свою веру с Ведами, основатель Арья Самадж действовал вполне здраво; но пытаться установить связь с прошлым с помощью научно опровергнутых утверждений это то же самое, что и строить дом на зыбучем песке. Позиция "Арья Самадж" абсолютно необоснованна.

Тогда, каким же образом современная религия может быть связана с древней верой? Притворяться, что наше мышление и знания на одном уровне с наивными умами первобытных времен - бессмысленно. Древность и современность разделены огромными различиями, и мы должны признать это факт. Но если наша сегодняшняя вера является истинным духовным наследием тех простых идей, которые сформировали первобытные религии, то можно смело сказать что мы - наследники древней веры. В этом смысле, религия Христа - это духовный венец религии Ригведы.

ГЛАВА II

ИНДУИСТСКАЯ СЕМЬЯ

I. Почти что каждый из примитивных народов считает, что душа человека отделена от тела, и может существовать вне него. Обычно, этому сопутствует и вера в то, что душа переживает смерть и живет дальше вне тела в прежнем месте обитания человека, либо в каком-то другом конкретном месте. Но в древности, человек не рассматривал идею духа как чего-то нематериального, поэтому воспринимал душу как физическую субстанцию, которая подобно живому человеку зависит от еды и питья. Именно по этой причине почти все первобытные народы привыкли обеспечивать пищей и питьем усопшие души членов своих семей. На накрытое едой пиршество приглашали умерших, чтобы те могли поесть и насытиться. Эти идеи и есть источником всех праздников, проводимых в честь умерших. Они выглядели по разному в зависимости от времен и места проведения. Некоторые народы “кормят” умерших каждый день, другие же - ежемесячно или ежегодно, и способов приготовления пищи на пиршество есть немереное количество. Но тут следует отметить, что эта универсальная среди простых народов практика является *служением* душам, а не *поклонением*. В плане питания умершие напрямую зависят от семьи. И как принято считать, если умершие не получают этого внимания, то становятся блуждающими душами и же вредоносными призраками.

Однако, среди многих народов эти верования перешли в более высокую стадию, когда умерших воспринимают как могущественные существа, которые держат благополучие семьи в своих руках. Прежнее *служение* мертвым превращается в *поклонение*, когда эта идея развивается до такой степени. Семья почитает их не только по той причине, что они родственники, но и с целью заполучить их заботу о семье. Поклонение

предкам не столь популярно, как служение предкам, все же его можно назвать широко распространенным культом. Его можно встретить во многих частях света и в разных проявлениях, но оно наиболее выражено у народов монголоидной расы и народов, входящих в великую арийскую группу. Все указывает на то, что поклонения предкам сформировалось первоначальной арийской нацией еще до разделения на группы, потому что мы обнаруживаем следы этого культа у каждого арийского народа. И хотя общие черты культа у всех арийских ветвей одинаковы, детали значительно разнятся. Мертвых и богов - разделяют, но при этом считают их спутниками вторых, а способ поклонения им очень похож на поклонение богам. Как считается, они обладают огромной силой и благословляют своих праведных родственников.

Теперь рассмотрим, как этот культ поклонения мертвым изменил организацию семьи. Отец стал семейным жрецом и контролировал все детали во время ритуалов поклонения предкам. Он единственный имел право знать особый обряд, который считался семейной традицией и хранился строго в неизменном виде, ведь иначе мертвые не будут благословлять семью. Только отец мог передавать знания и обряды своему сыну. Как верховный жрец семьи, только он был авторитетом. Почитание и власть, обеспеченные особым положением, делали его верховным господином в доме. Именно таким образом сформировалась патриархальная семья. Раньше, организация семьи была более либеральной, ведь главой семьи могла быть мать; но с утверждением культа поклонения предкам отец получил статус верховного. Он имел полную власть над женой и малолетними детьми, а во многих народах даже над взрослыми сыновьями. В его руках находилось все семейное имущество. Отсюда и свое берет начало римская *patria potestas*, а также положение отца в Греции, Персии, Индии, у тевтонских и славянских

народов. Благодаря тому, какой властью наделен отец, такая организация семьи называется патриархальной.

Несомненно, в древности семья закрепила за собой высокое положение в обществе именно благодаря отцовскому авторитету, а влияние культа умерших принесло множество ценных плодов для формирования нравственности. Священные ритуалы, связывающие живых и мертвых, помогали членам семьи глубже осознавать свое единство. Для них семья воспринималась как организм, одна часть которого уже отошла в мир иной, а другая часть еще не родилась. Они благоговели и чувствовали гордость при осознании этого постоянного живого единства. Поступать достойно, не опозорить предков, делать все возможное чтобы укрепить наследие всего рода - это стало мотивом всей жизни. Поскольку считалось, что некоторые вредящие семье поступки могут обижать и огорчать предков, мотивы правильного поведения значительно усиливались. Брак получил еще более священное значение, чем когда-либо прежде; ведь от сохранения чистоты семьи зависело благополучие и статус всех ее членов. Следовательно, целомудрие матери обрело первостепенную важность. Благодаря почтенному положению отца, его отношения с сыновьями - мысли, чувства, действия, - всегда были достойными. Из культа предков возникла и святость семейного очага. Поскольку предков-покровителей почитали именно у него, то и свадебные церемонии и другие домашние обряды тоже проводились у очага. Он был связан со всеми самыми святыми и знаменательными моментами в жизни семьи. Рядом с ним проживали радости и горести дома.

Соблюдение обрядов и ритуалов было настолько важным, что для каждого мужчины вступить в брак и иметь сына было долгом, дабы тот продолжил его жреческую работу. Поэтому везде, где присутствовал культ поклонения предкам - присутствовал и брак. Поскольку умирающий отец мог передать обряды только сыну, рождение мальчика было самым

желанным; в случае, если брак не приводил к рождению сына, мужчины прибегали к усыновлению. Во всех древних арийских народах приемный сын имел абсолютно такие же права, как и родной.

Членом семьи признавали только того, кому разрешалось участвовать в семейном богослужении и употреблять жертвенную пищу. Если мужчину по какой-либо причине не допускали на пиршество в честь умерших, то он считался изгоем. Наследовать часть имущества после смерти главы дома могли только те, кто чтит умерших предков и участвовал в обрядах семьи.

Таким образом мы ясно видим, что сформировав патриархальную семью, культ предков тем самым оказал цивилизации большую услугу. Этот этап в эволюции семьи повлек за собой чрезвычайно значимые изменения. С другой стороны нужно признать, что такой системе присущи два недостатка, которые в некоторых частях мира привели к серьезным последствиям. Степень развития патриархальной семьи отличалась от народа к народу. В одних местах она сохранялась на начальных этапах, а в других достигала крайности. Там, где власть злоупотреблялась, все потомки мужского пола были в полном подчинении отцу, и неизбежно, понятие семьи начинало доминировать над понятием личности. Другим последствием злоупотребления отцом власти было обесценивание женщины и ее возможностей. Как мы уже видели ранее, патриархальной семье естественным образом присуще желание иметь сыновей. Мужчина - возвеличивался, а женщина наоборот, воспринималась как низшая по рангу. Рождение дочери встречалось с крайней холодностью. Она никак не усиливала семью: в лучшем случае, она просто переходила из семьи отца в другую выходя замуж. Поэтому, наряду с патриархальной семьей, в древнем мире повсеместно встречалось женское детоубийство. Как правило, жена не имела никаких прав по отношению к мужу, хотя в данном вопросе народы отличались друг от друга.

II. Теперь, мы оставим позади общий обзор семьи, и вернемся к предкам индусов.

A. Как видно из Ригведы, среди индоариев в Пенджабе о благословенных мертвых говорили как об "отцах" (питри). Считалось, что они путешествуют по земной атмосфере, и благословляют дарами тех, кто приносит им жертвы, а злых людей - наказывают. Потомки почитали их на погребальном пире: их приглашали присоединиться, вкусить разложенную на жертвенной соломе еду, и выпить приготовленную для них сому. Таким образом, культ поклонения предкам у индоариев был так же организован, как и у других арийских народов, а семья по своей организации была патриархальной. Однако, эта система еще не была развита до конца. Положение дел очень напоминало ситуацию в древней Греции: жизнь девочек подвергалась опасности, но взрослые женщины все еще занимали достойное место в обществе.

Когда брахманы добились религиозного авторитета и началось серьезное завоевание Индии, всю арийскую религию охватили изменения. Для каждой мельчайшей детали жертвоприношения были установлены строгие правила, а поклонение стало гораздо более изощренным. Это коснулось как поклонения питри (отцам), так и поклонения богам. В одной из глав "Шатапатха брахманы" предписывается, что благочестивый человек обязан поклоняться питри каждый месяц, и затем, дается подробное перечисление правил для этого поклонения. На данном моменте, мы впервые встречаем слово *пинда* - на протяжении всей истории индуизма оно обозначало лепешку или шарик из риса, предлагаемого предкам во время поклонения. Примечательно, что в этом же отрывке несколько раз можно обнаружить фразу "Отцы ушли из жизни раз и навсегда": то есть, понятия трансмиграции еще не было. И не менее важно, что на этой стадии развития индуизма отцы уже не могут проводить ежемесячное поклонение предкам без помощи брахмана. В столь ранний

период права отцов в религии семьи попали под узурпацию со стороны жрецов. На сегодняшний день, помощь во всех церемониях сраддха (поклонения предкам) требуется помощь брахмана. Более позднее аналогичное предписание встречается в "Гобхила-грихья-сутре". В обеих этих книгах сохраняется старая идея о том, что "отцы" присоединяются к пиршеству и вкушают жертвенную пищу. Блаженных умерших воспринимают как нуждающихся, будто они зависят от пищи и питья от своих потомков.

Как мы узнаем из Упанишад, чуть позже у древних индусов возникла теория трансмиграции. Это совершенно новая концепция о судьбе человека после смерти, ведь согласно ей, человек многократно возрождается и умирает. Исходя из этой концепции, присоединиться к своим умершим родственникам, как это было принято в более ранних религиозных писаниях, становится попросту невозможным. И даже если после смерти он попадет на небо то его пребывание там будет ограничено, ведь он должен вернуться на землю и родиться снова. Таким образом, новая религиозная идея была совершенно несовместима с основой поклонения питри. Тем не менее, практика культа продолжалась неизменно и непрерывно.

Поклонение предкам в индуизме сохранилось до наших дней. По своей сути церемония практически не изменилась, но ее восприятие стало другим. Изначально представления о духовности души не существовало. Но с тех пор как в индуистском сознании родилась эта концепция, сформировалась новая теория о значении церемониальной пинды. Эта теория заключается в следующем: каждая душа после смерти уносит с собой *тонкое тело* (нематериальное), но для того чтобы уйти, ей нужно и *грубое тело* (материальное), а получить его можно только через предлагаемую умершим родственникам пинду. После смерти тело индуса сжигают. В течении девяти дней после сожжения совершаются разные

погребальные обряды, в которых важную роль играет сын умершего. Особым моментом в каждом ритуале является подношение пинды - шарика из муки замешанной с водой, молоком, рисом, медом и т. д. - духу умершего. Считается, что если душа не получит эту пищу, она остается *прета* (блуждающим призраком). Но получая пинду ежедневно в течение этих десяти дней, душа постепенно обретает грубое тело. Таким образом, она превращается в *питри* и попадает на небеса, к блаженным предкам. На одиннадцатый день после смерти проводится первая *шраддха* (буквально - "акт веры"), которую повторяют ежемесячно в течение первого года после смерти, и после этого раз в год. Хотя церемония предназначена для одного умершего человека, считается что пользу от нее получают и все другие предки. И снова, предлагаемая *питри* пища это пинда. Также, часто на этих службах разливают особую воду - *тарпана*, чтобы освежить *питри*. Тот кто проводит службу обязан созвать на нее всех родственников до третьего поколения в верх и вниз, как со стороны отца, так и со стороны матери. Его приглашенных родственников называют *сапиндами*, поскольку они разделяют с ним церемонию пинда. В семейных делах эта группа людей играет важную роль. Подношение воды в честь "отцов" также составляет часть обязательных ежедневных молитв.

Согласно индуистским воззрениям, ритуалы шраддха - это не просто проявление любви и памяти, а то, что абсолютно необходимо для благополучия умерших. Поднося пинду, душа ушедшего превращается в благословенный дух, а все последующие шраддхи помогают ему сохранить свое положение на небесах. Ведь в свою очередь, благополучие живой семьи зависит от благополучия умерших предков. И если вдруг предки упадут с небес в ад, то вся семья будет уничтожена. Вот небольшое, но очень авторитетное для индуистов двустишие из Бхагавад-гиты:

“Смешение каст приведет в ад - и убийцу рода, и сам род; ибо падают Отцы, когда им не приносят лепешку и воды”.

Насколько же влиятельно подобное убеждение! Для древнего грека или римлянина погребение было абсолютно необходимо: призрак непогребенного человека в страдании бродил вокруг, пока какая-нибудь благочестивая душа не бросала горсть земли на его тело. Так и для индуса важно подношение рисового шарика и воды. Пропустить этот обряд - значит не просто проявить неуважение к умершему, но навеки лишить его покоя и блаженства рая; а затем и человек, который несет вину в этом пренебрежении, будет обречен на ад, а его семья - на полное уничтожение.

В. Главные принципы индуистской семьи возникли именно из культа поклонения предкам.

1. Первый из них таков: каждый мужчина обязан жениться и родить сына. Если он этого не сделает, то не выполнит свой долг перед предками. Их благополучие в другом мире зависит от того, будет ли у него сын, чтобы перенять от него обряды шраддха. Нет ни одной поэмы индуистских домах, которую читали бы так часто как "Махабхарата". Один из самых ранних рассказов в ней о том, как аскет Джараткару долго скитался по миру, отказываясь жениться, пока однажды не наткнулся на своих предков, подвешенных вниз головой над ямой на веревке, которую грызли мыши. Он попросил объяснений, и ему ответили: это потому, что у тебя нет сына. После этого он сразу же отправился искать себе жену. Таким образом, для индуса брак - это религиозный долг, а не просто удобство и комфорт. Рождение сына для родителей - это великое благословение.

В седьмом веке до нашей эры среди высших каст возникло еще одно важное правило, на которое нам стоит обратить внимание. В те ранние времена было принято отправлять каждого мальчика-брахмана, кшатрия и вайшью в брахманическую школу для получения религиозного

образования. Он проходил церемонию инициации (вероятнее всего, древний обряд полового созревания), получал священную нить и сразу же отправлялся в школу, где проводил несколько напряженных лет в учебе. Каждый ученик должен был вести целомудренную жизнь в период обучения. По окончании, он возвращался домой, где проводилась *самавартана* - церемония возвращения домой. Молодой человек мог жениться только тогда, но не раньше. Большинству было от двадцати до двадцати четырех лет. Очевидно, что тогдашние лидеры были глубоко убеждены в необходимости тщательной подготовки мужчины к выполнению своих обязанностей с помощью религиозного образования. Таким образом, в те времена юношам трех высших каст внушали идеал целомудренной юности, и, несомненно, большинство следовали этому идеалу.

Однако, это правило образования для мужчин арийских каст со временем стало неактуальным, и многие брахманы, кшатрии и вайшьи вообще перестали ходить в школу. Впрочем, сам обряд сохранился. Примерно в возрасте полового созревания, или даже раньше, каждый мальчик проходил обряд инициации и получал священную нить. После этого ему ничего не оставалось, как вступить в брак, поскольку в школу он не ходил. Именно отсюда в Бенгальских и прибрежных странах возник вредный обычай женить мальчиков. Конкуренция за подходящих женихов настолько остра, что их “бронируют” у родителей заблаговременно, и часто торопятся с женитьбой. Поэтому сегодня в средних школах можно встретить мальчиков, которые являются не только мужьями, но и отцами. Социальные реформы играют очень важную роль в этом вопросе.

2. Второй принцип следующий: мужчине запрещено жениться на женщине, которая является *сапಿಂದой* (близкой родственницей). Это правило соответствует нашему закону о браках между кровными родственниками. Мужчина руководствуется и другими правилами при

выборе жены, и они гласят, жениться нужно в пределах своей касты, но за пределами ее родовой подгруппы.

3. Третий принцип - абсолютная власть мужа в семье.

Во-первых, он обладает полную власть над женой. В "Шакунтале" Калидасы есть очень трогательный отрывок - муж, царь Душьянта, забыв свою жену Шакунталу, отказывается признать ее, и даже собственные подруги со временем оставляют ее. Одна из них говорит:

“Шакунтала по закону - твоя жена, независимо от того, покинешь ты ее или признаешь; но власть мужа над ней все равно абсолютна”.

Шакунтала хочет уйти с подругами, но один из них поворачивается к ней и сердито говорит,

“Ах ты, жена, видящая недостатки своего господина! Ты что, мечтаешь быть свободной?”

Другая добавляет:

“Если ты та, кем тебя провозгласил царь, то какое право ты имеешь жаловаться? Но если ты знаешь чистоту души своей, то тебе лучше быть служанкой в доме господина твоего”.

Власть мужа - абсолютна, и жена обязана быть абсолютно ему покорной:

“Кому отец отдаст ее, тому она должна повиноваться до конца его дней”.

Он - ее единственный авторитет. Тамильский поэт Тируваллувар о добродетельной женщине пишет:

“Она склоняется не перед богами, а перед мужем”.

Каким бы ни был его характер, ее долг - быть абсолютно преданной, и поклоняться ему так, будто он и есть бог:

“Даже если муж лишен добродетели, ищет удовольствий на стороне или вовсе без достоинств - верная жена все равно должна постоянно поклоняться ему как богу”.

Идеальная жена, Сита, говорит,

“Мой муж - мой бог”.

Если жена повинуется своему мужу - сможет попасть на небеса. Если же она непослушна, то согласно закону, ее можно наказывать за это:

“Провинившуюся жену можно избить с помощью веревки или расщепленным бамбуком”.

Индийским суд не поддерживает это правило в наши дни, но оно по-прежнему влияет на мнение людей. Если жена будет сопротивляться наказанию, ее можно заменить на другую:

“Бесплодную жену можно бросить на восьмом году, а ту, у которой умирают дети, - на десятом: та что не родила сыновей, -

на одиннадцатом, но сварливую жену можно оставить без промедления”.

Во-вторых, как отец, он до конца своих дней имеет полную власть над своим сыном. Сын обязан выполнить любое приказание отца, даже если это будет строжайшее преступление. Это очень серьезный вопрос в случае с преступными племенами, а такие встречаются по всей Индии. Если сын отказывается выполнить преступное действие по воле отца, то он автоматически становится грешником и отступником. Вот что говорит об этом Рама, идеальный сын:

“Я не могу ослушаться слов отца...

Когда-то великий мудрец Канду, живя в лесу,

Послушанием отцу заколол корову...

И сын Джамадагни, не колеблясь,

Сразил свою мать Ренуку — по велению отца.

Подобно этим, равным богам,

Я исполню волю отца, ведь его слово — мой закон”.

Почти все остальные особенности индуистской семьи следуют из положения отца как авторитета, и последующего обесценивания женщины. Ее внутренний характер, по мере развития индуистской семьи, отражался на социальных институтах.

4. Создание совмещенной патриархальной семьи стало одним из первых последствий. В этой системе сын приводит свою невесту в отцовский дом, а дочь уходит к ее мужу, то есть в дом его отца. Таким образом, все потомки домохозяина мужского пола вплоть до третьего или даже четвертого поколения, живут с ним под одной крышей, и под его полным контролем. Все доходы и собственность семьи (включая доходы

наемных работников) находятся в руках отца-домохозяина и используются им для всеобщих нужд. Каждый член семьи обязан полностью подчиняться домохозяину во всем. Сколько бы лет ни было мужчине, он все равно остается несовершеннолетним пока его отец, дед или прадед - жив, и при этом он должен беспрекословно подчиняться независимо от своего возраста. Ему нельзя жениться или принимать важные решения без согласия домохозяина. Перед нами поставит патриархальная семья, в ее наиболее широкой форме. Иногда под одной крышей можно было встретить по семьдесят-восемьдесят человек, и все они - либо прямые потомки конкретного патриарха, либо жены или вдовы таких потомков. Неудивительно, что среди индусов так сильно развито чувство долга перед семьей, а ее интересы занимают большое место в сознании каждого человека.

У такой системы есть и несколько положительных плодов. Во первых, эгоизм и индивидуализм почти не развивается, ведь каждый заботится о благосостоянии окружающих; а если один сын добился особого успеха, то его доход должен приносить благо всей семье. Каким бы бесполезным, слабоумным или беспомощным ни был определенный родственник, о нем все равно позаботились бы. Каждый чувствует ответственность за всех остальных. Главное - семья, а не отдельный человек. Каждая женщина в доме - это мать для всех детей, а не только своих, а двоюродные братья и сестры чувствуют себя родными друг другу. Но с другой стороны, никто имеет возможность развить свою индивидуальность и самостоятельность, кроме главы семейства.

Под влиянием западной мысли, этот аспект индуистской семейной структуры начал разрушаться, несомненно, грядут еще большие изменения. В древности, мужчина мог позволить себе жить как член семьи, но в наше время индивидуальность значит намного больше.

Наиболее важным следствием патриархата стало унижение и обесценивание женщин. Хотя в Древней Индии семья укрепилась за счет принадлежащей отцу власти, его положение не оставляло жене должного признания. Ни в одной культуре ситуация с статусом женщины не зашла так далеко, как в Индии. Как мы уже видели, патриархальная семья везде возвышает мужчину и унижает женщину, однако в Индии эта тенденция привела к полному подчинению женщин и развитию таких обычаев, которым нигде в мире нет подобных.

5. Индусские законодатели в один голос утверждали, что женщина всегда должна подчиняться отцу, мужу или сыну; ей запрещается иметь независимость в любом проявлении:

“В детстве пусть будет во власти своего отца, в юности - у своего мужа, у своих сыновей, когда муж умрет; пусть женщина никогда не имеет свободу”.

В "Рамаяне" есть прекрасная строка, в которой выражен индуистский идеал женской верности:

“Как тень следует за телом, так своему господину верна его жена”.

Однако, тут ясно видно - положение женщины изначально подчиненное. Идея индуистского брака заключается не в том, что женщина подчиняется мужу согласно своему статусу жены, а в том, что она по сути своей считается низшим существом. Это не просто народный предрассудок, а религиозная доктрина индуизма. В Бхагавад-гите написано, что женщинами рождаются из-за того, что нагрешили в прошлой жизни; а в "Гаруда-пуране" говорится следующее:

“В прошлых жизнях, из-за своих грехов я получал женское тело, а оно - источник больших страданий”.

Эта вера в изначальное несовершенство сущности женщины привело к буддийскому убеждению, что ни одна женщина не достигнет нирваны, пока не переродится в мужчину.

Рассмотрим другие важные последствия данного мировоззрения в историческом порядке, и начнем с двух, которые относятся к самому раннему периоду.

6. В далекие времена, еще до разделения арийского народа, создание патриархальной семьи привело к всеобщему желанию иметь сыновей и обычаю избавляться от большинства рожденных девочек. Как нам известно, этот обычай сохранялся в античные времена в Европе, пока христианство не положило ему конец. В Индию его принесли индоарийцы, и эта практика продолжалась бесконтрольно вплоть до 1830 года когда для ее искоренения британское правительство начало длительную кампанию. Эта привычка так глубоко укоренилась во многих индийских кастах и племенах, что попытки британского правительства покончить с этим явлением сдерживалась годами во многих регионах; на самом деле, многие исследователи сомневаются, что на сегодняшний день убийство девочек удалось искоренить в некоторых отдаленных частях Индии.

7. Еще одно из универсальных сопутствующих явлений патриархальной семьи - это полигамия, которая вытекает из идеи, что мужчина гораздо ценнее, чем женщина. В Индию этот обычай также принесли предки индуистов. Он мало практиковался в эпоху Ригведы, но о нем было известно. Однако на протяжении всей истории индуизма, вплоть до наших дней, считалось, что цари и богатые люди имеют право жениться на нескольких женах, и что ни один мужчина не обязан довольствоваться одной. Количество жен всегда было показателем богатства и власти правителя. В *Законах Ману*, брахман может иметь до четырех жен,

кшатрий - трех, а вайшья - двух. Большинство индуистских богов также полигамны. Например, Вишну и Брахма имеют по три супруги каждый.

Однако в наше время, для обычных индусов всех каст моногамия стала правилом. Бенгальские Кулин-брахманы, которые донедавна могли иметь аж десятки жен, оставались мрачным исключением. Впрочем еще около пятидесяти лет назад правило моногамии сменялось наложничеством для всех, кто мог себе это позволить и очень хотел иметь больше женщин; и некоторых частях страны это, похоже, все еще практикуется, хотя общественное мнение активное такое осуждает. Многие князья до сих пор многоженцы.

Кроме того, хотя моногамия и является преобладающей, индуистское общество твердо убеждено, что за мужчиной сохраняется право жениться на второй жене. Каждый индуистский брак, потенциально, является полигамным. Цель брака для индуса - чтобы у него родился сын. Поэтому, если его жена не родила ему сына, то жениться на другой это его долг, чтобы обрести наследника. Пока пишутся эти строки, газеты сообщают, что дочь Гаэквара из Бароды станет второй женой Махараджи Сциндии, потому что его первая жена не смогла родить сына. Часто жена сама умоляет мужа взять вторую жену, если у нее не выходит родить наследника. Однако многие индусы достаточно верны и привязаны к своей жене, чтобы так с ней поступить. Наконец, жену упрямая и приносит мужу беспокойства, то как мы видели выше, индуистский закон дает ему право жениться на другой.

8. Во времена Ригведы было известно и о детоубийстве, и о многоженстве, но на тот момент патриархальная семья еще не была полностью сформирована. Женщины обладали свободой и имели много власти, и семью, в целом, можно было назвать здоровой. Но со временем структура семьи изменилась. На времена брахманов пришлось два нововведения. Первое из них - это возникновение совмещенной семьи, о

которой мы уже говорили ранее. Второе - появление правила, согласно которому мужчина не должен принимать пищу вместе с женщиной. Впервые это правило зафиксировано в Шатапатха Брахмане, и повторяется во всех правовых текстах и действует в каждом индуистском доме по сей день. Тот факт что возникновение этого странного правила в столь ранний период, а именно в седьмом или восьмом веке до нашей эры, показывает растущую власть отца, и гораздо более низком положении женщины, чем во времена Ригведы.

9. Чтобы найти больше доказательств этой тенденции нам не придется ходить далеко. Как уже упоминалось, образование в брахманских школах было обязательно для мальчиков из трех дваждырожденных. Но девочек в школы не допускали; Веды были запрещены для женщин так же строго, как и для шудр. Для них не предусматривалось образование, и они были лишены духовности, которую получали их отцы, братья, мужья и сыновья. За исключением брачной церемонии, все домашние таинства в отношении женского пола совершались без *мантр* (ведических текстов), и женщина не имела права совершать жертвоприношения вне присутствия мужа.

10. Примерно в то же время сложился индуистский религиозный закон, гласящий что девушка должна быть выдана замуж до достижения ею полового созревания. Это проливает свет на вопрос об отсутствии образования: для девочек, брак и был той инициацией, с которой начиналось обучение мальчиков. В Законах Ману это сказано предельно ясно. Вступление в брак до достижения половой зрелости несомненно было признано идеалом уже в шестом веке до н. э., поскольку это прописано в самом раннем правовом документе, Дхармасутре Гаутамы, который ученые относят к 500 г. до н. э. Во всех более поздних трактатах он повторяется.

Тем не менее, ранние браки стали практиковаться среди индусов лишь несколько столетий спустя. Обычай жениться на девушке в шестнадцать лет сохранялся в Индии много веков. Это достаточно четко прослеживается в литературе и традиции индуистов, буддистов и джайнистов V-III веков до н.э. К таким изменениям практики вступления в брак привело именно постоянное давление брахманского закона. На этом, к началу нашей эры перемены были завершены. Здесь также стоит упомянуть, что в первые века многим индуистским принцессам разрешалось самим выбирать себе женихов - этот обычай известен как *сваямвара*, то есть “самовыбор”.

Но история на этом не заканчивается. Поскольку браки заключались внутри жестко ограниченного кастового круга, родители, опасаясь не успеть найти подходящего жениха вовремя, часто выдавали дочерей замуж сразу, как только находился "приемлемый» кандидат — возраст девушки тут не играл роли. Это еще одно объяснение того, как зародилась практика заключения браков с малолетними, а порой даже грудными детьми. Как правило, девочка не переходила жить в дом мужа до 11–12 лет, но сам брак считался полностью действительным. Фактически, множество индуистских вдов никогда не были женами, так как их мужья умирали до начала совместной жизни.

Можно лишь догадываться догадываться о всех причинах, которые привели к установлению детских браков. Однако все исследователи сходятся в одном: это одно из самых очевидных свидетельств полной подчиненности женщины в индуистской культуре. Хотя точные причины остаются неясными, но самые ранние тексты дают четкое религиозное обоснование этому обычаю: в Дхармасутре Гаутамы и во всех более поздних правовых трактатах сказано, что если отец не выдаст дочь замуж до наступления менструации - этим он совершит грех; согласно большинству индуистских книг, этот грех равносителен аборту.

По мнению древних индусов, не дать девушке шанс выносить ребенка в период полового созревания - это то же самое, что прервать жизнь незачатого ребенка, и, следовательно, это такой же грех, как и убить его. В своей чувствительности к требованиям жизни это убеждение напоминает закон ахимсы - ненасилия, возникший примерно в то же время, и согласно которому аскет не должен убивать животных и даже отрывать живую веточку. На том же основании зиждется и другое правило: если муж не приближается к жене после ее месячного очищения - он совершает грех. Таким образом, в индуистском сознании детский брак - это религиозный долг, не дать девочке возможность стать матерью в период ее созревания - это тяжкое преступление.

11. Следующим шагом в трагической истории индуистской женщины стал запрет вдовам вступать в повторный брак. Уже к 500 году до н. э. вступать в повторный брак разрешалось только бездетной вдове. Однако в Законах Ману впервые общее правило утверждается для всех вдов. Точная даты принятия каждой нормы в этом кодексе - неизвестны, так как он складывался на протяжении столетий, но по всей вероятности, запрет на повторный брак вдов действовал к началу нашей эры. Даже девочка-вдова, которая никогда не жила с мужем, была осуждена на вечное вдовство. Примечательно, что тот же самый закон, который запрещает вдове второй брак, предписывает вдовцу жениться вновь.

Истоки этого вдовьего целибата кроются в индуистском представлении о браке. Женщина выходит замуж не только до момента "пока смерть не разлучит», но и ради этой жизни, и ради небесной. Согласно индуистской вере, как у людей, так и у богов существует брак на небесах. Это хорошо продемонстрировано в словах Ситы из Рамаяны:

“Я буду рядом с тобой, мой господин,
и моя душа очистится.

Любовь освободит меня от греха,

ибо муж для меня - это бог.

В любви с тобой обрету я радость

и разделю с тобой жизнь за пределами этой”.

Я слышал, один славный брахман,

провозгласил древние слова:

“Женщина, которую родители отдают мужчине,

соединив их руки ритуалом и водой,

становится его женой в этом мире -

и останется ею в мире ином”.

Это убеждение дало смысл женской верности, ведь если жена не окажется преданной и доброй супругой, она не сможет рассчитывать на воссоединение с ним в небесной жизни.

Важно отметить еще один факт: девушка по рождению принадлежит отцовской семье, но вступая в брак, она автоматически становится частью семьи мужа. Если ее муж умирает, то вернуться обратно в семью отца она уже не может - такие переходы невозможны с точки зрения религиозных уз. Теперь единственная близкая связь которая у нее есть - с умершим мужем, который находится в потустороннем мире. Таким образом, в глазах индуистов она уже не совсем часть обычного общества, а скорее воспринимается как странствующий отшельник (*санньяси*).

В скором времени, повторные браки стали под запретом на вдов-матерей, на бездетных, и на вдов-девственниц. Добродетель индуистской женщины свелась к пожизненной верности мужчине, которому ее отдал отец, - независимо от того, жив он или уже мертв. Если женщина оставалась вдовой, ее долгом стало хранить свое сердце для будущего воссоединения с мужем в ином мире.

Благородная индуистская женщина не могла и представить себе повторного брака, ведь она была воспитана в таком духе с пеленок. Принять другого мужа означало бы предать все самое святое. Боль и аскеза

вдовства были для нее предпочтительнее, чем измена общественному идеалу.

В отношении мужа-индуса такая идея никогда бы не возникла, и на было есть две причины. Во первых, мужчина, по крайней мере потенциально, был многоженцем: долг верности одной женщине просто не существовал как добродетель. Во-вторых, если умершая жена была у него единственной, то для участия в жертвоприношениях, где необходима супруга, он был обязан найти себе новую жену.

12. Следующим актом в трагической истории индуистской женщины стало *сати* - обычай самосожжения вдовы. В индуизме, этот печально известный обычай не является чем-то древним. Во многих диких племенах считалось, что на том свете мужчине потребуется все, чем он пользовался в земной жизни. Поэтому, его коня и жену убивали прямо на могиле, а оружие хоронили вместе с ним. Однако индоарии отказались от этого бесчеловечного обычая: существуют неопровержимые доказательства того, что он не практиковался ни в эпоху Ригведы, ни еще много веков спустя. Как именно этот обычай возродился -неизвестно; но есть вероятность, что это произошло под влиянием подражания некоторым племенам аборигенов. Если бы не своеобразное устройство индуистской семьи, возникновение такой практики среди цивилизованных индусов было бы совершенно необъяснимо. Классическую форму этого обычая можно встретить уже в поздних частях Рамаяны и Махабхараты. Со временем он обрел популярность среди народа, но точная история его распространения остается неизвестной. В пьесе Калидасы “Рождение Бога войны” уже видно, что к 400 году н.э. обычай был широко известен. Он получает юридическое признание в Вишну-смирти, восхваляется в Гаруда-пуране, но осуждается в Маханирвана-тантре. Этот закон был скорее разрешающий, чем обязывающий: вдове позволялось взойти на погребальный костер мужа, если она сама демонстрировала такое желание.

Однако, как показывают архивы и записанные свидетельства, далеко не все женщины шли на это по своей воле. Рам Мохан Рай стал очевидцем того, как жену его умершего брата сожгли заживо, несмотря на ее отчаянные попытки спастись.

Запрет на этот обычай ввел император Великих Моголов Акбар, но он все же смог искоренить его полностью. К началу XIX века, это злодеяние достигло колоссальных масштабов, и потому запрет на него, принятый лордом Бентинком, требовал значительной решимости храбрости. Данный обычай был широко известен по всей Индии, но наибольшее число подобных случаев фиксировалось в Бенгалии. При некоторых дворах, по крайней мере, после смерти короля самосожжения женщин были массовым явлением.

На первый взгляд кажется, что происхождение этого ужасно обычая - необъяснимо, и даже невероятно. Однако, если учесть индуистский идеал супружеской верности и веру в радостное воссоединение в загробной жизни — все становится понятным. Внезапно женщина, которая была счастлива в браке и искренне привязана к мужу, теряет его. Поглощенная горем, она больше не ощущает желания жить, а строгая аскеза и вечное одиночество вдовства делают ее будущее еще более мрачным. С другой стороны она видит ответ, ведь стоит ей лишь пройти через огонь костра - и она сразу воссоединится с любимым в небесах. Даже в наши дни, спустя восемьдесят лет после приказа Бентинка, об обряде сати все еще не забыли. Совсем недавно в окрестностях Калькутты одна убитая горем вдова в отчаянии решительно сожгла себя в собственной комнате в то самое время, когда тело ее мужа горело на костре. К подобным случаям индуистское общество до сих пор относится с трепетом и сочувствием. Древние религиозные идеи еще далеко не утратили своего влияния.

Во всем этом много такого, что мы, люди Запада, можем понять. Скольким женам -да и мужьям тоже - потерявших возлюбленного супруга, никогда не приходила мысль о новом браке!

“И что же ей - конец мечты?

А мне - конец всего земного?

Ей - вечная девственность,

А мне - ни друга, ни покоя”.

Мы можем глубоко и искренне сопереживать любви и самоотверженности сати. Сколько разбитых сердцем вдов и вдовцов молились о легкой смерти!

Но нам трудно понять, как подобные трагические мрачные обряды и ужасные испытания могли быть навязаны слабым женщинам под видом закона, в то время как мужчинам разрешалось жить в спокойствии и свободе. А особенно всего, как вся горечь вдовства пала на абсолютно невинных улыбающихся младенцев и едва начавших ходить малышей, которые понятие не имели что такое любовь, брак и смерть.

13. Задолго до появления сати, считалось, что вдова должна вести умеренно аскетичный образ жизни, изолироваться и питаться вегетарианской едой. Когда сати стали практиковать повсеместно, то для тех, кто не взошел на костер, обязательно предусматривался аскетизм. По всей вероятности, первоначальная идея заключалась в том, что со смертью мужа вдова, подобно монаху, выходила из общества, и поэтому ей полагалось принять такое же отшельничество.

На сегодняшний день, каждая вдова обречена жить в трауре и строгости до конца своих дней. В Бенгалии вдова - как взрослая, так и малолетняя - обязана снять все украшения, носить сари без каймы, придерживаться исключительно вегетарианского питания, из которого твердая пища допускается лишь раз в день, а дважды в месяц целые сутки обходится без еды и воды. Волосы женщины - это ее гордость, и последняя

драгоценность, которую она всячески старается сохранить. Цирюльники во многих регионах Индии полностью сбривают локоны вдовы, тем самым превращая ее внешность в монашескую. Вероятно, когда-то этот аскетизм имел высокую духовную цель, но если это и было так, то дух его не сохранился до наших дней. Если бы вдова была добровольной монахиней-домоседкой, которая посвятила себя молитве и медитациям, можно было бы понять такой выбор; впрочем, овдовевшие индийские девочки вынуждены жить в суровом отшельничестве, и, как правило, на них возлагается тяжелое бремя домашних обязанностей, что весьма прискорбно. Кроме того, очень часто доктрина трансмиграции и кармы используется с целью обвинить бедную девочку в смерти мужа: если бы она не согрешила в предыдущей жизни, он бы был все еще жив. Странно, что этот аргумент не применяется к мужу, потерявшему жену, не так ли? Вдову, как какое-то виновное существо прогоняют из мест радости, потому что считают что она приносит несчастье. "Тяжелая доля, пожизненные мучения и унижения, бесконечные посты и лишения", - такими словами один индус описывает последующую жизнь вдовы. Однако на сердце становится отраднее, когда понимаешь, что хотя жизнь покаяния и тяжелого труда повсеместно считается нормой, не во всех частях Индии с вдовами обращаются так сурово. Причина не в бессердечности индусов, а в их верованиях и законах.

14. Последним шагом, к которому привела вся предшествующая система, стало изолирование женщин высших каст - их запирали в женских покоях, лишая всякого участия в общественной жизни. Это было логичное завершение их отчуждения от великой культуры и образования древней Индии. Эта практика укоренилась среди индусов в мусульманский период, отчасти как подражание завоевателям, но также и как форма самозащиты. В тех провинциях, где влияние ислама было слабее, подобная изоляция не получила широкого распространения, поэтому женщины

низших слоев по сей день живут относительно свободной жизнью. Однако, зенана (система женских покоев), как и строгие правила касты, детские браки, вынужденное вдовство и прочие признаки жизни высших каст, копируются низшими, насколько это позволяют их средства, как будто знак принадлежности к “благородным”.

С. И все же, несмотря на груз патриархальности и все его последствия, в индуистском доме все же можно обнаружить настоящую красоту. Верность, самоотверженность и любовь жены и матери, кротость и готовность служить у вдовы с разбитым сердцем, покорность и привязанность даже взрослых сыновей и дочерей, сдержанная радость и тихая уединенность зенаны, постоянное ощущение священности бытия - все это обладает неподдельной ценностью, подобно фиалковой поляне в английском лесу. Есть матери из разных каст, чье положение и влияние в семье показывают, что человеческая натура превосходит любой закон. И мужья, и дети уважают этих женщин с величайшим почтением. Они ведут жизни, полные смысла и пользы. Однако это лишь исключения, и их положение остается шатким. Встречаются и женщины высших каст - пусть и неграмотные, но продвинутые в мировоззрении, вдумчивые, и талантливые. Некоторые из них наизусть знают обширные отрывки религиозной литературы. Их жизненный и духовный опыт сделал из них людей силы и характера. Мужья ценят их советы, и в своих домах они играют значительную роль. И все это - плоды индуистской семьи, выросшие среди невежества, гнета и несправедливости. Что же произойдет, когда этим женщинам по праву дадут свободу, образование, и наконец, достойное место в обществе?

Следует признать: при всем угнетении и унижении индуистская женщина не лишена силы и прав. Так, по законам индуизма, жена имеет право на собственность, к которой муж не имеет доступа. Реформаторы жалуются, что это право часто попирается - пригрозив второй женой

женщину запросто можно принудить отказаться от имущества. И все же, закон существует, и многие им пользуются.

Д. Эти семейные порядки в целом распространены по всей Индии, но не являются универсальными. Хотя законы Дхармасутр и Дхармашастр уважаются, существует закон еще более весомый, и это - закон обычая:

"Пусть идет человек по стопам святых, по пути отцов и дедов своих, и тогда он не познает зла".

Если индус докажет, что некий обычай строго соблюдался его семьей или кастой на протяжении поколений, тогда он считается обязательным, даже в нем есть безнравственность, антисоциальность или в целом, его можно назвать мерзким. Так появляются брачные обычаи, не соответствующие индуистским нормам, к примеру: младшие сыновья брахманов Намбутири в Траванкоре практикуют многомужество; у некоторых южноиндийских каст допускается брак с племянницами; некоторые касты допускают развод; в других считается приемлемым выдать дочь замуж за какого-то идола, будь то цветок, меч или иной предмет, а затем заставить ее заниматься проституцией. В немалом числе храмов существуют *девадаси* - "служанки богов", отправленные туда родственниками: формально, они участвуют в ритуалах, но по сути, их занятие - это чистой воды проституция.

Е. В индуистской семье существует множество положений, которые противоречат учению о трансмиграции и карме. В основе культа предков лежат две идеи: что предки достигли бессмертия в небесах, и что жертвоприношения помогают им удержаться там. Но доктрина трансмиграции утверждает, что души возвращаются на землю в новом теле; а карма учит, что поступки живущих не влияют на судьбу умершего - ее определяет только его собственная карма. Таким образом получается двойное противоречие. Закон, обязывающий вдову оставаться верной умершему мужу в надежде на воссоединение с ним в раю, явно возник

раньше учения о трансмиграции, ведь карма мужа может повлечь к его перерождению еще до того, как умрет жена.

Тем не менее, именно карма используется, чтобы обвинить вдову за смерть ее мужа. Та же концепция оправдывает и веру в низшее положение женщины: считается, что она согрешила в прошлой жизни, поэтому дурная карма сделала ее женщиной в новой.

III. Индуистская семья стояла как непоколебимая крепость более двух тысяч лет. Хотя определенные перемены происходили, ее форма окончательно сложились уже к 500 году до н.э., и все эти века она почти не подвергалась критике. Более того, ее нормы проникли за пределы индуизма, повлияв на мусульман и христиан. Но около 1800 года начала звучать христианская критика, особенно в трудах миссионеров из Серампура. Как и в других сферах западного влияния, первым откликнулся Рам Мохан Рой, основатель Брахмо-самаджа, который не ограничился словами, а перешел к действию. Он выступал против многоженства и сыграл важную роль в движении по запрету сати, осуществляемому лордом Бентинком в 1829 году. Его преемник, Дебендранат Тагор, отверг политеизм и идолопоклонство в обрядах индуистской семьи и составил очищенный ритуал для сторонников Брахмо-самаджа (хотя он и не осознавал, что действует под влиянием Христа). Кешаб Чандра Сен понял это гораздо яснее и открыто признал что на него повлиял именно Иисус. Его выступления против детских браков и других злоупотреблений не только вызвали реформы среди его последователей, но и привели к закону о браке, принятому при лорде Лоуренсе в 1872 году. Его современник, ученый пандит Ишварачандра Видьясагар из Калькутты, знал, что в древности индуистским вдовам не запрещалось вступать в повторный брак. Он с поразительной ясностью видел вред, который причиняет современному обществу данный запрет, и он так яростно выступал за возвращение этого права, что правительство поддержало его, и приняло

закон в 1865 году. Затем идет судья Ранаде, один из лидеров движения Пратхана-самаджа, основанного в Бомбее в 1867 году. Ему принадлежит организация всего движения социальных реформ, которое с тех пор ежегодно собирает как национальные, так и местные конференции. Его печатный орган "*Indian Social Reformer*" оказывает очень благотворное влияние на общественность. Значительным деятелем был также Рао Бахадур Вирасалингам Пантулу, просветитель и реформатор из Телугу, внесший огромный вклад как в литературу, так и в преобразование общества. Примечательно, что даже члены Арья-самаджа осуждают детские браки и признают право вдов на повторный брак. Но, быть может, самое показательное - это то, что даже Теософское общество, миссия Рамакришны и кастовые конференции поддерживают эти реформы: в частности, увеличение брачного возраста и право на образование для девочек.

Особенно заметно, что рост национального движения придает реформам силу и движение. Конгресс, требующий прогресса, экономических преобразований и людей с характером, способных поднять страну, пытается показать молодежи следующее: сестре нужно получить образование, и пока она не окончит школу ее не следует выдавать замуж, а вдов любого возраста не нужно не изолировать в зенане, а лучше научить их быть учителями, медсестрами и врачами, чтобы они сами помогали женщинам и девочкам страны. Даже индуистское возрождение способствует реформам: индуистские школы, занятия по *Бхагавад-гите*, журналы, - все это пробуждает здравое мышление, освещает путь во тьме, и подготавливает почву для перемен.

Два главных поля социальной реформы в Индии - это кастовая система и семейная жизнь. До сих пор внимание сосредоточено было на втором, и именно там мы видим что достигнуты наилучшие результаты. Помимо частных вопросов, на повестке дня на повестке дня четыре

основные реформы: повышение брачного возраста для девушек, получение ими образования, возможность повторного брака для вдов и активная борьба с многоженством. Образованные индусы по-разному относятся к этим пунктам, но почти все признают необходимость первых двух - повышения брачного возраста и обеспечения образования для девочек. Что касается повторного брака вдов, здесь мнения разделяются; и хотя большинство признает моногамию как семейный идеал, все еще можно услышать немало доводов в пользу второго брака, если первая жена оказалась бесплодной, или не родила мужу сына. Примечательно, политические лидеры решительно заявляют, что для возрождения Индии абсолютно необходимы три реформы: во-первых, образование для девочек и женщин, во-вторых, повышение брачного возраста, и третья реформа - свобода для вдов вступать в повторный брак. Любопытно, что почти никто не осуждает языческие похоронные ритуалы и церемонии *шраддха*, но если присмотреться внимательнее, причина станет очевидна.

А. Критика от индийских реформаторов против индуистской семьи, по сути своей является христианской критикой:

1. Реформаторы указывают что: детский брак отнимает у девочки ее подростковый возраст и возможность получить образование; что у нее нет юности, ведь из детства она сразу попадает в тяжести замужней жизни и раннего материнства; что все это приводит к проблемам со здоровьем, нарушенной психике и преждевременной смерти. Физическое здоровье потомства страдает тоже, и следовательно здоровье всей нации. Они подчеркивают, что пока возраст вступления в брак не будет пересмотрен, образование женщин не сможет достичь значительного прогресса. Более того, само по себе моральное воздействие столь раннего вхождения девочки в брак несет серьезные последствия: ее характер не успевает укрепиться, и личность не может нормально сформироваться. Отсюда

столь распространенные среди индуистских женщин истерия и эмоциональная неуравновешенность.

Одна из часто критикуемых сторон семейной жизни, - это результат соединения двух институтов: детского брака и обета безбрачия вдов. Пожилые мужчины, или мужчины в возрасте, вступая во второй или третий брак, берут себе в жены совсем еще детей. Повсеместно можно увидеть мужчин сорока, пятидесяти, шестидесяти и даже семидесяти лет, женящихся на девочках двенадцати лет, а порой и младше. Никто всерьез не будет притворяться, будто индуистское общество строго соблюдает закон 1891 года, запрещающий сожителство с девочкой до двенадцати лет.

Также подчеркивается, что если бы индуистские девочки не выходили замуж до, скажем, четырнадцати лет, то число вдов в обществе резко сократилось бы, и исчез бы целый класс “девственниц-вдов”, столь характерный для индуистской действительности.

2. Реформаторы отстаивают образование для девочек как неотъемлемое право, но прежде всего - как необходимое условие для здоровья семьи и на благо нации в целом. Пресса снова и снова указывает на бесконечную трагическую растрату человеческого потенциала, к которой приводит нынешняя система. Ценность образованной матери осознана ими весьма четко. Женщины-преподаватели нужны в огромных количествах, как в школах, так и в зенанах; ощущается острая нехватка медсестер и врачей женского пола, а также культурных наставниц, способных вести обычную индуистскую женщину к более высокому уровню жизни. Образованный индуист мечтает жениться на образованной девушке, но осуществить это желание он может крайне редко.

3. Что касается защиты права вдов на повторный брак (если вдова сама этого желает) - реформаторы выступают с той же аргументацией. Они утверждают, что отказывать вдове в свободе, которую имеют вдовцы, и

вынуждать ее к жизни в бесконечной тяжелой работе и полной изоляции - это несправедливо. Особенный акцент в этой реформе делается на случаи с малолетними вдовами. Однако большинство индуистов больше апеллируют к вопросам целесообразности, нежели справедливости. Реформаторы подчеркивают серьезнейшие моральные угрозы для вдов, и подмечают что если бы вдовам наоборот позволялось вступать в брак повторно, то вдовцы с легкостью находили бы себе достойных спутниц.

4. Полигамия становится предметом публичных обсуждений не так часто, однако все вдумчивые люди относятся к ней с глубокой тревогой. Главный аргумент против - это унижение, которое испытывает первая жена, но также поднимается вопрос и о моральном упадке со стороны мужа. На первый взгляд может показаться, что многоженство - дело незначительное, ведь сейчас оно редко встречается среди индуистов. Однако совсем недавно на первый план вышла иная сторона проблемы - неограниченная власть, которую эта возможность дает в руки недобросовестных мужчин, и те страдания, через которые в результате проходят многие женщины. Детский брак обычно гарантирует полную покорность жены к мужу. Девочку приводят в дом свекра, и она, будучи совсем ребенком, попадает под полную власть мужа, который старше ее на несколько лет. В быту она обязана во всем подчиняться свекрови. Именно так жена обучается абсолютному послушанию и покорности по мнению индуистов. Но если несмотря на столь жесткое воспитание она проявит хоть какой-то намек на самостоятельность, тут же появится угроза второго брака, и бедняжка будет мгновенно сломлена. Ту же угрозу часто используют, чтобы вынудить жену отказаться от своего имущества.

В. Все движение за социальную реформу в Индии - это живительный поток, который орошает душу современной нации. Оно оказывает благотворное воздействие на мышление и на совесть всего индуистского общества. Однако, если судить по видимым результатам в

семейной жизни, приходится признать: движение продвигается слишком медленно. Сторонники реформ не раз указывали на огромную пропасть между словами и поступками многих их лидеров. Сколько раз виднейших деятелей выставляли на посмешище в прессе, называя их отступниками, начиная от Кешаба Чандры Сена и до самого Газквата из Бароды! Да, порой поведение этих людей действительно расходится с тем, что они говорят. Но винить их в торможении прогресса тоже было бы несправедливо, ведь они - не причина, а скорее симптом сопротивления на более глубинном уровне. По сути дела, становится все яснее: реформаторы до сих пор не осознали, с какой могучей и глубоко укорененной силой они вступили в борьбу - с силой, медленно поддающейся, упорно сохраняющей старое, но уже начавшей трескаться под напором новой эпохи.

Объяснение медленного хода социальных реформ, популярное в индуистском обществе - мол, они сталкиваются с мощным сопротивлением консерватизма и застоя, - не показывает настоящую суть дела. Существует колоссальная разница между реформой, которая полностью в согласии с религией народа, и реформой, которая прямо противоречит духу, законам, институтам и традициям национальной веры. Например, движение за трезвость среди индусов относительно легко происходит. Но движение за положение женщины - это совсем другое дело. Более двух тысяч лет индуистскому народу внушали, что девушке не нужно образование; что не выдать ее замуж до наступления половой зрелости - грех; что мужчина может жениться столько раз, сколько овдовеет, тогда как одна мысль о новом браке от вдовы, - уже измена своему покойному мужу, за что она обязательно будет наказана в загробной жизни. Именно эти глубокие религиозные убеждения и тормозят социальные преобразования и полезные реформы. Образованный человек лично готов к этим реформам, но его жены, его родственники,

друзья по касте - все те, кто не получил современного образования, - по-прежнему живут под властью этих устаревших религиозных идей. И это - грандиозный барьер на пути к обновлению индуистской семьи.

Стоит ли при таких обстоятельствах вообще добиваться реформ - вполне справедливый вопрос. Должны ли женщины по принуждению соглашаться на то, что по их мнению - неправильно, только потому что имеющий образование глава дома освободился от религиозных сомнений, которые все еще есть в сердцах простых женщин? Разве истинный мужчина не должен стоять на стороне женщин? Толкать женщин к поступкам, которые идут вразрез с их совестью - разве это мужество и благородство? Если мы хотим возвысить индуистскую женщину на должное место, не разумно ли начать с искоренения насилия над ее верой? И в итоге, не окажется ли, что откладывание свадьбы на несколько лет или право вдовы на повторный брак выйдут, в конце концов, слишком дорогой ценой? Что если ошибка социальных реформаторов кроется в самом подходе к реформам?

Один индуистский мыслитель почти дошел до сути проблемы. Вот выдержка из доклада г-на В. Шринивасы Рао из Берхампура, представленного на собрании Ассоциации индуистской реформы Ганджама:

“Несомненно, наша современная социальная практика является естественным результатом определенных религиозных убеждений. Если не поколебать эти убеждения, то невозможно окончательно поколебать и нынешние социальные обычаи. До сих пор реформаторы пытались поколебать современные социальные обычаи, не пытаясь предварительно затронуть их укоренившиеся в религиозных верованиях основы. Такой подход повлек появление множества вялых и сомневающихся "сторонников" социальных реформ, которые принимают одни решения и выступают против

других, забывая о том, что в основе всех реформ лежат одни и те же коренные принципы; эти принципы противоположны тем, которые в свое время привели к возникновению существующих обычаев. Каковы же эти породившие нынешние социальные обычаи принципы, которые пытаются реформировать? Их много, но главными из них являются три, перечисленные ниже. Данные принципы так глубоко укоренились, что стали регулярными и даже основополагающими для современности:

i. Чрезмерное почтение к шастрам. Оно считает их сверхъестественными, богооткровенными, неизменными, а нарушение даже самых жестоких для совести и разума их предписаний, считает грехом; Это почтение также предполагает, что современные социальные обычаи основаны на шастрах в интерпретации старого священнического сословия и традиции, и попытки доказать, что шастры не пропагандируют такие обычаи - тоже не находят успеха. Это убеждение является причиной запрета на повторные браки вдов, браки в малолетнем возрасте, и т. д. Отец молодой вдовы-девушки сочувствует страданиям своей дочери. Как и любой другой человек, он чувствует себя не в силах пойти против обычая, который, по его мнению, основан на предписаниях богооткровенных шастр.

ii. Идеи кастовой системы, устанавливающие и закрепляющие унижительные различия в статусе и правах, основанные лишь на случайности рождения. Они порождают гордыню, презрение к другим и сужают горизонт для мышления. Отсюда происходят запреты на путешествия за границу, совместные трапезы, межкастовые браки и социальное возвышение низших классов.

iii. Идея идолопоклонства, формирующая ложные представления о Боге: что Он не един; что он наделен теми же слабостями, что и человек; что Ему, как деспоту, нужны “взятки” под видом пищи или животных, чтобы сохранить благосклонность к верующему; что существуют разные материальные раи и ады, управляемые разными божествами, которым нужно угождать через посредничество определенной касты жрецов. Идолопоклонство сковывает душу и ограничивает ее горизонт, при этом не предлагая никаких возвышенных духовных идеалов. Один великий мыслитель сказал: “Покажи мне своих богов, и я скажу, кто ты” - ведь наше понимание Бога определяет наши поступки.

Как бы ни старались защитники этих трех устоев - даже получившие светское образование, стремящиеся примирить старую веру с новыми идеями, - реальность остается все той же. По-прежнему считаются что все шастры, включая Пурану, написаны боговдохновенными мудрецами, а их предписания - неприкосновенными. Кастовая система уже давно не основывается на личных достоинствах, единственное ее основание сегодня - это случайность рождения. И идолопоклонник верит, что его идол это вовсе не символ, а воплощение божества (арчаватара), и что богов много, и каждый имеет свой храм и день поклонения.

Таким образом, именно эти три устоявшихся убеждения - суеверная вера в шастры, кастовая иерархия и идолопоклонство - глубоко укоренились в разуме большинства индуистов и серьезно мешают внедрению и продвижению социальных реформ. Они подавляют развитие, и делают людей невосприимчивыми к новым идеям. Только тот человек, который хотя бы интеллектуально

преодолеет эти устаревшие верования, способен понять необходимость реформ. Образование действительно способно привести к реформе - не потому, что напрямую ее создает, а потому, что разрушает старые основания, освобождая путь для новых идей. Пока же семена реформ сеются на почву, полную камней в виде древних верований, они не дадут плодов. Эту почву нужно очистить от сорняков и обогатить, посредством разрушения старого и создания нового. Образование уже подорвало старые устои, но еще не успело создать прочную замену для них. Именно в этом и кроется причина обвинений некоторых реформаторов как “безбожные и безответственные невежды”, которые, утратив веру в старое и не обретя ничего нового, отвергли всякую религию.”

Это весьма продвинутая логика. Если довести ее до конца, то она откроет всю истину.

Обычный индуистский реформатор так и не осознал, что произошло в его собственном сознании. Он не заметил, что он больше не верит в основы индуистской семейной системы, как и прочие образованные люди. Именно эти убеждения и препятствуют продвижению реформ. Под властью этих идей продолжают жить простые люди и почти все женщины страны, не считая тех кто каким-либо образом попали под западное влияние. А образованные мужчины своим стремлением к реформам демонстрируют, что больше не связаны с ними. Рассмотрим это подробнее - и станет ясно, что фундамент индуистской семьи в умах образованных индусов уже рассыпается:

Во-первых, убеждение, что если не приносить пинда на поминальных церемониях и воду в ежедневных молитвах, то души предков падут с небес в ад, а семья погибнет - больше не принимается всерьез.

Заговори с образованным человеком о шраддхе и он тут же признает, что не верит в ее мистическую силу и рассматривает ее лишь как форму почтения умерших. Таким образом, хотя соблюдение этих ритуалов среди образованных людей сохранилось, породившие их верования уже исчезли.

Во-вторых, вера в неполноценность женщины по отношению к мужчине стремительно отступает на задний план. Доказательство тому - отказ от практик, основанных на этой вере в индуистской семье. Никто не оправдывает детоубийства девочек; сати исчезло; и полигамия теперь в немилости. Даже если кто-то порой и высказывается за вторую жену при бесплодии первой, то в его голосе не услышать убежденности. Проституция, когда-то обычная и официально принятая, ныне повсеместно осуждается. Еще одно тому подтверждение - все громче звучат голоса в защиту женского образования и свободы. Мужчины также неуклонно приближаются к признанию права женщины на свободу. Зенану уже не восхваляют так, как раньше. В этом вопросе большое значение имеет отношение индусских женщин, ведь теперь они сами стали активными участниками перемен - и это особенно важно. Наконец, даже противники реформ больше не делают этого на основании неполноценности женщин.

В-третьих, убеждение, будто не выдать девочку замуж до половой зрелости - грех, мертво среди образованных. Почти никто из необразованных мужчин не защищает детские браки, хотя под давлением семьи еще их практикует. Но даже если кто-то и продолжает обычай, то в основание его он уже, скорее всего, не верит.

В-четвертых, ранее популярная идея, что вдовец может вступить в повторный брак, а вдова не может, также исчезает из мыслящей среды. Люди очень расходятся во мнениях: кто-то допускает новый брак только для девочек-вдов, кто-то - для всех. Есть и такие, кто считает вдовство нравственным идеалом и сожалеет о его утрате. Другие требуют, чтобы всем вдовам была предоставлена такая возможность. Есть и те, что

считает, что аскетическая жизнь индуистской вдовы воплощает благородный идеал, и приводят различные доводы в пользу сохранения такого образа жизни для вдов. Некоторые высказываются за запрет второго брака и для мужчин, не только для женщин. Однако в этом всем важно одно - никто больше не утверждает, что воля Божья разрешает вдовцу то, что запрещает вдове.

Нет нужды продолжать развивать эту тему. Доказательств того, что религиозные основы индуистской семьи рушатся в образованной среде, более чем достаточно. И несомненно: причиной этого упадка устаревших идей является приход новой эпохи. Во время всех предыдущих религиозных и политических революций все эти верования каким-то образом сохранялись. Буддизм не внес в них заметных изменений. Ни приход буддизма, ни ислама (за исключением правления Акбара) не поколебали этих устоев. Великие мыслители прошлого не сомневались в них - по крайней мере, у нас нет тому свидетельств, и даже случайные высказывания атеистов наоборот лишь усиливали веру среди народа. Но новая эпоха изменила атмосферу, и эти идеи больше не могут в ней существовать. Каждый, кто входит в эту атмосферу, теряет способность верить в старое.

Теперь нам становится ясна суть реформаторского движения. Реформаторы освободились от тех верований, что продолжают управлять народными массами, и потому они готовы к действиям, которые немедленно вызывают яростное сопротивление со стороны тех, кто связан старыми убеждениями. Мы также можем понять довод других разумных оппонентов: что принятие реформ будет актом предательства по отношению к индуизму и может представлять опасность для самой религии. И это справедливо в значительной степени.

Таким образом, вскрывается весьма серьезное положение дел. Реформаторы и ортодоксальная масса стоят по разные стороны баррикад, и

разделяет их не просто социальный, а и в первую очередь религиозный конфликт. Тут мы ясно видим трагедию в том, что реформы жизненно необходимы для возрождения Индии, но провести их не разрушив религиозный фундамент индуистской семьи - просто напросто невозможно. Вероятнее всего, реформаторы и сами не осознавали, что делают. Их сбilo с толку само слово "реформа» - они думали, будто возвращают индуистскую семью к ее изначальной форме, в то время как на самом деле, они создавали нечто совершенно новое. Говоря, что реформы необходимы, они совершенно правы; но в то же время, их противники тоже по-своему правы, утверждая, что эти реформы чуждые для самой сути индуистской семьи.

Таким образом, единственно возможное решение в данном конфликте - искоренение старых верований. Всякий истинный патриот должен желать этого, ибо пока эти верования живы, народ не примет реформы всем сердцем. Г-ин Шриниваса Рао почти дошел до этой истины.

И мы тоже можем пойти дальше и признать, что неверие в эти основы неизбежно распространится. Никто уже не сможет остановить прогресс западного образования в Индии. Это не Британия навязывает Индии свой путь - пример Японии и Китая окончательно расставляет все точки над "i". Индия должна принять западное образование, а с ним исчезнет вера в силу пинды, в женскую неполноценность, в обязательный добрачный союз и греховность повторного брака вдовы. Вопрос лишь в том, как скоро и через какие механизмы произойдет это грандиозное изменение.

IV. Но теперь возникает куда более серьезный вопрос: если старые верования разрушатся - что же тогда займет их место? Главный урок, который мы получаем, изучая индуистскую семью, заключается в том, что каждый ее элемент основан на религии. И то же самое верно для любой

формы семейного устройства в мире. Все они - религиозны по своей сути. Множество форм пробовалось нашими предками, и до нас дошли лишь те, что сумели выжить. И вот - истина исключительной важности: все выжившие формы семьи на самом деле пронизаны религией сверху донизу. Поэтому всякий вдумчивый и мыслящий человек должен признать: перестраивать семью любой нации можно только на новом, крепком религиозном основании.

Но не пыталась ли партия реформ уже сделать этот шаг - сознательно или нет? Они решительно выступают против устоев индуистской семьи, но не предлагают взамен никакого нового комплекса идей, способного занять место разрушенного. Во многих индуистских семьях это противоречие уже ощущается остро и болезненно. Эмансипированный сын восстает против отцовской власти. Невестка, получившая хоть малейшее образование, вдруг заявляет свои права на свободу и отказывается подчиняться свекрови. Это и есть новое дыхание времени - дух, лишенный религиозного корня. Но ведь новое вино требует новых мехов.

Основатель Арья Самаджа сделал сознательную попытку восстановить семью на религиозной основе; однако он опирался исключительно на ведийские материалы, и потому эта попытка с самого начала была обречена. Уже сейчас его собственные последователи спешат отречься от одного из учрежденных им институтов - нийоги, формы временного брака, разрешенной в его системе как для вдов и вдовцов, так и для иных категорий людей.

Необходима простая, мощная религиозная истина - такая, которую мог бы понять и ребенок, и неграмотная женщина. Истина, делающая реформы не просто необходимыми, но неизбежными для всякого, кто ее поймет и примет. И одновременно - истина, возлагающая на мужчин, женщин и детей в семье ясные религиозные обязанности, сдерживающие

произвол личной свободы и охраняющие чистоту и единство семейной жизни. В былые века индуистская семья черпала свое единство, чистоту, дисциплину и покой из религиозных верований, ныне обращающихся в прах. Следовательно, сегодня нужно найти силу равную - но соответствующую духу нового времени. Без нее индуистская семья никогда не восстанет к своей подлинной красоте и величию.

Господин судья Ранаде много лет назад постиг эту истину и выразил ее следующими словами:

“С каждым годом мы все более убеждаемся в том, что только религиозное возрождение может дать нам необходимую нравственную силу для решения тех трудных социальных задач, которые стоят перед нами. Простые доводы пользы или экономический расчет выгоды и убытка никогда не подвигнут общество на принятие и осуществление социальных реформ, особенно в таком народе, как наш, столь глубоко плененным обычаями и авторитетом традиции. Люди в Индии действительно чувствуют - и чувствуют искренне, - что некоторые из их социальных обычаев несут зло. Но поскольку это зло считается временным, они полагают, что оно не оправдывает нарушения божественного закона, ведь такое нарушение влечет за собой наказание еще более суровое. Правда же в том, что ортодоксия утратила внутреннюю силу: она не может ни инициировать перемены, ни отнестись к ним с сочувствием. Только религиозное возрождение не форм и внешнего благочестия, а искреннего стремления к истине, лежащей в основании всякой подлинной религии способно привести нас к желаемому исходу.”

Подобные мысли высказывались и другими в последние годы. Но до сих пор не осознано в полной мере, что реформе индуистской семьи

необходим целостный комплекс новых религиозных убеждений, способных стать фундаментом обновленной семейной жизни.

Мы уже отметили, что все движение за реформы родилось в западной атмосфере, которая все глубже проникает в жизнь Индии. На сегодняшний день оно живет лишь среди тех, кто получил западное образование. Но мы приближаемся к подлинному источнику, когда вспоминаем, что эти мощные идеи прежде всего достигли Рам Мохан Рая и лидеров Брахмо-самаджа через христианское влияние. Однако мы не дойдем до корня истины, если не признаем, что каждый из принципов, лежащих в основании этого движения, пришел к нам от Христа. Но, поскольку это станет очевидным всякому, кто внимательно взглянется в труд реформаторов, нам нет нужды говорить об этом дальше. Следовательно, если Христос вдохновил это движение, разве не стоит спросить: не дает ли Он также и те идеи, которые могут лечь в основание новой религиозной структуры семьи? Что Он говорит об основании семейной жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует начать с главных Его принципов, изложенных во Введении.

Прежде всего, позволим себе затронуть один вопрос, нередко обсуждаемый на страницах индийских изданий. Когда христианское учение предлагается как ответ на проблему семейных трудностей в индуизме, индийские читатели обычно возражают: мол, в странах Запада царит ничуть не меньшая распущенность, а количество разводов ничем не уступает индийской статистике. Мы же обращаемся к нашим читателям с просьбой признать две истины. Во-первых, несмотря на все злоупотребления и несправедливости, вытекающие из нездорового семейного уклада, Индия страдает от тех же нравственных изъянов, что и Европа. А во-вторых - и это важнее всего - даже если бы эти изъяны были более вопиющими, они отнюдь не опровергают того, что учение Христа о семье является прочной, всеобъемлющей основой для здоровой жизни

любого человеческого сообщества. Подобно тому как невежество миллионов в городских трущобах Европы не отменяет ценности образования, так и антисанитарные условия жизни множества людей по всему миру не служат доводом против пользы гигиены. Христианство, как и индуизм, должно оцениваться по своим принципам, а не по падениям тех, кто живет в разладе с ними.

Обратимся же теперь к самому Христову учению.

А. Центральная идея христианства - Отцовство Бога. Слово “отец” применялось к Божеству во многих религиях и культурах, но в разных смыслах и с разной глубиной. В первобытных верованиях его значение сводилось порой к биологическому происхождению дикарь верит, что его племя ведет род от некоего божества. В более развитых религиях, где Бог уже осмысливается как духовное Существо, Его именуют Отцом - Творцом, Хранителем, благим Подателем жизни. Здесь слово "отец» употребляется метафорически, так же, как царя могут звать отцом народа. Однако в таком употреблении слова “отец” нет речи о подлинной природе человеческой личности.

Но концепция Христа о Божественном Отцовстве совершенно иная. Для Него Отцовство - это личные отношения между Высшим Духом и каждым человеческим существом.

Христос же вкладывает в понятие Отцовства иной, уникальный смысл. Для Него оно означает личную связь между Всевышним Духом и каждым отдельным человеком. Эта связь включает в себя три неразрывных элемента. Прежде всего, человек создан по образу и подобию Божию, и дух его есть ограниченное отражение бесконечного Духа. Хотя наша духовная природа слаба и конечна, она все же устроена по тем же законам, что и Божья. В человеке сокрыто то, что делает его подлинно человеком - сходство с Богом. Далее, человек создан для личного и живого общения с Богом, как сын с Отцом. В этом кроется самая суть человеческой природы.

И, наконец, Бог, создав человека для сыновства, любит каждую душу нежной отеческой любовью. Он относится к каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку как к возлюбленному чаду, с любовью, не знающей границ и не подвластной разрушению.

Из этого проистекает великая истина: каждый человек бесценен, как в собственных глазах, так и в очах Божьих. Христос сказал:

*“Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?”*²⁹

Это наше родство с Богом наполняет нас неисчислимым потенциалом. В каждой душе заложена способность к духовному и нравственному росту, границы которого невозможно определить. Потому Христос и повелел:

*“Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”*³⁰

С этим величием достоинства сопряжена и столь же великая ответственность. Каждый из нас однажды предстанет пред Божиим Судом и даст отчет о прожитой жизни. Христос сказал:

*“Когда Сын Человеческий придет в славе Своего Отца, окруженный Своими ангелами, тогда Он воздаст каждому по его делам.”*³¹

1. Из этих слов становится ясно, что для Христа истина об Отцовстве Бога настолько фундаментальна, что все иные различия, будь то пола, облика, происхождения, общественного положения, богатства,

²⁹ Матфея 16:26

³⁰ Матфея 5:48

³¹ Матфея 16:27

образования или уровня цивилизации, исчезают. Перед Богом всякий человек - это дитя, обладающее неповторимой ценностью. Женщина отличается от мужчины телесно и умственно, но в глазах Бога она столь же драгоценна, столь же благородна и в равной мере несет ответственность перед Ним. У нее такая же возможность близости с Отцом, как и у мужчины.

Лишь сквозь эту призму можно по-настоящему понять, как Христос говорил о женщинах и как относился к ним. В Его сердце и в Его Царствии они занимают то же высокое место, что и мужчины. Женщина, исполняющая волю Божью, - Его сестра, так же как верный мужчина - Его брат:

*“Кто исполняет Божью волю, тот Мне и брат, и сестра, и мать.”*³²

Иудейская традиция до конца не осознала духовного достоинства женщины, и она занимала второстепенное положение. Ученики были поражены, увидев Иисуса беседующим с женщиной у колодца Иакова. Ему пришлось защищать Марию, сидящую у Его ног и внимавшую Его слову. Его негодование по поводу иудейской практики развода было вызвано именно пониманием духовного равенства женщины.

Женщины, осознав, что в глазах Иисуса они - дети Божьи, столь же любимые, как и мужчины, шли за Ним, оставляя греховное прошлое. Одна стояла за Ним в слезах раскаяния; другая возливала на Его голову драгоценное миро; мать-сирофиникиянка с дерзновением просила исцеления для своей дочери. Женщины служили Христу, сопровождали Его на Голгофу, стояли у подножия креста, первыми пришли ко гробу и слышали весть о Воскресении.

³² Марка 3:35

Для Того, Кто так высоко ценит женщину, моногамия - это единственная приемлемая форма брака. Женщина, равная мужчине в достоинстве и ценности, вступает в союз на равных правах, как полноправная личность. Ее муж полностью принадлежит ей, как и она полностью принадлежит ему. Поэтому, когда Христос говорит о браке, Он заявляет:

*“Разве вы не читали, – ответил Иисус, – что в начале Создатель сотворил их мужчиной и женщиной. И сказал: "Поэтому оставит человек отца и мать и соединится со своей женой, и двое станут одной плотью»? Так что их уже не двое, они – одна плоть.”*³³

В таком единстве не может быть ни третьего, ни четвертого. Таким образом, учение о том, что женщина столь же дитя Божье, как и мужчина, дает незыблемую религиозную основу моногамии. Индуистская практика многоженства, допускающая вторую и даже третью жену при живой первой, вступает в острое противоречие с понятием Отцовства Божьего. Полигамия унижает женщину, отказывая ей в ее духовном равенстве, в то время как на самом деле женщина такую же безграничную ценность, как и мужчина.

Этот принцип духовного равенства женщины и мужчины является секретом здоровья семейной жизни и в других аспектах. Поскольку женщина не менее ценна чем мужчина, девочка имеет те же права на образование, что и мальчик; в таком случае, вдовы и вдовцы должны быть поставлены в одинаковые условия. При вступлении в брак следует в равной степени учитывать интересы и благополучие жены и мужа. Если женщина столь же благородна, как и мужчина, почему она не может есть с ним за одним столом? Почему она должна быть затворницей в зенане,

³³ Матфея 19:4-6

когда он имеет право быть свободен? Равенство в духе требует и равенства в возрасте, образовании, культуре между супругами, чтобы их союз был гармоничен, прочен и благотворно влиял на воспитание детей. Таким образом, подлинное достоинство женщины восстанавливается; те богатства сердца, разума и воли, что заключены в ней, наконец находят выход только тогда, когда женщина больше не подавлена и не лишена той свободы, что дана ей по праву рождения.

2. Каждый человек - возлюбленное и бесценное дитя Божье, и эта истина проливает свет на природу детства. Христос с особой нежностью говорил о детях. Он сказал следующее:

*“Кто ради Меня принимает такого ребенка, тот принимает и Меня. Но если же кто введет в грех одного из этих малых, верующих в Меня, то для него было бы лучше, если бы ему повесили на шею мельничный жернов и утопили в море.”*³⁴

Но Христос идет дальше, продолжая свои размышления. В детях - в их чистоте, смирении и доверии - Он видит образец тех, кто достоин войти в Царство Небесное. Когда к Нему принесли детей, ученики хотели отослать их. Но Христос вознегодовал и сказал:

“Некоторые люди приносили к Иисусу детей, чтобы Он прикоснулся к ним и благословил. А ученики их бранили. Но когда Иисус это увидел, Он рассердился и сказал: Пусть дети приходят ко Мне, не запрещайте им, потому что Царство Божье принадлежит таким, как они. Говорю вам истину: кто не примет Божье Царство, как

³⁴ Матфея 18:5-6

ребенок, тот не войдет в него. И обняв детей, Он благословил их, возлагая на них руки.” ³⁵

Сложно ли понять, почему дети любили Его? Когда Он, кроткий и смиренный, въехал в Иерусалим на осле, очистил Храм от торгующих, исцелял слепых и хромых, малые дети стояли вокруг Него и восклицали:

“Осанна Сыну Давидову!” ³⁶

Таким образом, если мы по-настоящему верим в Божественное Отцовство, мы не вправе делить мальчиков и девочек на более достойных, и менее достойных. Каждый ребенок является драгоценным чадом Божьим, и должен получать самое лучшее, качественное воспитание, включая светское, нравственное и духовное. На отце и матери лежит святая обязанность растить своих детей в познании и любви к их Небесному Отцу.

Учение об Отцовстве Божиим возвышает земное отцовство до священного служения, достойного почитания. Истинный сын будет любить и чтить своих родителей до конца своих дней, и в беде, и в болезни, и в нужде он всегда будет спешить им на помощь, и будет делать это с радостью. Христос придавал величайшее значение этой обязанности и этой благородной привилегии.

Принцип Христа неизбежно ведет детей к обязанности полного послушания родителей. Этот закон он цитирует следующими словами:

“Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле.” ³⁷

³⁵ Марка 10:13-16

³⁶ Матфея 21:15

³⁷ К Ефесеянам 6:2-3

Однако, когда дети вырастают и становятся взрослыми мужчинами и женщинами, мудрые родители больше не будут навязывать им свои ожидания или требовать безоговорочного подчинения. Ведь взрослый сын или взрослая дочь стоят перед Богом в том же отношении, что и их отец или мать, и несут ту же самую ответственность за свои поступки. Разумеется, в большинстве случаев сын будет охотно слушаться отца, но долг родителя заключается не в том, чтобы удерживать его в ученической зависимости, а в том, чтобы взрастить в нем самостоятельность. Поэтому требовать послушания в таком возрасте становится неуместно. Но есть и особые случаи, о которых нельзя забывать: отец может потребовать от сына совершить поступок, который тот считает неправильным, или, напротив, запретить ему то, что сын считает своим долгом. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в примере с преступными племенами, о которых шла речь ранее. Христос Своим личным примером и наставлениями показал, что в подобных обстоятельствах сын обязан послушаться. Когда Его собственная мать пыталась отвлечь Его от служения, Он с мягкой решимостью отверг это вмешательство:

*“Услышав об этом, родственники Иисуса пришли забрать Его, потому что они говорили: Он не в Своем уме... Пришли Его мать и братья и, стоя снаружи, попросили позвать Его. Вокруг Иисуса было много людей, и Ему передали: Твоя мать, Твои братья и сестры стоят снаружи и спрашивают Тебя. Кто Мне мать и кто Мне братья? –спросил их в ответ Иисус. Он обвел взглядом сидящих вокруг Него людей и сказал: Вот Моя мать и Мои братья. Кто исполняет Божью волю, тот Мне и брат, и сестра, и мать.”*³⁸

³⁸ Марка 3:21, 31-35

Другой юноша, призванный Христом следовать за Ним, стал отговариваться, мол, отец не позволит ему уйти до своей смерти. Но Христос сказал, что повиновение должно быть немедленным:

*“Другому человеку Иисус сказал: Следуй за Мной. Но тот ответил: Господи, разреши мне прежде пойти и похоронить отца моего. Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов, а ты иди и провозглашай Божье Царство, – сказал ему Иисус.”*³⁹

В. Иисус ясно учил, что дети Божьи свободны. Особенно ярко это выражено в эпизоде из Писания с уплатой религиозного налога:

*“Когда они вернулись в Капернаум, к Петру подошли сборщики налога на нужды храма и спросили: А ваш Учитель платит налог на храм? Платит, – ответил он. Петр вошел в дом и еще не успел ничего сказать, как Иисус спросил: Симон, как тебе кажется, с кого земные цари взимают пошлины или дань, со своих сыновей или с чужеземцев? С чужеземцев, – ответил Петр. Значит, сыновья свободны, – заключил Иисус.”*⁴⁰

Но этот принцип распространяется далеко за пределы налоговых обязательств. Единственный высший авторитет для детей Божьих является их Небесный Отец. Никто иной не вправе ограничивать их волю. Следовательно, мужчины и женщины свободны вступать в брак или оставаться вне его по собственному усмотрению. Безусловно, для большинства людей брак - это лучший путь. Но для некоторых жизнь без брака более благословенна. Христианская истина не требует от вдовы повторного вступления в брак, отнюдь; она оставляет ей свободу самой

³⁹ Луки 9:59-60

⁴⁰ Матфея 17:24-26

решать, какова ее обязанность перед Богом в данных обстоятельствах. Никто не имеет права запретить ей вступить в новый союз, если она сама этого желает. Дети Божьи должны быть свободны.

С. Христос учит нас, что брак - это постановление, данное Самим Богом, и связь между супругами намного прочнее, чем между родителями и детьми. Еще раз процитируем Его слова:

“Разве вы не читали, – ответил Иисус, – что в начале Создатель сотворил их мужчиной и женщиной, и сказал: “Поэтому оставит человек отца и мать и соединится со своей женой, и двое станут одной плотью”? ”⁴¹

И поступки Иисуса полностью соответствовали Его словам. На свадьбе в Кане Галилейской Он освятил брак Своим присутствием и поделил радость торжества. В другой раз Он решительно подтвердил святость супружеских уз, а сразу после этого с любовью принял на руки маленьких детей и благословил их по просьбе матерей.

1. Таким образом, для Христа брак - это глубоко священное установление, предназначенное Богом как помощь человеку. Супружеская жизнь, в своей сути, есть чистейшее и благословенное состояние. То, что через нее продолжается человеческий род, - явное свидетельство того, что она соответствует Божьему замыслу. Лишь злоупотребления в этой сфере привели многих искренне добродетельных людей к подозрениям относительно чистоты брака. Мужчины и женщины настолько извратили этот союз, что стали воспринимать его как инструмент для удовлетворения страсти. В таком искаженном виде брак действительно низок и чужд духу веры. Но если супруги вступают в союз в духе молитвы и любви к Богу, он

⁴¹ Матфея 19:4-5

становится святым, а семья становится источником чистейших радостей и самой глубокой духовной зрелости, как для родителей, так и для детей.

2. А раз брак имеет столь высокую цель, очевидно, что вступать в него следует только при полной совместимости супругов, телесной, умственной и духовной. Единственно верный критерий при выборе спутника жизни - это личная пригодность. И этот критерий охватывает многое. По этой же причине недопустимы браки с детьми. Ребенок не готов к брачной жизни: его тело, разум и чувства еще не зрелы. С другой стороны, не существует универсального возраста, подходящего для всех. Кто-то взрослеет рано, кто-то - позже; кто-то нуждается в браке раньше других; а кому-то он вовсе не нужен. Но в любом случае, при размышлении об этих вопросах нельзя игнорировать мудрость человечества и достижения науки, касающиеся физического развития и наилучшего времени для вступления в брак.

3. Высокое понимание брака как Божественного установления неизбежно приводит к закону, который Христос выразил с полной ясностью: брак должен сохраняться до самой смерти. Его слова следующие:

*“Итак, что Бог соединил, то человек не должен разделять.”*⁴²

Здесь, как и во многих других случаях, Христос говорит нам не о юридических тонкостях, а о нравственной ответственности. В Его учении нет строгого законодательства о разводе. Он просто требует полной верности между мужем и женой до самой смерти.

4. Из этого же принципа вытекает и христианский взгляд на половую чистоту: вне брака не может быть никакого сексуального удовлетворения. Любое подобное поведение является грехом против нашего достоинства

⁴² Матфея 19:6

как детей Божьих, и тяжким ударом по духовной жизни. От каждого человека вне брака ожидается полное целомудрие, таким же образом, как от него ожидается правдивость и справедливость. Простота этого требования лишь подтверждает его мудрость. Здесь, речь не идет о временном обете целомудрия, но о непреложном, нерушимом законе.

Современные исследования показывают, что целомудрие - это естественное и здоровое состояние для молодежи. Если юношей и девушек правильно наставить с детства, то им не составит особого труда сохранить чистоту. Природа и здоровье сами побуждают к этому, ведь не природа, а искаженные грехом инстинкты сбивают человека с пути. Мы можем пойти еще дальше. И биология, и психология подтверждают, насколько важен период юности в нашей жизни. Развитие эстетического восприятия, углубление эмоций, развитие человеческого интеллекта, и пробуждение религиозных стремлений - без сомнений, все это тесно связано со сдержанностью в юные годы. Самые ценные плоды этого золотого времени невозможно будет собрать, если не сохранять целомудрие. Высшие проявления мужественности и женственности формируются именно тогда, когда юный человек удерживает свои сексуальные порывы под контролем до вступления в брак. Это великий закон, неизвестный древним индусам. Если бы они его знали, то они никогда бы не утверждали, что девушка должна выходить замуж до наступления половой зрелости.

Д. Брак - удел лишь этой, земной жизни. В вечности его не будет. Христос ясно сказал:

*“ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах.”*⁴³

⁴³ Матфея 22:30

Большинство религий не смогли представить себе рай в истинно духовном свете. Как и индейцы, они воображали его как земную жизнь без страданий и с добавлением божественного общества. Так описан рай в Ригведе, и эта концепция сохраняется в индуистской и буддийской литературе. Во многих культурах считается, что на небесах супруги воссоединяются, ведь невозможно представить себе небесную жизнь, если из нее исключен брак. Даже боги в этих религиях женятся и имеют множественное потомство. В некоторых религиях, например, в исламе, плотские удовольствия считаются важнейшим благом загробного мира. И все же, очевидно: такие представления делают невозможным веру в рай для мыслящего человека. Жизнь на небесах либо духовна, либо ее не существует вовсе. Христос не заблуждался в этом: Он ясно осознавал, насколько мир духа отличается от мира земного, и потому откровенно заявил: *на небесах нет брака*.

Если все обстоит именно так, то причина, по которой индуистским вдовам запрещается повторно вступать в брак, отпадает сама собой. Вопрос о том, должен ли мужчина или женщина вступать в брак во второй раз, должен решаться в свете их личного характера и конкретных жизненных обстоятельств. В ряде случаев повторный брак оказывается наилучшим решением; в других - добровольное вдовство остается единственно правильным. Индуска может отказываться от второго брака, чтобы, по ее убеждению, сохранить право быть рядом со своим супругом в небесах. Но осознание глубинной разницы между земной жизнью и духовным миром обнажает всю несостоятельность этой идеи. На небесах мы будем узнавать и любить друг друга, но физические отношения утратят там свое значение. Как и все наилучшее, что существует на земле, супружеская любовь будет преобразована и вознесена к более высокой, духовной форме, о которой нам пока неизвестно.

Е. В каждом из нас пробуждается понимание, насколько прочное и глубокое религиозное основание для семейной жизни заложил Христос. Первый краеугольный камень - это учение об Отцовстве Бога, из которого проистекают возвышенные истины о бесконечной ценности и непреложном достоинстве каждой человеческой души, о духовном равенстве мужчины и женщины, а также о неотъемлемой свободе каждого дитя Божьего. Второй камень - это истина о том, что брак находится в согласии с волей Божией, а потому является священным, чистым и благословенным союзом - единственной формой отношений, в которой половая близость морально допустима и освящена, союзом, который может быть разрушен лишь смертью. Третий основополагающий принцип - это осознание того, что брак принадлежит исключительно земной жизни, ибо в духовном мире, как учит Христос, брака не существует.

Тем самым становится очевидно, насколько эти евангельские принципы подходят для закладывания прочного религиозного фундамента семьи, к которому стремятся индуистские реформаторы. Учение об Отцовстве Бога приходит на смену древней вере в то, что предки оберегают семью, и тем самым формирует подлинную религию домашнего очага. Духовное равенство мужчины и женщины как детей одного Отца становится тем законом, который необходим для оправдания четырех важнейших реформ: более позднего возраста вступления в брак для девочек, предоставления девочкам права на образование, допуска повторного брака для вдов и установления полной моногамии как для мужчин, так и для женщин. А нерасторжимая святость брачного союза, исходящая из его Божественного происхождения, придает семье ту духовную глубину, без которой она не может пленить сердце и связать совесть.

Если бы эти важные истины были действительно преподаны индийскому народу, они заложили бы в сознании прочную и благородную

основу, способную постепенно привести к осуществлению давно желанных реформ. Это происходило бы без потрясений, без вспышек совести и сопротивления традиции. Пока женщины и девочки обретали бы все большую свободу, самостоятельность и знания, эти новые, потенциально опасные дары сопровождалась бы и окружались возвышенными религиозными истинами о личной связи каждой души с Небесным Отцом и о полной ответственности перед Ним за каждую привилегию; и в особенности, за их долг перед отцом, матерью, сестрой, братом, супругом, ребенком и каждым членом семьи.

Между тем нынешняя стратегия, избранная реформаторским движением, несет в себе серьезнейшую опасность с обеих сторон. Ее суть - стремительное внедрение реформ при сохранении в неизменном виде индуистского учения и ритуала. С одной стороны, дети и молодежь продолжают расти под влиянием обрядов погребения, домашних церемоний, храмовых ритуалов, древних мифов, а также наставлений гуру, жрецов и пожилых женщин семьи. Все эти обряды им предстоит объяснить - и тем самым в их самых восприимчивых годах неизбежно укоренится убеждение в действенности пинд, подаваемых душам умерших, и в могуществе богов, чьи имена звучат в ритуале, над каждым аспектом семейной жизни. Им будут внушать, что женщина по природе своей греховна, что она рождается женщиной из-за прегрешений в прежнем рождении, что родители совершают тяжкий грех, если не выдают дочь замуж до наступления половой зрелости, и что вдова является нечистой, если только она позволяет себе подумать о повторном браке. Можно ли назвать все это благотворным влиянием на юношей и девушек, живущих в реформированной семье?

С другой стороны, молодые люди, пользуясь новыми свободами, начнут вступать в отношения, не предусмотренные индуистской традицией, и при этом без всякого нового религиозного сознания, которое

могло бы направить их свободу, предохранить от распущенности и укрепить волю в условиях новых жизненных реалий. Сколько же мятежных невесток, непокорных сыновей, сколько безрассудных поступков и неуправляемых умов породит подобная политика! Кто в здравом уме осмелится назвать ее благоразумной?

V. И все же самое удивительное заключается в следующем. Та самая закваска Христова, проникнув в нравственную и интеллектуальную жизнь Индии, сделала прежние основания семьи недостоверными и побудила лучших представителей индусского народа приступить к созданию новой, более прочной семейной структуры. Но тем не менее, при тщательном изучении предлагаемой Христом семьи, мы к нашему изумлению обнаруживаем в ней все те же самые благородные идеалы индуистской семейной структуры, но уже очищенные, и доведенные до совершенства. Таким образом, Христос увенчивает индуистскую семью новой структурой - не чуждой, но органически вырастающей из прежней системы, доводя ее до зрелости и совершенства. Особенно примечательны следующие моменты:

(а) Священный характер, придаваемый каждому аспекту семейной жизни в индуизме, не отвергнут Христом, но углублен. Он учит не только тому, что семья и брак учреждены Богом, но и тому, что Сам Бог, Отец всех людей, а значит, всякая семья на земле - это уменьшенное отражение небесной семьи, каждая домашняя обитель - прообраз Царствия Божьего. Христос открыл сердце Отца, когда взял детей на руки и благословил их.

(b) Моногамия, которая всегда была обязательной для индуистской женщины, в христианстве утверждается как закон для обоих супругов.

(с) Высокий идеал верности и целомудрия, традиционно возлагаемый на индуистскую жену, в христианстве в равной мере требуется и от мужа.

(d) Достоинство мужа и отца, столь почитаемое в индийской традиции, подтверждено Христом, но в равной степени распространяется и на жену и мать.

(e) Христос призывает ценить дочерей не менее, чем сыновей, что составляет суть подлинного родительского достоинства.

(f) Если в древней Индии право на образование - как религиозное, так и светское - принадлежало лишь мальчикам из высших каст, то в христианстве оно даровано каждому ребенку, вне зависимости от пола, расы или социального положения.

(g) Целомудрие, столь мудро оберегаемое у индусского юноши в период учебы, по христианскому закону становится обязательным для всех подростков без исключения. Каждый человек, не состоящий в браке, должен хранить чистоту, а поскольку христианство утверждает, что к браку должны приступать только взрослые, - целомудрие становится святой обязанностью каждого юноши и каждой девушки в годы их становления.

Таким образом, слабость и внутренние противоречия, разъедающие современную индуистскую семью, могут быть исцелены лишь в свете Христовых принципов. Божественные истины о мужчине и женщине, которые Он открыл, необходимы для того, чтобы вознести лучшие традиции, сделать универсальными высшие законы и устранить самые вопиющие злоупотребления. Христос не разрушает, но преобразует индуистскую семью и делает ее по-настоящему славной.

ГЛАВА III

ВЕЧНЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

Мы уже рассматривали, какой была религиозная система ариев в момент их прихода в Индию. Спустя столетия, когда они вели империю, подчиняя себе народы Северной Индии и утверждая свое политическое и интеллектуальное господство, сформировалась великая доктрина кармы и перерождения. На первый взгляд, это учение касается жизни и смерти; однако его суть невозможно постичь, не осознав, что в основании лежит прежде всего моральная теория. Этот период был временем серьезных размышлений, в котором обрела форму вера в трансмиграцию, а также концепция единого непознаваемого Бога, стоящего за множеством божеств.

I. Мы можем лишь частично понять происхождение этой доктрины. Внешние условия ее возникновения остаются во многом неясными. Известно, что это был период арийской экспансии в Северной Индии, и, по-видимому, именно в великом интеллектуальном напряжении, вызванном контактом живого арийского ума с многочисленными и разнообразными народами этих равнин, зародилась и была сформирована теория перерождений. Однако дошедшие до нас литературные свидетельства слишком фрагментарны, чтобы точно проследить происхождение этой концепции и источники ее элементов. В Брахманах встречаются новые идеи по вопросам эсхатологии: древняя уверенность в блаженном бессмертии среди богов и предков начинает уступать место пугающему страху перед *ахутой* - возможностью умирать вновь и вновь в

ином мире. Ад становится все более пугающей реальностью. Но в этих текстах нет ни намека на перерождение, ни самой доктрины кармы.

Несомненно, среди анимистических племен, с которыми арии сталкивались на равнинах Севера, существовали верования в возможность воплощения душ в животных. Вероятно, были и тотемические кланы, считавшие, что после смерти человек превращается в тотемное существо - тигра, быка, лягушку или змею. Однако, даже если идея перерождения в животных действительно пришла от коренных народов, это лишь один из элементов более сложной доктрины. Силу над умами и нравственное значение это учение получило лишь тогда, когда сказочный мотив был объединен с этическим принципом воздаяния, - несомненно, это результат размышлений арийского ума. Это подтверждается тем, что впервые доктрина появляется в текстах, принадлежащих именно культурным арийцам - в ранних Упанишадах, таких как “Брихадараньяка” и “Чхандогья”. Сначала ее усваивает интеллектуальная элита, затем она передается брахманами народу. Даже если отрешиться от этих свидетельств, разум подсказывает, что идея переселения могла быть заимствована из примитивного источника, но сама концепция кармы, безусловно, является плодом арийской мысли. Ведь хотя вера в трансмиграцию встречается во многих культурах, индуистская доктрина кармы остается уникальной.

Что касается внутренних оснований этой веры, то и они во многом остаются неясными. В ее основе лежит глубинное человеческое убеждение в том, что мир управляется справедливостью, что над нашей жизнью господствует нравственный закон, и что каждый поступок - добрый или злой - должен быть вознагражден или наказан с абсолютной точностью. Суть идеи в том, что каждый человек пожнет в будущем ровно то, что посеял в этой жизни. Однако как именно индоарии пришли к соединению этих представлений с идеей перерождения душ, неизвестно. Возможно,

изначальной была вера в то, что человек получает воздаяние уже в этой жизни. Так, когда Дашаратха, царь Айодхьи, вынужден отправить в изгнание своего любимого сына Раму, он, погруженный в скорбь, вспоминает случай из юности, когда по неосторожности убил стрелой молодого отшельника - единственного сына пожилых родителей. Дашаратха видит в своей теперешней боли справедливое возмездие за тот поступок. Здесь мы имеем дело с воздаянием в пределах одной жизни, именно эту теорию придерживались и другие народы, включая ранних израильтян. Однако сама жизнь постоянно ставит ее под сомнение: слишком часто праведники страдают, а злодеи преуспевают. Этот внутренний кризис веры в жизни израильского народа ярко выражен в Книге Иова. Можно предположить, что к моменту, когда арии познакомились с идеей перерождения души, они уже осознали несостоятельность теории воздаяния в пределах одной жизни и восприняли трансмиграцию как решение этой проблемы. Мы не можем утверждать этого с уверенностью, ведь все это лишь гипотезы. Но мы знаем, что в “Брихадараньяке” и “Чхандогье” ряд выдающихся мыслителей преподносит учение о том, что человек пожинает в следующей жизни то, что сеет в нынешней, как откровение новой истины.

Из этих текстов видно, что изначально доктрина была направлена в будущее: человек обязательно пожнет воздаяния за свое поведение, но в другом перерождении. Вскоре мысль двинулась дальше, и таким образом, нынешние обстоятельства стали объясняться как следствие поступков в прошлых жизнях. Постепенно выстраивается представление о том, что череда воплощений не имеет ни начала, ни конца.

Здесь нам пригодится определение некоторых терминов:

Доктрина *перерождения* утверждает, что душа - искра божественного, капля из океана божества - воплощается бесчисленное количество раз. Она может быть богом, человеком, животным или даже

растением. Цикл рождения и смерти бесконечен, и нет покоя для души, пока она не найдет способ как ей обретет освобождение, и не вернется к своему божественному источнику.

Слово *карма* буквально означает “действие”, но в этом учении оно обозначает неотвратимое следствие поступка в форме будущего существования. Идея такова: тело, характер, способности, темперамент, происхождение, богатство, положение - все это является точным воздаянием за действия в прежних жизнях. Каждый поступок неизбежно воплощается в новом рождении. Это воздаяние происходит не только через страдание или счастье (*бхоктривам* - пассивное переживание опыта), но и через активность человека (*картривам* - действия), которые формируют новую карму. И как только заканчивается отработка старой кармы, новая запускает новый цикл рождения. Душа подвергается формирующему влиянию собственных поступков: каждый добрый акт облагораживает ее, ослабляя привязанность к миру чувств; каждый злой - разрушает и погружает глубже в круговращение. Человек не достигает душевного здоровья, пока не пройдет через множество жизней, наполненных внутренней работой и очищением..

В древности, как и ныне, теория перерождения пользовалась популярностью потому, что давала объяснение устрашающим контрастам человеческой жизни. Родился ли человек слепым, глухим, уродливым? Это же все карма. Достиг ли он императорской власти, стал ли обладателем несметных богатств? Это все тоже карма. Физические данные, интеллектуальные способности, наследственность, социальный статус, удача - все это рассматривается как результат поступков в прошлых воплощениях. Так появляется, казалось бы, разумное объяснение крайней неравномерности человеческих судеб. Ведь если Бог делает одного человека философом, царем или богачом, а другого - безумцем, уродом или слабым телом, разве это не проявление несправедливости? Учение о

карме упускает это недоумение и тем самым объясняет свою притягательную силу.

Для западного ума доктрина интересна прежде всего широтой моральной перспективы: каждое событие рассматривается как следствие нравственного поступка, а совершенствование души - как труд, растянутый на миллионы лет и тысячи жизней. В индуистской мысли таким образом прослеживается направленное движение к высшему. Учение, разумеется, не отвергает морали и не отрицает борьбы за преодоление страстей.

Но по мере развития размышлений, возникло и новое стремление к освобождению от самих перерождений. Люди начали воспринимать череду жизней как бремя и даже сожалеть о добрых делах, поскольку они влекут за собой новое перерождение столь же неизбежно, как и злые дела. Выходит что то, что раньше казалось наивысшей наградой, со временем стало тягостным.

II. Для вдумчивого исследователя одним из наиболее поразительных аспектов этой доктрины является не только ее объяснение жизни души и всех форм страдания, но также ее претензия на то, чтобы истолковывать все явления природного мира, оправдывать кастовую систему и объяснять необходимость подчинения законам касты, семьи и религии. Прежде всего, она служит источником глубокого пессимизма Индии, который, в свою очередь, породил целое философское течение. Мы, вероятно, лучше поймем его влияние на религию, если рассмотрим его в контексте мира, души и Бога.

A. Мир - это царство кармы. Беспрерывная череда душ, проходящих через рождение и смерть в образах растений, животных, людей, демонов или богов, рассматривается как объяснение не только человеческих радостей, страданий и характеров, но и всей совокупности явлений материального мира. Все видимое является результатом действия

множества невидимых душ. Карма - это закон феноменального бытия. Из этого неизбежно вытекает ряд следствий:

1. Поскольку каждое событие в мире есть следствие предыдущего действия, а за всяким действием неминуемо следует возмездие, становится очевидным, что этот процесс не может иметь ни начала, ни конца. *Сансара* - так называется эта бесконечная цепь - вечна. Следовательно, и сам мир вечен, он постоянно существует рядом с Богом. Считается, что человеческое существование, со всеми его страданиями и грехами, будет продолжаться вечно. Иные элементы этой системы органично вписываются в ту же картину: поскольку карма - это система нравственного воздаяния, то она должна быть представлена как вечная. Так как характер и состояние человека обусловлены его прежними поступками, а новые действия непременно влекут за собой новую жизнь, этот круговорот не может иметь начала и не будет иметь конца. Следовательно, душа так же вечна, как вечен Бог.

2. Хотя мир и вечен, целиком подвластен закону кармы. В этом смысле он по природе преходящий: он вечно исполнен рождения и смерти, страдания и боли. Каждая душа в этой вселенной находится в узах, прикована кармой к бесконечному кругу страдания, удовольствий, рождений и умираний.

3. Сам процесс воздаяния настолько изнурительный, а поступки душ столь беспокойны, что мир неизбежно склоняется к упадку. Золотой век, *Крита-юга*, эпоха полной добродетели, уступает место эпохе трех четвертей добра - *Трета-юге*, затем - эпохе наполовину добра, *Двапара-юге*, и наконец - *Кали-юге*, когда добра остается лишь четверть. Таким образом, упадок - не отклонение, а предначертанная участь всего мирского. Прогресс невозможен по определению. Мы ныне живем в последнюю эпоху - век зла, который неумолимо катится к окончательному моральному разложению.

4. Индуистская вера в периодический распад и воссоздание мира является прямым отражением идеи переселения душ. Согласно ей, вся феноменальная вселенная после четырех эпох погружается в бесформенное, незримое, первоэлементное состояние; души покидают свои тела, материя и души пребывают в покое до наступления нового цикла. Затем материя вновь начинает эволюционировать; появляются неорганические формы, растения, животные, люди, демоны, боги. Цикл переселения возобновляется ровно с того момента, на котором закончился. Касты формируются заново; *риши* снова узревают Веды; и мир становится таким же, каким он был прежде. Период от возникновения до распада мира называется *кальпа*, а период покоя - *пралайя*. Таким образом, индуистское представление о ходе мира - это бесконечная череда сменяющих друг друга фаз активности и покоя. Эти чередования не ведут ни к развитию, ни к деградации, ибо в начале каждого нового цикла мир всегда оказывается тем же самым. Самоповторение - это сущностная черта этого процесса, а не эволюция. Единственная цель всего это воздаяние; никакой мировой цели, к которой должен стремиться этот процесс, не существует.

5. Обратимся теперь к вопросу каст. Индуист убежден, что его принадлежность к определенной касте является прямым следствием прежних перерождений. Каждый человек рождается именно в той касте, к которой его подготовили его поступки. Если в предыдущих жизнях он был высоко развит духовно, он рождается брахманом. Если же ступенью ниже - кшатрием, и так далее. Именно эта идея радикально отличает индуистский социальный строй от всех иных: кастовое положение рассматривается как точный индикатор состояния души.

Таким образом, считается, что каждый индус приносит с собой в этот мир некий духовный капитал, накопленный в прошлых воплощениях, и именно он определяет его принадлежность к той или иной касте.

Кастовое положение в будущих жизнях будет зависеть от того, насколько усердно человек исполняет свои нынешние обязанности. Каста, в которую он рожден, считается единственно подходящей формой существования, в которой душа может обрести подлинный прогресс. Следовательно, он не может сформировать хорошую карму, если не живет как верный представитель своей касты, строго соблюдая ее обычаи и выполняя все предписанные обязанности. Основные из них - это семейные обязанности и обязанности перед богами. Более подробное изложение всех этих предписаний будет дано в пятой главе. Здесь важно лишь подчеркнуть, что доктрина кармы и перерождения значительно усилила религиозную обязательность всех этих норм, внушая, что пренебрежение хоть одним предписанием Вед повлечет за собой будущие бедствия.

6. Так как все радости и несчастья, выпадающие на долю человека, суть следствие его собственной кармы, каждое страдание трактуется как наказание за грехи прошлого рождения. Когда из-за интриг Кайкейи Рама, старший сын царя Дашаратхи, отправляется в изгнание, он вспоминает страдание своей матери Каусальи и говорит:

*“Наверное, еще до рождения,
по вине Каусальи,
некоторые дети были вырваны
из материнских объятий,
и потому сегодня
она оплакивает этот злой день.”*

В обычной индуистской среде, если мужчина умирает, его вдове положено ничтожное утешение, размером в 101 копейку. Говорят, что если бы она в прошлом рождении была женщиной страстной и греховной, то он просто не мог бы прожить дольше.

Та же доктрина применяется для объяснения “униженного и оскорбленного” положения низших племен. Согласно авторитетам ортодоксального индуизма, человек, живущий нечестно, рождается собакой, свиньей или чандалой (то есть изгоем). Аналогичным образом объясняется и рождение в качестве чужеземца. Именно по этой причине индуисты, как правило, не испытывали сострадания к этим несчастным, живущим среди них. В их глазах это были преступники космоса, отбывающие заслуженное пожизненное наказание. С какой стати их жалеть? Это все равно что жалеть душу, воплотившуюся в червя или навозного жука.

Но эта вера заходила еще дальше. Поскольку страдания этих людей были справедливым возмездием за прежние грехи, никакая сила на земле не могла избавить их от доли страданий. Их карма должна быть исчерпана. Индусы не только разделяли распространенное в древности мнение, будто низшие племена сродни животным и не поддаются облагораживанию, -их высшее моральное учение утверждало, что бесполезно пытаться им помогать: ничто не остановит закон кармы от того, чтобы воздать каждому по заслугам. Вот один весьма поучительный случай, который произошел с моим коллегой по миссии:

“Однажды в Мадрасе со мной произошел интересный случай. Утром, когда я занимался своими делами, ко мне пришли с вестью, что что в доме моего друга появилась вдова-индуистка с особой миссией. Я отправился туда, чтобы встретить ее. Я немедленно направился туда и застал молодую женщину, вдову и аскетку, с величественным спокойствием, словно просвященная, и напевающую какую-то тамильскую песню. При этом она подыгрывала себе на небольшом струнном инструменте. По ее щекам катились крупные слезы. Мне сказали, что это был псалом в честь ее божества. Когда

песнопение завершилось, я начал разговор через переводчика. История ее была следующей: она происходила из уважаемой семьи среднего класса; после смерти мужа дала обет служить в храме Тирупати. Она по-прежнему была связана с этим храмом и прибыла в Мадрас, чтобы собрать средства на новый набор украшений для своего бога. Как раз в то утро мои мысли были заняты бедными судьбами тех сироток, которых я видел на улицах. Я предложил ей создать приют для этих детей и спросил, не могла бы она стать для них духовной матерью. Но мое предложение совсем не тронуло ее. Она сказала, что не видит в этом никакого религиозного подвига. Насколько я помню, она еще подметила: "Что мне делать с этими детьми? Они же утратили свою касту, принимая пищу от кого попало! Неужеле вы не понимаете - они страдают за свои грехи в прошлых перерождениях. Кто способен им помочь? Это не мое дело."

Следует ясно понять следующий факт: не только по отношению к “отверженным”, но и в целом, теория кармы, рассматривая всякую слабость, любой недостаток и всякое несчастье как справедливое и неизбежное наказание, серьезно ограничивает естественный поток человеческой доброты и ставит преграды на пути развития искренней филантропии. Милосердие может существовать только вопреки карме, но никак не одновременно с ней.

7. Поскольку мир - это царство кармы, и даже боги подчинены ее власти в той же степени, что и люди, а Брахман при этом полностью свободен от кармы, вся система оказывается вне контроля какого-либо личного божественного существа и действует как бы сама по себе.

В. Души. Как мы уже видели, все души - вечны. Будь то боги, демоны, люди, животные или растения, все они пребывают под властью

кармы, определяемой их собственными прошлыми поступками - добрыми или плохими. Однако между душами и физическим миром существует важное различие: души, в отличие от вещей и тел, способны освободиться от кармы. Чтобы этого достичь, им необходимо пройти через бесчисленные жизни и неустанно двигаться вперед и вверх. Ни один, даже самый малый проступок, не может быть прощен. Все должно быть искуплено. Только живя добродетельной жизнью, можно достичь прогресса. И вот, когда благодаря своей хорошей карме душа рождается человеком, да еще и в хорошей индуистской семье, и если она готова полностью отречься от мира и вести жизнь изолированного монаха, то тогда перед ней открывается возможность освобождения.

Трансмиграция полностью разрушает старую веру в бессмертие, проведенное в небесах в обществе "отцов", Ямы и богов. По мере того как размышления обращались к этой теме, сложилось представление о том, что души после смерти временно пребывают в раю или аду, в зависимости от их заслуг. Таким образом, и рай, и ад утратили статус конечной цели, и они стали лишь промежуточными пунктами между двумя жизнями.

С. Брахман - непознаваемый Единый, Источник всего сущего - считается как абсолютно свободный от кармы и от трансмиграции. Его постоянно описывают как нерожденного и свободного. Контраст между ним и миром подчеркивается снова и снова. Поскольку любое действие, независимо от его моральной окраски, порождает карму, Брахман считается как абсолютно бездействующий. Если бы он был хоть в чем-то вовлечен, то тогда он попал бы под власть кармы. Следовательно, о нем говорят, что у него нет ни желаний, ни целей, способных побудить его к действию. Он пребывает в совершенном безмолвии, в абсолютном равнодушии, лишен всякой страсти. Эта великая идея о бездействии Брахмана оказала глубокое воздействие на индуистскую теологию. Она исключила Брахмана из зоны действия какой либо морали и религиозного

почитания, сделала невозможным представлять его как целенаправленного Творца, и наоборот, создала тенденцию воспринимать его как безличное существо. Мы подробно обсудим эти моменты в следующих главах.

Эти параграфы ясно показывают, какое доминирующее положение занимает в индуизме доктрина кармы. Нет ни одной стороны жизни индийского народа, которую бы она не затронула. Именно карма придает индуизму его уникальный, неповторимый характер.

Теперь становится очевидным, что по своей сути это - моральная теория. Трансмиграция является наиболее зрелищной и запоминающейся ее частью. Но в самой сердцевине доктрины лежит убеждение, что каждый поступок неизбежно влечет за собой воздаяние. Это воздаяние имеет два аспекта: с одной стороны, оно проявляется в тех событиях, которые переживает человек; с другой - в изменениях, происходящих в его собственной душе. Согласно учению, каждый поступок либо возвышает человека, помогая ему двигаться к освобождению, либо, напротив, делает его хуже, укрепляя его привязанность к миру. А поскольку индуса учат, что, если он хочет обрести хорошую карму, то он должен строго исполнять каждую деталь предписаний своей семьи, касты и религии, изложенных в *Дхармашастрах*. Доктрина кармы включает не только теорию воздаяния и развития души, но и определенный моральный кодекс. Таким образом, учение о карме и трансмиграции составляет краеугольный камень индуистского нравственного сознания.

Д. Теперь нам следует обратить внимание на один из важнейших аспектов влияния этой доктрины на историю, а именно, на ее склонность порождать в народе пессимизм. Разумеется, нам не следует преувеличивать эту тенденцию: каждый наблюдатель понимает, что индийский взгляд на жизнь не сводится к одному только унынию. И все же, трудно отрицать, что индуистская мысль пребывает под определенной

тенью. Одни склонны объяснять это влиянием нации, другие - воздействием климата. Какова была окончательная причина - неизвестно. Но непосредственная причина вполне очевидна для нас: эта тень легла от учения о трансмиграции и карме. В одной из следующих глав мы увидим, что именно она и стала стимулом, побудившим индийский ум к его величайшему усилию - усилию, которое породило всю философию Индии.

Рассмотреть склонность к пессимизму можно с разных сторон, каждая из которых, как увидим, сформировалась под влиянием кармы.

Во-первых, само по себе представление о том, что душа вечно прикована к миру, который постоянно меняется и полон страдания, вызывает грусть. Поскольку весь мир находится под властью кармы, все феноменальное казалось индийцу предвестником нового рождения, а значит, злом. Мысль о том, что за каждый поступок, без исключения, следует воздаяние, и нет вообще никакой возможности избежать последствий, была просто угнетающей. А уж то, что вся эта система не управляется никаким личным божеством, а функционирует автоматически - по нравственному, но холодному и безучастному закону, - вселяло почти что мистический страх в их разумы. У людей было ощущение, что они попали в жернова машины, которая действует безошибочно, строго по закону, но при этом абсолютно бесстрастна и безбожна. Как удивляться тому, что это учение отбрасывало тень на дух народа? Что индийцы начали чувствовать себя узниками этой вселенной, окованными в невидимые звенящие цепи?

Поэтому неудивительно, что, едва оформившись, эта концепция тут же вызвала умы к поиску спасения. Самые ранние свидетельства о доктрине трансмиграции появляются в Упанишадах - текстах, целиком посвященных освобождению. Как только мыслящие индусы осознали всю тяжесть своих оков, их начал волновать вопрос: как дух может обрести

свободу? Это стремление к освобождению прошло через несколько заметных этапов.

1. Первый из них - это философский этап. Это было то время, когда каждый духовный учитель предлагал свой, единственно верный путь к освобождению, свои знания и свою дисциплину. Философия становилась не просто умозрительной, но по сути своей, практической наукой. Да, она порой углублялась в метафизику и космологию, но главная ее цель оставалась неизменной: показать, как человеку разорвать связи с феноменальным миром, выйти из-под власти кармы и, тем самым, избежать новых рождений. Каждое учение предписывало, от чего именно нужно отказаться, и все, что могло породить новую карму, следовало отсечь. На этом этапе шанс достичь освобождения имел только монах, который жил в полном отречении.

2. Позднее возникло новое понимание: освобождение стало возможным и для простого мирянина. Аскетизм, безусловно, продолжал считаться добродетелью, но отныне он уже не был необходимым условием для освобождения. Около начала христианской эры появляется теория, близкая по духу к буддийской идее: человек связан желаниями, и как только он освобождается от желаний, узы кармы рушатся. Индусская версия этой мысли гласила, что если человек без эгоизма, без стремления к вознаграждению, исполняет все предписанные обязанности своей касты и религии - то тогда он сможет достичь освобождения, при этом не отрекаясь от мира.

3. Очень скоро данная теория претерпевает еще одно изменение под влиянием теистических представлений. Здесь появляется вера в Личностного Верховного, способного даровать спасение, освободив человека от цепей кармы, но только в некоторых случаях. Эта идея имеет две формы. В одной - если человек с духом самоотречения исполняет свои обязанности ради Вишну и без надежды на награду, его действия не

создают карму и не связывают душу. А другая форма звучит так: если человек с искренней преданностью служит Богу, то Бог Сам избавит его от всех грехов.

4. В шиваитской традиции эти идеи развивались менее радикально, но на юге Индии все же оформилась четкая вера в то, что именно Шива дарует душам такие перерождения, которые как можно скорее приведут их к духовному освобождению от кармы и трансмиграции. Таким образом, и здесь теистическая мысль медленно, но верно трансформировала эту замкнутую религиозную систему.

Эти четыре направления развились в среде людей, которые воспринимали доктрину переселения душ со всей серьезностью и с логической строгостью. Однако, важно заметить: хотя идея трансмиграции очень рано укоренилась во всех слоях индийского общества и до сих пор вызывает почти всеобщее уважение, на самом деле ее глубинный смысл так и остался непостижимым большинству населения. Простой индус принимает ее как объяснение кастовой системы, человеческих страданий и неравенства в своем обществе. Но он редко осознает, что логически из этого следует следующее - боги лишены силы благословлять или проклиная человека.

Его предки, до появления этой доктрины, приносили богам жертвы и молились о здоровье, богатстве, детях, прощении и избавлении - другими словами, о всем том, чего желает простой человек. С другой стороны, Аскеты и отшельники исполняли суровые обеты, надеясь на чудо, способное изменить их судьбу. Эти два направления - молитвенная практика и аскетизм - еще долгое время поддерживали представление о том, что судьбу можно изменить, смягчив тем самым строгость кармического закона в глазах простого народа.

III. Этот обзор попыток индуистской мысли освободиться от власти кармы ясно показывает, насколько трудно индусам было на протяжении

веков принять эту доктрину во всей ее строгости. Дух человека не мог не сопротивляться - не мог не биться крыльями о решетку, в которую его заключили. И все же, в наши дни ситуация зашла гораздо дальше. Сегодняшние образованные индусы по-прежнему признают карму как гениальную умозрительную теорию, объясняющую неравенство человеческих судеб, и прославляют ее как одну из самых значительных идей, рожденных человеческим разумом. Однако новые идеи и стремления охватили умы с такой силой, что направления их мыслей и дел сильно изменились. Социальные порядки и религиозные практики, которые были построены на карме и трансмиграции, теперь все чаще либо игнорируются, либо подвергаются переосмыслению. На практике значение этой доктрины стремительно сходит на нет.

Сегодня в среде образованных индусов доминирует взгляд вперед, в будущее, в образ новой, счастливой и процветающей Индии, которая должна возродиться благодаря объединенным усилиям и самопожертвованию ее граждан. Этот народ должен обновиться, стать мудрым, способным, умным и добрым; богатства страны - раскрыты и использованы; политическая свобода - завоевана; образование - разбудить разум Индии и вдохновить ее к такой активной, успешной деятельности, какой еще не знала ее история. И тогда Индия, с ее образованным, духовным, культурным народом, займет достойное место среди сильнейших, уважаемых и передовых стран мира. Все это и есть прямой отход от старого идеала, согласно которому каждый человек должен был жить так же, как его отец и дед, а государственный строй - сохраняться в неизменном виде. Уходит и древняя вера в то, что четыре эпохи следуют одна за другой в порядке неизбежного упадка. Но как же тогда строить новую национальную жизнь, если мы, согласно традиционным представлениям, живем в *Кали-юге* - веке мрака? Ясно одно: западная идея

бесконечного прогресса человеческой жизни с поразительной мощью овладела сознанием индийского народа.

Политическая сторона национального движения сыграла в этом особенно важную роль. Политики начали осознавать, что до тех пор, пока индийский народ не станет более единым, чем сейчас, политическая свобода остается недостижимой. Именно это понимание заставило самых выдающихся националистов Индии, включая самого Сурендраната Баннерджи, заявить: подлинный политический прогресс просто невозможен без полной социальной свободы. А это означает, что кастовая система должна быть отменена прежде, чем народ сможет стать по-настоящему свободным. К этому добавьте десятилетия настойчивых требований со стороны реформаторов, добивающихся отмены кастовых различий. Кто оценит масштаб этих перемен? Ведь, как мы только что видели, теория трансмиграции утверждает, что человек рождается в своей касте согласно своей карме. Следовательно, тот, кто искренне верит в эту доктрину, неизбежно будет отстаивать кастовую систему до конца. И тогда возникает вопрос: неужели наши политики и реформаторы в самом деле готовы изгнать эту теорию в забвение?

Пока что лишь относительно небольшая часть образованного населения дошла до точки, где они, подобно лидерам политических и социальных реформ, готовы полностью отказаться от кастовой системы. Тем не менее, уже немало тех, кто склонен к смягчению правил касающихся браков между подгруппами каст, и большинство допускают гораздо больше свободы в вопросах питания. Все это - изменения в повседневной жизни, и даже если рассматривать их вместе, они еще не свидетельствуют о скором исчезновении каст. Однако, одно точно ясно: убеждение, что каста определяется кармой, и что соблюдение всех кастовых предписаний необходимо для обретения хорошей кармы, постепенно утрачивает силу.

Но и это еще не все. Вопрос представительства в имперских советах между индуистами и мусульманами в основном решается на основании данных переписи. Поэтому вопрос, считать ли пятьдесят миллионов отверженных частью индуистского населения или нет, стал серьезной государственной проблемой. Раньше индусы, как правило, отказывались признавать их индуистами, утверждая, что ни их верования, ни их культура не соответствуют истинному индуизму. Однако новые обстоятельства породили новую политику. Сегодня индуистские лидеры называют их братьями и приглашают принять участие в деле возрождения Индии. Некоторые даже предлагают включить их в религиозную общину. Естественно, что более человечный язык по отношению к этим людям вызывает одобрение, даже если на практике перемены еще не столь значительны. Но все же встает вопрос: где теперь теория кармы? Как может человек, считавшийся нечистым и неприкасаемым, быть братом брахмана?

Христианские миссии провели огромную работу среди этих отверженных. Тысячи людей были выведены из грязи, морального разложения, суеверий и приведены к чистоте, образованности, цивилизованной и христианской жизни. Когда миссионеры только начинали это служение, индусы издевались над ними, утверждая, что их усилия - это то же самое, что попытки воспитать обезьян где-то в джунглях. Но невозможное стало возможным. Люди, которых карма обрекала на вечное унижение, были возвышены до нравственной жизни и духовной религии. Таким образом, древнее убеждение, будто таких людей спасти невозможно, было опровергнуто. Вдохновившись этим примером, представители движений Брахмо, Прартхана и Арья Самадж также начали работу по улучшению положения этих людей. Даже некоторые индусы в разных местах подключаются к этой деятельности. Найдется ли более убедительное свидетельство краха доктрины кармы?

Сегодня каждый индиец призван к искреннему, самоотверженному служению ради процветания своей страны. Прежний страх перед действием исчез. Наоборот, бескорыстный труд и активная благотворительность стали предметом наивысшего одобрения. Преподаватель, экономист, предприниматель, открывающий новое промышленное предприятие, ученый, внедряющий передовые технологии - все это теперь получает признание среди народа. Дух старой теории трансмиграции, которая подталкивала размышляющего человека либо вовсе воздерживаться от поступков, либо действовать без стремления к результату, остался в прошлом. Прежний пессимизм тоже исчез: сердца людей обращены в будущее, и перед их мысленным взором все чаще возникает сияющий образ грядущей, золотой Индии.

Мы уже видели, насколько значительные перемены происходят внутри индуистской семьи, особенно в отношении женщин. Старая идея, будто женщина - это существо низшей природы, стремительно отходит в прошлое. И здесь мы наблюдаем отступление от прежнего учения о карме, ведь согласно доктрине трансмиграции, женщина рождалась таковой как следствие грехов, совершенных ею в своей прошлой жизни.

Таким образом, перед нами множество признаков того, что доктрина трансмиграции и кармы отходит в прошлое, даже если большинство индусов еще не толком не поняли, что происходит. Новые идеи, пришедшие с Запада, взволновали умы образованного слоя общества и побудили его к действию; в результате старые представления о переселении душ постепенно теряют свое место, и вытесняются в разных регионах страны.

Можно ли понять, почему эта мощная этическая система, с самого начала определившая облик всего индуизма, и до сих пор занимавшая в нем господствующее положение, - теперь разрушается и утрачивает силу? В следующих главах, по мере того как мы будем рассматривать разные

стороны религии, мы увидим, в чем заключается непосредственная причина ослабления ее влияния в каждом конкретном случае. Но уже теперь становится очевидным ее главное внутреннее противоречие - то самое, которое делает ее совершенно неспособной выдержать давление нового мышления, и в основе которого лежит более живая, одухотворенная нравственность. Фундаментальная слабость индийской моральной теории заключается в том, что она оторвана от Бога. Все старые боги подчиняются закону кармы, и потому никто из них не может быть истинным властелином нравственного порядка. А Брахман, напротив, рассматривается как абсолютное отрицание кармы: он свободен от всяких уз, отделен от действий, и не имеет с ними никакой связи. По этой причине он также не может быть носителем морального авторитета. Отсюда вытекают два серьезнейших последствия. Во-первых, нравственный порядок в индуизме становится чисто механическим, автоматическим, поскольку в нем нет центральной божественной Личности. А во-вторых, высшее Божество, к которому обращена религия, само по себе не является моральным существом. Эта трагическая пропасть между моралью и Богом лежит в основе многих слабых мест, которые сегодня обнажаются в процессе упадка данной религиозной системы.

Нельзя без боли не оглянуться на образ Варуны, каким он представлен нам в Ригведе. Там он выступает как абсолютно праведное Божество, источник *риты* (то есть закона), который охватывает и моральную, и природную сферу. В этом образе был заложен настоящий владыка нравственного порядка. Из столь глубокой концепции мог бы развиваться и высокий теистический моральный строй. Но увы! По причинам, которые для нас до сих пор остаются неясными, этот праведный бог Варуна оказался оттеснен на второй план могучим Индрой, богом воинственной силы, и в конце концов снизошел до роли божества вод. Так, в индуистском пантеоне больше не осталось ни одного божества, которое

могло бы быть признано настоящим властелином нравственного порядка во вселенной.

ГЛАВА IV

БОЖЕСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

I. В древние времена первобытные народы обычно жили кланами или племенами разной численности; и в наши дни у диких народов наблюдается та же форма организации. Существовало множество типов социальной структуры, но самой распространенной была та, где члены племени считали себя происходящими от общего предка и называли друг друга братьями, полагая, что их объединяет одна кровь. Обычно они обращались к какому-то мифическому существу, будь то человек или бог, как к своему прародителю. Все остальные племена воспринимались как происходящие от иного начала. Примитивные народы зачастую рассматривали разные человеческие сообщества так же, как различают виды животных. Люди в каждой такой группе нередко считали только себя настоящими людьми, а членов других племен - чем-то меньшим. Даже народы с развитой культурой традиционно ощущали свою принципиальную инаковость по отношению к остальным. Так, например, греки считали себя по природе свободными, а все остальные народы - рожденными для рабства. Потому идея о том, что племена могут объединяться и жить вместе, была для первобытного сознания попросту немыслима.

Борьба за существование была крайне суровой. Постоянная вражда между племенами воспринималась как естественное и неизбежное состояние. Поэтому члены одного племени должны были хранить верность друг другу, чтобы выжить в этом враждебном мире. Опасности снаружи заставляли тех, кто внутри, держаться вместе как можно теснее. Защищать своих и мстить за своих было делом чести. Кровная месть была одна из первых и важнейших обязанностей.

Так сложилось, что между племенами возникало очень мало контактов. Более того, племенные обычаи, казалось, были намеренно устроены так, чтобы удерживать каждое племя в изоляции. Мужчины из разных племен почти никогда не охотились вместе, а торговля была сильно ограничена. Даже временные союзы для ведения войны встречались редко. Совместная трапеза между людьми из разных племен считалась недопустимой. Есть за одним столом разрешалось только людям "одной крови», потому что считалось, что при этом каким-то образом происходит смешение крови. Для братьев это естественно и правильно, для чужаков - опасно. Брак также, как правило, ограничивался рамками одного кровного круга и во многих племенах регулировался строжайшими запретами. В то же время в ряде племен практиковался брак через похищение, и иногда это был единственно допустимый способ. В таких случаях женщина переходила в племя мужа. Нравственных отношений с чужаками почти не существовало, тогда зачем же им относиться с уважением к врагу?

При всем разнообразии культур есть одна черта, присущая почти каждому племени: социальная организация имела религиозное основание. Каждое племя считало свое общественное устройство священным.

Помимо этого религиозного фундамента, можно выделить три особенно важных момента в устройстве племенной жизни. Во-первых, каждая группа была крайне замкнутой. Не существовало ни стремления к расширению, ни самой идеи единства человечества. Во-вторых, жизнь первобытного общества была скована бесчисленными запретами. Распространено мнение, будто древние люди жили свободно, но исследования показывают, что наоборот, первобытный человек был скован ритуалами и ограничениями на каждом шагу. Его жизнь сопровождали постоянные церемонии, определенные виды пищи были под строжайшим запретом, браки - строго регламентированы, на некоторых людей нельзя было смотреть в определенное время, нельзя было прикасаться к

мертвецам, к определенным предметам, все это считалось нечистым или смертельно опасным. Таким образом, жизнь древнего общества была пронизана табу.

В-третьих, в представлениях этих народов почти не было морали в привычном нам смысле. Да, из многочисленных социальных запретов позже выросла мораль, но в тот период среди всех этих установлений почти не было подлинно нравственных норм. И уж тем более не существовало морали в отношениях между племенами.

Таким образом, основные черты раннего общества - это крайняя замкнутость, обилие ограничений и зачаточная, формирующаяся мораль.

II. По мере развития цивилизации племенной строй постепенно преодолевался, по-разному, в разных регионах. Переход к сельскому хозяйству вел к оседлому образу жизни и ослаблению вражды. Племена, живущие бок о бок, начали контактировать между собой, и также развивались формы общения, не разрушающие племенной уклад. Это создавало условия для возникновения новых форм общественной жизни и для построения более широкого единства.

Завоеватели, вторгаясь, разрушая, переселяя и подчиняя племена, часто невольно расшатывали старую систему и закладывали основы более крупной политической и социальной структуры. Великие правители Вавилона, Египта, Ассирии и Китая своим завоеваниями изменили карту мира. Мы видим, как множество отдельных племен под давлением военной силы объединялись в нации.

Греция представляет собой более высокий уровень культурного развития и иную форму единства. Разные греческие города сохраняли собственные законы и обычаи, но ощущали свое культурное родство как эллины, что позволяло им объединяться в федерации для защиты от врагов. При этом каждый полис сохранял свою уникальность в религии, политике, искусстве, общественной жизни. Именно это объясняет столь

яркую индивидуальность Спарты, Афин, Милета, Фив, Коринфа и других городов.

Однако эти федерации не обладали достаточной прочностью, чтобы противостоять серьезной военной угрозе, как показало столкновение с Филиппом Македонским.

Именно римляне и создали ту форму государственности, при которой различные народы, со своими обычаями, религией и замкнутостью, могли сохранять свою самобытность и в то же время быть защищенными в рамках единой могущественной империи. Это позволяло зарождающимся культурам развиваться и приносить плоды. Основным принципом Римской империи - терпимость ко всем этническим и культурным особенностям, если они не угрожали миру и порядку. Сами римляне долгое время были столь же исключительными, как и другие народы, пока упадок не заставил их привлекать чужаков для поддержания империи.

Этот этап в развитии человеческого общества стал значительным шагом вперед. Люди стали жить в более крупных сообществах, вражда между племенами уже не играла определяющей роли. Прогресс очевиден и важен. Но все же, даже в таких продвинутых формах как греческие федерации и Римская империя, древняя идея о раздельности происхождения народов сохранялась. Каждая группа продолжала считать себя особенной, свою религию - исключительной, а социальные и брачные связи - священными и неприкосновенными. Соприкосновение с чужаками воспринималось как осквернение и загрязнение.

Этот дух проникал и в другие сферы. У греков и римлян политические права предоставлялись только “чистокровным”, а ключевые позиции в торговле оставались недоступными для иностранцев. Все это происходило, несмотря на существование широкой федерации. Сакральность каждого отдельного общественного уклада, при всей его ценности, в то же время мешала прогрессивным переменам.

Заметные успехи наблюдались и в сфере личной свободы.

Греки и римляне, несмотря на то, что оставались в плену древних предрассудков в вопросах религии, брака и социальных норм, и по-прежнему соблюдали множество обычаев, которые сегодня кажутся нам нерациональными, все же обладали гораздо большей степенью свободы по сравнению с первобытными обществами.

В-третьих, в сфере нравственных представлений был достигнут значительный прогресс. Этика обрела куда более широкое применение внутри расовой группы и начала оказывать влияние на поведение по отношению к людям, находящимся за ее пределами. Однако даже тогда, если грек или римлянин был изгнан из своей родовой группы, он чувствовал себя как будто вычеркнутым из жизни - почти как лишенный человеческого статуса.

Во всех этих древних цивилизациях - вавилонской, египетской, китайской, греческой, римской и других, глубоко укоренилось убеждение, что общественный порядок установлен богами. Поэтому он считался священным и должен был храниться с почтением и верностью. Именно по этой причине римские власти преследовали христиан: считалось, что христианство подрывает саму основу существующего общества. Борьба с этой новой, разрушительной силой воспринималась как священный долг.

III. Сопоставляя Авесту и Ригведу, можно получить представление о жизни, которой жили предки персов и индоариев в те времена, когда они еще были одним народом. Как и в других древних культурах, их общество условно делилось на три класса: знать, жрецы и простой люд. К моменту появления гимнов Ригведы эти различия начали углубляться, но по-прежнему, речь шла именно о социальных классах, а не о кастах.

Во второй половине ведийского периода жрецы добились значительного влияния. Уже сами гимны свидетельствуют об интеллектуальном прогрессе духовенства. Ритуалы и жертвоприношения

становились все более сложными и изощренными, а для подготовки молодых жрецов создавались специальные школы. В этих условиях вполне естественно, что священнослужение стало делом, передающимся по наследству. Приобретенные знания и ритуальное мастерство были слишком ценны, чтобы передавать куда-то их за пределы семьи. Это было одной из тех сил, которые в совокупности со временем и привели к зарождению кастовой системы.

В то же время, завоевание и подчинение местных племен сопровождалось последствиями, которые трудно было бы избежать. Разрыв между высокими, светлокожими ариями, носителями развитой культуры и утонченной религии, и низкорослыми темнокожими аборигенами, чья жизнь была полна суеверий и грубых привычек, оказался столь значительным, что арии избегали любых контактов с ними. Межрасовые браки были исключены полностью, а даже элементарное социальное общение на тот момент уже представлялось невозможным. Определяющим фактором стал цвет, и это легло в основу всех последующих различий: санскритское слово *варна* (один из терминов, обозначающих касту) буквально так и переводится, “цвет”.

Нечто подобное можно наблюдать и в наше время: достаточно вспомнить отношение среднестатистического европейца к индейцам, а еще быть еще точнее, социальную изоляцию чернокожих в южных штатах США. Такое разделение возникает повсеместно, где заметные культурные различия между расами в добавку сопровождаются контрастом внешности. Потому, когда арийцы покоряли Северную Индию, различие между ними и аборигенами было возведено в абсолют, а между самими покоренными племенами сохранялись прежние разграничения. Так поступали представители высших арийских слоев. Но вполне очевидно, что простые завоеватели не могли бы полностью избежать смешения с местным

населением, и если взглянуть на современные этнографические данные Индии, то они это подтверждают.

До того как Ригведа прошла финальную канонизацию, в ее сборник входил один гимн, в котором утверждается, что брахманы, раджанья, вайшьи и шудры происходят от разных частей тела Бога. *Брахманы* (жрецы), *раджанья* или *киатри* (воины и правители) и *вайшьи* (земледельцы и торговцы) представляют собой те самые старые классы; *шудры* - это покоренные аборигены. Теперь эти четыре сословия описываются как отдельные расы, каждая из которых создано отдельно. В этом гимне говорится о Пуруше как о великом жертвенном существе, и далее следует описание, как из разных частей его тела возникали разные варны:

“Брахман был его ртом; раджанья сотворен из его рук; вайшья из его бедер; шудра возник из его ног.”

Это еще не означает появление каст таких какие они есть сегодня, но уже показывает, что общественное сознание постепенно двигалось в таком направлении, и различия между тремя основными классами и аборигенами становились более заметными. Здесь мы сталкиваемся с зарождением кастовой системы с религиозным обоснованием, но еще не с ее окончательной формой. События двигались в сторону установления достаточно жесткой социальной структуры, как мы видим. И без сомнения, браки между представителями разных племен еще продолжались, но общее направление движения было неизменным - к формированию кастовой системы общества.

Древняя вера в то, что разные группы людей имеют разное происхождение и что для сохранения чистоты своей расы и культуры требуется изоляция, стала основой этой идеи. Приведенный выше гимн обеспечил ей религиозное основание; стремительное культурное

возвышение брахманов и кшатриев, подкрепленное их способностями и влиянием, создало политический и социальный контекст; а абсолютный запрет на браки и тесные контакты с аборигенами, несмотря на их включение в расширяющееся арийское общество, послужил примером социальной изоляции в рамках формирующегося единства. Это также повлияло на структуру арийского общества в целом.

Тем не менее, все это лишь напоминает религиозные эндогамные группы, известные у других древних народов. Истинную уникальность индуистской кастовой системы определяет учение о карме и перерождении. Согласно этой теории, каждое новое рождение человека происходит в соответствии с его поступками в прежней жизни. Достигший высокой степени духовного развития рождается брахманом; тот, чье развитие чуть поскромнее - кшатрием; и так далее. Таким образом, каста трактуется как прямое отражение внутреннего духовного состояния человека. Именно это убеждение прочно закрепилось в сознании индусов и превратило следование кастовым правилам в вопрос совести и личной заинтересованности. Только живя в соответствии с требованиями своей касты, человек мог сохранить и приумножить то духовное богатство, которое накопила его душа. Жениться на женщине из низшей касты, делить пищу с человеком низшего сословия или прикоснуться к изгою - все это воспринималось как духовное осквернение, грозящее не только социальным изгнанием, но и мучениями в аду, за которыми следовало перерождение в теле животного или презренного изгоя. Считалось, что занятие, предписанное кастой, представляет собой наилучшую дисциплину для души, воплотившейся в этой социальной группе.

“В зависимости от того, насколько человек предан своему делу, он достигает полноты. Лучшие плохо исполненный долг своей касты, чем хорошо исполненный чужой”

К концу VI века до н. э., как видно из “Дхармасутры” Гаутамы, кастовая система уже оформилась в своих основных чертах. Главенство и духовный авторитет брахманов лежали в основе всей правовой системы индуистского общества. Три высшие касты воспринимались как священные: именно им полагались жертвоприношения и религиозное наставление. Образование, получаемое представителями этих каст, считалось вторым рождением, потому их называли “дважды рожденными”. Только они имели право носить священную нить. Положение и обязанности шудр были строго определены; в текстах встречаются даже упоминания о нечистых изгоях и млеччхах.

Однако, несмотря на то, что у Гаутамы и других законодателей система изложена в полном виде, из других источников - индуистских, буддийских, джайнских - видно, что в реальной жизни эти законы далеко не всегда исполнялись. Авторитет брахманов не был повсеместным: в ряде регионов кшатрии продолжали бороться за господство; межкастовые браки оставались обычным делом, и переход к строгому соблюдению норм происходил медленно. Религиозные волнения с VII века до н. э. и позже также подрывали положение брахманов. Практически все философские и аскетические течения того времени выступали, по крайней мере вначале, против брахманских жертвоприношений и обрядов, а также против их исключительного положения. Тем не менее, движение продолжалось. Общественная жизнь все больше регулировалась брахманскими предписаниями, и Северная Индия постепенно приобретала все более “фиксированные” социальные формы.

Но еще понадобилось несколько столетий, прежде чем кастовое право стало таким жестким, каким мы его знаем сегодня. Условной серединой можно считать начало христианской эры. Это развитие происходило естественным путем, не было результатом чьей-то централизованной воли, не имело организатора. Мы можем говорить о

своеобразной религиозно-социальной империи, но при этом помнить, что она возникла не по указу одного правителя и никогда не имела централизованной иерархии. Брахманы, безусловно, сыграли ведущую роль в формировании этой системы, но ни одна структура не объединяла их всех вместе.

Три высшие варны, зафиксированные еще в Ригведе, со временем распались на множество подкаст. Этому способствовали два процесса, а именно, расслоение и ассимиляция. Различия в обычаях, уровне образования, культуре и богатстве приводили к тому, что внутри каждой варны образовывались подгруппы, между которыми уже не заключались браки. В то же время представители низших каст или других народов иногда включались в более высокие касты, приобретая признание и новое положение. Аборигены не были сведены в одну касту под названием шудры; наоборот, они вошли в кастовую систему как отдельные группки, каждая из которых со временем оформилась в самостоятельную касту.

Также, вполне ясно, что огромные массы местного населения были вообще исключены из индуистской общины как "слишком нечистые» для контакта. Некоторые из них обособленно сохраняли свою архаичную религию и образ жизни; другие поселились поблизости от индусов и, подражая им, приняли кастовую форму организации. Так возникли вне кастовые группы - неприкасаемые, "дискриминируемые классы" современной Индии. При этом, как отмечают индуистские источники, часть из них произошла в результате смешанных браков между представителями разных каст.

Эти группы до сих пор представляют одну из самых острых социальных проблем страны. Несмотря на то, что они живут рядом с индусами уже более двух тысяч лет и впитали основы кастового мышления и религиозных представлений индуизма, отношение к ним остается униженным. Им запрещено селиться в тех же деревнях, что и

представители высших каст; они не могут приближаться к "чистокровным» индусам - в Южной Индии, например, им нельзя подходить к брахману ближе чем на тридцать ярдов. Им часто отказывают в доступе к общественным колодцам, дорогам, мостам и переправам. Им запрещено входить в храмы. Их религия - это в основном культ устрашения: попытки задобрить злых духов и демонов. Их численность около пятидесяти миллионов человек.

Не существует другой страны, в которой не было бы угнетенного класса: абсолютно в любом обществе есть те, кто не справляется с требованиями времени. Но где, кроме Индии, можно найти государство, которое сознательно создало подобный класс, придав одну шестую часть народа забвению, грязи и человеческой деградации?

На протяжении столетий после того, как кастовая система приняла завершенную форму, происходили различные изменения. Бывали случаи, когда представители низших каст постепенно добивались признания и переходили в высшие. В первые века новой эры некоторые иноземные племена вошли в индуизм и со временем оформились в отдельные касты. Их вожди называли себя кшатриями, тогда как их подданные получали более скромное признание. Даже сегодня процесс образования новых каст не остановлен, а нормы, регулирующие жизнь восточных общин, все еще подвержены изменениям в рамках отдельных каст. Многие ученые считают, что мусульманское влияние сделало кастовую систему еще более жесткой. Однако в целом, ее структура оставалась неизменной в течение двух тысяч лет.

IV. Современную кастовую структуру индуизма условно можно разделить на четыре основные группы, или, включая изгоев, на пять:

А. Брахманы	жрецы	Три дважды рожденные касты, считающиеся потомками чистой

		арийской крови, называются дважды рожденными из-за полученного ими образования. Только они носят священную нить.
В. Кшатрии	правители и воины	
С. Вайшьи	торговцы и земледельцы	
Д. Шудры	слуги	Аборигены, принятые в индуистскую общину.
Е. Панчамаы <i>т. е. представители пятой касты</i>), также называемые внекастовыми, неприкасаемыми и т. д.		Нечистые аборигены и потомки смешанных браков.

Следует, однако, понимать, что эта схема лишь условна: современные реалии гораздо сложнее. В Северной Индии три варны “дваждырожденных” четко выделяются, но вместо двух ожидаемых

категорий - шудр и панчамов - мы сталкиваемся с множеством каст, определить иерархию которых практически невозможно. Их почти нельзя упорядочить в строгие категории шудр или изгоев. Дух кастовости, то есть стремление к разделению и замкнутости, настолько силен, что часто выходит за пределы древней структуры. В Южной Индии, напротив, кшатрии и вайшьи встречаются редко, и общество делится в основном на три четкие группы: брахманы, шудры и панчамаи.

Основные элементы кастовой системы:

А. Основу касты составляет убеждение, что человечество не едино по происхождению, а состоит из множества отдельных видов, каждый из которых рождается в соответствии со своей кармой. Если душа накопила большую духовную заслугу, она перерождается брахманом; если меньше - кшатрием, и так далее.

В. Поскольку брахманы считаются духовно наиболее продвинутыми, им передана вся религиозная власть. Только они, обладая высшей духовной природой как следствием добродетельных поступков в предыдущих жизнях, имеют право учить, совершать ритуалы, приносить жертвы и разбирать правовые вопросы.

С. Хотя существует множество каст, три арийские варны считаются стоящими выше всех прочих. За ними следуют шудры - потомки аборигенов, принятых в индуизм, а за шудрами - так называемые нечистые аборигены и смешанные касты, возникшие, согласно индуистской доктрине, из межкастовых браков или проступков. Иностранцы признаются нечистыми и называются *млеччхами*.

Д. Социальная ценность человека зависит от его касты, и отношения с ним выстраиваются соответственно:

(1) В сфере образования только брахман имеет право обучать, а слушать религиозные тексты могут лишь представители трех

“дваждырожденных” варн. Женщины полностью исключаются из этой сферы.

(2) Следовательно, только представители этих трех варн имеют право на участие в ведических жертвоприношениях, священнодействиях и ежедневных посвящениях (сандхья).

(3) Посещать индуистские храмы могут только мужчины и женщины из четырех каст, за исключением редких случаев особого допуска.

(4) Если один человек причиняет вред другому, тяжесть проступка определяется кастой пострадавшего: чем выше каста, тем тяжелейший грех. Наказания тоже зависят от касты; чем выше положение преступника, тем мягче получается наказание.

(5) Изгои обязаны держаться на определенном расстоянии от представителей каст, чтобы не загрязнить их прикосновением или даже тенью. Им запрещено жить в тех же деревнях где живут и представители высоких каст, пользоваться с ними одними храмами, и делать обряды по близости них.

Е. Каждый член касты обязан строго оберегать свою чистоту, ведь загрязнение угрожает не только ему, но и его семье - живым, умершим и даже нерожденным членам семьи, а также другим людям из его касты. Чистота поддерживается через выполнение домашних ритуалов, жертвоприношений, ежедневных посвящений и строгого следования кастовым нормам в вопросах брака, еды, общения и профессии. Только если человек строго соблюдает все эти правила, он создает для себя хорошую карму и тем самым обеспечивает себе хорошее перерождение в следующей жизни. Главными из этих правил являются следующие:

(1) Мужчина не может вступать в брак вне своей касты. Существуют также ограничения внутри касты, регулирующие выбор

супруги. В некоторых регионах межконфессиональные различия настолько выражены, что даже внутри одной касты запрещены браки между разными религиозными подразделениями, ведь это еще больше разделяет и отдаляет касты друг от друга.

(2) Некоторые продукты питания считаются дозволенными, другие же - категорически запрещены. Правила строго определяют, представители каких каст могут готовить пищу для других людей.

(3) Нельзя ни в коем случае принимать пищу вместе с человеком из низшей касты. Также, установлены четкие ограничения на то, от кого можно принимать воду.

(4) У каждой касты есть свое, законное занятие. Для низших каст это правило крайне строго, в то время как у высших возможны некоторые варианты выбора занятий. Тем не менее даже среди брахманов существуют определенные ограничения. В Бхагавадгите говорится: “Лучше плохо исполнять свое дело, чем хорошо - чужое”.

(5) Индус не имеет права пересекать океан, кем бы он ни был.

Сегодня, почти все эти правила, кроме брачного закона, претерпевают изменения среди образованной части общества, особенно в крупных городах. В Калькутте, например, правило о запрете пересечения моря уже давно не соблюдается, и подобные изменения постепенно охватывают и другие регионы. Но для большинства индусов эти предписания по-прежнему сохраняют силу.

Г. При нарушении кастовых норм дело рассматривается либо жрецом, обладающим авторитетом, либо собранием членов касты. В случае изгнания нарушитель теряет дом, наследство, право вступать в брак или делить пищу с другими представителями касты. Эти санкции распространяются на его детей и потомков.

Следует особо отметить, что изгнание из касты применяется исключительно за нарушение кастового закона и не имеет никакого

отношения к нравственным качествам человека. Можно быть замешанным в грубых и очевидных пороках и при этом сохранять безупречную репутацию в своей касте и семье. В то же время человек высоких моральных принципов, но осмелившийся нарушить кастовое предписание, пусть даже нелепое или жестокое, подвергается безжалостному исключению. Так, в Майсуре, где до сих пор крещение в христианство лишает человека прав на наследство, два брата оказались в подобной ситуации: один, знатного происхождения, принял христианство и был лишен всего; другой, оставшийся в индуистской традиции, отбывал наказание в тюрьме, но сохранил имущество. Это строго соответствует индуистским нормам. Законы индуизма содержат множество высоконравственных предписаний, но они не имеют никакого влияния на кастовую систему.

V. Теперь мы можем попытаться оценить ту роль, которую кастовая система сыграла в истории Индии.

1. В своем зарождении каста представляла собой значительный шаг вперед по сравнению с простой социальной организацией ариев, пришедших в Индию. Она позволила им создать устойчивую империю, наладить сосуществование с аборигенным населением и передать ему основы своей культуры. Это стало очевидным благом для местных племен: шудры, бывшие когда-то завоеванными, превратились в средний класс. Таким образом, новая система принесла выгоду обеим сторонам. Нелепо упрекать ариев в том, что они не внедрили в тогдашнее общество идеи, которым суждено было появиться только спустя века. В своей исторической ситуации каста была наилучшим из возможных решений. Племенные различия были сохранены, но приведены в упорядоченное родство с тремя арийскими варнами. Эта форма социальной сегрегации не привела к истреблению коренного населения, как случалось в других местах.

Со временем развились правила взаимодействия между группами. Таким образом, кастовая система была по-своему величественной и прогрессивной в своей эпохе. Лишь в более поздние времена, став жесткой и негибкой, она начала проявлять антисоциальный характер. Пока касты сохраняли некоторую подвижность, общество развивалось: у всех формировались общие религиозные обряды и представления, а аборигены, перенимая обычаи высших каст, становились частью единого культурного пространства. Индуистское общество было здоровым до тех пор, пока кастовая система не застыла в христианскую эпоху.

2. Наряду с институтом семьи касты обеспечили выживание индусской культуры. Без этой мощной защиты индийская цивилизация могла бы быть сметена с пути политическими бурями столетий, оставив лишь их обломки. Но кастовая структура и семейные традиции сохранили расу, и вместе с ней - множество других этнических и культурных групп. В социальной ткани Индии и поныне можно обнаружить касты с весьма необычной этнологией - потомки былых завоевателей, пришедших с мечом, а затем ассимилированных народом, который они пытались покорить. Индийская федерация поглотила всех завоевателей, кроме последователей монотеистических религий.

3. В течение многих веков касты выполняли в Индии ту же функцию, что и средневековые гильдии в Европе. Пусть истоки этих систем различны, их воздействие было во многом схожим. Касты сохраняли образование, закрепив за брахманами исключительное право на преподавание. Они оберегали ремесла и промыслы, передавая их по наследству от отца к сыну. Благодаря кастовому устройству сохранялось разделение труда. Внутрикастовая

организация регулировала цены и оплату труда, удерживая их в умеренных рамках.

4. Касты отчасти выполняли функции социальной поддержки, сродни закону о бедных: состоятельные члены каст брали на себя заботу о нуждающихся, помогая своим соплеменникам в трудные времена.

VI. Кастовая система до сих пор оказывает мощное влияние на сознание индусов. Для среднестатистического человека - будь он брахман, шудра или выходец из низших слоев - принадлежность к касте означает не только статус, респектабельность, расовую чистоту и религиозность, но и комфорт, безопасность, культурную идентичность. Человек уверен, что за его плечами стоит безупречная родословная, по сравнению с которой история всяких европейских королевских домов - это уже вчерашний день. Даже человек, которого шудра (не говоря уже о брахмане) считает настолько нечистым, что не может к нему прикасаться (*пария*), в своих собственных глазах является потомком благородных предков. Ведь и ниже него тоже есть множество других людей. Выйти из касты значит утратить свою человечность, оказаться за пределами цивилизации.

И все же, несмотря на глубокие корни, которые пустила каста, в образованной среде все громче звучат протесты и стремления к переменам.

Хотя, как мы уже видели, ранние буддисты и другие гетеродоксальные школы бросали вызов доминированию брахманов, они не осуждали саму кастовую структуру. В Пали-каноне нет свидетельств того, что Будда выступал против каст, как таковых. На самом деле, на тот момент система еще не стала такой жесткой и репрессивной. Более того, буддисты принимали доктрину перерождения, которая органично вписывалась в кастовую схему. То же касается и ислама: в сознании индусов он не воспринимался как вызов кастовой структуре. Только с

XI–XII веков начинают появляться более выраженные голоса против каст. В сочинениях тамильского поэта Капилара и телугу-мыслителя Веманы начинает звучать резкая критика против кастовой системы. Басава, основатель секты *Ви́ра-Шай́ва (Лингайтов)*, отверг кастовую иерархию, поручив священство не-брахманам и запретив своим последователям признавать касты. Подобные протесты встречаем у *Кабирпантхов* и *сикхов*. Но со временем даже эти движения вновь впитали кастовые установки. Все эти примеры это скорее исключения, чем четкое правило. До недавнего времени не было признаков системного недовольства кастовой системой. Поэтому факты, с которыми нам еще предстоит разобраться, имеют особое значение.

А. Среди образованных индусов все заметнее стремление к социальной свободе, несовместимой с кастовыми нормами. Это закономерный плод западного образования. Интересно, что браки пока почти не подпадают под эту тенденцию: даже просвещенный индус чаще всего строго соблюдает брачные обычаи своей касты. Главные свободы, к которым он стремится, касаются выбора пищи, общения, будущей профессии и путешествий.

1. Индус с удовольствием пробует европейскую кухню и хочет периодически позволять себе такие вольности. Дома он обычно соблюдает строгие кастовые правила, но вне его — позволяет себе свободу. А некоторые настолько раскрепощены, что готовы есть любую европейскую пищу, даже говядину, и употреблять западные спиртные напитки; но большинство ограничивается лишь незначительными отступлениями, и все же заметна тенденция к ослаблению этого правила.

2. Образованный человек хочет свободы в общении. Западное образование стирает барьеры, и индус хочет общаться с теми, кто учился рядом с ним, даже если это представители низших каст. Со

временем он начинает с готовностью принимать и брахманов, и христиан, и мусульман. Совместная работа в религиозных, образовательных, общественных и политических организациях укрепляет это стремление. Если люди работают вместе ради общего блага, почему бы им не пообедать за одним столом? На приемах, где присутствует, скажем, европейский профессор, индус считает совершенно естественным выпить с ним чаю. Общение рождает дружбу, а за дружбой тянется и бытовое сближение.

3. Образованный индус стремится к профессиональной свободе. Несмотря на глубокое почтение к корове и отвращение к профессиям, связанным с убийством животных, можно встретить даже брахманов, занятых торговлей кожей. Ради возрождения Индии сегодня допускается многое, что раньше считалось непозволительным и даже невозможным.

4. Еще совсем недавно студент, отправлявшийся на учебу в Европу или Америку, по возвращении в Индию должен был пройти церемонию очищения (*праяшчитта*), чтобы избежать исключения из кастового общества. В результате в Калькутте возникла небольшая прослойка образованных людей, которые ради знаний утратили признание в рамках индуизма. Многие из них примкнули к Брахма Самадж. Однако сегодня студенты из Калькутты, независимо от кастовой принадлежности, по возвращении домой принимаются обществом без дополнительных обрядов. Закон, запрещающий пересечение океана, к ним больше не применяется. Подобное отношение постепенно распространяется и на другие регионы Индии. Студенты, находясь за границей- в Европе, Америке или Японии, - не соблюдают кастовые предписания в вопросах питания и общения. Теперь это воспринимается спокойно.

Эти наблюдения крайне интересны и значимы, но важно не переоценить их вес. Пока сохраняется строгое соблюдение брачных запретов, сама основа кастовой системы остается нетронутой. Изменения в питании, быте, профессиональной сфере и путешествиях имеют большое социальное значение, но скорее свидетельствуют о прочности касты, чем о ее разрушении.

В. Реформаторское движение оказывает значительное влияние. Хотя основной упор делается на семейные вопросы, кастовая тематика также привлекает внимание реформаторов. Если раньше реформы начинались с религии, то теперь они затрагивают и вопросы гигиены, морали, экономики и национального самосознания.

1. Теме питания уделяется сравнительно немного внимания, однако отдельные деятели выступают за более питательную диету, особенно среди определенных народностей. Свами Вивекананда, например, считал, что индийцам необходимо уменьшить потребление овощей и увеличить долю мяса в рационе, чтобы улучшить как физическое развитие, так и характер. Он сам, несмотря на свою ортодоксальность, ел говядину. Доктор С. К. Малик, известный врач из Калькутты, утверждал, что слабое телосложение бенгальцев - это следствие скудного мясного питания.

2. Большую заслугу реформаторы снискали благодаря пропаганде и практике совместных трапез. Газета "Индийский социальный реформатор" часто использует свои полосы для поддержки этой идеи. Во время ежегодных съездов движения устраиваются совместные обеды, в которых участвуют индусы разных каст и даже других религий. Так, после конференции Арийского братства в Бомбее в ноябре 1912 года, представители множества каст наконец сели все вместе за один общий стол.

3. Реформаторы также выступают за устранение препятствий для браков между подкастами. Их идеал это свобода брака внутри каждой из четырех варн: чтобы брахманы могли свободно вступать в брак с другими брахманами, кшатрии - с кшатриями и т.д. Это само по себе было бы очень значимой реформой, поскольку внутри каждой из великих каст существует бесчисленное множество подразделений и разных строгих запретов. Но все же, этот путь полон препятствий. Сейчас кшатрии Северной Индии проводят ежегодную конференцию, на которой обсуждают вопросы, касающиеся благополучия касты; аналогичные собрания можно встретить и в других кастах, но конкретные результаты для всего общества пока что совсем незначительны.

4. Идея межкастовых браков, когда, например, брахман женится на женщине из касты вайшьев и шудр, пока поддерживается лишь немногими лидерами реформ. Для большинства такая перспектива кажется недостижимым идеалом, и почти что невозможной реформой.

С. Третьим важным фактором перемен стали усилия, направленные на помощь отверженным слоям общества. За последние тридцать пять лет миллионы этих людей приняли христианство, и миссии, сумевшие уделить им внимание, добились впечатляющих успехов. В переписном отчете по Траванкору за 1901 год один уважаемый брахманский чиновник писал:

“Если бы не миссионеры, эти люди навсегда остались бы в невежестве. Их материальное положение, возможно, улучшилось бы благодаря росту заработка, улучшению законодательства и действиям просвещенного правительства, подобного нашему; но именно христианские миссионеры пришли в их дома и разбудили в них стремление к более достойной жизни. Это было не просто

усовершенствование существующего порядка, а принципиально новая идея, реализованная с удивительным усердием, несмотря на сопротивление и гонения. Я не говорю об освобождении рабов или улучшении положения рабочих, что в какой-то мере уже встречалось в истории. Я говорю о героизме, направленном на то, чтобы вытащить самых низших из ямы унижения - и это нечто совершенно новое для древней Индии.”

Относительно этой стороны миссионерской деятельности стоит отметить два момента.

Христианство и образование приносят поразительные плоды среди этих людей, особенно во втором поколении. Многие мальчики и девочки оказываются очень способными учениками; немало из них поступают в университеты и получают ученые степени. В регионах, где происходят массовые обращения, действуют школы, где преподают выходцы из низших каст, а среди учеников - дети брахманов. Для нас это служит наглядным опровержением всей кастовой теории. Согласно индуистским догмам, изгоев невозможно воспитать; христианство же в свою очередь доказывает обратное.

Огромный успех христианства среди отверженных вызвал широкий резонанс в Индии. Одни испытывают искреннее сочувствие, другие негодуют, но никто не может остаться равнодушным по отношению к этому движению. В ответ Арья Самадж и Брахма Самадж учредили собственные миссии, чтобы привлечь этих людей. В Западной Индии под влиянием Прартхана Самадж появилась Миссия угнетенных классов, вставшая на путь просвещения и социальной поддержки. Эта миссия ставит своей главной целью образование и поощрение. Лидеры националистов громко призывают к образованию отверженных и улучшению условий их жизни. Один из сторонников этого движения

заметил: “В конце концов, если говорить о практике, то только христианство делает то, о чем мы, националисты, взываем, и это - возвышение масс”.

Д. Существенным следствием деятельности политических лидеров, которое заслуживает особого внимания, стало осознание ими разрушительной роли кастового разделения. В течение двадцати пяти лет лидеры Конгресса настойчиво боролись за осуществление своей мечты о представительском правлении. И с накоплением политического опыта к ним все отчетливее приходило понимание того, что кастовая система - самое мощное и непреодолимое препятствие на пути к этой цели. Один за другим они приходили к этому выводу. Сурендранатх Банерджи, крупнейшая общественная фигура Бенгалии, вызвал бурю споров, когда лишь год назад заявил с трибуны, что без полной социальной свободы невозможно достичь подлинной политической свободы.

Е. Не будет лишним привести несколько высказываний уважаемых людей по вопросу влияния касты. Первая цитата из передовой статьи газеты “Махратта”, которая, хотя и не является радикальным изданием, тем не менее пишет:

“Сегодня уже никто не говорит, и даже не думает, что старые непроницаемые касты следует сохранять, даже если признать, что в прошлом кастовая система была удобным способом организовать разделение труда на практике”.

Более высокую позицию занимает следующее мнение. В отчете “Таймс” о выступлении почтенного сэра К. Г. Гупты, члена Индийского совета, перед индийским отделением Королевского общества искусств приводятся его слова:

“В прошлом кастовая система служила полезным целям, но сегодня в ней не осталось ни одной искупительной черты. Если индус вновь хочет поднять голову и стать частью великого дела по построению нации, он должен вернуться к древнему арийскому типу и разрушить стены, которые разделяют общины”.

Господин Шридхар Кетткар в своем труде, посвященном кастам, пишет следующее:

“В результате мы получили объединение людей в худшей форме из всех, какие только видел этот мир”.

Вот мнение Лалы Ладжпата Рая, известного пенджабского лидера:

“Каста - это настоящий позор для нашей человечности, нашего чувства справедливости и нашего братства. Это пятно на нашей социальной структуре”.

Редактор “Индийского Социального Реформатора” называет касту “великим чудовищем, которое мы должны уничтожить”, и утверждает, что она “напрочь противоречит современной идее гражданственности”.

Однако вместо того чтобы множить тут подобные цитаты, полезнее будет обратиться к словам Рабиндраната Тагора, автора “Гитанджали”, крупнейшей литературной фигуры Бенгалии, чье глубокое мышление и уравновешенность придают его словам особый вес:

“Эта неизменная и всепроникающая система каст, безусловно, навязала народу механическое единообразие, но одновременно лишила его пластичности и способности к развитию. Это привело к утрате всякой возможности адаптироваться к меняющимся условиям и новым силам. Я убежден, что возрождение индийского народа напрямую, возможно исключительно, зависит от устранения кастовой системы. Когда я думаю о гипнотической власти, которой эта гигантская система холодного угнетения подчинила умы наших людей, охватив их социальную плоть своими бесчисленными кольцами, - власти, сделавшей невозможным свободное проявление человеческой воли даже в моменты крайней необходимости, - единственное средство, что приходит мне на ум, это разбудить их, вывести из этого транса... Пришло время, когда Индии нужно начать строиться заново, и это мертвое устройство должно уступить место живому строительству, органическому росту. Если Европе для разрушения феодального порядка и тирании церковного авторитета понадобились импульсы Ренессанса и ожесточенная борьба Реформации, то разве мы не нуждаемся в еще более мощной волне высоких социальных идей, чтобы в нашем сознании появилось место для подлинного политического мышления? Разве не требуется нам великое видение человечности, которое побудит нас освободиться от оков, сковывающих личную свободу, прежде чем мы начнем мечтать о национальной независимости?”

Эти новые движения индийской мысли представляют собой живой интерес и вызывают множество вопросов. Однако будет ошибкой

поспешно заключить, что эта тоска и стремление к переменам являются признаками скорого падения цитадели касты. Никто, кто внимательно наблюдал за жизнью индусов и постиг живучесть, вездесущность и железную хватку этой системы, не станет преуменьшать ее значение или воображать, будто ее можно будет легко уничтожить. Каста - это не просто грандиозная организованная структура, укорененная в религиозных верованиях, но и бесплотный дух, проникающая зараза, которая впиталась в каждую индуистскую секту, пытавшуюся вырваться из ее пут, и заразила, хотя бы частично, каждую религиозную общину Индии, включая значительное число мусульман, небольшие группы евреев и даже некоторые христианские церкви.

Необходимо также ясно осознавать, что ближайшие перспективы кастовой реформы не внушают особого оптимизма. Социальные реформаторы сегодня более уверены в себе и влиятельны, чем когда-либо прежде; политическое движение стало в каком-то смысле союзником реформаторского; и небольшие перемены, заметные среди образованных людей, говорят в пользу большей свободы. Однако за последние двадцать пять лет возрождение индуизма продвинулось весьма далеко; и по мере роста силы и уверенности, его лидеры осмеливаются все решительнее защищать древнюю систему. В период между 1850 и 1890 годами лишь немногие образованные индусы отваживались публично отстаивать касты или идолопоклонство. Арья Самадж, самая ожесточенно антихристианская организация в Индии, была основана в 1875 году Даянандой Сарасвати, и он открыто выступал как против каст, так и против идолопоклонства. Но с тех пор все изменилось. Рамакришна Парамахамса и его ученик Вивекананда стали защитниками всего индуистского; Теософское общество под руководством миссис Безант приняло ту же линию; сегодня каждая крупная секта и ветвь индуизма имеет свою собственную защитную организацию. С помощью аргументов самых поразительных

видов, ссылаясь на принципы и аналогии, взятые отовсюду, с неба и земли, индуисты стараются доказать, что каста - это наиболее разумная форма социальной организации, а индуистские идолы - подлинные каналы духовной чистоты. Подобные движения, конечно, не предвещают ничего доброго для реформы кастовой системы.

VII. И все же, несмотря на то, что пока движение за реформы не нанесло ощутимого удара по мощному бастиону касты и несмотря на угрозу, которую представляет сегодняшняя политика лидеров индуистского возрождения, существует один факт, до сих пор мало замечаемый, но имеющий большее значение, чем все успехи реформаторов и апологетов древности вместе взятые. Этот факт заключается в том, что религиозная основа касты исчезла из сознания образованных индусов. В статьях и речах, посвященных этой теме, будь то в защиту каст или с призывами к реформе, систематически отсутствует апелляция к тем сильным религиозным убеждениям, на которых строилась система. Лидеры возрождения говорят о том, как много кастовая система сделала для организации труда, сохранения мастерства и образования, физического здоровья и чистоты высших каст. Часто они ссылаются на абсурдное утверждение, что в европейском обществе каст не меньше, чем в индийском; но никто не пытается оправдать кастовую систему с позиций старых религиозных верований. Социальные реформаторы не находят нужным оспаривать эти доктрины. Кто сегодня всерьез верит, что брахман духовно выше других людей и потому обладает исключительным правом на религиозную власть, обучение и обряды? Кто считает грехом, если судра или иностранец слушает Веды? Кто принимает идею гильдий, что брахману лучше быть плохим жрецом, чем отличным врачом или торговцем? Кто полагает, что изгой - это тот, чья предыдущая жизнь была столь порочной, что сам физический контакт с ним оскверняет человека высшей касты? Реальность такова, что дух нового времени делает

подобные идеи просто немыслимыми. Давайте рассмотрим эти идеи более подробно, и истина станет очевидной.

А. Основой кастовой системы является убеждение, что каждая из четырех каст происходит непосредственно от Бога. Однако все серьезные исследователи согласны с тем, что в обществе, изображенном в Ригведе, не существовало каст. Девяностый гимн десятой книги, один из самых поздних в сборнике, свидетельствует о том, что к концу ведийского периода появилось стремление к чему-то, напоминающему кастовую систему; но даже тогда четыре касты оставались всего лишь социальными классами. На всем протяжении периода Ригведы браки между сословиями были свободны, и ничто не мешало воину стать жрецом, а жрецу - воином. Следовательно, весь ведийский корпус отрицает идею, что четыре касты были изначально созданными расами. Даже предположить, что брахманы представляют собой отдельную расу от других индийцев, невозможно. Даже если некоторые брахманские семьи и могли сохранить себя в чистоте с 500 года до н. э., когда в некоторых регионах кастовая система ужесточилась, или даже с 1000 года до н. э., то что говорить о тысячелетиях до этого? Любой, кто честно изучает историю Индии, не может не признать: теория происхождения каст - это вымысел, созданный для того, чтобы придать уже существующему делению общества божественное основание и авторитет.

Изучение этнологии и антропологии убедило всех ученых в том, что нигде в мире не существует людей “чистой” расы. В каждой расе и в каждом регионе земли происходило неизмеримое смешение. Ученые также единодушны в том, что все человечество представляет собой единую семью, и среди людей не существует отдельных видов. Человечество резко отделяется от животных, но внутри него нет столь же глубоких различий. Люди - это единый род.

Таким образом, совершенно очевидно, что современный человек не может верить в то, будто четыре главные касты представляют собой отдельные виды, каждое из которых имеет свое собственное божественное происхождение. С точки зрения биологии и физики, теория кастовой чистоты полностью несостоятельна.

В. Однако индус настаивает на том, что кастовые различия основаны не на физическом наследии, а на духовном. Он утверждает, что каждая душа воплощается в той касте, к которой она подготовлена духовным прогрессом. Брахманом рождается тот, чья душа далеко продвинулась на пути к святости. Судра рождается таковым, потому что он отстал, но все же опережает душу, воплотившуюся как пария или человек еще ниже. Несомненно, именно эта идея веками поддерживала кастовую систему даже в умах самых возвышенных индусов. Доктрина переселения душ является ключевым элементом индуистского учения о человеке. Вера в то, что личность проходит многочисленные ступени духовного развития, является для индуса глубочайшей истиной о человеческом существе. Касты, таким образом, выступают как естественное социальное выражение идеи трансмиграции.

Идея о том, что четыре касты - это божественное выражение прогресса души и точный показатель религиозной ценности их членов, была глубоко и эффективно опровергнута еще много веков назад группой южноиндийских мыслителей. Вот отрывок из стихотворения тамильского поэта Капилара:

“В землях оттийцев, млеччхов, хунов, сингальцев, стройных джонаков, яванов и китайцев нет брахманов; но вы установили в этой стране четырехчастное кастовое деление, будто оно имеет первозданную природу. Поведение отличает возвышенное от низкого. Бык и буйвол различны, кто видел бы

их потомство? Есть ли между людьми различия столь же очевидные, как между быком и буйволом? Мы - одинаковы в строении, теле, цвете кожи и рассудке. Пулай с юга, стремящийся учиться, станет брахманом; брахман с севера, утративший добродетели, станет пулаем. Васиштха, рожденный Брахмой от презренной женичины, подобен водяной лилии, растущей в болоте. Шакти - сын Васиштхи от женичины-чандалы; Парашара - сын Шакти от женичины-пулай; Вьяса - сын Парашары от девушки-рыбачки. Все они прославились как святые мужи благодаря изучению Вед. Я, Капилар, и мои братья и сестры, дети святого Бхагавана и доброй женичины-пулай из города Карувур- нас семеро. Уппай вырос в семье ваннаров в Уттукаду; Урувай - в доме санаров, торговцев тодди в Кавири-Пумпаттинаме; Аувай - в доме панаров, скрипачей. Валли воспитывалась в горах среди кураваров. Валлувар - среди изгоев Майлапура в Тондай-мандаламе. Адхикаман рос при вожде Ванджи, в рощах, где роятся пчелы. Я был вскормлен брахманами в Аруре, земле бурлящих потоков.”

Даже в таком виде эти рассуждения просто поражают своей глубиной. А если к ним прибавить религиозный опыт человечества, они становятся неоспоримыми. Конфуций, Христос, Мухаммед были *млеччхами* - так откуда же тогда их нравственная сила и духовная мощь, если доктрина кармы верна?

Но подлинный смысл теории касты раскрывается лишь тогда, когда мы исторически определим ее место в развитии общества Индии и мира. Кастовая система - это лишь одна из многих форм социальной организации, появившихся в истории индийского народа. И хотя с

примерно 500 года до н. э. и поныне она занимает господствующее положение, в предыдущие эпохи ее не существовало, и сегодня она явно находится в упадке. Среди множества социальных систем, появлявшихся на земле, кастовая система несомненно, одна из самых искусных, но она всего лишь одна из многочисленных попыток олигархий, будь то религиозных или политических, увековечить свое влияние. Думать, будто именно эта схема из всех, когда-либо рождавшихся человечеством, является единственным божественным замыслом, а ее видимая структура отражает непогрешимую истину о состоянии человеческих душ, - совершенно неприемлемо для современного мышления. Критика Капиlara вызвала у многих читателей интерес и улыбку, но она никогда по-настоящему не поколебала положение брахманов. Однако приход западной мысли это дело совсем другого порядка. Само возвышение отверженных через христианство уже достаточно, чтобы просто разрушить эту теорию.

Таким образом, доктрина о духовной основе кастовой жизни не выдерживает никакой серьезной критики, точно так же, как и идея о божественном происхождении четырех главных каст.

С. Следует отметить, что почти каждая национальная религия мира устанавливала различие между чистой и нечистой пищей, составляя перечни дозволенных и запрещенных продуктов. Соблюдение этих норм считалось важным религиозным долгом. Нарушение таких правил воспринималось как грех, оскверняющий человека духовно и делавший его неспособным к участию в религиозных обрядах и социальных привилегиях.

Очевидно, что подобные правила формировались во многом под влиянием пищи, употребляемой другими племенами. Для простого человека еда чужаков часто казалась грязной, отвратительной, тогда как собственные блюда - чистыми, полезными и привлекательными. Как и

многие другие ограничения в первобытной жизни, запреты на еду возникали как средство защиты культуры и религии через полное исключение всего, что считалось нечестивым и загрязняющим.

Нет сомнений, что для арийского народа в Индии, окруженного племенами аборигенов, такие ограничения были жизненно необходимы. Достаточно взглянуть на еду и обычаи некоторых современных отверженных, чтобы понять, что древние вожди были правы, запрещая такую диету и контакты с предками этих людей. Пренебрежение подобными нормами привело бы не только к культурному упадку, но и к распространению болезней. Поэтому запрет был необходим для защиты народа.

Но если запрет был необходим, он мог быть введен лишь в одной форме - в религиозной. В представлении древних народов сам акт принятия пищи был мистическим, связанным с жизнью и, следовательно, подлежал религиозному регулированию. Все, что казалось вредным, считалось и религиозно нечистым. Употреблять в пищу все такое - значило совершать грех.

Лишь постепенно человечество начало осознавать различие между полезной и вредной пищей; и даже тогда, когда появились зачатки такого понимания, люди продолжали избегать “нечистой” пищи, потому что считали это религиозной обязанностью.

Однако сегодня, под влиянием учения Христа, различие между законами здоровья, с одной стороны, и моралью и духовной религией - с другой, стало совершенно ясным. Нет ни одной причины путать их. В определенных климатах и при различных состояниях здоровья рыба может быть полезнее птицы или мяса, вегетарианская диета предпочтительнее смешанной. Но ни один продукт, будь то рис, пшеница, ячмень или овес, рыба, птица, говядина или баранина, ни один из них не является чистым или нечистым с точки зрения морали или духовной религии. Пища

воздействует на организм, и оценивать ее следует лишь по физиологическим последствиям. Я обязан питаться так, чтобы поддерживать свое здоровье, и нарушаю долг, если не делаю этого. Но я не могу считать греховным употребление какого-либо продукта на том лишь основании, что его религиозно запрещают. Никакая еда не является нечистой. Материальные предметы не несут религиозной окраски. Загрязнение в религиозном смысле - это состояние души, а не желудка.

Итак, древние индуистские правила питания сегодня столь же устарели, как амулеты от болезней или вера в ведьм. Ни один современный человек не должен принимать их всерьез. Они мешают развитию индийского общества и тормозят его прогресс.

D. Правило, запрещающее индуисту принимать пищу в компании человека более низкой касты, происходит из того же источника, что и запреты на определенные продукты, и точно так же устарело. Это не что иное, как суеверие - то есть правило или убеждение, естественное и логичное для примитивных народов, но потерявшее всякое основание в более зрелом обществе. Как мы уже отмечали, большинство примитивных племен отказывается есть с чужаками. Кроме того, в древней Индии, по культурным и санитарным причинам, вероятно, существовала необходимость в полном запрете на социальные контакты с аборигенами. И такие запреты, по обычаю тех времен, оформлялись в виде религиозных предписаний. Даже если имелось всего несколько вредных и “оскверняющих” обычаев, необходимо было исключить контакты с целыми племенами, поскольку такие обычаи были обязательными в рамках их религий.

Но итогом таких запретов неизбежно становилось убеждение, будто эти народы сами по себе религиозно нечисты и что разделить с ними трапезу - грех. Именно такое мышление мы наблюдаем в Индии сегодня.

Современный взгляд на эти вещи совсем иной. Наука научила нас следить за правильным питанием, качественным приготовлением пищи и полной гигиеной в вопросах еды. Мы также узнали, что все это - вопросы физического здоровья, а не религии. Мне может быть небезопасно есть с представителем определенного племени, но не из-за него самого и не потому, что он принадлежит к иному народу, а из-за того, что его пища может быть приготовлена в антисанитарных условиях или подана на нечистом сосуде, листе или полу. Его пища может быть нечистой, но это не делает нечистым его самого. Он может быть добрым и нравственным человеком, даже если его пища непригодна. Представители самых “отсталых” народов могут быть приучены к цивилизованным санитарным привычкам и здоровой пище. Тогда общение с ними становится возможным. Нечистота не является качеством расы.

Таким образом, кастовое правило, запрещающее совместные трапезы, в наши дни является отжившим себя, утратившим всякое основание, предрассудком.

Е. Нам вовсе не нужно доказывать, что старое кастовое предписание, касающееся профессий, совершенно лишено оправданий. Именно из-за этого древнего закона Индия утратила огромную часть всех талантливых людей, рожденных в ее недрах. В высших кастах была допущена определенная свобода выбора, но в низших - почти никакой. За исключением редких случаев, когда способности ребенка совпадали с традиционным занятием отца, любой, обладавший оригинальным даром, лишался возможности его реализовать. Его дух оказывался в плену, зажатый в узкие рамки родового ремесла, как лоточник из Калькутты, прижавшийся со своим товаром между двумя зданиями, проход между которыми едва достигает двух футов в ширину и трех футов в высоту. Сколько тысяч одаренных детей, рожденных веками в низших кастах и среди отверженных, были обречены кастовой тиранией и не смогли

послужить своей стране! Вряд ли человеческое воображение могло бы придумать более разрушительную систему для инициативы и самобытности, чем это бесконечное наследование профессии. Люди жалуются, что индиец не способен на иное, кроме рутинной работы. Но это неудивительно: он занимается одним и тем же делом уже две тысячи лет.

Религиозная основа этого кастового закона утверждает, будто человек должен заниматься тем трудом, который соответствует духовному уровню его души. Человек из низших каст, будучи “недуховным”, не может исполнять обязанности священника. Брахман, “по рождению духовный», утратит свою святость и накопит дурную карму, если займется ремеслом шудры или панчама. Телесный труд якобы унижает духовного человека. Однако образованные люди больше не придерживаются этой догмы. Более того, высшие касты и не соблюдали этого закона в отношении профессии: они всегда позволяли себе свободу. Не следует ли теперь признать это право и за остальными? Именно такая свобода, введенная в Японии с установлением социального равенства, и обеспечила ее экономический подъем за последние сорок лет. В интересах Индии необходимо, чтобы образованные люди не успокаивались, пока даже самым бедным и невежественным слоям не будет разъяснено: религия не требует от них отвергать данные Богом способности. Давайте, по крайней мере, последуем завету Наполеона и провозгласим: “Способности - для талантливых!”

Существует еще одна сторона этого кастового закона, о которой нельзя забывать. Во многих уголках Индии существуют племена с преступной репутацией, и многие из них исповедуют индуизм. Таги, прославившиеся тем, что душили и грабили богатых путешественников, были набожными индусами и отчисляли часть награбленного в честь богини Кали. Согласно кастовому закону, сын обязан продолжить

профессию отца. По семейным правилам, он совершает грех, если отказывается, когда отец предлагает ему перенять это занятие. Как можно перевоспитать такие племена, не нарушая индуистских принципов?

Следовательно, каждая из основных идей кастовой системы - это устаревшая концепция, которая не выдерживает критики в свете современного мышления. Причина, по которой образованные люди по всей Индии сегодня так настойчиво требуют модификации, реформирования или полной отмены кастовой системы, теперь становится очевидной. Мы также можем понять, почему индуистские лидеры больше не отстаивают справедливость этих идей: религиозные убеждения, породившие кастовую систему, исчезли из сознания образованного класса.

Именно этот упадок религиозных основ касты объясняет тот, казавшийся ранее непонятным, факт, что индусы теперь утверждают, будто каста - это чисто социальный, а не религиозный институт. Современный образованный человек так ясно осознает, что это не вопрос веры, а лишь общественная условность, что лишь немногие способны убедить себя в обратном.

Таким образом, мы можем подтвердить высказанное ранее мнение о глубинном значении утраты веры в религиозную природу кастовой системы. Касты распространились по всей Индии и стали той атмосферой, из которой никто не мог вырваться, так сильны были религиозные представления, их питавшие. Ни одно сознание не оставалось вне их досягаемости. Ни одно общество не могло избежать их влияния. Но теперь в Индии начала действовать новая, более мощная сила - поток свежих идей, обладающих неотразимой мощью; и тот, кто вдохнул этот новый воздух, уже не может удерживать старые верования. Нет такой силы на земле, которая могла бы остановить распространение этой новой атмосферы среди индуистского общества. Сегодня она оказывает сильнейшее влияние как сверху, так и снизу. Образованные люди, стоящие

на вершине социальной пирамиды, сохраняют внешние формы кастовой организации, но уже не способны верить в ее исходные идеи. Изгои, находящиеся внизу, начинают осознавать, что система, которая две тысячи лет унижала их до уровня отбросов, не является высшей истиной, а представляет собой ложь; и они с поразительной скоростью вырываются из своего унижительного положения. Тем временем обычный индус все чаще прислушивается к словам миссионера о достоинстве человека, а правительство и система образования неуклонно способствуют закреплению этого урока. Один из самых наблюдательных комментаторов справедливо отметил:

“Британское правление и современные идеи постепенно разрушают старый общественный строй и трансформируют религиозную жизнь индийцев.”

Религиозная основа кастовой системы явно умирает. Но прежде чем мы попытаемся составить суждение о том, каковы будут последствия этого разложения и какие изменения мы уже наблюдаем, необходимо принять во внимание и другие важные факты.

VIII. Эти смутные, тревожные, но неудержимые поиски индийским духом социальной свободы - это всего лишь часть более широкого восстания, охватившего сегодня разные регионы мира. Это глобальное социальное движение имеет три главных направления, достаточно различных, чтобы их можно было рассматривать по отдельности, но при этом тесно взаимосвязанных.

Прежде всего, движение стремится к *равенству людей*. В обществе растет нетерпимость к старым расовым барьерам, появляется желание разрушить их- хотя бы в некоторых аспектах жизни. Это особенно видно в политике Индии и Египта. Вся деятельность Конгресса в Индии и вся

критика британского правления в египетской прессе сводятся к одному - к требованию политического равенства между индийцем и европейцем, между египтянином и англичанином. С точки зрения индуистской или мусульманской традиции подобные требования не имеют под собой оснований; но западное образование наполнило умы мыслящих людей в этих странах стремлением обладать теми политическими правами, которых добились западные народы. Аналогичное движение, принявшее другую форму в силу особых условий, вызвало беспрецедентные изменения в Турции, Китае и Японии и, в меньшей степени, в Персии и Сиаме. В этих странах движение носит демократический характер, но при этом не направлено против иностранного господства.

Политическое равенство сегодня требует, чтобы все граждане, независимо от расы, религии или социального положения, имели равные права. Тот же дух проявляется и в другой сфере: в Турции и Египте идет активная кампания за то, чтобы все сословия общества были равны перед законом. Люди требуют равного отношения ко всем - на выборах, в парламенте, судах, школах, университетах и армии. Британская администрация в Индии придерживается этого принципа уже более ста лет. Каждый раз, когда правительство внедряло его в новую сферу, консервативные круги выступали с резкими протестами; однако сегодня не найдется ни одного мыслящего человека в Индии, который стал бы возражать против равных прав всех слоев населения в таких областях, как судопроизводство, образование, госслужба, общественный транспорт и т. д. В некоторых регионах страны правительство еще не осмелилось полностью применить этот принцип к неприкасаемым, но в Бомбее передовые слои общества стали настаивать на равенстве для них, по крайней мере в школьной системе. Попытка европейцев в Южной Африке относиться к индусам как к низшей касте вызвала в Индии волну негодования. Эти протесты полностью оправданы с западной точки

зрения, но кажутся парадоксальными, если учесть, что высказывают их люди, поддерживающие и соблюдающие кастовую систему у себя на родине.

Стремление к равенству проявляется и в области социального общения. Самым ярким примером служит Япония. Сорок лет назад там были полностью упразднены старые кастовые различия, и в обществе воцарилось социальное равенство. Именно благодаря этой поразительной трансформации страна достигла огромных успехов. В Индии же лишь сторонники социальных реформ требуют равенства каст. Но, проявляя странную, пусть и естественную непоследовательность, индус из высшей касты, отказывающийся сидеть за одним столом с представителем низшей, в то же время ожидает признания от европейцев. Это также нужно приветствовать. В каждой восточной стране образованный человек испытывает желание пообедать в компании с культурным европейцем.

Второе направление этого движения - стремление к *полной социальной свободе*. В Египте и Турции образованные мусульмане требуют большей свободы в вопросах питания и повседневных практик, чем допускают древние обычаи и религиозные предписания. Некоторые желают отказаться от поста; многие женщины - от чадры; а наиболее прогрессивные мужчины стремятся к тому, чтобы женщины могли появляться на публике и даже участвовать в общественной и политической жизни. Даже в Китае, в повседневности, действует тот же дух перемен. Столетиями связывание ног было почти всеобщим обычаем в стране, но везде, куда дошло западное влияние, разворачивается активная борьба за освобождение от этой практики. Возможно, в Индии стремление к социальной свободе достигло даже большего, чем в других восточных странах за пределами Японии, поскольку здесь западное влияние было дольше и глубже. Мы уже видели, насколько изменились кастовые обычаи, все эти перемены направлены на расширение свободы; а в главе II уже

говорилося о сдвигах в семейной сфере. Практика совместных трапез неуклонно расширяется. Автор сам однажды ехал в купе второго класса поезда на западе Индии с тремя пассажирами: евреем, парси и индусом. Ближе к вечеру еврей позвал слугу, чтобы тот накрыл ужин. Все четверо ели вместе, и по их приглашению автор присоединился к трапезе. Это были образованные люди. Каждый признал, что поступает вразрез с религиозными предписаниями. Но эта сцена была столь выразительно современной и говорящей о будущем, что не могла не поразить.

Третьим направлением современного социального движения является стремление к *социальной справедливости*. Индусы возмущены тем, как с их соотечественниками обращаются в Южной Африке, считая это глубоко несправедливым, и считают, что принудительный труд, будь то в Ассаме или Вест-Индии - аморален. Оскорбительное поведение некоторых европейцев по отношению к индийцам в поездах и других общественных местах справедливо осуждается как нарушение общественной морали. Подобный дух царит и на Западе. Рост профсоюзного движения в Европе и Америке, забастовки последних лет и распространение боевого социализма - все это отражает убеждение рабочих, что им не достается социальной справедливости. Большая часть военных операций Британской империи - это полицейские действия, направленные на то, чтобы дикарские племена на ее окраинах приняли более высокие моральные нормы в отношении к соседям. Одна из причин, по которой коммодор Перри заставил Японию открыть порты шестьдесят лет назад, была в том, что японцы убивали иностранных моряков, потерпевших кораблекрушение у их берегов. Во всем мире растет требование честных и справедливых отношений между людьми.

Социальная эволюция движется к обществу, в котором главенствуют новые принципы: признание равенства людей, устранение неморальных

ограничений в социальной жизни, и установление социального порядка на основе строгой справедливости.

Нет сомнений, что все эти признаки социальных волнений, наблюдаемых в странах, находящихся на большом расстоянии друг от друга, вызваны одной и той же причиной, а именно влиянием западной мысли. Те же силы, что вызывают брожение в Индии, действуют и в других регионах, куда проник современный дух. И если не появится более мощной силы, способной им противостоять, эти идеи неизбежно продолжат распространяться и одерживать победу. Но никаких признаков подобной силы не наблюдается. Везде методы и принципы современной жизни торжествуют. Многие индусы по-прежнему верят, что в кастовой системе осталось достаточно энергии, чтобы пережить этот кризис. Если бы дело заключалось лишь в противостоянии одной национальной социальной системы другой, то можно было бы надеяться, что каста устоит. Но когда становится ясно, что даже сторонники касты утратили веру в религиозные основания, на которых она строится, и когда мы видим, что в Турции, Египте, Персии, Китае, Японии и самой Индии современная атмосфера делает старые верования абсолютно неубедительными - исход борьбы уже не вызывает сомнений.

IX. Если религиозная основа касты исчезает из сознания людей, необходимо задать вопрос: что должно занять ее место? Несомненно, прочный и устойчивый общественный строй может быть основан только на религиозной базе. Вся история индуизма наглядно это подтверждает. Если бы кастовая система не носила религиозного характера, арийцы не смогли бы объединить народы Индии в единую религиозную империю, и общество не продержалось бы через бури и перемены трех тысячелетий. Изучение истории религий в других регионах мира приводит к той же истине: чтобы создать живую общественную структуру, необходима живая религия. Только она способна дать человеку моральные представления,

настолько сильные и всеобъемлющие, чтобы подчинить себе его ум и волю и направить его поведение в рамках общества. Ни одна устойчивая форма общества еще не была построена на светском фундаменте. Прежде всего, только религия способна обуздать стихийные страсти, которые повсеместно создают узкие социальные группы и яростно противостоят любым движениям в сторону равенства, свободы и справедливости.

Истинность этого принципа становится еще более очевидной, если мы осознаем, что каждое общество, по своей сути, формируется в соответствии с господствующими религиозными убеждениями. Кастовая система это логический результат веры в карму и переселение душ. Исламское отрицание расовых различий логично вытекает из идеи бесконечного величия Аллаха и ничтожности человека. Учение о том, что верующие угодны Аллаху, а неверные вызывают Его гнев, выражается в социальных нормах, допускающих порабощение неверных, захваченных на войне. Полигамия, развод и наложницы в мусульманских странах также легко объяснимы исходя из религиозных постулатов, утверждающих неполноценность женщины. Та же прямая связь между верой и социальной организацией наблюдается в каждой религии.

Возникает закономерный вопрос: где найти религию, чьи фундаментальные идеи, будучи воплощенными в общественной структуре, выражают те идеалы, которые сегодня лежат в основе социальных движений в Индии, Турции, Китае и других странах: идеалы подлинного равенства, высокой ценности социальной свободы и необходимости справедливости во всех общественных отношениях?

Примечательно, что именно эти три принципа напрямую вытекают из главного учения христианства. Чем глубже общество проникается христианским духом - тем больше оно воплощает эти идеалы в жизнь.

Однако на этом этапе может быть высказано возражение, способное сделать любой призыв ко Христу бесполезным. Индусы часто утверждают,

что в Англии каст столько же, сколько и в Индии, и потому христианство не способно вылечить социальные язвы индуизма. Наш анализ показывает, что идея, согласно которой человек рождается в той касте, которой он “заслужил” в прошлой жизни, признает кастовой системе мощнейшую религиозную санкцию, делая ее абсолютно уникальной. Поэтому называть английское общество кастовым - абсурд. С другой стороны, каждый искренний христианин с болью признает, что даже несмотря на учение и пример Христа, в некоторых слоях западного общества сохраняются классовые и расовые предрассудки, лежащие в основе кастовости. Однако решающий аргумент в том, что такие проявления идут вразрез с самой сутью христианства, в то время как индуизм требует и утверждает ту исключительность, которую сегодня все признают антисоциальной. Поэтому, как и в главе о семье, мы снова повторим: ни христианство, ни индуизм не следует судить по тем, кто не следует их наставлениям. Следует задаться вопросом: действительно ли Христос учил тем принципам, которые необходимы для здоровой общественной жизни? Именно к этому мы и обратимся к Его учению.

А. Как мы уже отмечали, центральная идея учения Иисуса - это Отцовство Бога. Из нее вытекает и антропология Христа: вера в то, что человек по своей духовной природе - это дитя, созданное по образу бесконечного Отца, бесконечно ценное и горячо любимое Богом. Если все люди произошли от одного Отца, Христос не мог признавать среди них никакого кастового деления. Каждый человек, как дитя Божье, обладает врожденным благородством. Не существует такого понятия как “низшая каста” - все человечество - это единая каста, ведь оно принадлежит одной семье небесного Отца. Раз Бог - Отец, то все люди - это братья. Если Отцовство реально, значит и братство тоже действительно. Если суть человечности в родстве с Богом, то все люди по природе своей являются

братья. Различия между ними вторичны и несущественны. То, что делает меня человеком, делает каждого человека моим братом.

1. Иисус не только провозглашал эту истину, но и глубоко раскрывал моральные обязательства, вытекающие из нее. В притче о Страшном суде перед Ним собираются все народы, и Он разделяет их на две группы: по правую сторону те, кто служил ближним, по левую - те, кто пренебрег этим долгом. Иисус подчеркивает ценность самых презируемых людей, называя их “малые братья Мои”.

2. Поскольку все мы - дети одного Отца, Иисус неизбежно считал, что все должны быть научены истине о Нем. Его весть предназначалась для всего человечества:

“Идите по всему миру и возвещайте Радостную Весть всем людям”⁴⁴.

Он не мог учить об избранности, доступной лишь немногим, как сурути, ограниченное для трех высших каст. Его принцип был таков:

“Никто, зажегши светильник, не ставит его под сосуд или под кровать, наоборот, его ставят на подставку, чтобы входящие видели свет.”⁴⁵

“Что Я говорю вам во тьме, говорите при свете дня, и что вам сказано шепотом на ухо, провозглашайте с крыш!”

3. Более того, если все люди - дети Божьи, не может быть и таких, кто по своей сути нечистый и недостойн Его общения. Иудеи традиционно считали язычников, то есть всех неевреев, грешниками и нечистыми. Ни один благочестивый еврей не мог есть с ними. То же касалось и самарян. В то время была значительная часть еврейского населения, не соблюдающего строго религиозные обряды. Религиозные лидеры провозгласили таких людей грешниками и запретили с ними общение, включая совместные

⁴⁴ Марка 15:16

⁴⁵ Луки 8:16

трапезы. Прокаженные считались пораженными за грех и потому не только изолировались по санитарным причинам, но и объявлялись ритуально нечистыми, то есть религиозно “неприкасаемыми”.

Но Иисус утверждал, что нет непроходимых стен между народами. Однажды, отвечая на вопрос законника, Он сформулировал две главные заповеди: “Возлюби Господа Бога твоего» и “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”. Законник спросил: “А кто мой ближний?”, и тогда Иисус ответил ему следующей притчей:

“Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возлив масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.”

Таким образом, Иисус учит в полном соответствии с истиной Божьего Отцовства, что ближним твоим является всякий человек, нуждающийся в помощи, вне зависимости от его расы.

Но Иисус понимал: одними словами разрушить суеверные предписания невозможно - их можно сокрушить лишь радикальными поступками. Поэтому Он сознательно вкушал пищу с “грешниками”, которых ортодоксальные иудеи избегали как нечистых, - к великому соблазну религиозных вождей:

“И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его. Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?”⁴⁶

“Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними.”⁴⁷

“Потом [Иисус] вошел в Иерихон и проходил через него. И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, взлез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать, и говорили, что Он зашел к грешному человеку;”⁴⁸

Настолько известным стало это Его поведение, что враги стали язвительно насмехаться над Ним:

“Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам”⁴⁹

Ответы Христа на подобные упреки исполнены глубочайшего смысла.

Однажды Он сказал:

“Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит:

⁴⁶ Матфея 9:10-11

⁴⁷ Луки 15:1-2

⁴⁸ Луки 19:1-7

⁴⁹ Матфея 11:19

милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.”⁵⁰

В другой раз Он изрек притчи о заблудшей овце, потерянной драхме и о блудном сыне. Из этих ответов явственно вытекают великие истины: а) что эти люди дороги Богу; б) что они ныне "заблудшие», "больные», далекие от Отца; в) что их можно спасти; г) что ради этого их нужно искать, идти к ним, и быть с ними. Эти религиозные истины, живые и действенные во многих странах с времен Христа, ныне обретают исключительное значение и для отверженных Индии. Они дают прочную нравственную основу для признания самых униженных народов мира нашими братьями по человечеству. Как только человек осознает эти истины, ему становится невозможно верить в индуистские законы, запрещающие совместную трапезу. Христос, вкусивший пищу с мытарями и грешниками, раз и навсегда сделал эти обычаи нелепыми и устаревшими в современном мире. Он освобождает индуса от предрассудков, касающихся совместной еды с представителями иных каст, вероисповеданий и рас.

4. Но принципы Христа идут дальше: они не только разрешают нам есть с людьми иной расы, но и делают это долгом религиозного человека. Братское общение - это из тех одно из средств, с помощью которого можно возвысить ближнего. Тот, кто сам познал любовь Небесного Отца, не может не желать применить это средство, чтобы вернуть заблудших овец к пастырю.

5. Есть еще один эпизод из жизни Иисуса, который имеет особое значение для Индии:

“Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от

⁵⁰ Матфея 9:12-13

пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую.”⁵¹

Так же как Иисус был готов вкушать пищу из рук любого чада Своего Отца, Он с готовностью принял бы и воду от любой человеческой руки. Любовь Небесного Отца способна открыть глаза индусу на истину: ни один человек не является нечистым, а вода, великий дар Отца, не становится оскверненной только потому, что подана самой смиренной из Его дочерей. Напротив, она все так же несет в себе Его любовь и благословение.

6. Но самым трогательным примером в этом контексте является встреча Христа с “неприкасаемым”, “нечистым”, отверженным - или в иудейском контексте, с прокаженным:

“Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умиловшись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистись. После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист.”⁵²

Обычно, Иисус исцелял словом. Он, как и мы, чувствовал отвращение к проказе. Но Он знал, что этот человек был изгнан из общества, что он

⁵¹ Иоанна 4:5-10

⁵² Марка 1:40-42

должен был кричать “нечист!” всякий раз, когда шел по дороге, и что годами ни одна добрая рука не касалась его плеча. И потому Христос не только очистил его, Он коснулся. Именно в тот самый день была решена проблема “неприкасаемых” в Индии. Что же за христине те, кто, имея такого Учителя, не пойдут искать отверженных?

Учение Иисуса о Божьем Отцовстве становится как раз той самой духовной основой, которая необходима для утверждения социального закона равенства всех людей. Никто не может по-настоящему верить в Божье Отцовство, как учил Христос, и в то же время считать, будто люди принадлежат к разным видам. Если все не признаны равными в обществе, то тогда братство людей, даже если оно и провозглашается, не является сутью человечности, а подменяется какими-то другими принципами.

Индусы признают, что человек связан с Богом, и они начинают говорить о братстве людей. Но согласно всей индуистской традиции, человек связан с Богом так же, как и любое другое проявление жизни, будь то растение или животное. Для индуса даже важно не так это Божественное родство, как стадия, которой достигла душа, будь она в растении, в животном или в человеке. Эта стадия - это предмет величайшей значимости, и в случае с человеком она определяется именно кастой. Положение человека в касте - это и его награда за прошлые достижения, и точка отсчета предстоящего духовного пути. Именно поэтому социальным плодом индуистской теологии стала кастовая система, в то время как плодом учения Христа является равенство.

Очень важно честно признать, что если рассматривать людей с точки зрения физической силы, их умственных способностей, образования, культуры, достижений, характера, то они вовсе не равны. Пока мы считаем хоть одну из этих характеристик (или их все) сущностными для человеческой природы, то говорить о равенстве - это чистейшая бессмыслица. В августовском выпуске Hindustan Review за 1913 год были

опубликованы две статьи, в которых идея равенства подвергается насмешке, и с точки зрения их авторов это было справедливо. Поэтому, лишь твердая вера в то, что каждый человек - дитя Божие, духовное, бесценно дорогое Ему существо, позволяет смотреть миру в лицо и уверенно сказать: все люди равны. Это единственное возможное основание для политического равенства европейца и индийца, для возвышения неприкасаемых, для социальной справедливости, для демократии в целом.

В. Одной из центральных идей Христа в отношении тех, кто осознал Отцовство Бога, является свобода. Самым ярким примером этого учения является уже упомянутый эпизод, где говорится, что сыны Божии свободны от храмового налога. Но эта свобода проявляется и в многих других аспектах. Самым показателем того, какое значение придавал Иисус этому принципу, является тот факт, что Он не дал Своим последователям никакого детального свода законов, а наоборот, предоставил им возможность самостоятельно формировать свое поведение, лишь призвав оставаться верными Его духовным истинам.

i. Мы уже видели, что универсальность учения об Отцовстве Божьем непременно освобождает христианина во всех его взаимоотношениях с людьми, и что Сам Христос показал нам на деле, что мы можем есть с кем угодно, пить воду от любого человека и прикасаться к любому. Далее следует отметить, что Он даровал нам свободу и в вопросе пищи: не существует еды, нечистой по своей природе:

“И, призвав весь народ, говорил им: слушайте Меня все и разумеите: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. Если кто имеет уши слышать, да слышит! И когда Он от народа вошел в дом, ученики Его спросили Его о притче. Он сказал им: неужели и вы так непонятливы? Неужели не разумеете, что ничто, извне входящее в человека, не может

осквернить его? Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища. Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - все это зло изнутри исходит и оскверняет человека."⁵³

Согласно вышесказанному, нет никакой еды, которая была бы сама по себе нечистой.

ii. Так же и в выборе занятий мы свободны. Раз человеческий род - это Божья семья, то любой труд, необходимый для общего блага, достоин уважения и не несет в себе никакого унижения. Работа ремесленника, земледельца, носильщика, лавочника, а то и мусорщика - все это достойный труд. Эту возвышенную истину Иисус выразил Своим примером: около восемнадцати лет Он трудился плотником. И только во Христе обретает оправдание деятельность тех брахманов, которые ныне заняты выделкой кожи, производством мыла или созданием новых предприятий. Христос показал, что служение человечеству - это путь настоящего благородства.

Таким образом, в учении и жизни Иисуса заложена религиозная основа общества, в котором царит свобода.

Не кажется ли, что в Своих словах и делах Он мог иметь в виду именно Индию?

С. Однако одни лишь принципы равенства и свободы, взятые в отрыве, повлекли бы за собой социальный хаос. Они приносят жизнь и здоровье только тогда, когда полностью подчинены праведной воле Небесного Отца. Они должны быть пропитаны нравственностью. И здесь вновь достаточно

⁵³ Марка 7:14-23

центральной идеи: раз мы братья, то должны и поступать друг с другом как истинные братья. В нравственном переосмыслении наших социальных отношений Христом правят две основные идеи:

1. Прежде всего, во всех наших отношениях с ближними мы должны быть справедливы. Наш Отец Небесный не может довольствоваться ничем меньшим, чем равная справедливость между людьми, независимо от их расы, вероисповедания или общественного положения. Это полностью противоположно индуистскому закону, согласно которому к каждому следует относиться в соответствии с его кастой. Такой подход исключает всякое насилие и несправедливость. Братство делает невозможными ложь, клевету, притеснение, воровство, прелюбодеяние и убийство: настоящий человек не способен причинить брату зло. Наивысшее негодование Христа вызывали те, кто претендовал на религиозную жизнь, но при этом поступал несправедливо в общественных отношениях. Для Него они были лицемерами самой грубой породы:

“Тогда сказал Ему Петр: Господи! к нам ли притчу сию говоришь, или и ко всем? Господь же сказал: кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими - раздавать им в свое время меру хлеба? Блажен раб тот, которого господин его, придя, найдет поступающим так. Истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его. Если же раб тот скажет в сердце своем: "не скоро придет господин мой", и начнет бить слуг и служанок, есть и пить и напиваться, - то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными.”⁵⁴

“Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях,

⁵⁴ Луки 12:41-46

председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение.”⁵⁵

Учение Христа о том, что все люди - братья и обязаны поступать друг с другом по справедливости, - это единственный действенный двигатель реформ в современном мире. Благодаря ему был запрещен работорговый промысел, отменено рабство, очищены тюрьмы, улучшены условия труда, возникло движение за трезвость, утверждена ответственность Британии за благополучие и развитие народов Индии. Под влиянием этой идеи Британия искоренила коррупцию в среде индийской администрации и обеспечила равенство в судопроизводстве. С этим же связаны отмена сати, прекращение жестоких религиозных обрядов и запрещение грубой непристойности. Как мы уже отмечали, все движение реформ в Индии выросло из духа Христа.

Без этого всеобщего нравственного постулата, что между людьми, независимо от их расы, религии, богатства или положения, должна царить справедливая взаимность - полноценная современная жизнь попросту невозможна. А до тех пор, пока сохраняется кастовая система, подобное равенство остается недостижимым.

2. Во-вторых, брату я должен не только полную справедливость, но и всякую помощь, в которой он нуждается и которую я в силах оказать. Служение по мере нужды это второй нравственный принцип Христа, применимый к общественной жизни. Если каждый человек бесценен для Отца, столь же бесценен, как и я сам, то я обязан делать все возможное, чтобы избавить окружающих от страдания и унижения. Благотворительность - не какая-то прихоть, которой можно заняться или пренебречь, а долг величайшей значимости. Этот принцип подробно

⁵⁵ Луки 20:46-47

рассматривается далее, поэтому сейчас мы не будем на нем останавливаться.

Христос тем самым закладывает необходимые религиозные основания для общества, основанного на равенстве, свободе и строгой справедливости. Социальная эволюция во всем мире неуклонно движется в сторону этих христианских идеалов, и потребности современного человека неизбежно ускорят этот процесс. Всеобщее взаимодействие требует общества, столь же универсального, полного социальной свободы и обладающего моральной силой, способной выдержать невиданные напряжения новой действительности. Лишь такое представление о братстве людей, которое сочетает в себе свободы и обязательства, способно справиться с задачей созидания. Так общество, сформированное на христианских началах, становится конечной целью всех живых форм общественной жизни и всего социального беспокойства нашего времени.

Однако стоит сделать еще одно важное замечание. Эти три ярких черты современного социального движения - стремление к всеобщему равенству, к полной социальной свободе и к подлинной справедливости в общественных отношениях - представляют собой не что иное, как кульминацию того, что мы уже отметили как особенности всякого общественного прогресса в древности: расширение границ общества, углубление свободы и усиление нравственного начала. Общество, охватывающее весь человеческий род, даст то социальное равенство, которого ищет современный человек; устранение последних преград на пути свободы и подчинение всех общественных связей моральным принципам обеспечат полную свободу и справедливость, к которым мы стремимся. Таким образом, развитие общества достигнет наивысшей возможной формы под водительством христианских принципов.

Однако здесь необходимо сделать еще одно важное замечание. Эти три выдающиеся черты современного общественного движения -

стремление к полной социальной равноправности, к полной свободе в общественной жизни и к подлинной справедливости в социальных отношениях представляют собой лишь вершину того, что во все времена характеризовало развитие общества: расширение его границ, увеличение свободы и углубление нравственности. Если общество охватит всех людей без исключения, это даст ту социальную равенство, к которой стремится современный человек; устранение последнего барьера на пути к свободе и подчинение каждого общественного отношения нравственным законам обеспечат ту полноту свободы и социальной справедливости, которых теперь все жаждут. Таким образом, эволюция общества достигнет своей высшей формы под водительством христианских принципов.

И поскольку Индия сегодня демонстрирует общественные явления, аналогичные тем, что наблюдаются в Египте, Турции, Персии, Китае и Японии, становится ясно: цель, к которой она движется, - это общество, вдохновленное истинами об Отцовстве Бога и братстве людей. Только общество, построенное на этих небесных истинах, способно ответить на нужды современной Индии. И только в рамках такого широкого закона может зародиться индийская нация.

Х. Но здесь уместно поднять еще один важный вопрос: те ли самые идеалы, которые в кастовой системе нашли столь яркое и настойчивое выражение, сгинут ли в надвигающемся социальном перевороте, или же обретут новое, ясное выражение в обществе грядущего? Смогут ли аспекты социальной жизни, которым не уделяли должного внимания даже в Греции и Риме, но на которых столь упорно настаивала Индия, расцвести и принести плод в новой социальной формации, или же им уготовано полное исчезновение? Индуистские убеждения в отношении касты можно свести к четырем основным положениям:

А. Основополагающий принцип кастовой системы заключается в том, что долг и привилегия зависят от рождения; иначе говоря, если

переформулировать старинный девиз - “рождение обязывает”. Только брахман имеет право исполнять священнические обязанности. Лишь дважды рожденные могут слушать откровение и стремиться к освобождению. Только представители четырех каст пригодны для обычного общения: все остальные считаются нечистыми.

И все же, дух индуизма не раз стремился к более широким горизонтам.

Бхагавад-гита открыла дверь духовной религии для женщин и шудр, а секты бхакти даже для неприкасаемых. Однако, несмотря на признание того, что женщины, шудры, и даже отверженные достаточно духовны, чтобы достичь освобождения, более того, чтобы стать учителями духовного знания и почитаемыми спасителями, им по-прежнему закрыт доступ ко всем прочим аспектам жизни. Неприкасаемый до сих пор остается “неприкасаемым”, объектом ужаса для брахмана. Опыт показал, что они способны постичь духовные истины; но их рождение остается неизменным - и через этот непреодолимый барьер не осмелится переступить ни один истинный индуист.

Секта Вира-Шайва была основана как протест против привилегий брахманов и кастовых различий; когда сикхи превратились в военное братство, они отказались от касты; а основатель Арья Самадж резко осудил кастовую систему. И все же сегодня все эти общины вновь связаны тем, что некогда отвергли.

Некоторые дальновидные индуисты основали *Миссию для угнетенных каст*, и многие готовы были бы оказать помощь, но сдерживаются подозрением (впрочем, вполне обоснованным), что всякая подобная деятельность подрывает саму суть индуизма.

Согласно кастовому учению, брахман, который разделит трапезу с шудрой, неприкасаемым или чужеземцем (*млеччхой*), подвергнется серьезному духовному осквернению. Но современный образованный

индуист из собственного опыта знает, что, обедая с представителями "правильного» типа шудр, неприкасаемых, христиан, парсов или мусульман, он не испытывает ущерба, а как раз таки напротив, обогащается этим.

Многие индуисты понимают, что все эти ограничения касты наносят огромный вред обществу, однако, они все еще скованы религиозной верой в то что отказ от древних предписаний - это грех. Поэтому они предпочитают терпеть ущерб в этой жизни, чем подвергнуться страшной каре в следующей.

Как же освободить индуизм от этого тягостного влияния, которое, несмотря на высокие стремления его мыслителей и вождей, проникает во все уголки сообщества, сковывает образованного человека вопреки его совести и его опыту, и удерживает индуса от того, что он сам считает благом для своего народа?

Христос - Освободитель. Ведь именно через истину о человеческом рождении Он освободит индуса от касты. Он не смотрит на брахмана на уровне неприкасаемого, но открывает великую истину: и дикарь, и каннибал и отверженный - они все брахманы для Него, и даже более. Каждый человек наделен наивысшим достоинством и может быть ребенком Всевышнего. И когда эта возвышенная истина проникнет в чувствительную душу индуса, исчезнут и страх, и паралич, сковывающие его при одной лишь мысли о взаимодействии с другими.

Тогда станет очевидно, что нет никаких препятствий к браку между представителями разных каст, если они и вправду хорошо подходят друг другу в отношениях, ведь на самом деле каждый из них имеет высшее происхождение. Индуисты с радостью будут обедать с отверженными, так как когда-то это делал Иисус. Они будут видеть в каждом человеке брахмана, ведь как дети Божьи, мы все призваны к священству, а именно к принесению духовных жертв.

Так что и в учении Христа рождение остается ключом к жизни; благородный девиз "рождение обязывает" все еще сохраняется. Но теперь здоровье общества и прогресс человечества зависят от того, насколько мы сумеем жить в соответствии с нашими обязанностями и привилегиями детей Божьих.

В. Индуист глубоко проникнут благоговением перед святостью общественного порядка. Все наше исследование ясно показало: каждый элемент кастовой системы имеет религиозное основание и носит духовное значение. В этом кроется и источник ее несокрушимой, всепроникающей силы по всей Индии, и причина того, с какой цепкостью она держит индуистский дух. Поэтому для индуса каждое правило и обычай касты является неприкосновенны. И вправду, трудно найти в этой удивительной религии нечто более поразительное, чем представление народа о божественной природе общественного порядка и безмерное благоговение, с которым он к нему относится. Созерцая величественное здание общества, воздвигнутое божественной мудростью с давних времен и связанное с духовным продвижением миллионов душ, проходящих круг сансары, образованный индуист приходит к убеждению, что сохранение этого устройства общества от искажения - это его высший из всех возможных долгов. Благодаря своему положению в общественной иерархии и верному исполнению всех норм традиционного закона, индуист ощущает себя святым и посвященным в дело сохранения и укрепления божественного общества, частью которого он является. Это хранение божественного порядка называется *дхармой*, то есть индуистским идеалом социальной справедливости и праведности.

Поскольку касту индуист считает божественным установлением, которое он обязан почитать и оберегать, то в христианском миссионере он видит грубого, невежественного иконоборца, который без уважения касается того, чего сам не понимает и не ценит; и который не способен

предложить ничего достойного взамен на то, что он разрушает. Для индуса христианское общество сначала выглядит как сущий хаос - смешение рас, и полное отсутствие уважения к святому. Подобные мысли естественны, когда отсутствует глубокое понимание. Однако из этого раздела должно быть ясно: христианин столь же глубоко верит в божественное происхождение общественного порядка, как и индуист. Каждая его черта отражает Отцовство Божье. Каждый общественный долг озаряется светом Его любви к человеку. И в каждом, даже самом малом деле, совершаемом ради брата, мы соприкасаемся с рукой Отца.

Но все же, истина в том, что для христианина общество священнее, чем для индуса. Индус-домохозяин вправе отбросить все обязанности перед семьей и обществом. Став *санньяси*, он поднимается на такой “уровень бытия”, где социальные обязательства уже не имеют силы в его жизни. В пределах человеческой жизни, как он верит, существует сфера, в которой божественное общество попросту отсутствует. Для христианина такая мысль попросту невозможна. Женатый человек не может при жизни отказаться от долга перед своей женой. Отец никогда не перестает нести ответственность за своих детей. Ни на земле, ни на небе не существует силы, способной освободить меня от моего общего долга перед ближними. Чем крепче я держусь за Христа, тем четче вырастают в моем сердце и совести мои общественные обязанности, ведь Его пример и Его учение побуждают к верности в социальной жизни. Чем глубже моя вера в то, что Бог - мой Отец, тем яснее я осознаю, что все человечество это Его семья, и что Он трудится и страдает, создавая Царствие Небесное на земле. Таким образом, индуистское осознание священности общества находит во Христе более высокое и широкое восполнение, нежели в системе каст.

С. Социальная жизнь индуса стремится прежде всего к сохранению сплоченности и чистоты. Индуист с особой чувствительностью осознает необходимость устойчивого, сбалансированного, самодостаточного

сообщества, и убежден, что без касты это просто невозможно. Как иначе будет обеспечена работа, отрегулированы цены и зарплаты, сохранены таланты и знания от поколения к поколению? Бедным нужно помогать, грешников сдерживать, врагов держать на расстоянии. Как же, без касты, возможно взаимное обязательство? Именно от верного исполнения всех древних предписаний, как верит индус, зависит как здоровье, так и устойчивость всего общества.

Во Христе мы имеем не узкую кастовую группу, где сплоченность достигается сравнительно легко, а гораздо более широкое общество, в котором нуждается современная Индия, и этическое учение наивысшей глубины и силы, способное сделать эту сплоченность - реальностью. Сегодня к ее воплощению стремится каждый патриотически настроенный индуист. Но как можно ее достигнуть? Только через Христовы понятия братства, социальной справедливости и служения. Инклюзивность для неприкасаемых, объединение диких племен, и созидание, из всех народов Индии, единого и святого народа - это та задача, которая способна тронуть даже самое благородное сердце. Могут ли индуисты безучастно смотреть, как иностранный миссионер реализует эту задачу вместо них? Из невиданного многообразия индийских рас и культур, в новых богатых условиях XX века, с христовой идеей Царствия как путеводной звездой и планом действия - какие же великие дела могут совершить сами индийцы? Вот та сфера, где Христос дает образ сплоченности, далеко превосходящий все способности кастовой системы.

Для индуса каста - это источник чистоты, нравов, культуры и всего религиозного наследия народа. Человек высокого сословия видит в себе одного из немногих, чистокровных, культурных, религиозных людей, окруженных массой нечистых, грубых, развращенных существ, среди которых свет истины находится под угрозой исчезновения. Подобно Энею, он несет через бурлящие толпы врагов наследие своих предков,

исполненный долга передать его в целости следующим поколениям. Только внутри касты он может сберечь священное доверие отцов - то самое сокровище из обычаев, традиций и законов, что регулируют его веру, нравы и образ жизни. Именно это наследие сформировало его как личность. В каждом его поступке, в каждой мысли он ощущает его влияние. Каждая каста имеет свою особую традицию. Среди брахманов и сегодня нормы чистоты, речи и поведения гораздо стоят выше, чем в других кастах. Сымитировать брахмана просто невозможно, так как самозванца выдадут сотни мелочей. Это чувство проникает глубже, когда речь заходит о религиозных обрядах, великих откровениях веры и о Веданте. Как все они смогут уцелеть, если каста будет нарушена? Позволить им быть общими с людьми низкого происхождения и без образования - это значило бы навлечь не только осквернение, но и разрушение на них.

Христос столь же ревностно стремится к чистоте, благим нравам, культуре и духовной религиозности, как и самый святой индус. Но Его путь сохранения этих благ отличается. Весь древний мир верил, что истина и мудрость столь драгоценны, что их нужно хранить для избранных. Христос же утверждает, что единственный способ сохранить истину - это сеять ее широко и щедро; что единственный путь к торжеству мудрости и праведности - это провозглашать их каждому человеку и положиться на их внутреннюю силу как на гарантию выживания этой истины. То же самое касается культуры и благовоспитанности. Терпимость к множеству невежественных и грубых людей - это как прямая дорога к лавине, способной смести культуру прочь. Напротив, чем шире распространяются культура и утонченность, тем прочнее они становятся. Именно поэтому Христос сказал:

“Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.”⁵⁶

Разве не могут индуисты сделать своим идеалом распространение благородных манер, чистоплотности и приятной речи брахмана среди самых простых индийцев? Неужели такое достижение было бы позором для индуистского общества? Точно так же и с истиной. Каждый индиец, как человек, наследует все духовное знание, которым располагает род человеческий. Когда мы рассказываем ему о его Небесном Отце, тем самым мы лишь возвращаем ему его собственное достоинство. Можно ли представить себе более великую задачу, чем научить каждого индийца высшей религиозной истине? Новая общественная жизнь во Христе становится подлинным источником культуры и истины.

D. Во Христе даже более конкретные идеалы касты находят свое исполнение. Брахман - это человек молитвы и жертвы; человек, имеющий непосредственный доступ к Богу. А во Христе Иисусе это становится правом каждого человека, правом данным от рождения. Каждый мужчина и каждая женщина способны быть “брахманами”, священниками Божьими, приносить духовные жертвы, вступать в непрерывное личное общение с Небесным Отцом. Шудре было велено служить трем высшим кастам; Христос, Который пришел не чтобы Ему служили, но чтобы послужить, показывает нам, что истинный человек - это слуга для своих ближних. Таким образом, и идеал шудры, и идеал брахмана становятся во Христе универсальными и таким образом восполняются.

Индуист верит, что даже те, кто по рождению духовно достоин высших привилегий (а именно, брахман, кшатрий и вайшья) не могут приступить к этим привилегиям, не пройдя “второе рождение”. Изначально это священное рождение включало в себя длительное религиозное обучение и дисциплину; и ничтожное меньшинство до сих

⁵⁶ Матфея 10:27

пор проходит через этот путь, тогда как для подавляющего большинства оно сократилось до простого и быстрого обряда инициации. То, что некогда имело великое значение, стало пустым пузырьком, позорящим свое высокое имя. А вот теперь. давайте обратимся ко Христу. Здесь второе рождение - это изменение, трансформация в самой душе, духовное преображение человека. Лишь тот, кто проходит через кардинальные перемены покаяния, прощения и соединения со Христом, получает доступ к привилегиям Царства Небесного. И этот путь открыт абсолютно для каждого. Любое дитя Божье может откликнуться на призыв Святого Духа, раскаяться в своей прежней жизни, посвятить себя Христу, и войти через врата второго рождения в новую жизнь в Нем. То, что в индуизме стало формальностью, во Христе обрело духовную реальность.

ГЛАВА V

ОСНОВЫ ИНДУИЗМА

I. Когда арийцы, пришедшие в Индию, начали свое вторжение, они искали лишь земли, на которых можно было бы поселиться и жить. Долгое время их вполне устраивало малое. Но постепенно среди них пробудился имперский инстинкт, и в результате они как в политическом, так и в религиозном смысле стали господами всей Северной Индии, а позднее и южной части полуострова.

В ходе своего постепенного завоевания Севера простая религия Ригведы трансформировалась в индуизм. Мысли и культура завоевателей естественным образом развивались; столкновение с бесчисленными племенами туземцев, с их разнообразными верованиями и укладом жизни, принесло им новые идеи и придало духовный импульс; в то же время новое имперское положение требовало практической системы, применимой как к подданным, так и к самим завоевателям. В этих условиях возник новый комплекс верований и сложилась новая социально-религиозная структура. Так родился индуизм - та самая религия Индии. С тех пор произошло бесчисленное множество изменений, но все они развивались в рамках первоначального плана; все они - это ветви древнего древа.

Наше изучение жизни ранних индоариев позволило четко уяснить несколько важных аспектов. Их религия представляла собой *политеистическое* поклонение силам природы - посредством молитвы, гимнов и жертвоприношений, но без храмов и без изображений. Мы также обнаружили некоторые следы более духовной веры и философского размышления. Культ предков занимал значительное место в их сознании и в социальной структуре. Для этого простого народа мир был реален, а жизнь была благом. Люди молились о том, чтобы прожить сто лет.

Аскетизм был им неведом. Семья сохранялась в здоровом состоянии. Каст не существовало. Учения о переселении душ не было. Человек жил и умирал однажды, а после смерти ангел Яма уводил его на небеса, где он обретал блаженное бессмертие рядом с праотцами и богами. Из этой простой системы возникла сложная теология и строго организованное общество индуизма.

Именно учение о карме и перевоплощении придало новой системе ее характер и форму. Внешне это всего лишь теория рождения и смерти, но по сути - это нравственное основание индуизма; как мы уже видели, оно пронизывает все аспекты религии.

Существовало и другое учение, сыгравшее важную роль в формировании новой мысли, хотя и не оказавшее столь же мощного влияния, как доктрина переселения душ. Его суть заключается в том, что существует одно Верховное Божество, вечное и непознаваемое, проявляющее себя во всех богах и всех религиях человечества. Оно духовно и реально; оно пребывает и в природе, и в человеке; оно - причина всего сущего, включая Веды и касту; в известном смысле, оно - это все сущее, и все же оно свободно от кармы, управляющей всем сущим. Поскольку оно вне кармы, оно бездейственно. Будучи непознаваемым, оно не может быть предметом поклонения; но поскольку оно проявляется во всех богах, поклонение любому богу считается вполне допустимым. Таким образом, брахманы выработали простую философию религии, с помощью которой они объясняли происходящее себе и всем ищущим истину, по мере того как распространяли свое влияние по всей Индии. Конечно же, им встречались самые различные формы верований (и порой весьма странные) по мере расширения их власти в стране; однако каждое верование и каждый культ могли быть подведены под эту универсальную формулу. Именно этим понятием об одном боге за всеми богами

индуистский крестьянин пользуется сегодня, когда его спрашивают, почему он признает множество богов.

Но чем четче они представляли себе Верховное Существо как нечто подлинное, тем ничтожнее и пустее становился для них весь остальной мир. С тех пор, как эти идеи обрели форму, индуист верит, что все мирское - это пустота не имеющая ни ценности, ни значения по сравнению с Богом. Учение о том, что материальное - это всего лишь иллюзия, возникло значительно позже и не является необходимым элементом индуизма (если мы говорим о его изначальной форме); но ничтожность мира - это одна из центральных идей этой религии.

И все же, хотя по сравнению с Богом мир и считался ничтожным, согласно учению о карме и перерождении, он признавался вечным и сосуществующим с Богом. Это преходящая, феноменальная система, полностью подчиненная карме, но при этом она не имеет ни начала, ни конца. История мира - это бесконечный процесс рождения: от Золотого века - к Железному. Прогресс невозможен. Но когда все доходит до предела, мир уходит в невидимость и находится в тишине и покое на протяжении бесчисленных эпох; а когда он вновь проявляется, все возвращается к самому лучшему состоянию.

Все души, будь они боги, демоны, люди, животные или растения, плывут по потоку *сансары*, круговорота перерождений. Их жизнь - это одновременно и наказание за прошлое, и возможность для будущего. Человек может возвыситься благодаря постоянной праведной жизни, жертвоприношениям и аскезе до самого высокого положения среди людей или даже до уровня божества; но освобождение от бесконечного круга рождений и смертей невозможно достичь в обычной жизни; это возможно только если выйти за пределы привычного существования в отречение от всего мира.

Богам можно поклоняться в соответствии со старым культом, а именно посредством жертвы, молитв и гимнов под открытым небом, или с помощью храмов и изображений; но в любом случае, будь то по старому или новому обряду, только брахман имеет право выступать в роли жреца; и Веды должны признаваться единственным откровением. Однако следует подметить, что древний культ доступен только трем дважды рожденным кастам, и ни одна женщина не может приносить жертву вне присутствия ее мужа; тогда как все индуистские храмы открыты для четырех каст, включая как для мужчин, так и для женщин.

Каста - это форма социальной организации в индуизме. Никто не может называть себя индусом, если он находится вне касты; и если в общину принимается группа посторонних, то она должна организоваться в отдельную касту.

Во времена Ригведы для молодых жрецов существовали школы. Их значение возрастало по мере усложнения ритуалов и усиления власти священства. Все больше литературы становилось обязательной для изучения учеником. Только брахман мог преподавать, и лишь мужчины из трех высших каст допускались к обучению. Женщины полностью исключались из обучения. В этот период стало обычаем отправлять каждого мальчика из каст брахманов, кшатриев и вайшьев на учебу, чтобы получить такое священное образование. Перед началом обучения каждый мальчик проходил обряд инициации. Такое древнее обучение сегодня получают лишь немногие.

Эта радикальная система полностью либо частично придерживалась и преподавалась брахманами, по мере того как они подчиняли себе народы Индии. Невежественным преподавали настолько, насколько было необходимо, чтобы они заняли свое место в большой структуре; но когда мыслящие задавали вопросы, то конечно, для них уже были заготовлены ответы. Эту систему мышления и жизни невозможно найти в четко

отделенной и завершенной форме ни в одном индуистском трактате; тем не менее она лежит в основе каждой формы индийской религии и философии, появлявшейся на исторической сцене на протяжении веков. Отдельные элементы этой системы были отчасти изменены в буддизме, джайнизме, философии санкхья и великих сектантских школах, и все же формы этих учений были бы едва ли понятны нам, если бы мы не знали о великом прародителе, из которого все они произошли.

II. Основные составляющие этой системы на удивление хорошо сочетаются между собой. Если мы примем, что невидимый Бог, стоящий за всем сущим, не участвует в жизни феноменального мира, то легко поверим, что весь этот мир лишен подлинной ценности и субстанции. И если мир действительно лишь пустое зрелище, то тогда естественно думать, что души, попавшие в его сети, могут скитаться во мраке и заблуждении веками, не находя пути обратно к своему Божественному Истоку, пока их слепые глаза не откроются и не прозреют сквозь обман времени к единственной реальности. В такой перспективе каста сразу же выглядит разумной и оправданной, как обозначение ступеней духовного продвижения души к просветлению. Путь души настолько важен, что социальный строй вполне может быть жестким и непреклонным, чтобы сохранять каждое достигнутое продвижение; и духовное возвышение, которое, как предполагается, лежит в основе рождения каждого брахмана, служит достаточно убедительным основанием для религиозного авторитета, которого брахман к себе требует. Точно так же идея, что Веда - это вечное изречение Божественного Разума, заново открываемое *риши* в начале каждой мировой эпохи, дает логическое обоснование практического авторитета, который ей приписывают люди.

И вполне возможно, что самая поразительная черта этой системы - это то, насколько она приспособлена к реалиям своего времени. Прежде всего, это старая система, к которой народ был уже приучен, ведь это

религия Ригведы; и вместе с тем, она так преобразована , чтобы удовлетворять даже самых продвинутых ариев своего времени. С другой стороны, это философия религии, которая позволяла включить в одну имперскую систему как самые грубые языческие культы туземцев, так и высшие спекулятивные размышления философии, наряду с утонченными жертвенными обрядами брахманов. Без касты, связывающей народ в единое целое, эти философские идеи просто напросто остались бы без плодов; в то же время, без учения о переселении душ каста не имела бы ни интеллектуального, ни морального обоснования и не проникла бы в сознание народа. Сила и величие всей этой группы идей становятся очевидны с первого взгляда. Идея ничтожности мира по сравнению со славой и духовной природой Брахмана поражает ум и вызывает философский интерес. Пустота мира стала мощным нравственным понятием, и главным источником всех форм духовной религии, которые за века Индия явила миру. Каждая религия стремится убедить человека освободиться от власти мира чувств. Индуизму не нужно искать аргументов в пользу этой идеи: она естественно вытекает из индуистского мировоззрения. Но, с другой стороны, если система лишает мир всякой притязательности на окончательную реальность, то учение о перевоплощении и карме выражает наиболее сильным из возможных способов его фактическую значимость и власть над духом человека. Неумолимый, суровый закон кармы обладает космическим величием и своеобразной научной завершенностью, которая на первый взгляд очень притягательна. Принимая эти представления, изощренная организация и строгие правила кастовой системы кажутся мыслящему человеку вполне логичным и разумным порядком для жизни.

Таким образом, перед нами индуистская концепция мира во всех ее непреходящих основах: Бог - реален, мир - тщетен; единый Бог - непостижим, прочие боги - не подлежат презрению; брахманы и их Веды -

единственный религиозный авторитет; каста - божественное установление, главный инструмент награды и наказания; человек обречен на вечные перерождения, потому что каждое действие ведет к новому рождению; бегство от мира (аскеза) - это единственный благородный путь для пробужденного человека и единственная надежда на освобождение от бремени сансары.

III. Мы привыкли считать индуизм неизменной системой, источником консерватизма. И действительно, индуист стремится жить в большинстве аспектов так, как жили его предки сотни лет назад. Однако консерватизм и застой - это далеко еще не вся правда про эту религию. Определенные свободы в индуизме все таки существуют. Европейцу эти свободы на первый взгляд кажутся бессмысленными: индус свободен там, где следовало бы наоборот быть связанным, и связан там, где стоило бы быть свободным. Тем не менее, будь то справедливо это или нет, такие свободы действительно есть; и для понимания индуизма и его действия необходимо четко различать, какие сферы жизни индуса подчинены строгому регулированию, а какие доставлены индуистской свободе. В этой главе мы выделим то, что индуист считает вечным, а потому, не подлежащим никаким изменениям.

Обязательные для индуса предписания можно разделить на три категории: семья, каста и религия.

A. Правоверный индус должен быть рожден в индуистской семье, пройти все необходимые обряды в детстве и юности, и жить как член семьи, соблюдая все предписания и исполняя все обязанности домохозяина. Эти обязанности включают в себя семейные ритуалы, (они подробно описаны во второй главе): таинства, почитание предков, поклонение семейным божествам, а также празднование ежегодных праздников и религиозных периодов. Если он принадлежит к дважды

рожденным, то обязан утром и вечером совершать предписанные омовения, молитвы и подношения. и так каждый день.

В. Правоверный индус должен быть рожден внутри касты. Если он брахман, кшатрий или вайшья, то он обязан пройти обряд инициации, или если он принадлежит к низшей касте то для него есть аналогичный обряд. Как было изложено в четвертой главе, он обязан соблюдать все традиционные правила и нормы своей касты.

С. Правоверный индус обязан поклоняться богам - либо по старому ведическому обряду, либо в современных храмах. Он должен признавать Веды как единственное откровение и обращаться к брахманам для всех жреческих функций, будь то дома или вне дома. Никто, кроме брахмана, не имеет права совершать жертвоприношения, проводить религиозные церемонии, выступать в роли духовного наставника или трактовать законы.

Все вышеперечисленное обязательно для индуса. Он связан в этих вопросах. Соблюдение этих законов и обычаев называется *дхарма*, то есть правильное поведение. Дхарма подробно объясняется и анализируется в книгах, известных как *дхармашастры*, важнейшей из которых является Манусмрити (кодекс Ману). Вот как высказываются по этому вопросу высшие авторитеты. Прежде всего, Бхагавадгита:

“Итак, осознавая шастру как меру различения добра и зла, исполняй здесь деяния, указанные в предписаниях шастры”.

Шанкара же говорит следующее:

“Понимание того, что одно действие - правильное, а другое - нет, основывается исключительно на Писании”.

Свободы индуса лежат за пределами круга дхармы. Человек может оставаться правоверным индусом, при этом не веря ни в одного бога, не придерживаясь никакой теологии и даже толком не зная ни одной строки из священной книги. Он может быть христианином, мусульманином,

агностиком или атеистом по убеждениям. Никто даже не поднимает этого вопроса до тех пор, пока он будет соблюдать традиции.

ГЛАВА VI

ВЕРШИНА ИНДИЙСКОЙ МЫСЛИ

Если бы образованного индуса спросили, какой аспект его религии он считает наивысшим, едва ли возникли бы сомнения в том, что он назовет именно философию Веданты. Поэтому этой теме и посвящается данная глава. Нам придется в общих чертах проследить ее историческое развитие, чтобы лучше ее понять.

I. В *Ригведе*, а также в *Атхарваведе* содержится ряд философских гимнов, и некоторые из выраженных в них идей впоследствии вновь появляются в философии; однако для нашей текущей цели будет достаточно начать с понятий, изложенных в *Брахманах*. Среди множества домыслов и догадок, рассеянных по этим священническим сочинениям, два заслуживают особого внимания.

Первое из них - это *Брахман*, слово, производно связанное с идеей священного произнесения, будь то гимн или молитва, но в *Брахманах* оно осмысливается как единый источник видимой вселенной. Брахман именуется источником всего сущего, Творцом и Владыкой мироздания.

Второе понятие - это *Атман*, что означает “я”, или “самосуть”. Первоначально это слово употреблялось в разных смыслах; но постепенно оно все яснее закреплялось за осознанной мыслящей сущностью как в человеке, так и во вселенной. Между личным “я” человека и всеобщим “я” вселенной не проводилось строгого различия. Смыслом было, по-видимому, вездесущее сознание, которое проявляется в каждом человеке как искра света, как мыслительная сила внутри него, оставаясь при этом “Я” вселенной. Это понятие, как и Брахман, реальность бытия, впоследствии использовалось для объяснения всего мира. Атман также назывался Творцом и Управителем мира. Таким образом, перед нами два выдающихся понятия - Брахман и Атман, каждое из которых объявлялось

источником всего сущего. Брахман, однако, был постигнут объективно, через осмысление мира как природы, подчиненной религиозным влияниям: тогда как Атман возник из внутреннего психического опыта людей, то есть, из наблюдения за внутренним миром.

Затем наступил момент, когда один из мыслителей объединил эти два начала, и заявил: “Брахман есть Атман”. Источник всего сущего таким образом был окончательно осознан как разумный, даже психический. Брахман-Атман стал восприниматься как сокровенная тайна мироздания, которая присутствует в каждом человеке. отождествление этих двух понятий должно было сильно стимулировать мышление; и сознание, единство, вселенский и божественный характер Брахмана-Атмана постепенно становились все более явными в умах людей и обретали все более четкие очертания.

Атман также был определен через противопоставление богам. Эти ранние мыслители наблюдали за религиозной жизнью вокруг себя и видели, что каждый бог представляется жаждущим получить почтение и жертвы от людей, и ради этого готов дарить им благословения в ответ. Каждый бог, следовательно, - это индивидуальный дух, имеющий свои собственные интересы и подчиненный мотивам, которые аналогичны человеческим. Поэтому Атман был представлен как свободный от желаний и, следовательно, не способный быть искушенным жертвами людей. Он лишен страстей, и постоянно пребывает в покое.

Без сомнений, эти мыслители затронули одну из самых трудных проблем, и вот почему. Если мы обратимся к религиям Египта, Вавилона, Греции или Рима, то мы увидим, что данное описание вполне справедливо и для их богов. Они принимают хвалу и молитвы, откликаются на нужды человека, но при этом ссорятся из-за земных дел, даже плетут интриги, чтобы заручиться поддержкой людей, и проявляют самые низкие страсти и

похоти. Все это справедливо даже по отношению к великому Зевсу из греческой поэзии, которого именуют Верховным.

Формирование этой развитой концепции духовной реальности, стоящей за миром, неизбежно повлияло на мышление и в других направлениях. Мир начал представляться изменчивым и обыденным на фоне мысли о духовном, невидимом, неизменном Атмане. Боги также заняли подчиненное положение по сравнению с этим вездесущим, всемогущим, всевидящим Божеством. Неизбежно, у людей возникало стремление к соединению с Атманом; и в Брахманах действительно встречаются отрывки, где говорится, что человек может достичь его посредством познания и тем самым обрести бессмертие, освободившись от желания и действия. В некоторых местах этих писаний мелькают намеки на грядущее великое учение об идентичности человеческой души и Брахмана; но пока эта идея еще не получила серьезного развития.

До этого момента индийская мысль представляла собой множество спекулятивных догадок, одни из которых были бесплодными, а другие таили в себе большие возможности. Однако здесь мы должны провести четкую грань между этими ранними вспышками умственного гения и возникновением первой подлинной индийской философии. Настоящую интеллектуальную встряску, из которой возникла индуистская философия, вызвало появление нового элемента в индуистской вере и мышлении, а именно, учение о переселении душ и о карме. Этот факт необходимо всегда иметь в виду при изучении эволюции индуистской мысли. Несомненно, вера в переселение душ и карму воспринималась тогдашними людьми предельно серьезно. Душа, в их представлении, была узницей, прочно связанной цепью перерождений, неизбежно совершающей поступки, которые, в свою очередь, связывают ее новой жизнью.

Учение о карме хорошо сочетается с концепцией Брахмана-Атмана. Последний мыслился как нерожденный, бессмертный, вечно свободный, и также лишенный желаний и действий. Следовательно, когда появилась теория кармы и перерождения, он остался единственным существом во вселенной, на которое власть кармы не действовала. Поскольку он лишен желаний и действий, то он просто не мог быть охвачен кармой. Если бы он считался деятельным, тогда его неизбежно сочли бы подверженным карме и способным к перерождению.

С этого времени и далее можно выделить три нити в размышлениях об Абсолюте. Как Брахман, он теснейшим образом связан с материальным миром; как Атман, он - разумный, самодостаточный дух; будучи свободным от желаний и кармы, он находится в постоянном бездействии.

С появлением учения о перерождении и карме еще более усилилось противопоставление Атмана и мира. Вся вселенная подчинена карме, но Атман свободен. Мир полон страданий и повсюду скован узами: ни один дух не свободен; каждый человек и каждое животное страдают или наслаждаются в соответствии с неизбежным наказанием за свои прежние поступки. Считается что даже растения вовлечены в круговорот перерождений. Все творение удерживается в железной хватке этой беспощадной силы. Даже боги признаются существами временными, наслаждающимися на небесах в течение некоторого срока славным вознаграждением за добродетельную жизнь в прежнем воплощении, но обреченными один за другим на новое рождение, и возможно даже в гораздо более униженном состоянии. Они принадлежат к феноменальному миру так же, как человек и животные. Люди стали гораздо со временем стали яснее осознавать всю жалость и убожество мира - с одной стороны, с его страданием и скорбью, тревогой и борьбой, ничтожными богами и жертвоприношениями, с его круговоротом рождений и смертью; и с другой стороны - Атмана, исполненного духовности, силы и свободы. Атман был

совершенно свободен от мира. Он не имел никакой доли в его действиях, никакого отношения к его религии или морали, и вообще не волновался его проблемами и не был связан его кармой.

Так мыслящие люди все острее начинали ощущать свое положение в этом мире, подчиненном карме и перерождению, страданию и бесконечным смертям. Ими овладевало глубокое отвращение к этим повторяющимся рождением и умиранию. Им казалось невыносимым вечно крутиться в этом колесе. Они жаждали чего-то.. нетленного. Они никак не могли смириться с этими вечными перерождениями. Неужели нет совсем никакой возможности найти выход из этого лабиринта мучений? Именно в ответ на этот мучительный вопрос и родилась философия.

Начало процесса было положено в размышлении об Атмане. Сначала Атман, или Я, представлялся как некая сознательная сущность, рассеянная по всей вселенной, присутствующая во всем, но наиболее ярко проявляющая себя в сознательной жизни человека - в человеческом "я". Но по мере того как мыслители все глубже вникали в эти идеи, сама природа духа становилась для них все более ясной. Они начали считать что Атман пронизывает все и проявляется повсюду, но при этом находится за пределами пространства и времени, пребывая внутри, над и под всем сущим; и при всем этом, он - единый. Так стало невозможно представлять Атмана как тонкую физическую субстанцию, рассеянную по вселенной: эта идея показалась слишком материалистичной и даже математической. Нельзя было также считать, что часть Атмана пребывает в каждом человеке - это разрушило бы единство Божественного Духа. Однако в самих себе они обнаружили основание всех своих размышлений об Атмане. В собственной душе они находили то единство, ту разумность, ту безграничность мысли, которую приписывали Божеству. И тогда некто осмелился сказать: "Я в человеке - это не просто проявление Божественного Я в одной точке; человеческое "я" и есть Божественное Я,

Божественное Я целостное и полное”; “Я есмь Брахман”. Это было лишь естественным выводом из предыдущих размышлений, но в то же время и самым смелым и величайшим дерзновением, на которое когда-либо отваживался индийский ум.

Теперь, давайте обратим внимание на неизбежный результат. Когда эта могущественная мысль становилась для человека истиной, когда он осознавал, что он и есть вечный Брахман, он чувствовал себя в одно мгновение перенесенным из своего прежнего мирского существования в вечную свободу Брахмана. Будучи вечным Атманом, он не был связан круговоротом рождений и кармой. В этом новом знании он обрел вечное освобождение. Брахман абсолютно свободен; я - Брахман; следовательно, я - свободен. Через этот опыт человек преображался до неузнаваемости. Ранее он воспринимал себя как отдельную живую душу в царстве природы, не так уж далекую от животных, полностью зависящую от вещей времени и чувств, безнадежно запутанную в карме и перерождении. Теперь же ему стало ясно, что все это - всего лишь сон; что он - духовное существо, для которого вся природа это просто пустая иллюзия; что он - бессмертен, и страх, печаль, и смерть не имеют над ним власти; что он - вечен, и перемены времени для него менее чем ничто; что он вполне самодостаточный дух, не нуждающийся ни в чем, а значит и не желающий ничего; он - всеобщий дух, для которого индивидуальность является лишь пылинкой; свободный дух, далекий от цепей кармы. Этот опыт приносил человеку такую радостную возвышенность духа, что он уже не мог опуститься до прежнего уровня. Он знал, что он - вечный Бог, присутствующий во всей вселенной, суть и субстанция всей реальности. Он стоял бессмертный, бесстрашный, свободный от желаний, вне досягаемости боли, страдания и сомнений, его опыт завершен, душа наполнена блаженством великого покоя.

Неизбежным следствием этого состояния ума было немедленное отречение человека от всякой связи с миром. Он не принадлежал мимолетному миру, потому что принадлежал миру Брахмана. Что общего у вечного Брахмана с поклонением, детьми, утехами, удовольствием, делами, имуществом или государством? У Брахмана нет ничего общего с действием - этим “злом”. И вот, когда человек постигал свое истинное бытие, он уже не мог возвратиться к прежней жизни тщеты, безумия и скорби. Ибо только в Брахмане покой; “все остальное полно скорби”. “Что нам до потомства, если у нас есть это Я и этот мир?” - “Те миры лишены радости”. - “Без солнца те миры, ведь они покрытые ослепляющей тьмой”. Как мог бы человек, который через свое просветление “преодолеет голод и жажду, скорбь, страсть, старость и смерть”, вернуться к жизни, исполненной всех этих бед?

И потому итогом этого преобразующего опыта было то, что человек отказывался от дома, брака, семьи, имущества, дел, касты, священной нити, поклонения богам, почитания предков, и в конце концов становился странником без крыши над головой, ищущим уединения, спящим у подножия дерева или в пещере, добывающим себе пищу попрошайничеством. Его называли Отрешенным (*санньяси*), Странником (*паривраджака*), Нищим (*бхикшу*). Среди всех этих терминов самое значительное слово - *санньяси*, (отрекшийся). Смысл в том, что человек отказывается от мира. Они отказывались от всяких развлечений, снимали все украшения и драгоценности, брили головы и носили минимум одежды, а некоторые и вовсе ходили нагими. У каждого был посох и чаша, в которую он принимал подаяние. Удивительно, что эти люди отказывались не только от всего комфортного что есть в этой жизни, но отказывались и от касты, тем самым полностью выходя за пределы индуистского общества. Радикальность этого отречения можно объяснить только исходя из представления о Брахмане, который, будучи осмыслен как Абсолют,

считался полностью не затронутым никакими проявлениями феноменального бытия.

II. Глубокая искренность и серьезность этого движения становятся совершенно очевидными в характеристиках жизни, которые мы только что рассматривали. Ни один думающий человек не сможет не восхититься всей душой смелостью их мысли и крайним самопожертвованием той дисциплины, которой подвергали себя эти люди. Мы не удивляемся тому, что эти люди производили грандиозное впечатление на своих современников и приобретали влияние благодаря такой своей жизни. Все ученые сразу признают их великую проницательность, и ту основополагающую истину, которая достигается в понятиях Брахмана как духовного Я вселенной и в учении о тождестве Брахмана и индивидуального Я. Как мы видим, эти идеи являются источником всего величайшего мышления, которое вообще когда-либо возникало в Индии.

Понятие Атмана по своей природе является духовным. Хотя он считается как пребывающий во всем и превосходящий все, по-настоящему вездесущий и универсальный, но тем не менее, Я описывается как невидимое, неосязаемое, вне времени и пространства, совершенное единство. Сознание и всеведение - это сама природа и сущность Я; а совершенное единство вечного разума - находится вне досягаемости страданий, перемен жизни и смерти. Насколько это понятие утвердительно, настолько оно истинно и разумно для них.

Учение о тождестве человека и Бога вызывает множество по-настоящему ценных размышлений. Ни один современный мыслитель, скорее всего, не примет эту догму в ее буквальном виде; но все согласятся с тем, что она настолько близка к правильному выражению целой группы бесценных истин, что неудивительно, что ранняя Индия восприняла ее как откровение. Каждый узнает в ней непосредственную близость к следующим идеям: достоинство и духовное величие человека;

необъятность его умственных способностей; беспредельность его желаний; его желание бессмертия; его близость, схожесть и родство с Богом; непосредственность общения, которое он может иметь с Богом; фактическое присутствие Бога в каждом человеческом сердце и совести; и, наконец, естественное стремление души к единению с Богом. Таким образом, это учение обладает великой ценностью как свидетельство о Божественном в человеке.

Но мы можем пойти на шаг дальше. Эти люди не просто выработали концепции Бога и человека. Их новая вера затронула глубины их духовной природы и излилась в религиозный опыт. Возвышенный язык лучших фрагментов древнейшей литературы вполне свидетельствует о подлинности их общения с Богом. В этих отрывках часто описываются несколько различных элементов их переживания, что еще более укрепляет нашу уверенность в искренности их опыта.

(a) Атман стал для них неизреченно дорог:

Что бы мог человек предложить этой земле, окруженной водами и полной богатства, все же в нем - что-то большее, что-то большее.

Тот, кто видит, познает и понимает это, - любит Я, наслаждается Я, ликует в Я, радуется в Я.

Это, что ближе нам, чем что-либо другое, это Я - дороже сына, дороже богатства, дороже всего прочего.

(b) Мир утратил над ними всякую власть:

Стремясь лишь к тому миру, нищие покидают свои дома.

Зная это, древние люди не желали потомства.

“Что нам до потомства, - говорили они, — если у нас есть это Я и этот мир?”

И они, преодолевшие стремление к сыновьям, богатству и новым мирам, странствуют как нищие.

*Глупцы — те, кто гонится за внешними удовольствиями:
они попадают в ловушку всеобъемлющей Смерти.*

*Но мудрые, постигшие бессмертие, не ищут
Непреходящее среди вещей преходящих.*

*Тот, кто узрел Превысшее и Глубочайшее, у того
разрываются оковы сердца.*

Что еще может пожелать тот, кто имеет все?

(с) В своем сознательном познании Бога они чувствуют, что достигли бессмертия:

*Тот, на ком покоится все живое - живые существа,
вместе с пространством, - его я познаю как свою душу,
Бессмертное - Бессмертного.*

*Вся эта существующая вселенная движется в Жизни, из
которой она возникла.*

*Это — великое утрашение, молния, поднятая над
головой! Те, кто познал Его, становятся бессмертными.*

*Когда человек отказывается от всех тех желаний,
что лежат в его сердце, тогда смертный становится
бессмертным и здесь и сейчас достигает Брахмана.*

III. Вопрос о соотношении Атмана и вселенной столь важен, что мы должны постараться сделать связующие идеи как можно более ясными. Мы уже видели, что человеческая душа считалась тождественной с Богом. Теперь нам предстоит осознать, что и мир тоже в некотором смысле отождествлялся с Богом. Эта идея выражалась в формуле, которая звучит как *“Ekat eva advitiyam”* - “Единственный, и нет другого”. Часто утверждается, что мир и есть Бог. Эта мысль, безусловно, происходит от первоначального представления о Брахмане как невидимом источнике и опоре всего сущего. В древнейшей литературе эти выражения еще текучи и живы, и пока не строго определены. Поэтому мыслители развивали эту

идею в абсолютно разных направлениях. Один мог трактовать единое Бытие как физическое, полностью отождествляя Брахмана с вселенной, теряя духовное в материальном. Другой стремился к идеалистическому толкованию, утверждая, что только духовный Брахман существует на самом деле, почти полностью лишая физический мир реальности. Третий полагал, что данная мысль достигает полноты, если говорить о мире как о продукте Брахмана, пропитанном Им. Последнее наиболее близко к первоначальной идее; и, в каком бы направлении ни склонялись мыслители, они никогда не забывали, что Бог - всепроникающий.

Но, как мы уже видели, Атман, будучи полностью свободным от желаний, вообще не действует. Таким образом, Бог пронизывает вселенную в каждой ее части, но не влияет на нее. Эта мысль довольно трудна для понимания, но ее необходимо усвоить, если мы хотим понять всю систему. Бог имманентен миру, всепроникающей, но при этом он не действует. Вообразить Атмана действующим - значит подчинить его карме, а значит - перерождению, страданию и смерти. Поэтому эти мыслители утверждали, что он совершенно не затронут тем, что происходит в мире. Вот один из отрывков, в котором это убеждение выражено с особой силой:

“Он, однако, Атман, не таков, не таков.. Он непостижим, ибо не может быть постигнут; неразрушим, ибо не может быть разрушен; невосприимчив, ибо ничто не может повлиять на него; он не связан, его не тревожат, ему не причиняют вреда.”

Шанкара постоянно подчеркивает недеяние Брахмана. Из этого абсолютного отделения всепроникающего Атмана от дел и переживаний мира вытекают несколько крайне важных следствий.

А. Первым следствием утверждения о том, что Брахман находится вне всякого действия, является то, что он мыслится как стоящий выше морали. Он совершенно отделен от мелких различий между добром и злом. Нравственные законы относятся к человеческой жизни, но не к

трансцендентному бытию Источника вселенной. О Брахмане говорят как о реальности, сознании и блаженстве, но никогда как о праведности. Его полностью признают как разум, стоящий за вселенной, но никогда не называют его обладателем характера или источником и центром морального порядка. Более того, нас специально учат, что, будучи Абсолютом, он отделен от всякого действия, как доброго, так и злого, так же, как он стоит над временем и переменами:

“Я - это рубеж, граница, чтобы эти миры не были смешаны. Ни день, ни ночь не переходят этот рубеж, ни старость, ни смерть, ни скорбь; ни добрые, ни злые дела. Отличен от праведного, отличен от грешного, Отличен от причин и следствий, Отличен от прошлого и будущего; Что покажется тебе подобным Ему, то и объяви.”

Следовательно, освобождение не представляется зависящим от морали в какой бы то ни было степени. Оно происходит исключительно из знания. Осознание своей единосущности с Брахманом и есть освобождение от перерождения и от мира. Это ясное и понятное учение излагается без всякой двусмысленности в древней литературе и разрабатывается и защищается величайшими авторитетами. Поскольку Брахман не считается источником морали, способ, которым человек осознает свою тождественность с Брахманом, не является моральным процессом. Только просветление может даровать искомое, полное освобождение от перевоплощения и кармы.

Даже когда человек достигает освобождения, он не обязательно становится нравственным. Даже если он совершает порочные поступки, они его не запятнают. Действительно, для того, кто осознал свою тождественность с Брахманом, все нравственные различия утрачивают смысл. Мораль - это лишь один из элементов феноменального мира, а различие между добром и злом исчезает, как и все иные различия, в

ослепительном свете Абсолюта. Мораль принадлежит нереальному миру, от которого освобожденный человек избавляется полностью, обретая освобождение. Она относится к сфере “становления” и “изменения”, с которой он больше не имеет ничего общего. Следовательно, жизнь монаха изначально не подчинялась никакому моральному закону:

“Тогда (то есть, когда он осознал свою тождественность с Атманом) он не затрагивается ни добром, ни злом.

Его не возвышают добрые дела, его не унижают злые.

Тот, кто постиг это, более не запятнан никаким злым поступком.

Как вода не задерживается на листе лотоса, так и ни одно злое деяние не прилипает к тому, кто знает это.

Он не терзает себя мыслями: "Какое добро я упустил? Какое зло совершил?"»

Подобно водоплавающей птице, которая не загрязняется от воды, так освобожденный йог не оскверняется ни заслугой, ни проступком

Зло не пристает к просветленному человеку более, чем вода к листу; но к невежественному человеку грех липнет, как смола к дереву.

Отказавшись от истины и лжи, от удовольствия и боли, от Вед, от этого мира и того он должен искать Атмана.

И никакой грех не может коснуться их, хотя бы они жили и поступали так, как им угодно.”

Даже Бхагавад-гита содержит это учение:

“Тот, кто ни любит, ни ненавидит, ни печалится, ни желает, кто отказался от добра и от зла, кто наполнен преданностью - тот и дорог для меня.”

Таким образом, в самые ранние времена стремление к Атману не было обусловлено нравственностью. Но вскоре многие люди, не знавшие Брахмана, но стремившиеся к осознанию своей тождественности с ним, стали монахами. Так монашескую жизнь стали воспринимать как дисциплину, которая ведет людей к познанию Брахмана. В результате были приняты три формы аскезы, заимствованные из отшельнической жизни (которой мы посвятим следующую главу). Во-первых, практика *тапаса* (аскетические подвиги) была признана многими монахами как средство полного завоевания своей собственной души. Многие санньяси также приняли систематические упражнения по регулированию дыхания и контролю интеллектуальных процессов, известные как йога. И, наконец, на всех был наложен закон *ахимсы* - или непричинения вреда, то есть запрет на убийство любого живого существа включая даже отлом ветки от растения. Понятие Брахмана как существа, не подверженного никаким страстям, дало основание для их поведения по отношению к другим, и этим основанием стало равнодушие: любовь и ненависть, благодарность и обида, зависть и гордость - все эти чувства должны быть полностью подавлены. Отсюда же полная целомудренность, правдивость и честность - они были обязательны. С течением времени моральная сторона монашеской жизни сформировала прекрасный идеал для пассивных добродетелей.

В. Вторым следствием лишения Брахмана действия стало то, что люди представляли его как безличное начало. Он был самосознающей мыслью, но не волей. Поэтому приписывать ему личность казалось чем-то логически неестественным. Самые ранние тексты отнюдь не последовательны в этом вопросе, так как многие отрывки открыто несут в

себе теистический тон; однако нет сомнений, что чем дальше шло размышление, тем сильнее становилось стремление к представлению о безличном Абсолюте.

С. Третьим следствием было то, что Брахман мыслился как не имеющий связи с человеком. Одно из великих утверждений, сделанных о нем, гласит, что он “превыше всякой мысли и речи”. Эта фраза повторяется в поздней литературе тысячи раз. Таким образом, хотя Брахман пронизывает всю вселенную и находится рядом с нами всегда, но все же поклоняться ему или даже молиться ему попросту невозможно. Он не может ни услышать молитву, ни принять поклонение. Мы уже видели, что санньяси отказались от обычного индуистского культа. Теперь мы видим, что Брахману и не могло быть принесено поклонение. Монах никому не поклонялся. Все его время уходило на постижение своего единства и тождественности с Брахманом.

Д. Четвертым следствием стало то, что он больше не мог мыслиться как Творец вселенной. Объяснить это просто - такой акт вовлек бы его в карму. В древнейших текстах встречаются выражения, в которых он почти представляется как Творец, но более осторожные мыслители избегали подобных утверждений, и чем дальше мы идем по течению традиции, тем яснее мы видим этот момент.

Каждый из этих четырех пунктов мы еще встретим позже.

IV. Стоит также прояснить отношение этих мыслителей к народному индуизму. Мы уже видели, что мыслители полностью отказались от поклонения индуистским богам. Теперь необходимо отметить, что в самых ранних текстах мы находим, что сами боги, жрецы, совершающие их культ, их жертвоприношения, литургия, а также книги, в которых все это зафиксировано - все они упоминаются с очень заметным пренебрежением, как не имеющие никакой ценности для человека, познавшего Брахмана. Кажется, что они освободились от народной религии так же полностью,

как и от обычного общества. Веды и ведическая школа стали для них непригодными и бесполезными. Зачем теперь приносить жертвы богам? Они больше не желали того, что индуисты ожидали получить от богов в обмен на свои жертвы.

Но хотя совершенно очевидно, что изначально они стояли в величайшем презрении ко всей индуистской системе, все же они не поднимали никакого протеста ни против религии, ни против образа жизни, ни против литературы. Они попросту были полностью равнодушны к этому. Еще одно обстоятельство, которое поражает своей странностью, это то, что они не объявили всех древних богов вымыслом. Мы бы скорее всего подумали, что каждый, обладавший столь мужественной силой, чтобы пробиться сквозь множество преград к великолепному понятию одного Бога - духовного, абсолютного, верховного, - должен был бы обладать и силой и здравым смыслом, чтобы увидеть, что вся мифология индуизма - это просто сплетение безосновательных фантазий. Но это оказалось не так. Все философы (включая даже самого основателя буддизма) на протяжении веков верили в существование всех индуистских богов. Они считали себя выше этих богов и больше не поклонялись им и не чтили их; но в их мышлении все равно не хватило глубины, чтобы изгнать из своих представлений этот огромный и пагубный пантеон и мифологию. Боги - это души, также подверженные перерождению, как и люди, только благодаря своим поступкам в прошлых жизнях они возвысились до статуса божественных существ. Когда же их заслуги исчерпаются, они снова рождаются и, возможно, окажутся даже в очень низком положении. Крайне важно помнить об этом на протяжении всего нашего исследования индийской философии, потому что без этого весь ход истории остается непонятным.

Дискуссии, приведшие к созданию этой философской системы, происходили не в брахманских школах, а на улицах, в лесах и на

жертвоприношениях ; в них принимали участие люди любых каст, включая женщин. Изначально это было глубоко демократическое движение. И хотя оно обладало силой, способной увести многих в леса в качестве монахов, оно вполне могло бы вскоре зачахнуть и не оставить после себя никакого длительного результата.

Но здесь мы снова видим как проявился гений брахмана в своей полной силе. Хотя новое мышление было настолько революционным, что отвращало людей от обычного индуистского поклонения и заставляло презирать Веды, брахманы поняли, как можно его укротить. Они ввели его в свои школы и стали преподавать его как последнюю и высшую ступень учения. Ученики сначала изучали систему жертвоприношений, а затем изучали философию. Они называли ее Веданта (то есть Веда + конец), конечная цель Веды. Постепенно устное наставление, в котором передавалась философия, приобрело устойчивую форму и стало передаваться от учителя к ученику в фиксированном словесном выражении, а каждая школа хранила свое собственное священное наследие. Так были сформированы те удивительные трактаты, которые мы знаем под названием Упанишады. К данному периоду относятся только *Брихадараньяка*, *Чхандогья*, *Тайттирия*, *Айтарея*, *Каушитаки* и *Кена*-упанишады. Они написаны простой прозой в форме рассуждений, и ясно демонстрируют процесс перехода от старого жертвенного учения брахманов к философии. Следует помнить, что в брахманские школы допускались только мальчики из трех высших каст, ни одна девушка не принималась туда, и только лишь брахманы имели право преподавать. Следовательно, с этого времени Веданта преподавалась только мужчинам из трех высших каст, и ее преподавание было разрешено только брахманам.

Тут читателю стоит обратить особое внимание на то, как удалось ввести эту новую философию в школы. Это не могло бы случиться, если

бы новое мышление побудило монахов протестовать против всей практики индуизма как уничижительной по отношению к Богу; но, поскольку их отношение к богам выражалось в добродушном, хоть и высокомерном презрении, между ними и старой религией не было настолько непреодолимого барьера; и таким образом философию удалось ввести в школы, и одновременно с этим заключить ее в строгие кастовые рамки.

V. Теперь мы переходим ко второму периоду истории индийской философии. Хронология в нем уже начинает проясняться. Вероятнее всего, этот этап начинается около 550 года до н. э. или вскоре после. Главная особенность новой эпохи - это появление множества конкурирующих философских систем. Почти полный монополизм мыслителей Упанишад, существовавший ранее, теперь полностью иссяк. То там, то тут встречается философ, у которого своя собственная система представлений и своя группа последователей-монахов. Было бы невозможно, даже если бы это было целесообразно, составить полный список изумительного разнообразия верований, существовавших в Северной Индии в те времена. Однако три вещи заслуживают особого внимания. Первая: главная цель всех этих систем - это освобождение от перерождения. Каждая из них - философия эмансипации. Вторая: все эти философы вели монашескую жизнь, отказавшись от мира и странствуя в нищете. Несмотря на значительное разнообразие их учений о мире, все они согласны, что в обычной жизни человека достичь освобождения либо невозможно, либо почти что невозможно. Третье, и самое важное: из множества философских школ того времени всего лишь три получили известность и сохранились, и все они имеют одно существенное общее свойство - они полностью отвергают существование Брахмана, Абсолюта. Это, без сомнения, чрезвычайно важно: фундамент философии, столь глубокой и поразительной, уже был настолько серьезно опорочен, что ведущие мыслители новой эпохи отвернулись от него. Причина понятна: Брахман

Упанишад настолько абстрактен и туманен, что обычному человеку трудно постичь эту концепцию и осознать ее практическую ценность. Это стало ясно многим, и поэтому самые проницательные умы эпохи религиозные создали системы без обращения к Богу. Важно понимать, что, хотя создатели этих систем и отрицали существование трансцендентного Духа, в то же время они, как и все другие, продолжали верить в существование индуистских богов. Те три школы, которые сохранились, - это джайнизм, санкхья и буддизм. Они образуют некий прогрессивный ряд в том порядке, как были названы; традиция также указывает, что такой же был и порядок их появления.

Джайнизм по своей концепции мира стоит очень близко к истокам индуизма. Мир, души и боги - все это действительно. Джайнизм не принимает доктрину высшего Атмана. В этом аспекте можно рассматривать его либо как отражение ранней, неосознанной мысли людей до возникновения веры в Брахмана, либо как скептическое отношение к этой философской концепции. Вероятнее всего - первое, поскольку ранний джайнизм стоял намного ближе к анимизму, чем к философии. В нем почти нет спекуляции. Мы лучше поймем систему, если воспримем ее как специализацию и активизацию древней отшельнической дисциплины под влиянием крайнего почтения к жизни и догматической веры в то, что не только люди, животные и растения, но и даже мельчайшие частицы земли, огня, воды и ветра обладают живыми душами. Поэтому большая часть усилий джайнского монаха направлена на то, чтобы не причинить вред ни одному живому существу. Джайны с таким усердием стремились отречься от этого мира, что многие монахи ходили почти без одежды. Для эмансипации требовалось двенадцать лет сурового аскетизма; и если монах не хотел дальше жить, ему рекомендовали умереть голодом.

Система *санкхьи* также считает мир, души и богов реальными, но в ней присутствует яркий элемент скептицизма; санкхья утверждает, что

душа не является органом интеллектуальной или волевой жизни человека. С философской точки зрения, эта система - дуалистическая. Она отвергает существование Абсолюта и утверждает существование пракрыти, вечной субстанции, из которой возникает все феноменальное. Существуют многочисленные индивидуальные души, существующие в виде богов, демонов, людей, животных и растений. Каждая душа - это вечный самосознающий дух, но без желания, без объекта и без способности действовать. Душа - это свет, но только свет. Душа вечно свободна, но из-за связи с материей человек чувствует себя связанным. Каждый, кто примет философию санкхьи и возьмет жизнь аскетичного странника, со временем пробудет знание истинного отношения души к материи, и таким образом достигнет эмансипации (освобождения). Его душа освободится от материи и затем будет вечно жить в той изоляции (*кайвалья*), которая является ее естественным правом и радостью.

Удивительно, что индивидуальная душа в этой системе представлена практически так же, как Брахман в Упанишадах. Разум, самосознание, свобода от желания, от действия, кармы и страдания, изоляция от феноменального существования - все это признаки духа и духовной жизни для ранних индийских мыслителей. Санкхья не оказала большого влияния как религиозная система. Но характер ее принципов обязал ее приверженцев разработать объяснения того, как возникают вещи в мире и какова связь души и материи. Метафизические и психологические доктрины, к которым они пришли, были в целом приняты индийскими мыслителями и позже адаптированы всеми школами, где-то с изменениями, а где-то без. Подробно излагать их слишком долго, но важно понять два ключевых аспекта этой части системы.

Во-первых, процесс того, как возникают вещи и явления природы. Во время *пралайи*, периода между разрушением и воссозданием мира, материя пребывает в невидимом и неосязаемом состоянии покоя,

пракрити. Когда наступает момент нового творения, из этой исходной материи возникает тончайшая космическая субстанция - *буддхи* (разум). Из буддхи возникает вторая тонкая космическая субстанция - *ахамкара* (эгоизм). Из ахамкары образуются пять тонких космических элементов: земля, воздух, вода, огонь, эфир. Наконец, из этих пяти тонких элементов возникает фактический состав материи, а именно земля, воздух, вода, огонь, и эфир. Эта серия возникновений от начала до конца является материальной.

Второй момент - это психологическая проблема. Тонкие субстанции буддхи (разум) и ахамкара (эгоизм) вновь появляются в человеке. Здесь ахамкара порождает другую тонкую субстанцию - *манас* (ум), и с ней пять органов чувств, соответствующие каждому из элементов материи, и вместе с ними еще пять органов действия. И снова вся серия возникновений по своей сути является физической. Значимым моментом является то, что, по санхья, вся наша внутренняя жизнь, интеллектуальная и волевая, осуществляется этими физическими субстанциями. У человека нет подлинной личной жизни: вера в то, что мы думаем и принимаем решения, - это все чистая иллюзия. Все, что происходит внутри нас, это работа физических сил. Чувства, стремясь наружу, получают впечатления от физических вещей, потому что соответствуют им. Манас получает эти впечатления от чувств и передает их ахамкаре и буддхи. Последняя сила различает впечатления чувств и действует на основе их. Таким образом вся наша внутренняя жизнь физична, и в ней нет никакой личной активности.

Так что же делает душа? Самосознающая душа, связанная с телом, проливает свет своего самосознания на эти внутренние органы; а человек в свою очередь, смешивая этот свет самосознания с автоматической работой внутренних органов, создает ошибочное убеждение: “Я сам все это делаю”, - и помечает каждое впечатление чувств, как проходящее через ахамкару, как “мое личное”, и считает различение и решение буддхи

своими. Душа таким образом никак не участвует в интеллектуальной или моральной жизни, потому что все это происходит вне души. Этот процесс можно попытаться наглядно проиллюстрировать следующим образом:

Подобно лидерам джайнизма и санкхьи, Будда Гаутама тоже отрицал существование Всевышнего, но он решил зайти еще дальше. Если санкхьи лишили душу всякого реального участия в жизни, то Будда сделал следующий шаг: он полностью отверг существование души. В отличие от джайнизма, буддизм проповедовал мягкую аскезу, осуждая самоуничтожение, и стремился к освобождению через знания и жизнь в праведности. Поэтому в вопросах морали буддийский монах продвинулся дальше чем индуистский, и впоследствии этика буддизма оказала важное влияние на индуизм. Знания, которые проповедовал Будда, сводились к трем утверждениям, называемые “три характеристики бытия”, а именно:

“Все составляющие бытия - непостоянны;

Все составляющие бытия - это страдание;

Все составляющие бытия лишены эго.”

Из трех утверждений самым важным является последнее. Если ничто не обладает эго, то значит, в мире нет Бога, у человека нет души, а все сущее - просто явления. Человек состоит из пяти групп феноменальных элементов. Желание - это сила, которая ведет к формированию и поддержанию личности. Метод жизни, предложенный Буддой, ведет к устранению этого желания, а следовательно, и к разрушению личности. Этот акцент на желании впоследствии дал обильные плоды. Буддийский термин для обозначения освобождения, *нирвана*, этимологически означает “угасание”, как, например, угасание света. Этот термин употребляется в двух значениях. Человек, который верно живет как буддийский монах, достигает нирваны - угасания страсти, ненависти и невежества. После смерти он вступает в окончательную нирвану: он больше не будет рожден. Никто не знает, верил ли сам Будда, что окончательная нирвана означает полное уничтожение. На самом деле, он напроочь отказывался обсуждать этот вопрос. Но совершенно ясно, что характеристики окончательной нирваны идентичны отрицательным характеристикам философского Брахмана и индивидуальной души в системе санкхьи - это отрешение от мира явлений, от желания и действия, освобождение от перерождений и кармы, от боли и страдания. Нирвана в джайнизме понимается точно так же.

Системы санкхьи, буддизма и джайнизма имели одно общее с ведантой: монахи всех четырех учений не практиковали поклонение. Однако эти три учения имели и одно важное отличие от веданты: только мужчины из трех дваждырожденных каст могли изучать Упанишады и систему веданты, тогда как монашеские ордена трех других систем были открыты абсолютно для всех людей. У буддистов и джайнов были даже женские монашеские ордена. Санкхьи остались в пределах индуизма, в то время как две другие философии вышли за его пределы и окончательно стали самостоятельными религиями. Причина этого разрыва заключалась

не в их учении. Эти доктрины вполне могли быть включены в индуистскую систему. Истинная причина в том, что они отказались подчиниться включению в брахманские школы и признанию авторитета брахманов, тогда как санкхьи согласились. Поэтому система санкхьи по сей день признается одной из ортодоксальных философских систем Индии. Их отрицание Бога вовсе не стало препятствием. С этого момента буддизм и джайнизм отходят из основного течения индуизма, хотя и продолжают оказывать глубокое влияние на религию Индии более полутора тысяч лет.

VI. О том, что происходило в школе Веданты в течение пяти столетий до нашей эры, нам почти ничего не известно. Несомненно, бесконечная череда дважды рожденных учеников изучала Упанишады из уст своих гуру; и в какой-то момент в течение этих веков была предпринята первая попытка систематизировать учение Веданты в виде набора сутр. Они выглядят как афоризмы в довольно краткой и насыщенной форме, и их смысл требует пояснений со стороны. Но о нем, к сожалению, не сохранилось никаких записей. Единственное, что можно утверждать с полной определенностью - к началу христианской эры школа приобрела необычайное влияние среди мыслящих людей; ибо, как мы увидим, ее основные доктрины в той или иной форме проникли во все ведущие секты.

Однако, хотя мы и не можем проследить историю школы в эти века, кое-что из ее литературы все же до нас дошло. Лучшей частью является небольшая группа стихотворных Упанишад: Катхака, Таттва, Шветашватара, Мундака и Маханарааяна. Лаконичный афористический стиль этих поэм указывает на то, что они предназначались для заучивания наизусть. В основном они излагают то же учение, что и ранние Упанишады, но также содержат несколько новых аспектов, достойных нашего внимания. Прежде всего, особенно в Катхака, появляется ряд

санньяских идей и выражений, что свидетельствует о сближении этих двух школ. Наряду с этим встречаются упоминания и о методах йоги; но, поскольку йогические практики, вероятно, были введены среди монахов на весьма раннем этапе, это не вызывает особого удивления. Однако, наиболее примечательным фактом является появление в этих поэмах (особенно в первых трех) новой теистической линии мышления. В Катхака она выражена очень слабо, в Таттва - чуть заметнее, а в Шветашватара мы ее видим чрезвычайно ярко. Несомненно, существовала группа людей в школе Веданты, убежденных в то что Брахман - это личность. В Шветашватара он отождествляется с древним ведическим богом Рудрой. Благодать Божия упоминается здесь в связи с Брахманом, и однажды встречается понятие *бхакти*, любовной веры преданного личного Бога.

После начала христианской эры нам становится немного яснее история Веданты. К этому времени уже существовали все шесть ортодоксальных школ философии, и каждая преподавалась посредством сутра-руководства, сопровождаемая комментарием к нему. Время от времени появлялся новый набор сутр или обновленная редакция старого набора, которая могла получить признание и стать авторитетным пособием школы. В других случаях сутра-труд сохранял статус стандартного сочинения на протяжении многих столетий. Так произошло и в школе Веданты. В течение многих веков Веданта-сутры Бадараяны были на вершине. Уже довольно рано они были признаны вдохновленными свыше и с тех пор стали частью канона Веданты. Никто не знает, когда они были написаны. Предлагаются разные даты: от начала христианской эры до IV века. Современная тенденция склоняется к более ранней дате, ведь совершенно очевидно, что они основаны на более ранних руководствах.

Теистические тенденции стихотворных Упанишад достигают своей кульминации в Бхагавадгите - замечательной поэме, являющейся эпизодом "Махабхараты" и в то же время одной из основных священных книг секты

вишнуитов. Ученые пока что не пришли к единому мнению относительно того, как Гита приобрела свой нынешний облик, но все соглашаются, что она относится к постхристианской эпохе (по крайней мере в современной своей форме). Мы подробно рассматриваем ее в главе IX. Здесь же нам важно только проследить, как она связана со школой Веданты. Ниже приведен состав *Прастханатрайи* - тройного канона школы:

- (a) Упанишады;
- (b) Бхагавадгита;
- (c) Веданта-сутры.

Как же так получилось, что сектантское сочинение вроде Гиты заняло такое положение - вопрос весьма затруднительный. В Гите учится, что Брахман - это личность, что он тождественен Вишну и что он воплотился в Кришне. Все это кажется весьма странным для школы, происходящей из учения *Брихадараньяки* и *Чхандогьи* и признающей Веданта-сутры Бадараяны как вдохновенное изложение своего учения. Произведение Бадараяны не признает доктрину воплощений и вовсе не носит сектантского характера. Некоторые ученые полагают, что между церковью вишнуитов и школой Веданты долгое время шла борьба, и что Гита является результатом компромисса в этом конфликте. Автору настоящей книги более вероятным кажется следующее: с самого начала в среде ведантистов существовали те, кто склонялся к мысли о Брахмане как о личности, и опирался в этом на теистические выражения еще со времен самых ранних Упанишад; что теистические элементы стихотворных Упанишад свидетельствуют о присутствии этих людей в школе, и что Гита отмечает скорее тот момент, когда лидеры вишнуитской секты, почувствовав нужду в поддержке Веданты, объединились с теистами внутри школы. Обсуждение в главе IX гораздо больше проясняет эту теорию.

VII. Если бы это сочинение было посвящено исключительно философии Веданты, то нам следовало бы подробно рассмотреть труды Шанкары; однако, поскольку наша цель - постичь индуизм как религию, тогда нам достаточно выделить лишь самые существенные моменты его исторического положения. Считается, что он родился в Южной Индии в 788 году н. э., и ученые полагают, что прожил он до приблизительно 850 года. Он был саньясином школы Веданты; и его слава основана на комментариях к Упанишадям, Бхагавад Гите и Веданта-сутрам, из которых величайшим трудом считается его бхашья на Веданта-сутры. Он был человеком выдающихся познаний и глубокой философской одаренности. Шанкара разработал философию Веданты так, чтобы сделать ее более последовательной системой, чем она была прежде. При этом, как обычно бывает в процессе систематизации, некоторые положения были уточнены и развиты, чем они придали его истолкованию особую форму и черты. Наиболее значимыми среди них являются решительное утверждение, что Брахман - безличен; столь же недвусмысленное заявление о том, что мир не просто ничтожен по сравнению с Брахманом, но по сути своей является иллюзией, *майя*; и положение о мнимом личностном божестве - низшем Брахмане, Брахме, как о повелителе мира майи и объекте теистического почитания. Для нас наиболее важными являются те положения, которые мы уже затрагивали выше при попытке уяснить, что подразумевается под учением о бездействии Брахмана.

А. Поскольку Брахман - бездейственный, то он также находится вне морали. Мы видели, что в ранней литературе это признается достаточно ясно.. Также, мы отметили, что согласно Веданте, освобождение можно достичь лишь через знание, и ничего кроме знания для этого не требуется. Мораль здесь не играет никакой роли. Именно этот пункт Шанкара рассматривает в самом начале своего великого комментария и излагает его с предельной ясностью для читателя.

В. Поскольку Брахман считается бездейственным, ранние мыслители склонялись к безличной теологии. Последовательная логика Шанкары привела его к определенному выводу: Брахман - безличен. Здесь теистически настроенные мыслители расходились с ним весьма серьезно, как мы с вами еще увидим далее. Но Шанкара, решив довести свою мысль до строгой завершенности, сделал и человеческий дух безличным. В полном ведантическом учении о человеке, как оно излагается у Шанкары, душа заключена в несколько физических оболочек, и именно в этих оболочках заключены все личные и нравственные способности. Таким образом, Шанкара прямо заявляет, то и божественный, и человеческий дух - безличны и находятся вне зоны морали. Эта концепция оболочек скорее всего происходит в первую очередь из известного отрывка из *Анандавалли* Тайттирийской Упанишады; но также возможно, что она возникла под влиянием доктрины Санкхьи, как было изложено выше, на что указывает следующая схема:

Разум, *манас* = манас

Различение, = буддхи
виджняна

Блаженство, = аханкара
ананда, аханкара

С. Поскольку Брахман не вступает ни в какое общение с человеком, его попросту невозможно почитать. Ранние санньяси, соответственно, никому и не поклонялись. Но у Шанкары мы видим совершенно иную картину. Если ранние мыслители признавали существование всех богов, но пренебрегали поклонением этим временным, переселяющимся существам, то Шанкара наоборот почитал их и учил других такому почитанию. Он утверждает, что боги не вкушают жертв, однако признает, что они наслаждаются ими, и объясняет, как бог может одновременно присутствовать в разных местах, чтобы принять и насладиться жертвоприношениями. Более того, он признавал использование идолов, да и сам он представлен в виде идола и почитается как божество во многих храмах, аж до сегодняшнего дня.

Д. Поскольку Брахман лишен действий, его нельзя представлять как Творца. Шанкара очень ясно выражает данную мысль. Брахман - источник мира, но никакого действия в этом не участвует. Все, что делает Брахман, - это всего лишь игра, *лила*, и потому это никак не связано с кармой.

Полное значение развития философии Веданты мы сможем осмыслить только после того, как рассмотрим историю сект, почитающих Вишну и Шиву.

ГЛАВА VII

ЖЕЛТЫЕ ОДЕЯНИЯ

I. В самом начале крайне важно разграничить два следующие понятия: аскеза и самоистязание. Аскеза - это принятие страданий или отказ от удобств ради достижения нравственной или духовной цели. Самоистязание же - это выносливость в боли ради обретения удовольствия, силы или иного материального блага. Иными словами, аскеза -моральна и религиозна по своей сути; самоистязание же - это вещь мирская и материалистическая.

Среди большинства примитивных народов мы находим практики всевозможных воздержаний и самотерзаний, которые можно обобщить под словом “самоистязание”. В определенные моменты жизненного цикла как мужчин, так и женщин, их следовало претерпеть как испытания выносливости и формы дисциплины. Во времена засухи, голода или другой беды, посредством самоотречения или нанесения себе боли люди пытались умилостивить богов и склонить их к избавлению от бедствия. Все эти практики опирались на убеждение, что страдание приносит награду, и что стоит перетерпеть боль, чтобы получить более приятное благо. Иногда вера обретала вполне определенный облик: боги радуются, видя страдания людей; или, что с помощью мучений можно обмануть демонов; или даже что “боль - есть источник заслуг”.

К концу ведийского периода мы встречаем явления того же характера, хотя и гораздо более развитые, у индоариев. Слово, самоистязание звучит как “*tapas*”. Считается, что тапас представляет из себя могущественную силу. Творец подвергался тапас до сотворения мира. Истина и Праведность рождены из тапаса. В великом гимне Творения из Ригведы Единая Реальность рождается из тапаса. Ману - персонификация

Гнева - становится могучим воином именно через тапас. Отцы, питри, упражнялись в тапас, когда еще пребывали на земле; также поступали и семь риши. Целью всех их было обретение блаженства. Посредством тапаса они становились непобедимыми; они достигали небес. Через тапас можно покорять миры. Жрецы говорили о себе как о совершающих тапас, и аскетизм учеников брахманских школ также упомянут в одном из гимнов. Ни о какой жизни, посвященной исключительно аскезе, речи еще не идет - если только ученые не правы, считая, что муни, о котором говорится в следующих стихах, - человек, обретший свою необычайную силу через тапас. Поскольку в этих строках присутствуют некоторые черты более поздней практики, то скорее всего, эта догадка верна:

*“Муни, опоясанные ветром, носят одежды
грязно-шафранового цвета.*

Следуя за быстрым ветром, они ступают по тропам богов.

Муни, сопричастный святому деянию каждого божества,

*Вглядываясь в разнообразные образы, летает в пространстве
между мирами.”*

Здесь уже упоминается желтое одеяние как символ аскетической жизни, не теряющий актуальности на протяжении веков; и удивительная способность: летать сквозь воздух, общаясь с богами. Цели, которых искали тогдашние аскеты, - непобедимость, военная доблесть, чудесные силы, небеса. Те, кто упражнялся в тапас, делали это ради личной выгоды. Это еще не была аскеза, это было самоистязание.

II. Второй этап очень схож с первым. Здесь также основная цель является материалистической: терпение телесных мук или отказ от приятного ради обретения магической силы и прочего. Однако теперь к прежним представлениям столь отчетливо начинают примешиваться мотивы подлинной аскезы, что вполне уместно выделить этот период отдельно. Тут мы уже имеем дело с зарождением настоящего аскетизма.

Те люди, которые воплощали эту новую черту, жили в лесах, строили себе хижины из дерева или листвы в уединенных, весьма красивых местах поблизости ручьев. Этот уклад возник в эпоху Брахман, приблизительно в 700 годах до н. э. Их называли *ванапрастхами* - “лесными жителями”. Мы же будем называть их просто отшельниками. Название для их поселений - *ашрама*. Слово это означает буквально “место самоистязания”, но в обиходе оно приобрело значение “жилище”, поэтому переводится как “скит” или “пустыня”. Они носили одежды из коры или шкуры, волосы заплетали в спутанные космы, а питались преимущественно тем, что давал лес. Однако у них были запасы зерна, и при желании они могли готовить пищу на огне.

Но никакой работы они не выполняли. Жизнь их сосредоточивалась исключительно на религиозных упражнениях. Они усердно продолжали традиционное богослужение - молитвы, гимны, жертвоприношения, хотя и не могли совершать великих жертв. Их дисциплина была суровой. Тут следует отметить три момента.

Во-первых, они практиковали различные формы тапаса - переносили лютый холод и зной, ели странную пищу, принимали мучительные позы и тому подобное. Они верили, что, подвергая себя страданиям, они смогут обрести фантастические силы: способность летать, становиться невидимыми или заставлять богов исполнять свою волю. Самоистязание, по их мнению, также очищало моральную природу человека и приближало его к богам.

Во-вторых, среди этих людей постепенно сложился свод физических и умственных упражнений, направленных на дисциплину тела и разума. Все начиналось с поз и дыхательных практик, цель которых - усмирить чувства и успокоить тело; затем следовали умственные упражнения, направленные на сосредоточение внимания, утихомиривание ума и, в итоге, достижение экстатических состояний. Эта практика понималась как

подчинение тела и духа одной узде, и получила название “йога”, что значит союз, и ярмо.

В-третьих, идея святости жизни укоренилась в этих лесных обителях столь сильно, что отшельникам запрещалось убивать животных. Первоначально строгий вегетарианизм от них не требовался. В ряде дхармашастр разрешалось употреблять мясо, если животное было убито другим зверем или даровано домохозяином. Главное заключалось в том, чтобы человек, стремящийся к святой жизни, сам не лишал его жизни. Этот закон именовался *ахимса*, непричинение вреда. Потому в Рамаяне одним из самых трогательных образов является картина того, как в ашрамах живут бесчисленные стаи птиц и зверей, пребывая в полном мире.

Но хотя эти отшельники покидали город и отказывались от материальных благ, они не прерывали связи с обществом окончательно. Как уже было сказано, они продолжали приносить жертвы. Поклонение предкам также сохранялось, и кастовые различия не исчезали. Отшельнику разрешалось брать с собой в лес жену, если он того желал, и дети нередко рождались в этих скитах. Когда Рама был изгнан, Сита решила последовать за ним, и они стали отшельниками, носили одежды из коры, жили в лесной хижине и питались дарами леса. Точно так же, когда пятеро Пандавов отправились в изгнание, Драупади пошла с ними и поделила их скитальческую жизнь в лесу Камьяка. Однако в случае воинственных отшельников, подобных им, правило о не причинении вреда животным не действовало: известно что они охотились на лесных оленей. Множество других отшельников наоборот, соблюдали целомудрие и отказывались даже от своего жилища. Но со временем требования становились все строже и строже.

Составить исчерпывающий перечень практик этих суровых аскетов попросту невозможно. Ни один человек никогда не сможет поведать обо

всех ужасах, которым они подвергали себя в лесах и горах Индии. Одним из самых распространенных методов было голодание до крайнего истощения. Другим - молчание, которое сохранялось в течение невероятно долгих периодов. Среди прочих обычных форм было вынесение ужасной жары или лютого холода; употребление неестественной пищи; терпение невыразимой грязи; застывание в одной позе на недели, пока по телу ползали невообразимые паразиты, питающиеся плотью; или мучительные положения тела, сохраняемые в течение многих месяцев, (а порой и лет) пока конечности не теряли подвижность.

Люди верили, что с помощью самоистязания можно добиться почти чего угодно. Через страдание, по их мнению, можно было бы обрести все, к чему стремится сердце: богатство, силу, доблесть, царскую власть, высокое положение, потомство, удачу. Ярчайшим примером этого служит история о Вишвамित्रе, который, хотя и родился кшатрийской касты, якобы достиг статуса брахмана после тысячелетий нечеловеческих аскез. Однако, кажется, больше всего людей влекла именно магическая сила. Они жаждали власти над врагами, над друзьями, над природой, над всеми тремя мирами, даже над самими богами. Они стремились к неуязвимости, к способности летать сквозь воздух, к власти получить все, что пожелают. Как видно из сюжета знаменитой индийской драмы “Шакунтала” проклятие отшельника вызывало величайший страх, и его молитва была столь же могущественна. Боги и полубоги спускались на землю по просьбе Бхарадваджи и готовили небесное угощение для Рамы, Ситы и их спутников. Виндхьи склоняли свои лесистые вершины, дабы Агастья мог пройти; а Джакну, как рассказывается, выпил всю реку Ганг одним лишь глотком. Считалось, что многие отшельники благодаря своим аскезам жили веками, а то и тысячелетиями, причем вообще без еды. Предполагалось даже, что через длительные аскезы отшельник мог стать богом. Боги же порой страшились, что их могут низвергнуть какие-либо упорные аскеты с

их безмерными самоистязаниями; и обычным способом предотвращения подобной угрозы было послание с небес одной из нимф, чтобы она соблазнила аскета и отвлекла его от пути страдания.

Существовал особый вид наставлений, называвшийся *араньяка*, т. е. “тому, кто принадлежит лесу”. Эти поучения предназначались для юношей, собирающихся вступить на путь отшельничества. Их суть заключалась в стремлении одухотворить жертвоприношение через аллегорию. Именно эти знания должны были стать основой для размышлений отшельника в лесной тиши.

По-видимому, формирование этой практики отшельничества предшествовало появлению доктрины переселения душ. Ни в одной из составных частей этой дисциплины не видно влияния кармы. Уже в Чхандогья-упанишаде упоминается жизнь отшельника как отдельное религиозное призвание наряду с жизнью ученика и домохозяина. В Дхармасутре Гаутамы, датируемой примерно 500 г. до н. э., содержатся подробные предписания для жизни отшельника; и в самых ранних частях Рамаяны и Махабхараты мы встречаем многочисленные описания таких аскетов и их скитов.

Что же стало причиной появления этой своеобразной дисциплины? Вероятно, в поисках образа жизни, менее роскошного и более святого, чем обычное существование в городах Северной Индии того времени, мысль людей обратилась к простоте быта их далеких предков, когда те жили в лесах, и пока не умели ни возделывать землю, ни ткать одежду. Такая жизнь казалась угодной богам и ведущей к святости. Это могло породить практику жизни в лесу, хижины из листьев, спутанные волосы, одежды из коры или шкуры и лесную пищу. В самом раннем из сохранившихся сводов правил для жизни отшельника содержится такое указание: он не должен входить в деревни и ступать на вспаханную землю. Это правило хорошо соотносится с идеей, что подобная форма аскетизма и есть

возвращением к первобытному укладу, подобно рехавитам из Ветхого Завета и аналогичным примерам из других традиций. В одной из дхармасутр ценность жизни отшельника объясняется ее схожестью с жизнью птиц и зверей.

III. Как мы уже видели выше, новая доктрина переселения душ и кармы с огромной силой ворвалась в прежнюю жизнь и в старое мышление, при этом потрясая прежние устои, меняя связи и нарушая равновесие традиционной теологии. Более вдумчивые люди, испытывая отвращение к нескончаемым рождениям и смертям, и бесконечной скорби обыденного существования, активно искали свой путь к освобождению.

A. Было выдвинуто множество предположений, но именно доктрина Брахмана и тождественности человека с Богом наибольшей силой поразила наилучших людей. Осознав свободу, духовную природу и мир Брахмана в противоположность страданию и рабству мира, и уверовав в поразительную истину собственного схожества с Брахманом, они почувствовали что продолжать обычную человеческую жизнь - больше невозможно. Освобожденные от плодов действия новым знанием, они уже не могли вновь подчиняться порабащающему кругу действий. Теперь, они желали жить жизнью, более достойной Брахмана. Они больше не стремились к богатству, к особому положению в обществе, успеху, детям, земным удовольствиям. Человеческая жизнь и все земное были не просто пустыми и бесполезными, но злыми силами, затмевающими душу невежеством и затягивающими ее в сети рождения и смерти. Весь феноменальный мир по своей сути стал враждебен духовной жизни.

Поэтому они решили отвергнуть каждый элемент из обычной жизни. Они отреклись от поклонения богам, почитания предков, касты, дома, использования огня, от брака, семьи, денег, собственности, развлечений, всякого рода труда и обычной еды и одежды, и вели жизнь странников, добывая себе ресурсы на жизнь подаянием. Их целью было отбросить все,

что принадлежит сфере кармы, то есть всему миру. Так слово *санньяса*, которое можно перевести как “отречение” или “отказ от мира”, стало обозначать весь их образ жизни. Их стали звать *санньясинами* - отреченными. А поскольку они странствовали и просили милостыню, их также называли *паривраджаками* - странниками, или *бхикшу* - нищими. Все это было популярно для каждой из великих школ того времени: и буддистской, и джайнистской, и индуистской. Но все же, мы будем пользоваться словом *монах*, как наилучшим обобщающим обозначением для всех школ и дисциплин.

Так, когда человек решал избрать этот путь, он бросал свою работу, отворачивался от богов, отказывался от собственности, родителей, жены, детей, дома - и с этим отрекался от поклонения предкам, сбривал волосы и снимал с себя священный шнур, свою одежду и украшения. Он надевал либо желтое одеяние, как *муни* из Ригведы, либо простую тряпку, обернутую вокруг бедер, либо иногда вообще оставался нагим. Он нес с собой посох (*данда*) и чашу нищего и каждый день просил еду, которая была ему необходима чтобы жить дальше. Время он проводил в основном в молчаливой медитации, искал уединения, избегал деревень, за исключением времени сбора подаяния. Спал он в пещере или же под каким-нибудь деревом.

Многие монахи, жаждая освобождения, помимо всех отречений принимали и древние формы самоистязания, *тапас*, полагая, что с помощью этих суровых страданий они быстрее смогут одолеть надоевшую чувственность тела и глупое невежество души, которые были главными преградами на пути к истинному знанию и окончательному освобождению. Любопытно, что эти практики, некогда направленные на достижение материальных благ, теперь использовались для искоренения самого желания к этим благам.

Монах обычно также принимал телесные и умственные упражнения, разработанные в отшельнических ашрамах, чтобы постепенно подчинить свое тело и ум. Эти практики назывались *йога*, что означает “связывание” или “сдерживание”. Физическая сторона йоги делилась на две части. Йог практиковал особые позы и дыхательные упражнения. Он учился сидеть совершенно неподвижно в определенных положениях, которые, как считалось, способствовали душевному покою и медитации, - и таким образом овладевал своими конечностями и вместе с тем, своими чувствами. Дыхательные упражнения, как полагали, очищали человека и давали ему контроль над внутренними органами. Однако и позы, и дыхание были лишь физическим прологом и основанием для умственных упражнений. Те начинались с простой медитации на символические слова или религиозные идеи; но в конечном итоге стремились к полному исключению феноменального мира из сознания, ибо считалось, что таким образом человеческий дух приблизится к Божественному. Концентрация всего умственного аппарата на одной точке с исключением всех окружающих явлений, растворение сознания множественности в экстатическом созерцании единства рассматривались как наилучший путь приближения к Богу. Мысль о “ничто” считалась дорогой, и будто она ведет к постижению Абсолюта.

Уже на достаточно раннем этапе закон *ахимсы* (ненасилия), возникший в лесных ашрамах, был наложен и на монаха, запрещая ему убивать даже мелких животных; или даже ломать живую ветвь с дерева, или уничтожать семена. Всякое действие порождает карму, но акт отнятия жизни особенно пагубно влияет на карму.

Как мы уже отмечали выше, вначале монах не подчинялся никаким моральным заповедям. Мораль ведь не была характеристикой Брахмана, и потому ее не требовали от того, кто отождествлен с Брахманом. Однако поскольку монах каждый день просил пищу у мирян и часто общался с

другими монахами и обществом, возникла необходимость в простом кодексе поведения. Здесь также главной нормой стала идея Брахмана: *равнодушие* - ибо Брахман пребывает в совершенном покое, не затронут любви, ненавистью, страстью, завистью, благодарностью, честолюбием или обидой - и поэтому монах должен был учиться покорять и искоренять все свои страсти. Он не должен был ни любить, ни ненавидеть, ни выражать благодарности за добро, ни мстить за зло. Он должен был быть безразличен ко всем людям, не испытывая ни привязанности к добрым, ни отвращения к злым:

“Мудрые взирают одинаково - и на ученого и добродетельного брахмана, и на корову, и на слона, и на собаку, и на неприкасаемого”

Это правило вполне соответствовало монашескому идеалу, идеалу полной власти над телом и умом. Без внутреннего мира: ни с самим собой, ни с другими, ни с окружающим миром - было невозможно достичь ни неподвижности тела, ни той тишины души, к которой так стремились. Именно поэтому от монаха требовали кротости в речи и поведении по отношению ко всем: чтобы он никогда не мстил за обиду, не отвечал на оскорбление резким словом, но сохранял миролюбивую и смиренную осанку. Совершенное безучастие Брахмана предполагало и полную целомудренность со стороны монаха. Так со временем сложился свод правил поведения, выраженный в пяти обетах, которые должен был принять каждый новичок:

- (1) ахимса (ненасилие),
- (2) правдивость,
- (3) неприсвоение (неворовство),
- (4) целомудрие,
- (5) бескорыстие.

Постепенно значимость характера для духовного роста монаха ощущалась все яснее; и потому в строфических Упанишадах, а затем и в позднейших текстах, начали встречаться моральные условия достижения Брахмана:

*“Кто не оставил зла,
Кто не спокоен и не сосредоточен,
У кого сердце не в мире,
Тот не может достичь Его даже через знание.”*

В. Со временем количество школ, стремившихся к освобождению, стало чрезвычайно большим. Разнообразие философских воззрений на Бога, человека и мир, преподаваемых в Северной Индии в начале V века до н. э., от Таксилы до Раджагрихи, было просто поразительным. В одном древнем буддийском тексте кратко охарактеризованы шестьдесят две ереси. В некоторой степени они также различались в своих монашеских уставах. Большинство из этих школ вскоре исчезли, и потому не требуют особого внимания; но некоторые из существовавших тогда обрели большую историю, и их зарождение полно поучительного.

Каждая из них представляла собой своего рода духовное братство; монахи каждой школы были тесно связаны между собой в рамках религиозного ордена. Дисциплинарные правила не разглашались; собрания проходили тайно. Некоторые школы включали женские ордена наряду с мужскими.

Школа Махавиры (то есть, современный джайнизм) занимает особенно интересное положение среди орденов VI века до н. э. Эта школа вовсе не содержит учения о Боге и потому считается полностью атеистической. В действительности, ее главные идеи - анимистические: не только люди, животные и растения, но даже мельчайшие частицы земли, огня, воды и ветра считаются наделенными душой. Это привело к тому, что они придавали доктрине ахимсы самое важное значение. Жизнь

монаха-джайниста строго регламентировалась, чтобы он не причинил даже малейшего вреда ни одному живому существу. Отсюда и пошла та самая метелка, которой он смахивает насекомых с пути, а также запрет на использование холодной воды и другие правила. Помимо этого, джайнисты были одними из самых крайних в числе отрекшихся. Они полностью переставали заботиться о своем теле, вырывали волосы с корнем, носили лишь лоскут ткани или вовсе оставались нагими, не ели вкусной пищи, не пили холодной воды и не умывались от слова совсем. Также они доводили самоистязания до крайности. Кротость и безропотное терпение считались у них величайшими добродетелями. Чтобы достичь освобождения, требовалось двенадцать лет суровой аскезы. После этого монах-джайнист мог, если хотел, умереть голодной смертью. Позже в джайнизме появились монастыри.

Гаутама, святой рода шакьев, считается основателем буддизма. Он был младшим современником Махавиры. В юности он покинул дом, решив найти путь к освобождению. После того как он некоторое время следовал за двумя учителями, он решил стать сам себе наставником и начал путь крайнего самоистязания - через боль и жесткий пост. Но когда он довел себя до крайнего истощения и жизнь едва теплилась, он пришел к выводу, что такие практики бесполезны для достижения освобождения, и оставил их навсегда. Именно поэтому древний *тапас* (самоистязание) не занял никакого места в буддизме. Его изначальная цель была материальной, и тот факт, что позднее он стал использоваться для освобождения, кажется весьма странным для представителей буддизма. Здравый смысл Гаутамы позволил ему увидеть его бесплодность и отвергнуть эту практику. Но он сам практиковал и учил своих последователей полному отказу от всех обычных форм человеческой жизни. Он также практиковал и проповедовал закон ахимсы. Его представление об освобождении (он называл его *нирваной*) было в

значительной мере нравственным, и он понимал, что оно может быть достигнуто лишь при соблюдении определенных моральных условий. Потому в его уставе было гораздо больше человечности и заботы, чем в других дисциплинах. Он велел монахам и монахиням носить скромную, но приличную одежду, разрешал достаточное количество простой пищи, позволял строить для них монастыри и допускал множество небольших удобств. И действительно, хотя он требовал полного отказа от домашней жизни, дел, и мирского общества, внутри монастырей зародилась новая, спокойная, счастливая форма жизни, и потому наиболее заметные недостатки монашества были смягчены. Буддийские монахи и монахини носили одежду тускло-шафранового цвета, и потому, благодаря широкому распространению буддизма, - желтые одеяния и стали главным символом аскетизма по всей Азии.

Остальные школы того времени не проявились достаточно ярко, чтобы стоило пытаться их изучать и описывать; а в течение следующих тысяч лет все многочисленные разновидности аскетов оказались включены либо в ортодоксальный индуизм, либо в буддизм, либо в джайнизм. Кроме того, хотя конкретные практики аскезы различались по деталям и строгости, три великие сферы устремлений, о которых мы говорили - суровая аскеза, духовная аскеза и отречение от мира - охватывают все то, что и означало монашество как таковое.

С. Ранняя аскеза частично наложила свои идеалы и на индийское общество. Уже с самых ранних времен ученики брахманических школ должны были вести аскетическую жизнь - соблюдать полное целомудрие, питаться простой пищей и переносить легкие лишения. Домохозяина также учили практиковать аскезу на протяжении всей своей жизни.

Позже перед брахманом был поставлен новый идеал: ему рекомендовалось провести двенадцать лет в учении, провести зрелые годы как домохозяин, а после того как он вырастил семью -уйти от мира как

отшельник жить в лес. Все три этапа стали называть *ашрамами*, то есть ступенями самоумерщвления: жизнь ученика и домохозяина также получила признание как аскетическая, наряду с жизнью отшельника. Позже, вероятно уже после наступления христианской эры, к этим трем стадиям добавилась и жизнь монаха как четвертый ашрам. В конце своих дней брахман должен был оставить даже отшельничество, и стать полностью странствующим нищим.

Мы уже видели, как подобным образом под аскетическую дисциплину также попадала вдова.

D. Существуют определенные крупные идеи, объединявшие все древние школы аскетизма, включая индуистские, буддийские и джайнистские. Основополагающие убеждения, лежащие в основании всего этого движения, а именно - что подлинная жизнь души заключается в бездействии, а обычное человеческое существование крайне пагубно сказывается на религиозности и духовности, - уже были упомянуты ранее. Но помимо этих своего рода “фундаментов”, часть надстройки, наоборот, была общей для всех школ.

1. Одним из парадоксов мышления той эпохи было следующее: несмотря на то что санкхьяки, буддисты и джайнисты категорически отрицали существование Высшего Существа, они вместе с разными мыслителями продолжали признавать существование личных богов и всего небесного сонма индуизма. Особенно удивительно видеть, как эти божественные и полубожественные существа вновь появляются в учениях буддизма и джайнизма, принося с собой немалую часть древней мифологии.

2. Однако, хотя индуистский, буддийский и джайнистский монах признавал богов, полубогов, ангелов и прочие порядки индуистского пантеона реальными существами, он отводил им достаточно скромное место и относился с глубоким презрением ко всей системе

жертвоприношений, через которую почитали этих божеств. Вследствие этого он также отвергал все ритуалистическое литературное наследие брахманов как абсолютно бесполезное. Нет нужды доказывать это в случае буддистов и джайнистов - они напрочь отвергли брахманическую литературу. Но такое же презрение ясно выражено и в высказываниях последователей философии Атмана:

“Итак, после того как брахман отверг ученость, он пребывает в детстве”

Однако довольно скоро брахманы примирились с философами, введя их систему в ведические школы. В результате в некоторых поздних Упанишадах жертвоприношения уже признаются как обладающие истинной ценностью. Например, в *Майтраяни* сказано, что разжигание огня в честь предков есть жертва Брахману; в еще более поздних произведениях это утверждается еще яснее. В конечном итоге Упанишады заняли место в самой брахманической литературе, которую ранние мыслители полностью отвергали.

3. Аскетическое мышление Индии - индуистское, буддийское и джайнистское - относилось к человеческому телу с глубоким презрением, и можно сказать что даже с отвращением, как показывают следующие цитаты:

“В этом смердящем, плотном теле, собранном из костей, кожи, сухожилий, костного мозга, мяса, семени, крови, слизи, слез, глазной гнои, кала, мочи, желчи и мокроты, - как можно наслаждаться?”

“Эта безобразная язва имеет девять отверстий; влажная, липкая кожа ее покрывает; в каждом ее уголке - зловония, отвратительные испарения”.

4. Все эти школы также были единодушны в том, что чувства и умственные способности должны быть под строгим контролем. В одной из

самых ранних Упанишад монаху предписывается: “успокой все свои органы в Атмане”, и эта просьба повторяется еще много раз. Все школы мысли возводили интеллект, чувства и волевые акты не к душе, а к определенным тонким физическим органам, называемым *манас* (ум), *ахамкара* (эго), *буддхи* (разум), по терминологии санкхьи. Монахам предписывалось доводить эти органы до полной пассивности. Вот строфа из *Катхака Упанишады*:

*“Когда пять орудий познания
И ум пребывают в полном покое,
И разум неподвижен -
Тогда это называется высшим состоянием”.*

Следующий отрывок взят из буддийской сутты:

“Понимая это, о монахи, благородный и мудрый ученик испытывает отвращение к соприкосновению, отвращение к ощущениям, отвращение к восприятию, отвращение к склонностям, отвращение к сознанию. И, испытав отвращение, он освобождается от страсти; а с исчезновением страсти он становится свободным. Став свободным, он осознает свою свободу, и знает, что перерождения окончены, что он прожил святую жизнь, что он исполнил то, что должен был исполнить, и что ему больше не быть в этом мире”

Вся эта внутренняя работа, как полагали во всех школах, завершалась высшей формой медитации и созерцания, называемой самадхи, в которой:

“Субъект и объект, душа и Бог, сливаются столь полностью, что исчезает всякое осознание индивидуальности, и наступает то, что описывается как ниратмака-твам, то есть “самоотсутствие”.

Существует один аспект в практике *санньяси* всех школ, который особенно ясно показывает, насколько полностью они порвали с брахманической системой. Когда человек решил стать монахом, он отказывался от отца и матери, жены и детей, и заявлял, что они больше не имеют над ним никакой власти. Он просто оставлял их, принимал бесприютную жизнь, предоставляя им добывать себе средства к существованию, как смогут. Это приводило к множеству душераздирающих сцен. История Будды - хорошо известна. Другой знаменитый случай - Раджа Гопи Чандра. Трогательная, но тщетная мольба его юной прекрасной жены перед его уходом нашла свое отражение в бенгальской литературе.

Идея заключалась в том, что монах, покидая мирское общество, полностью обрывал с ним всякую связь, восходил в более высокую сферу бытия и не мог в каком-либо смысле нести ответственность за тех, кто оставался в системе, от которой он отказался. Эти взгляды сохранились до наших дней: если мужчина решает стать санньяси, то он может просто уйти от жены, и не оставлять ей никаких средств для существования. Жена может прийти к мужу и просить его вернуться, но она не имеет над ним никаких прав, и он не чувствует никаких обязанностей перед ней - наоборот, может даже воспринимать ее вмешательство как дерзость.

6. Часто можно услышать утверждения, что ранние буддийские и индуистские монахи были вегетарианцами. Однако, по-видимому, это не совсем правда. В те времена употребление мяса само по себе не считалось предосудительным: грехом было именно убийство животного. Будда не нарушил ни одного буддийского закона, когда съел свинину, от которой у него развился дизентерийный приступ, ставший причиной смерти. Суть *ахимсы* заключается в том, что всякая жизнь священна, и святой человек не может лишать жизни. Поэтому монаху, будь он индуист, буддист или джайнист - запрещалось убивать животных, ломать ветку с дерева, и даже

раздавливать живое семечко. Снять урожай пшеницы или риса считалось столь же тяжким грехом, как и убить оленя или быка. Это одна из причин, по которой все монахи, независимо от традиции, были обязаны питаться подаянием: они не могли заниматься жестокими делами, связанными с уничтожением растений или животных, но получали уже приготовленную пищу из рук мирян. Для домохозяина убийство живого не считалось столь тяжким проступком, ведь он не претендовал на святость. Такой же логики придерживались и в вопросе питья. Единственным напитком джайнистского монаха считалась горячая вода, поскольку в холодной содержится слишком много живых существ, и он ни в коем случае не мог ее пить; но если домохозяин вскипятит воду, тем самым убив все микроорганизмы, то он вправе дать ее монаху.

Правило *ахимсы* было обязательно только для отшельников и монахов; однако в буддизме признавалось, что и мирянин может заслужить заслуги, если будет делать все возможное для спасения живых существ. Поэтому Ашока, буддийский император III века до н. э., использовал свое положение для достижения этой цели, издав ряд указов, ограничивающих убийство животных различными способами. Поскольку жертвоприношения животных по-прежнему занимали важнейшее место в индуизме, эти указы наверняка вызвали недовольство в кругах брахманов. Примечательно, что в законодательстве Ашоки речь идет исключительно о защите животной жизни. С этого момента все реже упоминается запрет на уничтожение растительности.

Лишь тогда, когда изначальное благоговение перед всей растительной и животной жизнью начало отходить на задний план, а идея заслуги, приобретаемой при спасении животного, стала выходить на первый план, возникло представление, будто монах должен придерживаться вегетарианства. Как именно эта идея перешла от монахов к мирянам, будет рассмотрено в одной из следующих глав.

IV. Обратившись к нашему времени, мы видим, что отшельники исчезли, как и все древние ордена монахов, кроме джайнистов. Современные джайнисты делятся на три секты: *Дигамбары*, *Шветамбары* и *Стханаковасы*. У каждой есть собственный орден монахов, а у двух последних имеются и женские ордена.

Шанкара, выдающийся ведантист и великий защитник индуизма в борьбе с буддистами, провел реформу аскетических орденов своего времени. Среди прочего он ввел в практику использование монастырей, заимствованную из буддизма. Современное название монастыря - *матха*. Основанные им ведущие монастыри стали центрами священного учения и сыграли огромную роль в многовековом противостоянии с конкурирующей верой. Четыре из этих монастырей существуют и поныне, и глава каждого носит во время своего пребывания в должности титул *Шанкарачарья* - имя самого Учителя.

Рамануджа, великий вишнуитский лидер XII века, по преданию, основал весьма многочисленные монастыри; их практика была воспринята всеми современными сектами *бхакти*. Каждый религиозный наставник - будь то Мадхва, Рамананда, Кабир, Горакхнатх, Нанак, Даду, Валлабха или Чайтанья, не только объединял вокруг себя мирян, но и формировал собственный орден аскетов.

Из всех этих орденов два наиболее близки по образу жизни к древним *санньяси*: те, что следуют правилам Шанкары, и те, что придерживаются наставлений Рамануджи. Жизнь строгих *санньяси* включает четыре ступени. Первоначально каждый из них именуется *кутичара санньяси*. По мере продвижения он получает титулы *Бахудака*, затем *Хамса* и, наконец, *Парамахамса*.

Ближайшие ученики Шанкары назывались *дандин* - от *данда*, то есть жезл, который обычно носил санньяси. Поскольку они делились на десять групп, каждая под началом одного из учеников Шанкары, их называли

дашнами - санньяси десяти имен. Из этих десяти групп только четыре сохранили первоначальную чистоту: *Тиртха*, *Ашрама*, *Сарасвати* и *Бхарати*. Эти группы по-прежнему отказываются принимать в свои ряды кого-либо, кроме индуистов из трех дважды рожденных каст; а поскольку кшатриев и вайшьев сегодня крайне мало, их состав фактически ограничен брахманами. Их обычно называют *экадандинами*, “носителями одного жезла”, в отличие от последователей Рамануджи. На верхней части жезла прикреплен небольшой красный мешочек, наподобие флажка; внутри него хранится священная нить, которую человек снял, став санньяси.

Последователи Рамануджи называются *тридадин*, “носящие три жезла”, поскольку вместо одного *данды* они несут три связанных между собой посоха. Другая важная разница с *экадандинами* заключается в том, что *тридандины* сохраняют свою касту и священную нить. Красный флажок у них содержит ткань для процеживания воды, которую монах должен иметь при себе. В этот орден принимаются только брахманы.

Как и все современные аскеты, строгие санньяси поклоняются определенным божествам индуистского пантеона. В этом они схожи с отшельниками, но отличаются от древних санньяси. Все современные аскеты являются сектантами: *экадандины* - шиваиты, *тридадин* - вишнуиты. Обе эти общины включают немалое число образованных мужчин и ученых.

Оставшиеся шесть групп Дашнами допускают вступление индусов всех каст и во многом отошли от первоначальной дисциплины. Фактически, они стоят на одном уровне с остальными современными аскетическими орденами. Для различия мы будем называть всех таких обычных аскетов *садху*, в отличие от строгих санньяси - представителей орденов Экаданди и Триданди.

Образ жизни садху это нечто смешанное; соединение черт древнего отшельника и древнего отреченного. В целом дисциплина ближе ко второй

форме, однако во многих пунктах смягчена. Многие ордена принимают людей независимо от кастовой принадлежности. В большинстве случаев дисциплина в них достаточно мягкая. Все эти сообщества - сектантские по своей природе: они совершают культовые практики в рамках своей секты и читают соответствующую литературу. Садху считают паломничество важным духовным делом. Они странствуют неспешно, посещая священные места, задерживаясь то в монастырях, то - в одиночестве - в уединенных и приятных уголках, участвуют во всех ярмарках и праздниках по пути. В отличие от древних монахов, у садху чуть больше личных вещей. Четки, изначально использовавшиеся в поклонении Шиве, теперь служат для всех богов; материал бусин и их число варьируются в зависимости от секты. Старые посох и чаша встречаются почти повсеместно. Добавились трубка и привычка курить гашиш и другие вещества. Желтые одежды до сих пор распространены, но также часто встречаются полная нагота, простая набедренная повязка или какие-то лохмотья.

На лбу садху обычно наносит знак своей секты и часто носит при себе ее символ. Если он почитает Шиву, то может нести трезубец или носить маленькую лингаму; чаще всего, в его жилище будет череп человека, тигровая шкура или барабан *дамару*. Его тело, скорее всего, будет густо покрыто белым пеплом - это подражание самому Шиве, Разрушителю, которому приписывают любовь к погребальным кострам и привычку обмазываться пеплом. Если же он поклоняется Вишну, то у него могут быть диск, камень шалиграма, раковина или куст туласи. Где бы он ни обосновался, он установит изображение Рамы, Кришны или того облика Вишну, которому служит.

Древнее правило, запрещающее монаху любое украшение, в ряде орденов оказалось отменено, и в результате вид садху зачастую весьма колоритен. Волосы заплетаются в замысловатые узлы или остаются

спутанными. Тело украшено, или же одежда подобрана так, чтобы напоминать того бога, которому садху поклоняется. Часто он носит яркие знаки, свидетельствующие о местах паломничества, в которых побывал.

Среди садху распространились новые формы тапаса. Зачастую можно увидеть лежа с вбитыми в него шипами - это подражание ложе из стрел, на котором лежал Бхишма, согласно *Махабхарате*. Башмаки с гвоздями не редкость. Иногда встречается отшельник, висящий вниз головой с дерева над дымящимся костром; другой носит тяжелые цепи, третий использует устройства, подавляющие желания; другой - измеряет длиной собственного тела дорогу, проходя сотни миль. Большинство древних форм аскезы также продолжают использоваться. Йогическая практика по-прежнему жива, хотя умственные упражнения чаще окрашены в сектантский тон.

Современный же аскетизм сильно изменился. В нем отсутствует серьезное духовное движение; большинство садху сегодня неграмотные; многие - вообще безнравственны; некоторые ордена грубы и непристойны. Сами индусы признают, что искренних и преданных среди них очень мало. Но изредка все же встречается человек благородного духа и образованности.

V. С аскетизмом связаны и другие явления, заслуживающие особого внимания. В Древней Индии существовало повсеместное убеждение, что если отшельник ведет жизнь чистоты и суровости или если монах достиг освобождения и честно живет в отречении от мира, его тело со временем духовно преображается и становится совершенно иным по виду, чем тела обычных людей. С лица и фигуры исчезают все следы страсти; изменяется сама анатомическая и материальная природа - она утончается, становится эфирной, достойной быть вместилищем возвышенного духа. Мышечная система сглаживается, корпус становится изящным и гладким, человек светится красотой и неземным сиянием; физическая природа тела

преображается настолько, что более не подчиняется законам тяготения и иным мирским ограничениям.

Первые упоминания о подобных результатах аскезы встречаются в оригинальной *Рамаяне* Вальмики. Там описывается обитель, в которой:

*“Жили благоговейные старцы,
Такие яркие, как солнце или Владыка Огня,
Подчиняющие себе все чувства,
Пречистые, святые духом.”*

О Сарабханге говорится, что его сияние

“соперничало с богами, очищенными покаянием;”

Агастья описывается как

“светящийся, подобно пламени, от ярости подвига;”

Бхарадванджа называют

“смиренным святым, обеты которого исполнены, и чья ревностная аскеза даровала ему острое зрение.”

В самых ранних *Упанишадах* такая мысль не появляется, но в *Шветашватара* приводятся слова: *“Деятельность, здоровье, свобода от желания, прекрасное лицо, мелодичность голоса, приятное благоухание”* - все это обозначено как первые плоды йоги. *Йога-сутры* не упоминают ни красоты, ни преобразования тела как результата йоги, но придают большое значение эфирности.

Буддизм перенял эту идею у индуизма. В пали-текстах говорится о монахе, достигшем мудрости: *“Спокойны, брат, все твои органы чувств; чист и ярок цвет твоей кожи.”* Утверждается, что Гаутама сиял золотым светом, а его тело уподоблялось телу льва - *“гладкому, гибкому, с узкой талией.”* В более позднем тексте “Вопросы царя Милинды” о Будде сказано: *“Он был золотистого цвета, кожа его сияла, как золото, и вокруг него распростерся славный ореол в сажень длиной.”*

О Махавире, Джине, говорится, что он был *“сияющим, как солнце, чистым, как золото наивысшего качества; он сиял, подобно пылающему пламени”*. Его красота была поразительна, а тело источало утонченный аромат.

Когда позднее буддисты начали создавать изображения, эта вера вдохновляла их на величайшие достижения в искусстве. Образ Будды излучает духовность не только за счет медитативной позы и спокойствия черт лица, но также благодаря особому изображению торса, где исключено все, что говорит о движении, усилии или телесной радости. *“Крайняя простота форм и контуров”* производит впечатление духовного возвышения и уравновешенного покоя. Буддийскому скульптору удалось выразить в камне высокое духовное состояние. Аналогичный стиль религиозного искусства встречается и в джайнизме, и в индуизме. По существу, вся великая скульптура Индии обязана своей силой этому языку художественного возвышения. Таким образом, наивысшее индийское представление о божественности, будь то в индуизме, джайнизме или буддизме, является возвышенной идеализацией странствующего аскета. Этот аспект индийского искусства с особой убедительностью изложен мистером Э. Б. Хавеллом в его труде *“Индийская культура и живопись”*; и величественность, и красота лучших образцов индийской пластики раскрываются с поразительной силой на иллюстрациях в том же издании.

Упомянутое выше сияющее излучение тела аскета вновь проявляется в ореоле, который в буддийской скульптуре часто окружает голову, а иногда и все тело Будды. Это явление в отдельных случаях подражали и джайнские, и индуистские художники. Золотистый оттенок тела Будды нашел выражение и в повсеместной традиции позолоты буддийских статуй, распространенной во всех буддийских странах.

VI. Мы уже видели, как муни в Ригведе парит в воздухе, и как позднейший отшельник с помощью аскезы приобретает магические

способности, исполняет все желания, вплоть до уничтожения самих богов. Удивительно, что такие чудеса, рождающиеся из страдания и самопреодоления, в итоге стали приписываться бесприютным монахам, которые, как полагали, освободились от всех желаний и презирали и рай, и богов. Во всех школах подобные силы считались естественным следствием святости, хотя они часто связывались с йогой, особенно с ее продвинутыми формами.

В самых ранних Упанишадах эти чудо-силы не упоминаются, но уже в Шветашватара мы читаем следующее:

“Болезни, старость, страдания - исчезают у того, кто из огня йоги обрел себе новое тело.”

А в Мантраяна встречается сходный фрагмент. Позднее Амритабинду утверждает, что йог, через три месяца, достигает знания; через четыре - обретает видение богов; через пять - получает их силу; через шесть - их совершенную природу.

В Йога-сутрах Патанджали, относящихся к середине II века до н. э., эти силы уже описываются, классифицируются и объясняются как результат йогической практики.

Что думал сам Гаутама Будда по этому поводу, мы не знаем; однако в текстах палийского канона он и его ученики наделяются самыми необыкновенными способностями. Возможно, лучше всего суть ранне буддийского воззрения передаст следующий абзац:

“Если монах желает, братия, овладеть поочередно каждым из различных иддхи - быть, оставаясь одним, многоликим, а будучи многим - стать единым; становиться видимым или невидимым; проходить сквозь стену, изгородь или гору, как сквозь воздух; проникать сквозь землю вверх и вниз, будто сквозь воду; идти по воде, не разделяя ее, словно по суше; скрестив ноги, лететь по воздуху, как птица;

касаться руками солнца и луны, как бы могучи они ни были; и даже телом достигать неба Брахмы - пусть тогда он исполнит всю праведность, будет предан тишине сердца, что восходит изнутри; да не отталкивает он восторг созерцания, пусть прозревает вещи, и да будет он одинок”.

Все это не только сохраняется в махаянской буддийской литературе, но и до крайности гипертрофировано.

Достаточно просто бегло взглянуть на жизнеописание Махавиры в джайнском Кальпа-сутре, чтобы увидеть, что и джайны приписывали своим Джиннам, Кевалам и другим святым такие же чудеса. О Махавире сказаны такие слова: *"Подобно небесам, он не знал опоры; подобно ветру, он не встречал преград"*.

Эти представления были восприняты как Шанкарой, так и Рамануджей, и легко прослеживаются в сектантских движениях *бхакти* последних тысячелетий. Многие древние чудеса повторяются, появляются и новые - порой в весьма странной форме. Так, например, говорили, что Мадхвачарья мог по желанию съесть обед, приготовленный для быка; та же способность приписывается и Чайтанье.

В последние столетия йогами использовались гипноз, месмеризм (“управление энергией”), фокусы, спиритизм и всевозможное шарлатанство для создания видимости какой-то сверхъестественной силы. Приведение себя в состояние транса или комы было искусно отработано, и некоторые практики доходили до того, что позволяли себя хоронить на продолжительное время, после чего оживали. До недавнего времени йоги то и дело изображали левитацию и подобные “чудеса”. Нет нужды говорить, что здесь они были обязаны скорее продуманному обману, чем чуду. История с мадам Блаватской окончательно поставила точку над “и” в этом вопросе для всех здравомыслящих людей.

Вера в то, что святой обладает сверхъестественной силой, стала источником одного из центральных элементов буддийского культа - почитания реликвий. Эта сила, это своего рода священная заразность, заключенная в теле святого и во всем, что он использовал. Та же логика лежит в основе одного обычая, характерного для всех индуистских сект: когда ученик встречается своего духовного наставника - *гуру*, он падает на колени перед ним и берет немного пыли с его ног, чтобы возложить ее себе на голову. Во многих сектах считается великой милостью выпить воду, в которой гуру помыл ноги. По их представлениям, святость передается физически.

VII. Когда монашеское движение только возникло в Индии, оно стало величайшей интеллектуальной и духовной силой своего времени. Оно охватило все благороднейшие умы и подчинило их себе; и на протяжении многих столетий высшая духовная жизнь страны находила в нем полное и удовлетворяющее восполнение. И нет оснований этому как-то удивляться. Тот, кто изучает эту великую древнюю историю, не может не быть потрясен возвышенностью целей движения и серьезностью тех, кто ему служил. Лишь самые высокие идеалы, преследуемые с величайшим усердием, могли принести столь возвышенную монашескую литературу, как Упанишады и буддийские Сутты. Но если принципы были благородны, то они применялись с бесстрашием, самоотверженностью, мужеством и постоянством, которым мало найдется равных. Пока существует мир, люди будут с изумлением вспоминать индийских аскетов. Их спокойный отказ от всех земных удовольствий и привилегий и их стойкая выдержка в страданиях будут вдохновлять каждое новое поколение мыслящих индийцев. На протяжении почти трех тысяч лет индийские аскеты остаются живым свидетельством духовного верховенства. Хотели ли люди познавать истину, или не хотели - в любом случае, никто из них не мог закрыть глаза на урок, который Индии

наглядно преподносили санньяси. Сам факт существования ордена санньяси ставил блеск богатства и мирские удовольствия на их подлинное место - а именно в подчинение духу. Более того, жизнь санньяси возвысила бедность в глазах индийцев. И пусть, несмотря на растущее процветание страны, Индия никогда не утратит ту истину, что бедный человек заслуживает не меньшего уважения, чем богатый.

Но все же, все современное монашеское движение в Индии сегодня уже пребывает в стадии глубокого упадка. Садху, быть может, и ближе к верованиям простого народа, чем древние монашеские ордена, но сложно сказать, что они оказывают значительное влияние. В ряды отшельников вступает сравнительно мало образованных людей или личностей с сильным интеллектуальным началом; и, хотя изредка среди них встречаются действительно духовные натуры и личности благородного характера, а иногда даже человек с образованием и положением становится санньяси, но сами индусы признают, что подавляющее большинство сегодняшних аскетов не представляет для них какой-то особой ценности.

Для ленивого человека такая “святая жизнь” становится настоящим раем. Желтые одеяния также часто служат прикрытием преступника. В их среде нет живого мыслительного движения. Большинство - это люди без образования. Некоторые используют Бхагавад-гиту, хинди-произведение Вичара-сагара или иной философский труд, но еще есть больше тех, кто довольствуется просто мантрой и символами своей секты. По мере того как более глубокие идеи этого движения стирались из сознания, дух язычества и многобожия вновь начал брать верх; и само подвижничество все больше воспринимается как некая заслуживающая похвалы дисциплина, делающая человека “по-особенному благочестивым”, но при этом вообще не имеющая никакой связи с нравственностью.

В книге пандита С. Н. Шастри “Миссия Брахмо-Самаджа” приводится следующий отрывок:

“Даже обычный домохозяин смотрит на санньяси или нищего как на идеал совершенства. Эта убежденность так глубоко укоренилась в индуcском сознании, что стоит человеку лишь облачиться в одеяние отшельника и заявить о своем презрении к миру, как он тут же становится духовным наставником и начинает почитаться как таковой. И что поразительно - это гуруизм продолжается без всяких препятствий, несмотря на тайные и явные непристойности в жизни такого “наставника”. Я собственными глазами видел человека в одежде отшельника, пьющего вино посреди улицы, распевającego неприличные песни и ведущего себя недостойно с женщиной, - и все же он был окружен людьми, считавшими его за гуру и дарившими ему деньги.”

Садху полностью вне современной жизни, подобен глыбе, оставленной в плодородной долине тающим ледником, давно уже исчезнувшим. Он лишен связи и сочувствия к большим вопросам и великим движениям, которые волнуют Индию сегодня: образование, социальные реформы, религиозные преобразования, политика, экономический рост - ему все это либо неизвестно, либо чуждо, как и брахманам при храмах по всей стране. Он совершенно не пригоден в делах современности. Люди, действительно двигающие Индию сегодня, это юристы, врачи, преподаватели, госслужащие, журналисты, предприниматели. Идеи, которые волнуют этих людей и формируют новую Индию, абсолютно никак не пересекаются с основами индуистского аскетизма, и потому садху о них попросту ничего не знает.

Вот цитата из одного индуcского издания, позволяющая увидеть, как современный образованный индус относится к современным садху:

“В эту эпоху утилитаризма существует общее стремление использовать каждого человека и каждую вещь. Это благородный идеал, к которому определенно стоит стремиться. В Индии садху, то есть профессиональные аскеты, живущие подаянием, составляют довольно многочисленную прослойку, и хотя некоторые из них могут быть людьми истинной благочестивости и духовности, очевидно, что большинство их мало чем отличается от попрошаек и бродяг. Господину Тахил Раму Гангараму пришла в голову мысль: вместо того чтобы позволять тысячам здоровых мужчин жить и умирать в нищенстве, следует попытаться дать им хоть какое-то образование, чтобы они могли стать полезными членами общества. Не имея семьи и будучи свободными от забот, они, например, могли бы приносить пользу в качестве странствующих проповедников религии и нравственности или как миссионеры-врачи, чья помощь была бы особенно важна во время вспышек эпидемий.”

Далее вы можете прочесть несколько строк из краткого отчета о речи миссис Безант в Бенаресе, отражающую отношение Теософского общества к современным аскетам:

“Нам не нужны тысячи пустых попрошаек в одежде санньяси, - нам нужны брахмачарьи, которые жертвуют пять-шесть лет жизни и будут странствовать по деревням, обучая каждого ребенка, принося себя в жертву ради людей, а не ради личного освобождения в горах и пещерах.”

Можно также сравнить и слова профессора Хар Даяла, приведенные в цитате во Введении. Этих отрывков вполне достаточно, чтобы убедиться

что: индуистский аскетизм умирает, и современный садху совершенно не соприкасается с новыми движениями.

Из этих слов становится ясно, в чем кроется проблема аскетизма и что нужно вместо него: садху - это образ бездеятельности, тогда как сегодняшней Индии нужна самоотверженная служба. Эта проблема нигде не описывается так же четко, как в приведенных цитатах.

Еще, крайне важно отметить: именно в своей бездеятельности садху остается полностью верным духу того движения, которое его породило. Вот как формулирует это великий немецкий ученый Пауль Дейссен, называвший себя ведантистом:

“Вечная философская истина редко где находила столь яркое и решительное выражение, как в доктрине освобождающего знания об Атмане. И все же это знание подобно ледяному дыханию, которое парализует всякое развитие и замирает всякую жизнь. Тот, кто познал себя как Атмана, действительно оказывается навеки вне досягаемости любого желания, а значит - и вне возможности аморального поступка. Но вместе с тем он лишен всякого побуждения к действию и утрачивает способность к инициативе. Он выведен за пределы всего круга иллюзорного индивидуального существования; его тело более не принадлежит ему, его поступки тоже. Все, что он впредь сделает или не сделает, относится к сфере великой иллюзии, которую он постиг, и потому не имеет значения... Когда достигнуто знание Атмана, каждое действие, в том числе и нравственное, лишается смысла.”

Таким образом, причина, по которой образованный индус критикует аскета, кроется в том, что ум его насыщен новыми идеями, в то время как аскет остается верен догматам индуизма. Западный дух проник в ум и

окружающую среду образованного человека и перевернул их. В результате чем вернее аскет придерживается древнего идеала, тем более бессмысленным и бесполезным он кажется современному человеку.

Так древнее подвижничество обречено. Спасти его уже ничто не в силах. Современный дух требует иного, и именно через образованного индуса этот новый дух распространяется по всей Индии.

VIII. Но признание этого факта ставит нас лицом к лицу с грандиозной проблемой. На протяжении добрых двух с половиной тысяч лет индуизм порождал нескончаемую вереницу мужчин и женщин, готовых без остатка, телом и душой, посвятить себя высшему. Но, как только они возникают, их жизнь оказывается сравнительно бесполезной: ведь великая религия, вдохновляющая их на вступление в путь аскезы, ставит перед ними в качестве идеала жизнь без деятельного Брахмана. А между тем Индии сегодня требуется нечто совершенно иное: великая армия самоотверженных людей, готовых трудиться ради возвышения бедных и угнетенных, ради развития образования, сельского хозяйства, промышленности, искусства, морали и религии. Нужен не йог, погруженный в безмолвное забытие, а человек, вдохновленный на жизнь, полную служения. Господин Гокхале в одной из своих речей отметил:

“Индии сейчас как никогда нужны работники на полное время, отрeksiиeся от всего ради блага страны”.

Таким образом, суть проблемы кроется в следующем: как вдохновить индусов на бескорыстное служение? Очевидно, что никакая форма индуистской философии не способна на это, потому что она ведет к бездействию. Не вызывает сомнений, что истинное вдохновение может прийти лишь от религии. Но где же можно найти настолько мощный мотив?

Как бы индусы ни относились к христианству, все они без исключения признают: оно побуждает мужчин и женщин к бескорыстному

служению. Оно способно (и действительно это делает) рождать людей, живущих ради других. Что Христос стал для Индии служащим ангелом не отважится отрицать ни один честный человек этой земли. Кто сможет измерить объем той помощи, что была оказана Индии христианами в следующих сферах: образование для мальчиков - начальное, среднее, университетское и профессионально-техническое; образование для девочек - в школах, колледжах, женских покоях; приюты для сирот, дома для вдов, школы для слепых; медицинская помощь, оказываемая врачами обоих полов, медсестрами, амбулаториями, больницами; лепрозории; приюты для женщин, которые упали в грех; помощь в голодное и холодное время; и, наконец, подъем низших каст.

Большинство мыслящих индусов охотно признают огромную пользу, принесенную Индии миссиями. Вот одно обобщающее свидетельство, опубликованное в индуистской газете в связи с тем, что из Америки во имя Иисуса Христа было отправлено 30,000 долларов помощи голодающим в Индии:

“Христианская религия поистине плодovита в практическом милосердии в степени, не имеющей аналогов среди других верoучений. Какими бы ни были ее теоретические недостатки и философская незавершенность (оставим это в стороне), она с головой возвышается над всеми прочими религиями. На ее фоне самые древние верования и величественные философские системы мира теряются в ничтожности как побудители к благотворности.”.

Следующее утверждение - из письма г-на К. Шриниваса Рао, помощника судьи в Тутикорине, в газету “The Indian Social Reformer”:

“Предубеждение против христианских миссий и миссионеров - явление давнее, основанное на страхе, будто бы они занимаются исключительно прозелитизмом. Однако, по факту, во-первых, они в значительной степени занимаются

просвещением страны. Их образовательные учреждения говорят об этом сами за себя. Во-вторых, они помогают больным: скажем, больница в Джаммалмадугу принимает пациентов всех каст, включая сложнейшие случаи женских и глазных болезней. Женщины-брахманки из знатных семей тоже пользуются этим замечательным учреждением. В-третьих, миссионеры трудятся ради возвышения низших каст и просвещения их мальчиков и девочек - и все это должно наполнять нас благодарностью. Если бы не они, эти бедные дети и презираемые слои населения продолжали бы оставаться в том же униженном состоянии, в каком рождались на протяжении веков.”

Следующее свидетельство взято из парсийской газеты и касается миссионерского образования:

“Участие миссионеров может принести прочную пользу и ученикам, и учителям в Индии. Христианские миссионеры как школьные наставники внесли значительный и долговременный вклад в развитие нравственного воспитания в школах и колледжах страны. Порядок, системность и дисциплина нигде не поддерживаются столь строго, как у них. Личное влияние таких педагогов - это величайшее достояние. Эти люди, отличающиеся высоким нравственным обликом, выбрали преподавание как дело любви и служение всей жизни. Они оставили неизгладимый след в истории индийского образования. Их усилия дали многим городам и поселениям Индии прекрасно организованные школы и колледжи. Самоотверженность их труда и высокая моральная планка сотрудников неизменно вызывали в учениках то уважение и почтение, которое мы хотели бы видеть у

молодежи по отношению к старшим. Отношения между учителем и учеником в этих школах всегда были пронизаны сердечностью, и, вступая во взрослую жизнь, учащийся не забывает о благодарности к своей школе. Миссионер в Индии служит связующим звеном между подрастающим поколением и своим собственным народом - так же, как соединяет он христиан и нехристиан в стране своим социальным служением и благотворительностью”.

Следующий отрывок взят из ежедневной индуистской газеты “Бенгали” (Калькутта) и тут речь идет прежде всего о миссионерской деятельности среди низших каст:

“Среди миссионеров есть всякие. Тип христианского проповедника, который с наслаждением поносит религии индусов и мусульман, всем нам хорошо знаком и мало делает чести христианству. Но существует и другой, пусть и редкий, тип. Отправляйтесь в Сонтал-Паргану или в Центральные провинции, и вы увидите христианских миссионеров, буквально жертвующих собой ради улучшения условий жизни местного аборигенного населения, среди которого они живут и трудятся. Поезжайте в Южную Индию, и вы увидите, чего добились миссионерская работа в деле преобразования презираемых париев. Эти миссионеры не живут во дворцах и не получают доходов, достойных князей. Их не коснулась зараза роскоши, их не размягчила ни бедность, ни физические лишения. Они покинули родину юными, состарились в этом благородном служении. Некоторые не возвращались на родину ни разу за двадцать-тридцать лет. И многие из них, быть может, будут погребены под дерном какого-нибудь далекого, никому

не известного индийского селения, ставшего центром их жизненного труда. И это не обязательно англичане. Среди этих тружеников индийской нивы можно встретить немцев и французов, бельгийцев и даже швейцарцев из горных деревень. Поговорите с ними - и вас поразит полное отсутствие той надменности и расового высокомерия, которые почти неизбежно свойственны даже самым мягким европейским мирянам. Именно эти люди прославляют свои народы и свою веру. Они отдают делу всю свою жизнь, собирают средства у соотечественников, чтобы продолжать труд, и обращаются к миллионам, которых индуистское общество выбросило за свой предел и с презрением отвергает. Они учат пария считать себя не изгоем, а членом великой человеческой семьи. Они помогают ему осваивать джунгли и создавать процветающие поселения. Они кормят его в нужде и лечат в болезни. Мир не знает этих людей, не заботится о них и не заметит их исчезновения. Но для пария в хижине, для кхола в лесной чаще это будет разительным, и невозполнимым - утратой. Нельзя забывать и того, что в те времена, когда школы еще не было, именно христианский миссионер стал первопроходцем в деле образования этой страны.”

Последний отрывок, который мы приведем, говорит о значении миссионерской деятельности в сфере социальной реформы, а также как о силе, возвышающей человека низшей касты:

“Мы утверждаем, что большинство благотворных влияний, действующих на сегодня в Индии, происходят не от туманных и непонятных учений теософов, а от самоотверженного труда благородной группы иностранных миссионеров, которые всегда стояли в первых рядах в каждой

акции на благо страны. Будь то как филантропы, как обновители общества, как промышленные благодетели или как заступники за угнетенных - христианские миссионеры были пионерами и волонтерами во всяком добром деле. И трудно представить, чтобы страна развивалась так удивительно, если бы ни один христианский миссионер не ступил на ее землю. Мы сейчас не касаемся духовной стороны труда миссионера, хотя и в ней он тоже действует на уничтожение невежества и унижительных суеверий среди низших групп населения. Скорее, мы хотим подчеркнуть его эффективную и плодотворную работу по возвышению Индии в социальном, умственном и нравственном плане. Какими бы мерами ни измерялась его деятельность - влияние миссионера всегда направлено на все, что благородно, что возвышенно и достойно похвалы. Современная Индия в неоплатном долгу перед ним”.

Не может, следовательно, быть никакого сомнения в том, что Иисус Христос воздвиг в Индии великое множество мужчин и женщин, как индийцев, так и иностранцев, которые явили дух самоотвержения в бесценном практическом служении этой стране.

Индусы иногда настолько откровенны, что прямо признают контраст между христианством и индуизмом в этом отношении:

“Одной из главных причин успеха миссионера является его пылающее рвение к своей религии. Он верит в свое послание. Он оставил родителей, друзей и родную землю, чтобы распространять свое Евангелие. Он пересек моря, чтобы обрушиться на нас. Он родом из холодной страны, но предпочитает жить под палящим индийским солнцем, чтобы спасти нас от участи попасть в еще более жаркое место

после смерти. Молодые люди из самых состоятельных семей пожертвовали всем ради борьбы с нашей цивилизацией. Я знаю людей с выдающимися способностями в Оксфорде - первоклассных стипендиатов, лауреатов бесчисленного количества наград и степеней, которые отказались от всей своей карьеры и отправились служить миссионерами. Наши молодые люди и представить себе не могут, какими жертвами сопровождается их путь: они принимают изгнание ради своей веры, они трудятся день и ночь, как чернорабочие, в стране, находящейся в тысячах миль от их родного дома. Многие из них совсем молоды. Они не познали еще ни одного из сладостных даров жизни. Они - решительные, серьезные люди, чуждые корысти, не знающие покоя в стремлении к цели, никогда не теряющие мужества перед лицом трудностей, глубоко осознающие, что жизнь дана человеку для того, чтобы быть потраченной на великое и доброе дело. Такая колоссальная внутренняя сила способна преодолеть множество преград. Обладая столь грандиозным моральным капиталом, любое движение способно продвинуться далеко, даже вопреки суровым обстоятельствам... Дайте мне таких работников, и я индуизирую весь мир за десятилетие.”

С этой точки зрения мы лучше поймем план Вивекананды, который он называет “Практическим Ведантизмом”. Он ожидает, что ведантисты, вдохновленные своей верой, будут посвящать себя служению Индии. Но, как показывают слова профессора Доссена, процитированные выше, столь же разумно было бы пытаться отапливать дом льдом. Римская империя предлагает интересную параллель: Юлиан Отступник “призывал язычников к милосердию, если они хотят соперничать с христианами”.

IX. Итак, вполне оправданным будет задаться вопросом: почему Христу удастся гораздо успешнее, чем любому другому духовному вождю, обращать своих последователей в служителей человечества? Можем ли мы разглядеть, в чем заключается сам христианский процесс?

А. Если человек желает стать христианином, то полное самоотречение во имя Христа - это основной и первый закон ученичества, установленный для него. Это Христос Сам ясно выразил следующими словами:

*“Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною”.*⁵⁷

Павел прекрасно постиг этот закон и выразил его в классической форме:

*“А Христос умер за всех, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего”.*⁵⁸

В этих словах заключается призыв к решению воли - к акту, в котором человек полностью предает себя Христу, сдает Ему крепость своей души, дабы отныне повиноваться Ему во всем.

Именно это придает глубокий смысл тому, что во всем Новом Завете Иисус неизменно именуется Господом христианина. Это не пустой, не дежурный эпитет, но яркое указание на то, что христианин - это человек, всецело покорившийся Христу и обязанный повиноваться Ему в каждом деле. Сам Христос говорит:

*“Что вы зовете Меня: Господи! Господи! - и не делаете того, что Я говорю?”*⁵⁹

Такая отдача всей внутренней сущности Христу есть акт духовный - истинное преобразование, смена фокуса от себя к Богу, от греха к праведности. Этот акт невозможен, пока Христос воспринимается лишь

⁵⁷ Матфея 16:24

⁵⁸ 2 Коринфянам 5:15

⁵⁹ Луки 6:46

как человек. Он становится возможным только тогда, когда человек осознает абсолютное первенство Иисуса, понимает, что Тот вправе требовать безусловной преданности, что Он есть Господь души и источник праведности. Когда это осознание приходит и человек отдает себя Ему - душа преображается великой духовной силой.

В этом преображении неявно, но неотъемлемо содержится и полное отречение от всего прочего. Христос требует не только отдачи воли, но и сердца - всего человека. И если я действительно всецело отдал себя Христу, то уже ничто не остается, что я мог бы пожелать удержать. Ядро личности - это и есть сама личность, а вещи имеют ценность лишь постольку, поскольку связаны с этим ядром. Потому-то и предание себя содержит в себе отказ от всего. Если же существует нечто, чего я не готов оставить ради Христа, - значит, я еще не отдал себя Ему до конца.

Потому Иисус и говорит, что никто не может быть Его учеником, если в сердце своем не отказался от всего:

“Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником”⁶⁰

Этот акт внутреннего освобождения от всего принимает различные формы в учении Иисуса:

“Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и, от радости о нем, идет и продает все, что имеет, и покупает поле то”⁶¹

“Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел, и продал все, что имел, и купил ее”⁶²

⁶⁰ Луки 14:33

⁶¹ Матфея 13:44

⁶² Матфея 13:45-46

*“Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня”.*⁶³

*“Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником”.*⁶⁴

*“Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее”.*⁶⁵

Но, заметьте, Иисус, требуя от нас полного внутреннего отречения, не требует действительного отказа от всего. Ему важно, чтобы сердце было так крепко связано с Ним, чтобы все земные привязанности ослабли. Он желает, чтобы мы оставались в мире, но держались его благ, удовольствий, связей, самой жизни - настолько легко, чтобы в любой миг могли оставить их ради Царства. Самоотречение подчиняет весь мир Христу. Только в полном послушании Ему возможно наслаждаться чистейшими и простейшими радостями этого мира, и если Он потребует отказаться от чего-либо из них, мы должны быть готовы подчиниться.

Иисус прекрасно знает, что человек способен отказаться от имущества или чего-то иного, если верит, что этим достигнет духовной выгоды, и при этом все же сохранять любовь к миру. Гораздо проще оставить все земные вещи, чем действительно отдать сердце Христу. Потому Он требует большего - требует не внешнего отказа, а внутреннего, глубинного, требует предания сердца. А сердце, преданное Иисусу, неизбежно разрывает связь с миром. И в этом, как и во всем другом, Христос стоит на духовной высоте: внешние действия и вещи Он оценивает по их подлинному значению.

⁶³ Матфея 10:37

⁶⁴ Луки 14:26

⁶⁵ Матфея 16:25

Путь Христов действительно дает человеку силу преодолеть ту цепкую власть, которую держит над ним мир. Привязанность ко Христу рождает отрешенность от мира. Любовь к Иисусу ведет к переносу интереса с земного - на духовное, меняет оценку богатства, положения, удовольствий; приводит к прекрасному ослаблению их власти над душой. А полное подчинение воли Христу разрывает эти узы окончательно. Совершенное самоотдавание Христу дает полное освобождение от мира.

.Природа и все дары ее человеку тем самым занимают свое подлинное место. Они хороши, но не высшие. Мы должны использовать и радоваться ими, но в полном подчинении духовной цели. Поскольку Сын Божий принял на Себя тело человеческое, мы не вправе презирать, отвергать или уничтожать нашу телесную природу; но так как Он предал Свое тело на распятие ради высшего, и мы должны быть готовы оставить все земное ради Царства.

В. Принцип, который Иисус дает Своему ученику для его общения с людьми в мире, есть любовь:

*“Возлюби ближнего твоего, как самого себя”.*⁶⁶

*“Любите врагов ваших”.*⁶⁷

Этот закон- это не просто красивая фраза, не пустой призыв к сентиментальности, но христианское правило поведения, которое построено на прочном основании истины: Бог - наш общий Отец, а, следовательно, все люди - братья и сестры друг другу. Из этого вытекает, что любовь - это единственно разумный закон, возможный для взаимных человеческих отношений. Христос ясно указывает, что любовь к Богу и любовь к человеку это и есть вся суть человеческого долга:

*“На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.”*⁶⁸

⁶⁶ Матфея 22:39

⁶⁷ Матфея 5:44

⁶⁸ Матфея 22:40

Следовательно, речь идет не просто об увещеваниях к добрым чувствам, но о высших правилах поведения. Из них можно вывести всякую иную обязанность. Павел понял это достаточно ясно:

“Любовь не делает ближнему зла; итак, любовь есть исполнение закона”.⁶⁹

Человек, в сердце которого живет любовь, будет удержан от гнева, мщения, эгоизма, прелюбодеяния, кражи, лжи, злословия, клеветы, жестокости, несправедливости, зависти. Каждое из этих проявлений - это отрицание любви. Но любовь - это не только самый действенный сдерживающий фактор в мире, она также величайший стимул. Ею вдохновлены были самые героические и самые самоотверженные поступки. Она - тайна возможности прощения, самого трудного акта. Но активная сторона любви подводит нас к следующему закону христианской жизни. Это всего лишь одно из применений высшего закона любви, но столь важное, что должно быть выражено особо.

С. Самая важная статья всеобъемлющего закона любви - это: *“Служи каждому человеку по его нужде”*. Насколько глубоко Христос чувствовал эту истину, можно увидеть из двух великих мест в Евангелии. В первом мы встречаем, прежде всего, изложение высших принципов: *“Возлюби Бога всем сердцем”* и *“Возлюби ближнего твоего, как самого себя”*; а затем, в ответ на вопрос о смысле последнего закона, Иисус рассказывает притчу о Добром Самарянине, которую мы уже цитировали. Другое место из Писания несет еще более глубокую эмоциональную нагрузку:

“Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и разделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов--по левую. Тогда

⁶⁹ Римлянам 13:10

скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.”⁷⁰

Здесь Христос говорит нам, что окончательная наша связь с Ним будет определяться тем, служили ли мы нашим братьям и сестрам. Упоминаются всего шесть видов помощи: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, навестить больного, приютить странника,

⁷⁰ Матфея 25:31-46

посетить заключенного. Но никто не может не уловить того, что хочет донести Христос: принцип совершенно ясен - “Служи ближнему своему согласно его нужде”. Таким образом, каждый, кто отдал себя Христу, обязан служить окружающим его людям, восполняя их нужды в той мере, в какой способен.

Эти места Писания с предельной ясностью раскрывают, насколько практично Христово понимание закона любви. Для Него даже самый скромный человек - дитя Небесного Отца; а значит, никакое служение, которое можно оказать, не может быть слишком великим. Где предел почтения, доброты, помощи, которых заслуживает мой брат, если мы оба дети Владыки всего вокруг?

Пример Христа в деле служения - просто бесценен. Его слова: “Сын Человеческий пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить” это простое утверждение факта. Он ходил, творя добро. Каждое чудо было актом служения. Он исцелял от лихорадки, истощения, паралича, безумия, эпилепсии, проказы. Он возвращал зрение слепым, слух глухим, речь немым, движение хромым. Он воскрешал мертвых. Он насыщал голодные толпы. Он претворял воду в вино на брачном пире. Он утихомиривал бурю. В каждом из этих случаев Он служил - как мужчине, так и женщине или ребенку, находившимся в нужде. Но даже помимо чудес Иисус постоянно находил возможность послужить тем, кто был рядом. Он прислуживал Своим ученикам; в один из случаев - омывал им ноги. Он брал детей на руки и благословлял их по просьбе их матерей. Он тронул прокаженного, дав ему почувствовать прикосновение - то, чего тот не знал много лет, поскольку на его нечистое плечо не ложилась ни одна добрая рука. Он сидел за столом как у богатых, так и у бедных, чтобы принести им помощь Своим присутствием и Своим словом, чтобы даже простое общение стало делом освященным.

Не менее значимы были и те Его дерзновенные поступки общественного служения, посредством которых Он самым действенным образом протестовал против нравственных и религиозных злоупотреблений, характерных для ортодоксального иудаизма Своего времени, и тем самым стал первопроходцем и образцом нравственной и религиозной реформы для народов. Он обличал социальную замкнутость фарисеев, разделяя трапезу с “мытарями и грешниками”, то есть с социальными изгоями того времени. Он ел пищу, не совершая ритуального омовения рук, чтобы научить иудеев, что чистота духовная не зависит от чистоты кожи. Он не соблюдал предписанных постов, показывая, что простое воздержание от пищи не имеет само по себе религиозной ценности. Он настойчиво исцелял в субботу, чтобы пробудить в людях понимание, что день следует чтить духом, а не буквой. Он изгнал торговцев из Храма, явно давая понять, что, по крайней мере, один человек не потерпит, чтобы Дом Божий использовался для наживы.

Д. Последний пункт, который следует отметить, заключен уже в первом законе. Мы уже видели, как Христос говорит каждому ученику:

“Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной”⁷¹,

и мы уже признали, что это - призыв к полному посвящению себя Христу как Господу человеческого духа. Теперь нам следует обратить внимание на другой элемент, содержащийся в этих словах, а именно: человек не может следовать за Христом, не неся креста. Христос шел по улицам Иерусалима с крестом на плечах; и здесь Он предупреждает каждого, кто желает последовать за Ним, что путь этот - это путь крестного ношения. Смысл ясен: тот, кто верно следует за Христом, должен быть готов терпеть страдания за свою верность, как страдал Христос. То же самое

⁷¹ Матфея 16:24

предупреждение Христос повторяет снова и снова, с предельной откровенностью, в Своем учении:

“В мире будете иметь скорбь”⁷²

“Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков”⁷³

“Смотрите же: вас будут предавать в судилища; в синагогах вас будут бить; и перед правителями и царями вы предстанете за Меня... и брат предаст брата на смерть, и отец ребенка; и дети восстанут на родителей и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое”⁷⁴

Страдание приходит двумя путями. Во-первых, это простая истина, что всякое служение связано с самопожертвованием. Оно совершается ради других, а не ради себя. По меньшей мере, оно требует времени, денег или усилий, которые могли бы быть потрачены на себя. Даже открытие и ведение небольшой школы для бедных детей потребует больших усилий и терпеливой траты часов. Если же речь идет о служении нового рода, как, например, крестовый поход Джона Говарда за улучшение европейских тюрем, то оно потребует почти полной жертвы - времени, денег, комфорта, семейной жизни, и повлечет за собой презрение, клевету, а, возможно, и тяжкие страдания сверх того.

Тот, кто желает послужить своим ближним в нехристианских странах, должен быть готов к великим жертвам. Ему, возможно, придется отдать все свое имущество, как это сделал Роберт Холдейн, чтобы обеспечить средства для своего миссионерского дела. Он может быть вынужден оставить общество своих любимых, и жить среди дикарей, без друзей, без единомышленников, как Джеймс Гилмор в Монголии. Быть может, ему предстоит обитать в полном одиночестве где-то в глухом уголке

⁷² Иоанна 16:33

⁷³ Луки 10:3

⁷⁴ Марка 13:9, 12-13

Новой Гвинеи, или, если он женат, - рисковать здоровьем и жизнью жены и детей. Ученому придется отказаться от перспектив жизни, посвященной науке и карьере, чтобы стать учителем в Китае или Японии. А если он бизнесмен, и Бог призовет его к проповеди, то ему придется оставить дело и его успех. Бывает и так, что он кладет свою жизнь на алтарь и идет жить среди прокаженных на их острове. Все это может случиться, даже если никто не станет строить ему препятствий.

Но сверх того, тот, кто верно служит человечеству, должен быть готов к сопротивлению и гонениям. Память о Видьясагаре ныне почитаема за его благородную борьбу за права индуистских вдов, но при жизни наградой ему были преследования и общественное изгнание. Так и каждый христианин, несущий миру весть о Христе, должен быть готов к вражде и тяжелым обстоятельствам.

Иногда это может быть всего лишь холодное безразличие, насмешки в ответ, язвительная реплика; а может быть и мелочное притеснение дома; или насильственное отлучение от своих кровных; или вражда со стороны общества; или беспорядки и нападения на улицах и площадях города; или грубая клевета; внезапное насилие; тайное убийство; тюрьма, приговор, смерть..

Все это поначалу может показаться странным. Люди склонны думать: “Эти христиане, наверное, фанатики, или, по крайней мере, действуют глупо, раз уж они терпят столько всего!”. Этот довод звучит правдоподобно, пока мы не вспомним самого Христа. Он был !кроток и смирен сердцем!; Он !ходил, благотворя!; Он был величайшим Учителем, какого только видел мир - и все же, Он был распят. Чего же еще может ожидать верный Христу?

Опыт первого поколения христиан во всех землях в точности подтвердил предостережения Спасителя. Уже само открытое признание

Христа, будь то словом или делом, в нехристианской стране, почти всегда влекло за собой страдания. Так было и во дни земной жизни Иисуса:

“ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги.”⁷⁵

Вот что говорит Павел об этом, ссылаясь на себя и других апостолов:

“Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] доныне.”⁷⁶

И вновь он говорит о себе как о проповеднике Царства Божьего:

“под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах,”⁷⁷

История гонений в Римской империи - это последующая глава в длинной летописи страданий. На протяжении трех столетий не было длительного мира. Мужчины, женщины, дети страдали наравне. В любой момент христианин мог быть брошен в тюрьму, подвергнут пыткам, сожжен, обезглавлен, распят, скормлен львам. И все это из-за одного единственного принципа: долга - открыто исповедовать Христа и хранить преданность Ему во всех обстоятельствах. Если бы христиане были готовы пойти на уступки и хотя бы в малом приспособиться к языческим обычаям, то не было бы мучеников.

⁷⁵ Иоанна 9:22

⁷⁶ 1 Коринфянам 4:9, 11-13

⁷⁷ 2 Коринфянам 6:5

Та же истина проявлялась повсюду, где вера укоренилась. В XVI веке христианство широко распространилось в Японии; но в XVII веке власти восстали и уничтожили его в такой жестокости, какой редко видел мир.

“Мы читаем, как христиан казнили на глазах друг у друга, как сбрасывали их с утесов, как закапывали заживо, как растерзывали их волами, как завязывали в мешки с рисом, складывали эти мешки в кучу и поджигали. Других пытали до смерти, вбивая острые колышки под ногти рук и ног; а некоторые несчастные, подвергшись изощренной жестокости, были заточены в клетки, где их оставляли умирать от голода, при этом пища находилась у них на виду.”

То же было и в Южных морях, где, после невыразимых страданий миссионеров Лондонского общества, народы нескольких островов были приведены ко Христу - и многие из этих бывших дикарей, став христианами, вновь и вновь отправлялись на другие острова, чтобы проповедовать Евангелие, и многие из них были убиты руками тех самых невежественных варваров, которым они хотели помочь. Во время восстания боксеров в Китае (к слову, это было всего лишь тринадцать лет назад!) было убито множество миссионеров, и тысячи китайских христиан с радостью приняли бичевание, сожжение, муки и смерть ради любви ко Христу. Осенью 1899 года в Англии автор этих строк стоял на одной сцене с молодым человеком, который вскоре покинул родину, исполненный высокого стремления, ожидая, что посвятит жизнь великому делу в Новой Гвинее. Спустя восемнадцать месяцев он был убит и съеден вместе с героическим Чалмерсом одним из диких племен той страны.

В Индии такие вещи не происходят; и все же, какие ужасные муки пришлось перенести многим обращенным из высших каст, лишь для того чтобы остаться верными своему Господу! Изгнанные из собственного дома, насильственно разлученные с отцом, матерью, женой, детьми,

братьями и сестрами, лишенные имущества и подвергнутые всевозможным формам преследования, они прошли сквозь испытание огнем.

Но теперь давайте осознаем поразительный факт, связанный с несением креста: страдание, терпеливо перенесенное во исполнение заповеди Иисуса, приносит необыкновенные духовные плоды. Кто сможет измерить то влияние, которое оказала смерть Христа? Миллионы мужчин и женщин благодаря ей отвернулись от греха и обратились к Богу. Так и в Римской империи, когда христиан бросали львам или сжигали на кострах, результатом зачастую становилось множество новых обращений, настолько, что изречение Тертуллиана *“Кровь христиан - семя Церкви”* стало пословицей. То же самое актуально и в наши дни. Во время гонений на Мадагаскаре, длившихся двадцать шесть лет, тысячи христиан были проданы в рабство, гонимы, как какие-то дикие звери, заточены в темницу, подвергнуты пыткам, сброшены со скал, сожжены заживо - но все же, к моменту окончания этих преследований, число христиан было намного больше, чем было в начале. Больше китайцев стало христианами за восемь лет после восстания боксеров, чем за восемьдесят лет до него. Во всех этих случаях страдания христиан приносили огромные плоды для Царства Божьего. Один бенгальский студент, исполненный ярости к христианству, однажды метнул камень в миссионера, проповедовавшего на улице, и ранил его в лоб. Тот приложил платок к ране, чтобы остановить кровь, и, не произнеся ни одного громкого слова, продолжил свою проповедь. Это поведение так потрясло его нападавшего, что тот стал христианином и сегодня он и сам проповедник Евангелия.

Вот такой, стало быть, метод Христа в воспитании людей, предназначенных стать служителями для человечества. Вот в чем заключается тайна Его неповторимого успеха в преображении простых людей в самоотверженных слуг.

Давайте вспомним, что санскритское слово для обозначения монашеской жизни, санньяса, отречение от мира. Основополагающая черта индийского монаха - это полное отречение от мира, от всех удобств и интересов жизни, от всего, что может доставить удовольствие или привлечь человеческое сердце. Затем он обучался полной бесстрастности - не чувствовать ни любви, ни ненависти, ни благодарности, ни обиды, ни стремлений, ни отвращения: идеал состоял не в том, чтобы воспитать чувства, а в том, чтобы подавить любое в нем активное чувство. Далее ему надлежало включать бездеятельность. Его учили контролировать чувства, ум, волю и всякий импульс к действию, и отказаться от всякой мирской деятельности. Он не должен был принимать участия в управлении, земледелии, ремесле, искусстве, литературе, образовании, может разве что в обучении учеников веданте. Наконец, его наставляли подвергать себя самоистязанию, подчинять тело суровым лишениям и очень длительной боли, чтобы усмирить упрямые порывы человеческой природы к радостям, наслаждениям и комфорте жизни, и таким образом включить в себе “владычество над природой и восемь божественных способностей”.

И вот метод Христа в воспитании Своих учеников оказывается поразительно отличен от этой суровой дисциплины.

Вместо отречения от мира Христос требует отречения от самого себя. На первый взгляд, это противоположные понятия; но, как мы уже видели, самоуничижение влечет за собой и отречение от мира. Требование Христа бесконечно глубже: оно внутреннее, духовное, подлинное; и, в то время как оно ведет к необходимому для нравственного и духовного воспитания отречению от мира, оно в то же время оставляет человека в самом мире, чтобы он трудился в нем, внутри. Таким образом, индуистское отречение от мира находит свое настоящее духовное завершение в посвящении Христу.

Вместо бесстрастия, Христова заповедь есть любовь. Разве это не абсолютные противоположности? Посмотрим. Христианская любовь ведет к отвержению гнева, ненависти, зависти, жадности, честолюбия, мщения и похоти и к возвращению кротости, мягкости, сострадания и милости; разве не в этом сущность бесстрастия? Но Христос идет гораздо дальше: ведь все это качества пассивные, и потому безопасные для монаха, не побуждающие его к действию. Монаху велели подавлять любовь, тогда как Христос делает все, чтобы ее разжечь; а любовь по самой своей природе не может не выразиться в действии. Таким образом, любовь, к которой призывает Христос, - это следующий шаг за сдержанным, кротким и сострадательным монахом; но этот единственный шаг меняет все.

Вместо бездействия, которое происходит от безразличия, Христос заповедует служение, рождающееся из любви. Но эти два понятия отнюдь не настолько противоположны, как может показаться при беглом взгляде на слова или при сравнении монаха-санньяси в его медитативном покое с активистом миссионером. Христос не повелевает действовать вообще, без разбора; Он повелевает служить. А в этом великом слове заключается не только активное дело, но и глубокое смирение, и самоограничение, и отказ от множества поступков. Более того, индийский монах никогда по-настоящему не был бездейтелен: сама Бхагавад-гита откровенно признает, что полная, абсолютная бездейтельность невозможна. И все лучшие представители этого пути бессознательно вышли за рамки предписанного им правила бездействия и начали служить. Ученики Гаутамы с любовью вспоминали множество черт своего учителя, но для них не было более примерной черты, чем его забота о больных. Все величайшие санньяси были наставниками, учителями, проповедниками. Их собственные сердца, как и нужды окружающих, оказывались сильнее предписаний их аскезы. Таким образом, монашеское бездействие находит

свое подлинное восполнение в служении, к которому как раз таки призывает Христос.

И, наконец, вместо самобичевания Христос ведет нас к самоотдаче. В в христианстве не меньше страданий, чем в индуистском аскетизме, но они не причиняются самому себе, и переносятся не ради собственного возвышения, а из верности Христу и ради людей вокруг. Древние монахи стояли на пороге великого откровения: они чувствовали, насколько благородно переносить боль, и смутно догадывались, что в этом может быть нечто искупительное; но самой божественной истины они так и не достигли. Они надеялись приобрести разные чудесные плоды для самих себя, путем терпения в страданиях. Но истина, которую они так стремились открыть, явлена нам во Христе. Страдание, перенесенное терпеливо, действительно дает дивные плоды, но не того рода, о каком монахи мечтали. Его плоды - это души, обращенные от греха к Богу, люди, выведенные из эгоизма в духовную жизнь.

Обращенный из индуизма ко Христу - вот кто является настоящим современным санньяси. Ради духовной веры, которую он признал истиной, он отрекается от всей брахманической системы, так же, как древний монах, отрекается от дома, имущества, отца, матери, сестры, брата, а подчас и от жены и детей. Этот акт отречения от мира пугающе реален. Он рождается из полного посвящения Христу. Образованный молодой брахман, стоя на пороге крещения, получил от родных предложение в 50,000 рупий, если только он останется индуистом; но он выбрал вечное, нетленное богатство. Если обращенный принадлежит к высшей касте, над ним совершают погребальный обряд согласно древнему закону, точно так же, как это было предписано для древнего санньяси. Его путь почти что неизбежно проходит через жестокие преследования; и как и древний монах, он должен согласно своей вере с терпением и кротостью переносить унижения и обиду. Автор знаком с одним брахманом, который

обратился ко Христу. Однажды, и спустя некоторое время после крещения, он проходил через базар своего родного города. На встречу ему вышел отец и, не сказав ни слова, плюнул ему в лицо. Сын, будучи христианином, просто молча прошел мимо. Это поразительное сходство, ведь на самом деле, главная разница между древним монахом и обращенным состоит лишь в том, что последний по велению своей веры обязан стать служителем Индии. И разве не в таком-то именно санньяси нуждается нынче Индия?

Ибо Христос Иисус делает Своих последователей служителями человечества, и тем самым завершает и увенчивает идеал индуистского монашества.

ГЛАВА VIII

РАБОТА РУК ЧЕЛОВЕКА

Что мы можем сказать об индуистском использовании изображений в поклонении? Является ли оно ценным подспорьем для монотеистической и духовной веры, как утверждают нео-индуисты, или же это грубое и унижительное идолопоклонство, как утверждают миссионеры? Или, быть может, истина лежит где-то посередине? Как и в других подобных случаях, мы постараемся прийти к справедливому выводу, рассмотрев факты с исторической точки зрения.

I. Начнем с краткого описания того, как индуисты представляли себе своих богов до появления культа идолов. Боги индуизма - это те же самые божества, которым поклонялись арийцы, вторгшиеся в Индию, и многие другие, заимствованные из различных источников позднее. Описание их мы берем в основном из древнего Рамаяны - поэмы, в которой природа этих богов и образы их поклонения представлены с наглядной живостью. Использование идолов уже начинает проникать, однако представления о богах еще остаются древними; и вся эта ранняя картина сохраняется как достоверная для индуистских богов на протяжении всей их истории. Более поздние наслоения по сути представляют собой добавления, о которых будет сказано ниже.

В Рамаяне боги изображаются как обитатели более или менее счастливого небесного семейства, живущего в небесной стране, которая находится над землей, но достаточно близко к ней чтобы видеть и слышать многое из того, что происходит тут внизу. Их представляют себе похожими на мужчин и женщин. У них есть физические тела, которым требуется пища и которые могут быть поранены. Они состоят в браке, и многие из них имеют детей. Они так похожи на смертных, что порой вступают в

половые связи с людьми. Великие царские династии Индии считаются происходящими от богов. Явно видно, что для древних индусов боги были сродни царям, только обладающим сверхъестественными способностями. Как в древней Индии было множество царей, каждый со своим дворцом, женами и свитой, так и в небесах множество богов: каждый присвоил себе гору в небесной стране и обустроил ее как свое жилище. Там он обитает с супругой или супругами и детьми, в роскоши и в великолепии. Царь имел при себе придворных, музыкантов, танцовщиц и певиц весьма легкого поведения, сотни слуг и рабов, шутов, лошадей и колесницы - и именно так и изображаются боги. Вокруг каждого великого божества - толпы второстепенных божеств и духов, небесные музыканты (гандхарвы), небесные нимфы (апсары), легко поддающиеся обольщению, которых часто посылают на землю, чтобы соблазнять аскетов, когда те заходят слишком далеко в своих подвижничествах, и удивительные существа, сочетающие человеческое и животное начало. У каждого божества есть небесная колесница, способная двигаться по земле или летать по воздуху по его желанию, и также любимое животное, будь то слон, бык, орел, лев или тигр.

Но хотя они и похожи на людей, они все таки превосходят человека. Их свобода и сила гораздо больше и шире. Они не подчиняются нравственным законам: малые разграничения между добром и злом, необходимы лишь в человеческой жизни; боги же свободны от них. *“Тот кто имеет могущество не может поступить неверно”*. Они обладают множеством сверхъестественных способностей: могут летать по воздуху, становиться невидимыми, принимать любой облик по своему желанию. Каждый из них способен оживить множество тел одновременно. Но несмотря на такую силу, они отнюдь не всеведущи и не всемогущи. Им нужно сообщать о происходящем, как и людям. Они нередко находятся в большой опасности. Крайняя аскеза со стороны человека может привести

к чему угодно, вплоть до захвата небес. Потому любой человек или демон, который много и постоянно придаетса самоистязанию, внушает богам величайший страх. Их обычно называют бессмертными; но в то же время считается, что они рождены или сотворены - древние представления о богах не были целостными и согласованными. Введение учения о переселении душ и признание единого Бога, стоящего за всеми богами, свело их, в глазах мыслящих людей, к существам, перерождающимся вновь и вновь, которые лишь достигли положения богов путем суровой аскезы или щедрых жертвоприношений. Однако народное сознание склонно видеть в них бессмертных.

Они часто посещают землю, путешествуют по небу в своих колесницах или летают. Иногда остаются невидимыми, иногда видимыми человеческому глазу. И порой их достаточно трудно отличить от обычных людей. Но если приглядеться, то можно заметить: их стопы не касаются земли до конца, их тела не отбрасывают тени, глаза не моргают, а венки из цветов на них остаются без пыли.

Поклонение богам посредством жертвоприношений под открытым небом, как мы видим его в Ригведе, на протяжении веков признавалось как нормальная форма богослужения; однако оно практически полностью вышло из употребления много столетий назад, и лишь изредка жертвоприношения совершаются по ведийскому примеру в наше время. В ту эпоху, когда складывались другие элементы индуизма, стали появляться храмы и культ изображений; и в наши дни это почти что единственная форма поклонения.

Богам нужна пища. Они питаются жертвами и подношениями, совершаемыми людьми. Отсюда их заинтересованность в человеческом поклонении и благоволение к тем, кто им поклоняется. Еда, приносимая им по древнему обряду, либо выкладывается, чтобы они могли прийти и взять ее, либо возносится к ним вместе с пламенем и дымом жертвенника.

В храмах она преподносится идолу, как мы еще позже увидим. Принося жертвы, люди просят у богов дары и получают их. Более того, учение склонно утверждать, что жертва обязывает божество даровать желаемое. Любое земное благо - удовольствие, любовь, дети, успех, богатство, власть, могущество - может быть получено посредством жертвы. А если человек способен принести достаточно великое приношение, он может даже обрести сверхъестественные силы. После смерти верный поклонник принимается своим божеством в особый рай.

II. Далее мы кратко изложим, каким образом, по мнению исследователей религии, возникло идолопоклонство.

Большинство первобытных народов вовсе не прибегали к изображениям. Их верования и религиозные практики были таковы, что они не ощущали нужды ни в каком образе. Очень трудно с полной уверенностью понять мышление древнейших людей, но все же можно попробовать уловить достаточно, чтобы отличить этот период от следующего - того, в котором уже начинают появляться изображения. В самых ранних известных нам формах религии люди поклоняются либо невидимому жизненному началу - источнику всей жизни и силы, частицы которого, как они верят, можно получить различными способами, либо же видимым предметам: определенным видам животных, растений, камней, другим объектам, а также великим природным явлениям: солнцу, луне, небу, громам, дождю, ветру, огню. В первом случае изображение невозможно по своей сути. Во втором - хотя божество обычно представляется живым существом, оно столь тесно отождествляется с тем, что служит его проявлением, и что его образ не требуется: для них бог уже присутствует и видим во время поклонения.

Однако наступает момент, когда личность богов начинает вырисовываться с большей четкостью, и они начинают считаться существами, обладающие собственной, независимой от природных

объектов жизнью. Считается, что у них есть свои дома на небе, в воздухе, на земле, в море или даже под землей. Хотя предполагается, что они время от времени являются людям, их появления считаются нерегулярными и непредсказуемыми.

(a) Отсюда, если существует место, где бог, как считается, время от времени являлся, или если он совершил что-либо значительное в каком-либо определенном месте, то оно тогда становится священным, и его обозначают камнем или столбом. Люди начинают посещать это место, возникает локальное поклонение; кровь жертвы разбрызгивается на камень или столб, или рядом с ним размещаются приношения.

(b) С течением времени личность и характер божества становятся для его почитателей еще более конкретными; ему дается личное имя, и у верующих складывается четкий образ его внешности. Его начинают представлять похожим на человека или животное. На этом этапе становится совершенно естественным нарисовать лицо или вырезать голову на верхушке священного камня или столба. Так возникает второй этап: столб с вырезанной головой.

(c) После этого постепенное превращение грубого блока в законченное изображение это лишь вопрос времени. Камень обрабатывается в форме, насколько возможно, соответствующей народному представлению о внешности божества. Однако, процесс может остановиться на полпути: вера в то, что данная форма является истинным образом божества и угодна ему, может закрепить этот образ навсегда. Но чаще всего развитие продолжается до тех пор, пока не будет создано полноценное изображение, будь оно человекоподобное или зооморфное.

(d) Даже после этого развитие не прекращается. По мере роста уровня мышления и культуры племени, бог которого изображается в

животной форме, начинает формировать более возвышенное представление о его личности и могуществе, и становится невозможным мыслить его в чисто животном облике. Тогда возникает смешанный образ - животное с человеческой головой или же наоборот человеческое тело с головой зверя.

(e) Еще позднее, когда представление о божестве достигает еще большей возвышенности, смешанный образ перестает удовлетворять верующего, и бог изображается полностью в человеческом виде, тогда как животное становится ему священным спутником. Так и появляется человекоподобный бог с животным-атрибутом.

(f) В некоторых странах возникает и следующий этап. Боги мыслятся столь великими, что простая человеческая форма кажется недостаточной для выражения их могущества. Им добавляют крылья, изображают с несколькими головами, множеством рук или глаз. Те же тенденции затрагивают и священных животных, и в результате появляются смешанные и чудовищные формы. Так возникают человеко или зооморфные образы с дополнительными конечностями.

(g) Способность к воспроизведению потомства производит на первобытный ум особенно глубокое впечатление и воспринимается как нечто божественное. Половая принадлежность кажется святой и достойной поклонения. Из этого и других корней вырастает фаллический культ, который обычно сопутствует идолопоклонству. Его эмблемой служит, как правило, столб - как, например, индуистский лингам.

(h) Иногда племя продолжает почитать только своего собственного бога, но чаще происходит объединение нескольких племен, образующих единый народ, и тогда весь объединенный

народ признает всех богов, принадлежавших отдельным племенам. Именно таким путем возникли все крупные национальные политеистические религии. Так формируется множество богов в самых различных и причудливых формах.

Великий прогресс может последовать за этими изменениями. Если религиозное развитие не останавливается, богов начинают представлять более возвышенно. Их личность становится более четкой. Каждый из них воспринимается как индивидуум с своим характером, отличающимся от других. Они представляются подобными людям в своих страстях, мыслях и стремлениях, но значительно могущественнее человека. Поскольку они считаются связанными с народом общими интересами, их начинают мыслить как покровителей, наблюдающих за благосостоянием народа, сочувствующих ему и помогающих в бедствиях и трудностях. Нравственность нации, как правило (хотя и не всегда) считается находящейся под их опекой. Если страна процветает, народ восхваляет своих богов за милость и делает их почитание более торжественным и более затратным.

Цивилизация пожинает богатые плоды этого нового этапа в религиозной жизни. Интерес народа к своим богам рождает мифологию, передаваемую из поколения в поколение и считаемую священной. Из мифологии возникает литература - эпическая, драматическая или лирическая. Когда моральные обычаи народа начинают считаться находящимися под попечением богов, они становятся священнее прежнего; и в любом случае они оформляются в свод законов. Жречество приобретает все большее влияние, и его подготовка может заложить основу национальной системы образования, как это произошло в древней Индии. Развитие культа требует прекрасных изображений и достойных храмов, где эти изображения могут пребывать. Именно этим творческим требованиям мы обязаны появлением скульптуры и архитектуры. Если

ритуал становится достаточно разветвленным, могут развиваться и другие искусства: живопись, музыка и прочие. Философия рождается из размышлений о природе богов.

История величайших цивилизаций древности - Вавилона, Египта, Ассирии, Персии, Финикии, Греции, Рима, а также Индии - укладывается в рамки этого периода человеческой жизни.

III. Теперь мы обращаемся к возникновению поклонения изображениям в Индии. Большинство богов, которым поклонялись в эпоху Ригведы, были силами природы - солнце и ветер, ясное небо и грозовая туча, огонь и дождь - силы, помогавшие или вредящие человеку, а потому почитаемые песнями и жертвоприношениями. Однако эти боги уже тогда считались за личности, обладающие разумом и волей, существующие независимо от природных объектов. Но поскольку они проявлялись людям через видимые явления природы, мысль о необходимости их изображения не возникала, а храмы были неизвестны.

Однако в конце ведической эпохи изображения начали постепенно проникать в общественную жизнь. Некоторые из древних богов (например, Индра) постепенно стали столь антропоморфными по своему характеру, что изображение их в человеческом виде уже не воспринималось как нечто противоестественное. Тем не менее, во всей Ригведе есть только пара упоминаний об изображениях богов: очевидно, практика эта едва начинала проникать в религиозную среду к моменту окончательной редакции Ригведы.

Но уже к 500 году до нашей эры изображения стали не только широко распространены, но и получили одобрение со стороны жрецов. Они прямо признаются в самых ранних дошедших до нас дхарма-сутрах; и с этого времени вся индуистская литература наполнена упоминаний о них.

Несколько индуистских божеств изображены уже в самых ранних сохранившихся буддийских скульптурах, датируемых приблизительно

300–100 годами до н. э.; и очевидно, за ними стоит длинная история развития, потому что множество традиционных типов изображений уже были устойчивыми. Среди них - Шри (т. е. Лакшми, супруга Вишну), Сурья (бог солнца), Кубера (бог богатства), наги, якши, и другие. Также присутствуют изображения храмов .

Индуистские монеты I–II веков н. э. представляют собой изображения различных богов, особенно часто - Шивы и его быка. Немного позже начинается и индуистская скульптура; и далее вся история может быть прослежена, по крайней мере в общих чертах, по сохранившимся образцам.

И хотя буддизм и джайнизм зародились как философские учения, протестующие против брахманической системы, все же уже до наступления христианской эры оба движения стали жертвой притяжения идолов. Образы Будды, его последователей, мифических Будд прошлых эпох и грядущего Будды Майтрейи, с одной стороны, а также разнообразных тиртханкаров с другой, заполнили буддийские и джайнские храмы.

Без сомнений, в первые века христианской эры индуистские изображения находились под сильным влиянием буддийских и джайнских иконографических форм. Позднее те же художественные типы начали использоваться во всех трех религиях; в результате чего изображения индуистских, буддийских и джайнских богов во многих случаях стали почти что неотличимыми.

Буддизм перенес индийские типы изображений на районы Цейлона и в Тибета, а также во все регионы Восточной Азии, поэтому вся история идолопоклонства на этих территориях по большей мере берет истоки у Индии.

IV. Если мы сравним изображения индуизма с образами других стран, то можно обнаружить, что почти к каждому типу индийских идолов

и символов можно найти параллели в памятниках культов Ассирии, Вавилонии, Сирии, Египта, Греции и Рима; и даже если некоторые из наиболее грубых и примитивных идолов невежественных масс трудно сопоставить с находками классической археологии, то почти идентичные формы до мельчайших деталей можно встретить сегодня среди народов Полинезии и Африки.

(a) В деревенских культах Индии по-прежнему весьма распространено употребление камня или столба в качестве божества. Камень может быть обмазан вермиллионом (красным пигментом из ртути), на нем может быть вырезан или нарисован простой узор, либо он может быть и вовсе лишен каких-либо украшений. Он может стоять одиноко, либо находиться в небольшом огороженном камнями квадрате, либо быть помещен в низком, скромном святилище, освещенном лишь светом, падающим из дверного проема. Время от времени можно увидеть, как в этом месте закалывают куриц или другое животное, окропляя его кровью священный предмет.

(b) Самая ранняя форма идола - это столб или колонна, на вершине которой вырезано некое подобие человеческой головы; они до сих пор часто встречается в деревенских святилищах Индии. Еще более обычные это полу оформленные образы. Их можно встретить даже в некоторых крупных индуистских храмах. Изображение Джаганнатха в Пури - грубая, незаконченная фигура; а богиня Кали зачастую представлена в виде только головы и плеч.

(c) И животные, и человеческие божества встречаются в индуистских святилищах одинаково часто. Чисто человеческий образ очень распространен, по крайней мере Вишну, Кришна, Рама и их супруги обычно изображаются именно так. Подобный тип идола встречается и в других странах, но вершины своего художественного выражения достигает в образах древней Греции, где величайшая скульптура, когда-либо

созданная человечеством, достигла наивысшего идеала человеческой формы. Среди зооморфных божеств, почитаемых в Индии, особенно заметны Хануман (обезьяна), Нага (змея с капюшоном) и священная корова. Им поклоняются в отдельности, не просто как спутникам богов. Изображения бабуинов были распространены в Египте, равно как и изображения змей, коров и быков. Индийские солдаты, находясь в Египте, не раз узнавали корову на древних памятниках и начинали ей поклоняться. Египетская богиня неба Нут, окруженная всеми богами, поразительно напоминает индуистское изображение священной коровы в окружении своих почитателей.

(d) Далее следует полу божественная форма - наполовину человек, и наполовину зверь. В Индии встречается много таких сочетаний: человеческое тело соединено с рыбой, черепахой, кабаном, львом, лошастью, слоном, козлом и змеей. Животные воплощения Вишну включают следующие: человек-рыба, человек-черепаха, человек-кабан, человек-лев, человек-конь. Ганеша имеет голову слона, Дакша - козлиную голову, а Нага - полу человеческое тело со змеиным хвостом. Противники богов, известные как асуры, также часто изображаются с головами животных. В Египте тоже существует аналогичный набор полу звериных форм: человек с чертами быка, коровы, барана, льва, шакала, собаки, кошки, лягушки, змеи, крокодила, ибиса, сокола и рыбы. В Ассирии распространены фигуры человеко-льва, человеко-птицы и человеко-рыбы, причем человеко-лев почему-то всегда изображается с крыльями. Некоторые из этих параллелей так поразительны, что заслуживают особого внимания. К примеру, изображения рыбообразного аватара Вишну почти полностью совпадают с божественными образами, найденными в Ассирии, и с тем, что известно нам о Дагоне, филистимском боге. Греческий морской бог Тритон часто тоже изображается очень похожим образом. Человеко-лев из ассирийской традиции, а также Кронос из мистерий

Митры, представляющийся как человеко-лев, весьма похожи с Нарасимхой - человеко-львом, аватаром Вишну, за тем исключением, что первые имеют крылья. Жены Калии, великого змея, побежденного Кришной, изображаются подобно nereидам. Скульптурное изображение кабано-человека - воплощение Вишну в Махавелипуре, поразительно напоминает одного из египетских богов. Нага в индуистской скульптуре изображается по-разному, и каждому из этих вариантов можно найти аналог в других культурах. Человеческая голова и туловище со змеиным хвостом сходны с образом греческих гигантов, тогда как человеческое тело, увенчанное змеиной головой и капюшоном, встречается в Египте. Дакша с козлиной головой в индуистской скульптуре зачастую почти не отличим от египетского Хнуму. Асуры, участвующие в пахтании океана, внешне очень напоминают изображения Амона-Ра с бараньей головой из Фив. Индуистские киннары - небесные музыканты, полуженщины-полуптицы, в точности соответствуют греческим сиренам, прекрасным птицам-женщинам, притягивавшим мореплавателей своим пением. Гаруда, орел, ездовая птица Вишну, по своему достоинству сопоставим с орлом Зевса, но по внешности и своей вражде к змеям он напоминает греческую гарпию. Другие схожие греческие образы: кентавры (получеловек-полуконь), сфинкс (крылатый человеко-лев), Пан - бог лесов, с человеческим торсом, но козлиными ногами и хвостом.

(е) Священные животные, приписываемые конкретным богам, чрезвычайно распространены в Индии, и параллели с другими культурами тоже достаточно многочисленны. Бык - спутник Шивы, как и представитель Осириса в Египте. Персидский Митра ездит на великом быке и закалывает его. Мышь сопровождает Аполлона в Греции и Ганешу в Индии. Псы Ямы, бога смерти, находят свое отражение в образе Амт, огромной собаки, сторожащей вход в подземный мир Египта, и в Цербере - псе подземного мира у греков. Обезьяна сопутствует Раме в Индии и Тоту,

богу письменности, в Египте. В великом золотом и слоновом изображении Афины змея появляется у ее левого бедра между ногой и щитом; абсолютно так же змея присутствует в митраистских изображениях Митры, убивающего быка. Шива также часто изображается со змеей, как и многие другие индуистские божества. Лев сопровождает Дургу в Индии, как он сопровождал Кибелу в Малой Азии. На одном из древних барельефов в Олимпии Артемида держит льва в каждой руке. Себ в Египте и Сарасвати в Индии сопровождаются гусем. Баран считается священным для Агни в Индии и для Амона в Египте. Бог солнца в обеих культурах едет в колеснице, запряженной лошадьми, а в Индии луна едет в повозке, запряженной в антилопу. Слон священен для Индры, а павлин для Картикеи. Удивительное индуистское представление о Вишну, возлежащем на Шеше, змее с тысячью голов, символизирующей вечность, находит яркое отражение в митраистском образе Кроноса, бесконечного времени, в виде крылатой фигуры, опоясанной кольцами великого змея. Лакшми, супруга Вишну, часто изображается сидящей на лотосе между двумя слонами, которые поливают ее водой. В Египте дополнительные священные животные, каждый из которых посвящен определенному божеству: кошка, собака, шакал, волк, лисица, сова, ястреб, орел, крокодил, бегемот.

И в Индии, и в других странах божество нередко изображается сидя верхом на своем священном животном. Так, Индра восседает на слоне, Картикея на павлине, Парвати на тигре, Дурга на льве, Агни на баране, Сарасвати на гусе, а Яма на буйволе. Посейдон, греческий бог моря, едет на дельфине точно так же, как и Варуна, индуистский бог вод. Тривени - мифическое олицетворение трех рек: Ганга, Джамны и Сарасвати, тоже иногда изображается верхом на дельфине. Персидский Митра скачет на быке, как Шива на своем Нанди. Бывает, что в Индии и в Египте божество стоит на животном: как молодой Кришна стоит на змее, так же и младенец

Хорус стоит на двух крокодилах. Как Дурга стоит на льве, так и Кет, египетская владычица неба, и Иштар, вавилонская Венера, также изображаются сидя на львах.

(f) Остатки классической древности не дают нам возможности провести большое параллелей к многочисленным индуистским изображениям, в которых человеческая фигура наделена множеством дополнительных конечностей. Шива, его супруга Кали, и его сыновья Ганеша и Картикея изображаются с третьим глазом, расположенным вертикально по центру лба. У Агни два лица, три ноги и семь рук. Тримурти - образ, объединяющий Брахму, Вишну и Шиву в одно существо - представляет собой фигуру с тремя головами. Брахма, Творец, часто изображается с четырьмя головами, а одна из форм Шивы с пятью лицами. Его супруга, в различных обличьях - Кали, Дурга, Ума и прочих - наделена четырьмя, восемью, десятью, а порой даже восемнадцатью руками; сам Шива часто имеет четыре руки. О Яме говорится, что у него тридцать две руки. У Вишну, как правило, тоже четыре руки. Все эти чудовищные наслоения на человеческое тело однажды были восприняты тантрическим буддизмом и поэтому до сих пор встречаются в Тибете. Ближайшие классические аналоги - это эфесская Диана с многочисленными грудями, римский Янус с двумя лицами, греческая Геката, представленная в виде троичной фигуры, состоящей из трех женщин, обращенных спинами друг к другу, и схожие четырехликие ее формы в Египте.

Зооморфные образы с множеством конечностей очень распространены в индуизме. Хорошо известен пятиглавый змей Нага и Шеша - змея с тысячей голов, символизирующая вечность. Лошадь, влекущая колесницу Сурьи, солнца, имеет семь голов. У слона Индры, Айраваты, три хобота, тогда как в буддизме и на фресках в Аджанте изображен слон с шестью бивнями, Чхадданта. Некоторые из этих образов находят классические параллели. Например Кербер, адская собака, имеет

три головы. Крылатые львы обычны как в вавилонской, так и в индийской скульптуре.

Существуют также мифические образы, составленные из частей разных животных. В Индии наиболее известны макара и виратарупа: первый состоит из элементов слона и дельфина, второго столь же трудно описать, как и химера Греции или фантастические существа, которыми древние египтяне населили пустыню. Крылатые змеи были вполне обычны для Египта. Различные формы сфинкса, будь то львиное тело с головой барана, орла или иного зверя, обрабатывались египетскими скульпторами с высочайшим, тончайшим мастерством.

(g) Великий бог Шива достаточно редко изображается в виде статуи. Его культ сосредоточен вокруг *лингама* - фаллического символа Индии. Наличие фаллического культа в индуизме ставит его в один ряд с многобожием древнего мира, равно как и с Японией. В Индии этот символ считается менее откровенным и вызывающим, чем в других странах. В ранние времена лингам не ассоциировался с Шивой. Его изображали в образах, что подтверждается кусанскими монетами, прежде чем он стал представляться через лингам. В ведической литературе и в Рамаяне лингам вовсе не упоминается. Лишь в поздних разделах Махабхараты встречаются первые отсылки к этой практике. Вот один из примечательных фрагментов:

“Разве Иша (то есть Шива) является Причиной причин по какой-либо иной причине? Мы не слышали, чтобы лингам какого-либо другого существа был поклоняем богами. Объяви же, если ты что-то об этом слышал, какому еще существу, кроме Махешвары (то есть великого бога Шивы), ныне или прежде воздавали божества поклонение через лингам? Тот, чей лингам непрестанно почитают Брахма, Вишну и ты (Индра), тот, значит, и есть превыше всех. Поскольку у

младенцев нет ни знака лотоса (символа Брахмы), ни чакры (диска Вишну), ни молнии (оружия Индры), но есть знаки мужского и женского начала, и отсюда и следует: потомство исходит от Махешвары.”

(h) Огромное множество богов, на вид человеческих, полу-зооморфных и зооморфных, и почитаемых в Индии, находит параллели в пантеонах почти всех великих древнейших цивилизаций; но по численности, разнообразию и причудливости форм ближе всего к индуистскому пантеону можно поставить египетский пантеон.

Тут также важно обратить внимание на символику, которой обычно сопровождалась изображения богов. Почти все божества представлены с каким-либо головным убором или короной. В Индии и Египте эти головные уборы зачастую отличаются необычайной высотой и сложностью устройства. В Египте они украшены символами, в то время как в Индии придается большее значение изяществу формы. Тем не менее, и в Индии встречаются многочисленные символы на головах божеств. На голове Шивы и Ганеши, как правило, изображена змея, и она нередко встречается и у других индуистских богов; точно так же в Египте сакральная змея, уреус, повсеместно украшает головы божеств. Серп луны носила на челе Астарта, сирийская богиня любви, а также египетские боги Тот и Хонсу, как и индуистские Шива и Ганеша. На голове Шивы обычно изображается символ, указывающий на то, что река Ганг берет начало от него: это может быть либо голова богини Ганги, либо сама священная река. Супруга Шивы зачастую носит его символ “лингам” как украшение на голове.

Еще больше распространено изображение символа в руке божества. Индра, величайший бог эпохи Ригведы, держит в руке молнию, как и Рамман, ассирийский бог бурь и грома, Вел-Меродах в Вавилоне, и Зевс верховный бог Олимпа. Шива держит трезубец, совершенно аналогичный

трезубцу Посейдона, греческого бога морей. Египетские боги так же часто изображаются с лотосом в руке, как и индуистские. Дурга нередко держит змею, и египетский Осирис изображается аналогично. Боги письма и ума в Египте часто изображаются с книгой, как и Брахма и Сарасвати в Индии. Осирис в Египте и Шива в Индии изображаются держащими антилопу за задние ноги; у многих божеств встречается оружие.

Символы располагаются также рядом с изображением божества. Шамаш, вавилонский бог солнца, изображается с большим колесом, точно так же как Вишну с чакрой. Рядом с богом Нила часто изображаются рыбы и лотосы. В Египте, как и в Индии, обычны флаги и знамена.

Поза божества во многих случаях также имеет аналогии. Голова богини Кали с длинным высунутым языком полностью соответствует облику египетского бога Беса и Медузы, изображенной в ранней греческой скульптуре. Все эти образы восходят к горгоне - устрашающему лику ради отвращения злых духов. Тучное, приземистое тело Ганеши имеет множество аналогов в других культурах, например, в Египте, в одном из образов Осириса и в фигуре Беса, а также в восточноазиатском боге удачи в Китае и Японии. Когда египетский Тот изображается с головой обезьяны, сходство с образом Ганеши оказывается поразительным. Геракл в детстве, как и юный Кришна, изображается убивающим змею. Индуистская триада (Брахма, Вишну и Шива) породила аналогичные триады в махаянском буддизме Индии, Китая и Японии, и находит множество параллелей в Египте, где почти каждый *ном*, то есть регион, имел свою триаду, а также в Вавилоне, где можно выделить по меньшей мере две триады: первую - Ану, Бел и Эа; вторую - Син, Шамаш и Рамман.

Наконец, в Египте бог солнца рождается из лотоса точно так же, как Брахма появляется в великой сцене, где он восстает из лотоса, исходящего из пупка Вишну. Таким образом, индуистские изображения, начиная от грубых каменных блоков и столбов до самых утонченных форм и

сложнейших композиций - во всех отношениях параллельны идолам других стран, как древнего, так и современного мира.

V. Теперь мы обратимся к вопросу храма и культа. Мы уже отмечали ранее, что в самых древних текстах великие боги описываются как индуистские цари. Они обитают в своих дворцах на небесах, точно так же, как земные правители - с семьями, придворными и слугами, в блестящем великолепии и великой роскоши. Их тела вполне материальны и требуют пищи; поэтому они спускаются с небес чтобы насладиться жертвоприношениями, приносимыми людьми.

Однако храм и образ божества отчасти изменяют этот порядок вещей. Храм каждого божества - это как земное отражение его небесного дворца. Изысканно украшенная башня храма символизирует возвышенную архитектуру небес. Здесь обитает бог со своей супругой и семьей. Его помощники и духи также находятся при нем, высеченные в бронзе или камне. Какое бы животное ни служило ему в качестве езды (*ваханы*) , будь то бык, слон, лев или павлин, оно непременно присутствует при храме, готовое к его распоряжению. Храмовые музыканты заменяют гандхарвов, играющих перед ним на небесах. Нимфы легких нравов, называемые *апсарами*, танцующие и поющие перед ним в небесных чертогах, воплощаются в храме в виде *девадаси* - женщин, которые исполняют песни и танцы в ритуале и ведут себя очень благосклонно к поклоняющимся. Священники храма - это слуги божества. Подобно тому, как в небесах бог выезжает в своей колеснице, так и в храме существует колесница, предназначенная для образа божества, когда он едет по городу, чтобы народ его увидел, или же наносит ежегодный визит в свое летнее жилище.

Культ представляет собой личное служение богу со стороны его слуг - жрецов. Они пробуждают его утром, умывают, воскуряют перед ним благовония, осыпают цветами, зажигают фимиам и приносят пищу и

напитки. В течение дня ему подаются и другие трапезы в установленные часы. Когда совершается жертвоприношение, звучит колокольчик - это сделано чтобы привлечь внимание божества. Ночью его укладывают в постель, и святилище запирается.

Ниже приведены шестнадцать ритуальных действий утреннего богослужения, как они предписаны в “Нарада Панчаратра”, вайшнавском руководстве :

1. Падья - священник приносит воду и оmyвает стопы;
2. Ачамания - подает воду для полоскания рта;
3. Аргхья - наливает воду, смешанную с несколькими ингредиентами;
4. Мадхупарка - дает немного смеси меда;
5. Пунар ачамания - вновь предлагает воду для полоскания рта;
6. Снания - оmyвает божество;
7. Ваистра - облачает в нижнюю одежду;
8. Уттария - надевает верхнее покрывало;
9. Яджнопавита - возлагает священную нить;
10. Бхушана - украшает всеми необходимыми украшениями;
11. Джала - подает питьевую воду;
12. Гандха - наносит благовония;
13. Пушпа - возлагает цветы;
14. Дхупа - воскуряет ароматические палочки;
15. Дипа - вращает перед образом пылающий светильник;
16. Найведья - предлагает утреннюю трапезу.

Читатели могут сопоставить это с описанием поклонения Кришне, приведенным профессором Мониер-Уильямсом. В случае, если речь идет о богине, девятый пункт пропускается, так как ни одна женщина не носит священной нити. В Маханирвана-тантре описывается поклонение Калии. Порядок действий и приношения могут немного отличаться, однако в

целом принципы остаются теми же, и вновь обозначены шестнадцать операций. Нам также рассказывают о том, как представители *мадхвов* (одного из поднаправлений вайшнавизма) совершают богослужение в домашних условиях:

"Каменные салиграмы, металлические или деревянные изображения устанавливаются на трон, и им воздается почитание, как если бы это был трон императора. Ритуал включает в себя продолжительную и тщательно разработанную программу: камень и изображения омываются с благоговением, вытираются сухой тканью, украшаются цветами и с преданностью воспеваются. В процессе поклонения широко используются колокольчики, цветы, сандал, фимиам и светильники."

В храмах Шивы богослужение практически не отличается, ведь лингам рассматривается как полное воплощение божества и почитается так же, как другое и антропоморфное изображение. Это ярко проявляется в описании, составленном доктором Раджендралалой Митрой, о поклонении лингаму в великом храме Бхубанешвар. Представители Валлабхачарьи совершают поклонение младенцу Кришне восемь раз в день.

Богослужению сопутствует литургия на санскрите, и в больших храмах, особенно в Южной Индии, исполняются гимны как на санскрите, так и на местных языках. Тамильские гимны *Адияров* исполняются с глубокой страстью в шиваитских храмах, тогда как в вайшнавских святилищах столь же сильные эмоции вызывает пение гимнов *Алваров*. Во время богослужения в установленные моменты звонят колокола и бьют в барабаны. В особо торжественных случаях *девдаси* и храмовый оркестр принимают участие в литургии с живой музыкой, танцами и песнопениями.

В большинстве крупных храмов приношения носят вегетарианский характер; однако в храмах Кали, а также во многих сельских святилищах, практика жертвоприношений животных сохраняется по сей день. Однако это уже не древнее ведическое жертвоприношение животных, оно почти исчезло под влиянием доктрины ахимсы. Но там, где животных все еще закалывают, видно, что этот обычай относится глубоко к племенным формам поклонения.

Весь ритуал осуществляется священниками, и именно они произносят литургию. Однако, верующий ни в коем случае не остается в стороне. Хотя он может лишь наблюдать за церемонией и подхватывать гимны, он - гость божества, и он удостоивается всех храмовых почестей. Ему предоставляется высочайшая из всех привилегий, а именно - узреть самого бога и вознести свою молитву прямо в его ухо. Он разделяет трапезу с богом, получая воду (*тиртха*) и пищу (*прасада*) с его стола. Ему показывают все чудеса храма, он взирает на скульптурные изображения великих деяний божества и слышит рассказы о дивных чудесах, совершаемых им ради своих преданных. Если он посещает *девадаси*, он делает лишь то, чего ожидает достичь в небесном обителище своего милосердного бога; именно это является смыслом непристойных скульптурных сцен на воротах и храмовой колеснице, как и развратных росписей на потолках.

Насколько глубоко и живо индийцы ощущают реальность культа можно судить по тому, что поклонение у джайнов и буддистов по сути ничем не отличается. Хотя считается, что Тиртханкары и Будды достигли нирваны и, следовательно, не могут ни принимать похвалы, ни вкушать пищу, основные действия индуистского культа совершаются и в их отношении. Миссис Синклер Стивенсон подробно описала джайнский обряд. В священном действе секты шветамбаров образ божества обмывается и облачается. Цветной пастой наносятся священные знаки.

Затем приносятся цветы, зажигаются благовония, перед образом вращается огонь, и после этого подаются рис, сладости и фрукты. Любой наблюдатель, посмотрев на то, как мирянин-буддист совершает поклонение в Бирме или на Цейлоне, без труда узнает в этом ритуале множество древних индуистских обрядов, совершаемых перед образом самого Гаутамы.

Поклонение идолам в других странах также носило сходный характер, а обряды были поразительно схожи. Пусть любой желающий откроет страницы 71–73 небольшого труда Флиндерса Питри "Религия Древнего Египта" и сравнит их с описанием индуистского культа - он с изумлением обнаружит почти полное совпадение. В Вавилонии, в Греции, в Сирии - повсюду наблюдаются те же черты: жрецы прислуживают идолам, как слуги живым владыкам, удовлетворяя все их телесные потребности, предлагая им фимиам, цветы и пищу. И нередко весь этот культ оказывается глубоко пронизан фаллическими символами и распутством.

В некоторых храмах Шивы, особенно в Северной Индии, существует иная форма поклонения. Неподалеку от великого храма Кали в Калигхате, Калькутта, расположен малый храм Шивы. Он квадратной формы, и верхняя часть его стен со всех сторон открыта, так что посторонний может наблюдать культ. В центре храма - круглый бассейн, а посреди него - каменный лингам. Поклоняющийся, стоя на краю бассейна, склоняется, дотягивается до лингама, кладет на него несколько листьев дерева бель и выливает немного воды из Ганга, при этом шепча молитву. В некоторых храмах устроен непрерывный поток воды, капля за каплей льющейся сверху на лингам - это символизирует его вечное разгорячение.

VI. Теперь мы можем ясно представить, как индуисты мыслят и чувствуют в отношении изображений богов.

Один важный и всеобъемлющий факт должен быть усвоен с полной ясностью: для индуса каждый идол - это живое личностное божество. Образ, пусть и сотворенный руками человека, все же есть обитель самого бога, который живет в нем, как душа в человеческом теле. Он пребывает в храме среди своего народа, принимает из рук своих преданных пищу, которой питается, приветствует их в своем присутствии и делает их своими гостями. Он слышит их молитвы и отвечает на них, вкушает и спит, движется и действует.

Вся система храмового поклонения строится на этой вере. Каков смысл медовой смеси, благовоний, вращаемого света и приношений, если образ - это не живое божество? Деревенский житель идет в храм "увидеть лицо Кали». Он верит, что смотрит в ее собственные, исполненные божественной силы, глаза. Он молится с горячей искренностью и слышит, как богиня отвечает ему своими устами. И это касается не только простолюдина. Во всех житиях святых мы снова и снова встречаем ту же веру.

В официальной биографии Рамануджи, написанной на тамильском языке в XIII веке Пинбалагией-Перумал-Джьяйяром, говорится о споре, возникшем во времена Рамануджи относительно того, чье изображение помещено в великом храме Тирупати - Вишну или Шивы. Рамануджа предложил следующее: перед образом положить священные знаки обоих божеств - трезубец и барабан Шивы, чакру и раковину Вишну, и удалить из святилища всех людей, запереть двери, и позволить самому богу разрешить спор. Далее в повествовании сказано:

“Предложение было с радостью принято всеми. Знаки были подготовлены и размещены перед образом. На следующий день обе стороны явились в полном составе, исполненные ожидания, что их убеждение будет подтверждено. Но когда двери были распахнуты при свете

дня, на глазах у всей толпы оказалось, что Господь принял на себя атрибуты Вишну, тогда как шиваитские знаки остались нетронутыми на полу. Радости Рамануджи не было предела - он воспевал и плясал, слезы счастья текли из его глаз при виде этого чудесного явления и Блаженного Видения”.

Вот другой эпизод из жизни Рамануджи. Закончив свой знаменитый комментарий на Веданта-сутры, он отправился в длинное паломничество, посетив множество священных мест и, наконец, достиг храма Сарасвати в Кашмире. Богиня попросила Рамануджу истолковать один отрывок из Чхандогья-упанишады, смысл которого давно стал предметом бесконечных споров среди пандитов. Рамануджа выразил свое толкование в стихотворной шлоке, и рассказ продолжается:

“Услышав это Сарасвати сказала: “Рамануджа, Шанкара прежде неверно истолковал это место как “зад обезьяны”, и я была глубоко опечалена его извращенным разумом и испорченным сердцем. Теперь ты осушил мои слезы”. С этими словами она возложила комментарий Рамануджи (Шри-бхашья) себе на голову, прижала его к груди, нарекла Бхашьякарой (то есть Автором Комментария) и вручила ему для поклонения образ Хаягривы (то есть “Гривы-коня”, одного из воплощений Вишну)”.

Позже, изгнанный преследованиями, Рамануджа нашел приют в Майсуре. Там он обнаружил изображение Вишну и построил для него храм. Однако у него не было процессуального образа. Во сне ему было открыто, что нужная ему статуя по имени Рамаприя находится у мусульманского правителя в Дели. Святой отправился в столицу, и там второе видение открыло ему, что эта статуэтка находится в покоях дочери султана. Далее мы приводим остальную часть рассказа из источника:

“Царь провел санньясина Рамануджу в гарем - туда, куда ни один мужчина прежде не осмеливался войти, и, о чудо, Рамаприя и в самом деле оказался там, и баловался дочерью султана, которой являлся супругом. Рамануджа, войдя, окликнул его по имени, и, о чудо, образ соскочил с ложа, на которое его возложила султана, и подошел к Раманудже, явив всю славу и благодать воплощенного божества.”

В жизнеописании Тиру-Мангаи, одного из вайшнавских поэтов-святых, известных как Алвары, рассказывается, как однажды он отправился вместе с двумя спутниками, Паракаларом и Ятирасаном, чтобы украсть золотой образ Будды из заброшенного буддийского святилища. Единственным способом совершить это святое воровство было забраться на башню и опустить одного из них внутрь через отверстие. Приводим остальную часть рассказа:

“Паракалар спустил своего шурина Ятирасана в отверстие. Когда Ятирасан коснулся идола, тот вырвался и побежал, и он гнался за ним по кругу по помещению. Паракалар подсказал: пусть он плюнет на идола. Тот так и сделал - и мантическая сила, дававшая статуе движение, исчезла от осквернения. Тогда он схватил статую, подтолкнул ее к отверстию, и Паракалар вытащил ее наружу”.

Мира Бай была супругой одного из раджпутских правителей Удайпура, однако ее изгнали из и дворца за преданность Кришне и отказ поклоняться Деви, супруге Шивы. Некоторое время она была странником. Затем в Двараку были отправлены брахманы, чтобы привести ее обратно. Перед отъездом она пришла в храм Кришны чтобы проститься с Ним. Согласно преданию, когда она завершила свое поклонение, изображение

распахнулось, и принцесса шагнула в открывшийся проем, и больше ее никто никогда не видел.

Вот история связанная с образом Деви (другие ее имена - Ума или Кали), супругой Шивы:

“Однажды святой вайшнав Харьянанд нуждался в дровах, чтобы приготовить себе пищу. Он поручил одному из своих учеников пойти в близлежащий храм Деви и принести оттуда любую часть деревянной конструкции, которую можно будет легко извлечь. Ученик выполнил поручение, чем чрезвычайно встревожил богиню, которая, однако, оказалась совершенно бессильной, потому что не могла оспорить власть смертного, обладающего святостью Харьянанда. Сосед, заметивший происходящее, вскоре сам оказался в подобной нужде. По настоянию жены он тоже отправился в храм и попытался извлечь одну из балок, однако богиня, возмущенная его наглостью, низвергла его на землю и сломала ему шею. Вдова, узнав о гибели мужа, поспешила в храм и обрушила на мстительную богиню поток брани. Деви воспользовалась этим, чтобы заключить сделку ради собственного святилища: она вернула мужчине жизнь при условии, что он до конца своих дней будет покупать дрова для Харьянанда.”

Подобного рода эпизоды встречаются в самых авторитетных литературных источниках. Истина прорывается сквозь эти предания, но к ним можно добавить и несколько предельно ясных утверждений из признанных авторитетов.

Вот как формулирует это положение один из современных вайшнавов, последователь Рамануджи:

“Почитаемое Явление есть та форма Господа, в которой Он по Своей благости является и открывается для всех без всякого ограничения по времени, месту или личности - как в храмах, так и в домах. Он снисходителен к недостаткам и зависит во всем, во всяком действии и начинании, от поклоняющегося”.

Ниже приводится предложение из статьи мистера В. Шриниваса Рао:

“Что бы ни говорили защитники... например, что идолопоклонство - это всего лишь концентрация на зримом образе при поклонении Единому Истинному Духовному Богу... - непреложным и неоспоримым остается следующий факт: идолопоклонник действительно верит, что некоторые из идолов суть подлинные воплощения Бога, называемые арча-аватарами (воплощениями ради поклонения), а вовсе не просто символы; и что богов много, и они вполне самостоятельны: один - в Тирупати, другой - в Чидамбараме, и так далее; что один должен быть почитаем в определенный день с особыми листьями; что свадьба и обряд супружеского единения одного Бога должны праздноваться в одну дату, а у другого - в другую”.

Вот отрывок из современного оправдания учения мадхваитской подгруппы вайшнавов:

“Во время ежедневного поклонения мы совершаем почитание Бога, пребывающего в металлическом образе, предварительно призвав Его в это изображение. Призвание - наиболее важная часть обряда, ибо оно удостоверяет особое присутствие Бога в идоле”.

“Каждая честь и всякое почитание, какое только способен вообразить ум человека ради прославления Царя царей, как если бы Тот предстал во плоти, с неустанным усердием и смирением воздается ежедневно, в полном забвении того, что перед ними всего лишь изображение”

Вот также фрагмент из биографии Рамакришны Парамахамсы, написанной Максом Мюллером. Он описывает период, когда тот служил жрецом храма Кали в Дакшинешваре близ Калькутты:

“Он стал воспринимать образ богини Кали как свою мать и как Мать Вселенной. Он верил, что она живая, дышащая и вкушающая пищу из его рук. По завершении всех предписанных обрядов он часами сидел перед ней, воспевая гимны, беседуя и молясь, словно дитя своей матери, пока не терял всякое ощущение внешнего мира”.

Один из его учеников засвидетельствовал, что он говорил:

“Мы должны верить в Божественное Присутствие, наполняющее Образы Божества”.

Мистер Кэвел пишет об обряде *пранапратиштхи*, через который проходит изображение, и добавляет:

“С этого момента оно считается существом, наделенным жизнью и чувствами”.

Именно потому, что бог пребывает в храме, он считается священным и должен быть оберегаем от всякого осквернения. Именно по этой причине все индуистские секты верят, что святилища и идолы, а также цветы, пепел, вода и пища, принесенные в дар божествам, передают духовную силу.

Индуистская вера утверждает, что боги живут на небесах, но нередко посещают землю. Поэтому они многим являлись, и облик каждого из них точно известен. Следовательно, для индийского художника не

представляет труда создать изображение, достоверно передающее лик Вишну и Лакшми, Шивы или Брахмы, или любого другого бога, который требуется.

Лингам - это не образ Шивы в привычном смысле, но считается, что сам он однажды принял форму лингама из света на небесах, чтобы явить свое величие, и что первые лингамы на земле были сотворены им самим. Следовательно, вырезать лингам из камня - дело вполне возможное, ибо оно совершается по его воле.

Следующим шагом является превращение простого изваяния или каменной фигуры в священное изображение или символ путем привлечения божества, чтобы оно вселилось в него. Жрец совершает над ним особый обряд, произнося *мантры* - священные формулы, наделенные магической силой; тем самым он вводит божество в образ. Этот обряд называется *авахана*, “призыв” (т. е. божества в изображение) или, чаще, *пранапратиштха* - “утверждение жизни”, “установление дыхания” (т. е. одушевление изображения). Вот как описывается обряд введения Кали в изображение в *Маханирвана-тантре*:

“Поприветствовав таким образом богиню, следует ввести в нее дыхание жизни. Сначала необходимо произнести "Ам", "Хрим", "Клим", "Шрим" и "Сваха", после чего воскликнуть: "Жизнь всем богам! Жизнь этому богу!" Затем произносятся пять мантр. После этого следует возглас: "Да будет Джива (индивидуальная душа) в этом божестве, и да будут у него все органы чувств!" Снова прочитываются пять мантр, и произносится: "Речь, разум, глаза, нос, уши, да пребудут с ней". Затем дважды читается мантра: "Да пребудут здесь Праны (жизненные дыхания) и да живут здесь в радости вечно. Сваха." После этого, трижды написав на янтре соответствующие знаки с помощью мудры Лилихан и

мантры вдохновения дыхания, следует, сложив руки, воскликнуть: "Приветствуем тебя, о Перво-Кали! Благо твое явление здесь, о великая богиня". Затем, произнеся основную мантру очищения изображения богини, ее следует трижды окропить особой водой архи. После этого, освятив все члены богини шестью видами ньясы, следует поклониться ей с шестнадцатью ритуальными дарами"

Примечание переводчика к первому предложению приведенного выше описания гласит:

"Слово, использованное в тексте - прана-пратиштха. Мы передали его дословное значение, при этом выражение имеет также и богословское значение. Обычай у индуистов таков: сначала они изготавливают изображение почитаемого божества - из глины или камня. Это изображение не считается священным до тех пор, пока не будет совершен соответствующий обряд. Это служит доказательством того, что они поклоняются не самому образу, а духу, пребывающему в нем".

А вот его примечание к слову ньяса в последнем предложении:

"Закрепление частей тела (т. е. богини) за соответствующими частями изображения".

Вайшнавцы утверждают, что Вишну существует в пяти формах: как Абсолют на небесах, в Своих эманациях, в воплощениях, в святых и в изображениях. Поуп утверждает, что каждое изображение посредством особого служения, называемого *аваганам* (санскр. аваханам - "призыв, введение"), становится постоянным обиталищем вселяемого божества и само делается божественным. В Агни-пуране содержится описание обряда, совершаемого для открытия глазам изображения и наделения его способностью видеть.

Похоже, что буддисты и джайны приняли употребление изображений по тем же причинам, по каким к ним прибегают римско-католические христиане, а именно для возбуждения чувств и сосредоточения в размышлении. Но насколько опасна игра с таким огнем, становится совершенно ясно, если взглянуть на историю этого обычая как в джайнизме, так и в буддизме. Несмотря на то, что Тиртханкары и Будды достигли нирваны и, следовательно, не могут принимать ни похвалы, ни молитвы, ни приношений, в обоих этих религиях им продолжают приносить пищу, цветы и воскурения, и произносят множество молитв. И это еще не все. На Цейлоне последний акт в создании изображения - это прорисовка глаз, своего рода магический ритуал, явно заимствованный у индуистского обряда “открытия глаз”. В Бирме изображение освящается в ходе церемонии, называемой “дарование жизни”, что совершенно совпадает с индуистским обрядом *прана-пратиштха*. Вот что рассказывается о буддийских изображениях в Китае:

“Изображения богов обычно изготавливаются из дерева или глины, их покрывают позолотой или краской; особенно дорогие - из бронзы или мрамора. Когда мастера завершают работу, изображение оживляется особым ритуалом и возводится в ранг настоящего божества. Обычно в задней части изображения делается небольшое отверстие, через которое внутрь помещается некое животное - змея, кошка, лягушка или сколопендра, после чего отверстие закрывается. Душа этого существа придает мертвому образу импульс жизни. Затем прорисовывается зрачок глаза, и таким образом божество окончательно обретает власть над изображением. Этот акт называется кай-гуань, или “открытие глазного света””.

Любой, кто прочтет *Путешествия* Сюаньцзана, легко убедится, что величайший буддийский учитель, которого когда-либо породил Китай, твердо верил, что изображения Будд и Бодхисаттв живы, и что они могут ходить, говорить и действовать.

В Индии существуют бесчисленные изображения каждого из великих богов, и каждое почитается как живое божество. Но в этом нет ни малейшего затруднения для индуистского сознания, ибо одно из многих сверхъестественных качеств, которыми наделены боги, - это способность одновременно пребывать в множестве тел. Шанкарачарья и Рамануджа вполне четко утверждают это в своих комментариях.

Более того, крайне важно понять, что ценность идов для индуса заключается не в их связи с небесным первообразом, а в их местной индивидуальности и силе. Живые верования народа, делающие религию для него действенной реальностью, а также весь храмовый культ основаны на убеждении, что каждое изображение - это самостоятельная, неповторимая, божественная личность. У каждого изображения есть собственное имя, связанное с каким-то эпизодом в его истории или с особым благословением, которое оно, как считается, дарует. У каждого изображения обычно имеется свой местный облик. У каждого есть своя биография, запечатленная в легенде храма *стхала-пуране*. Именно на образ изливает святой свою любовь. Именно, взирая в глаза своего возлюбленного местного Господа, он воспламеняется восторгом и прорывается в песнь *бхакти*. Вот почему деревенский житель верит в силу каждого отдельного идола. Индуистка идет к одному божеству, чтобы вымолить сына; к другому - чтобы молить об исцелении мужа от тяжелой болезни; к третьему - чтобы просить об избавлении деревни от холеры.

Вот поразительный отрывок из жизнеописания Рамануджи. Когда он был еще молод и жил в Канчи (то есть в Конжевераме), служа в храме Вишну, он принял обет отречения (*санньясы*) и занялся философским

учением. Но его помощь была крайне необходима в главном храме Вишну в Тричинополи. Вишну в Конжевераме известен как Господь Варада - Дарующий Милости, тогда как Вишну в Тричинополи зовется Господом Ранга - Владыкой Мировой Сцены, а его храм это *Шрирангам*. Рассказ продолжается:

“Пока все это продолжалось, до Шрирангама дошли вести о том, что Рамануджа принял санньясу и другие события, следовавшие за этим. Махапурна и другие ученики Ямуначарьи приняли эту весть с радостью и стали горячо желать, чтобы Рамануджа прибыл в Шрирангам и сделал его своим постоянным обиталищем. Но они ничего не могли поделать ведь однажды Рамануджа уже покинул то место, исполненный скорби и отчаяния, так и не явившись к Господу Ранге, разочарованный внезапной смертью Ямуны. Тогда они в полном составе пришли к Господу Ранге и стали умолять его повлиять на его Образ в Канчи, Господа Вараду, чтобы тот отдал им Рамануджу. Послание от Господа Ранги было отправлено к Господу Вараде. Ответ гласил: “Если бы кто-либо мог отрешиться от своей любви, тогда и я смог бы расстаться с моим Рамануджей”. Услышав это, Махапурна и остальные были сильно огорчены, но после совещания, они решили направить к Господу Вараде старца, чтобы тот лично воззвал к нему в гимнах, умоляя даровать им Рамануджу, ведь само имя Господа - Варада, означает “дарующий”. Так они обратились к Тируварангапперумал Арайяру, достопочтенному старцу их обители, с просьбой

отправиться в Канчи от их имени и таким образом прославить Господа Вараду, чтобы тот снизошел до дара. Арайяр немедленно отправился из Шрирангама в этот святой поход, предварительно испросив на то благословение Господа Ранги. Когда он приблизился к Канчи, его родственник по имени Варантарана Перумал Арайяр встретил его, провел в Священный Город и разместил в своем доме, как подобает знатному гостю. На следующее утро, по всем правилам, Арайяр направился в храм. Господь Варада в тот день восседал в своем благородном павильоне, именуемом Кудама, окруженный Священным Собранием. Канчи-пурна стоял перед Господом, благоговейно исполняя свою обязанность - обмахивать Его. Рядом стоял Рамануджа и с преданностью произносил гимн "Девараджа-Аштака", сочиненный Пурной. Увидев Арайяра, Рамануджа подошел к нему и тепло приветствовал: Могу ли я удостоиться поклониться Господу Вараде? - спросил Арайяр. Пурна привел его к Священному Образу, перед которым восседал весь Священный Совет, и Арайяр пал ниц, повторяя стих Ямуны:

"Когда же, О Ступающий по Трех Мировым Сферам, Твои Лотосные Стопы, усеянные знаками, такими как диск, украсит мою голову?". Встав с земли, он был удостоен тиртхи, прасада и сатари. Затем Арайяр воспел избранные гимны из Лирического Псалтыря Альваров, положенные на небесную музыку, и, воспевая, пустился в пляс, погруженный в священный восторг.

“Когда верные Господу поют и пляшут от радости, Сам Бог отбивает им такт” гласит изречение. И Господь Варада был тронут преданностью Певца Арайяра, и даровал ему все почести, положенные в Его Святыне. - Зачем мне все это? - сказал Певец. - Моя просьба не в этом. Прошу Тебя, даруй мне благословение, ибо Ты, о Боже, славишься как Дарующий. И, сказав это, он с еще большим пылом продолжал свое пение и танец. Господь Варада, удовлетворенный, сказал: - Проси, возлюбленный мой, чего угодно, кроме Меня и Моих Супруг. - Подари мне его, - без промедления указал Певец на стоящего рядом Рамануджу. - Ах, пропал я, - воскликнул Господь, - лучше бы мне заранее предусмотреть и исключить Рамануджу из дозволенного! Однако, сын мой, кроме Рамануджи проси что угодно. - Но, - возразил Певец, - неужели и Ты, как смертные, отступаешь от слова? Разве не Твои же это слова: “У Рамы нет двух языков”? Услышав это, Господу Вараде не оставалось иного, как нехотя промолвить: - Хорошо, мы даруем вам Рамануджу; берите его. И мы даруем ему титул Ятираджи. Как только эти слова были сказаны, Певец с явным восторгом схватил Рамануджу за руку и сказал: - пойдём, господин. Рамануджа не произнес ни слова. Он пал на колени пред Господом Варадой и, сказал: - да будет Твоя воля, - и отправился в путь, даже не вернувшись домой.”

Этот рассказ вполне достаточен, чтобы доказать: даже для самых образованных индусов два изображения одного и того же бога - это две разные личности, которые могут не соглашаться друг с другом.

Индуизм оказался чрезвычайно действенной системой как в деле организации народа, так и в пробуждении в нем религиозных чувств; и ни один другой элемент этой религии не проявил себя настолько живо и эффективно, как храмовое поклонение. Но вся сила этого поклонения над сердцем Индии зиждется целиком и полностью на одном основном убеждении: что каждое божество в храме - это живой бог. Храм становится источником постоянной радости для индуса, ибо он может прийти туда и собственными глазами узреть лик того бога, которого он любит, выразить свою привязанность, преподнести ему пищу, излить в его ухо все свои печали и желания, услышать ответ самого божества из его же уст и, съев часть поднесенной ему пищи, вернуться домой, обретя защиту от злых духов и бед. Преданность индуса, будь то сельского жителя или святого поэта, почти всегда принимает форму пламенной любви к одному единственному божеству. Он может впасть в экстаз, пуститься в пляс или даже потерять сознание от внезапного прилива чувств, когда созерцает сияние божественных глаз.

Никто, кто знаком с политеизмом в других странах, не станет сомневаться в правдивости этого описания индуистского поклонения образам. Ритуал повсюду сохраняет один и тот же общий тип; и хотя частные верования могут отличаться, фундамент в каждом случае остается одинаковым: изображение - это живой бог, храм - это его обитель, он принимает своих поклонников на аудиенции, выслушивает их просьбы, делает их своими гостями, обращается с ними как с царственными особами и вручает им свое личное благословение.

VII. Теперь, когда мы получили ясное представление о сути поклонения образам у индуистов, можно обратиться к его истокам и проследить, откуда же оно возникло.

А. Использование храма и изображения - это один из элементов нового, сложившегося позднее слоя индуизма, который сформировался в ту эпоху, когда вторгшиеся арии подчиняли себе Северную Индию. Этот элемент возник несколько позже, чем учение о переселении душ и философия Брахмана; тем не менее, он принадлежит к тому же общему периоду истории и возник из тех же самых условий.

Следующий важный момент: с самого начала и вплоть до наших дней все индуистские храмы были открыты на одинаковых основаниях для представителей всех четырех великих каст - как мужчин, так и женщин. Это неопровержимо доказывает, что храмовое поклонение имеет происхождение, отличное от установленного жертвенного культа богов, поскольку последний всегда был доступен исключительно “дваждырожденным”, то есть членам трех высших каст, и никакая женщина не могла в нем участвовать иначе как совместно с мужем. Храм же открыт шудре на тех же правах, что и брахману; и любая женщина, будь то жена или вдова, может поклоняться там самостоятельно и будет принята на равных с мужчиной.

Третье. В пантеоне индуизма находится огромное количество божеств, которых не встретишь в Ведах. Очевидно, что, хотя некоторые из них были плодом размышлений жрецов и философов, подавляющее большинство вошло в религию именно благодаря храмовому культу. Примечательно также, что богини играли в ведической религии крайне незначительную роль, в то время как в индуизме они получают столь же пристальное внимание, как и боги.

Четвертое. По всей Индии можно встретить форму поклонения, которая никогда не получала официального одобрения в рамках индуизма,

- это культ деревенских божеств. Большинство этих существ это богини, поэтому их часто называют “матерями”. В отношении них следует отметить три вещи. Во-первых, каждая из них - это локальное божество, не тождественное никакому другому и имеющее собственное имя. Во-вторых, у каждой есть священное место, где она обитает. В-третьих, в этом месте она представлена некой формой - изображением, камнем или иным символом. Таким образом, между этими богинями и небесными богами индоариев, описанными выше, имеется существенная разница: первые - локальны, вторые - небесны; первые - постоянно пребывающие, вторые - лишь посещающие; первые представлены символически, вторые и вовсе не представлены.

Пятое. С самого начала и повсюду жрецами в индуистских храмах были исключительно брахманы.

Шестое. На протяжении веков древнее ведическое поклонение считалось единственно совершенным обрядом для дваждырожденных; однако после наступления христианской эры храмовое поклонение постепенно набирало популярность, и в наши дни древний жертвенный культ почти полностью вышел из употребления.

Все эти факты ясно указывают на то, что храм и божество в нем пришли в индуизм от аборигенов, ставших шудрами, и что новое поклонение было принято при условии, что священнослужителями будут исключительно брахманы. Если допустить, что религия аборигенов в своей основе походила на современный культ деревенских богов, то все особенности индуистского поклонения образам легко объяснимы. Каждое значимое местное божество со временем отождествлялось с тем или иным ведическим богом, каждая богиня - признавалась супругой одного из этих небесных существ, а второстепенные божества включались в пантеон как дети или приближенные великих богов. Так мы объясняем с одной стороны - рост пантеона и возрастающее значение богинь, с другой - тот

факт, что, несмотря на тысячи изображений, скажем, Вишну, каждое из них представляет собой отдельного живого бога, с личным именем, характером и историей, и в то же время воспринимается как воплощение самого великого небесного божества. Один сведущий индуистский ученый, г-н П. Т. Шриниваса Айенгар частично уловил суть этого явления. Он пишет, что “храмовый ритуал индуизма в своей основе происходил от обрядов фетишистского культа дравидийских народов, многие из которых до сих пор сохраняются в деревнях и у придорожных деревьев во всей своей первобытной дикости”.

Поэтому, когда аборигены стали индуистами, для них, как для мужчин, так и для женщин, храмы оставались столь же открыты, как и прежде; так что древнее храмовое правило не вызывает никаких затруднений.

Постепенное принятие храмового поклонения кастами дваждырожденных и параллельное угасание древнего культа объясняются двумя причинами. Во-первых, присутствие брахманов в каждом храме делало его приемлемым для дваждырожденных. Женщины этих каст, особенно, стремились посещать храмы, так как могли там поклоняться в одиночестве и в удобное для себя время. Храмовые жрецы, естественно, делали все возможное, чтобы привлечь к святыням представителей высших каст - и мужчин, и женщин. Но вторая причина - вот что стало реальной основой окончательного торжества идолопоклонства над древним обрядом. В храмах индуисты имели своих богов рядом с собой, живых и видимых. Присутствующее божество завоевывает сердце, возбуждает религиозное чувство, рождает горячую преданность. А те, кто был невидим и отсутствовал, - небесные боги - оказывались в очень невыгодном положении.

В. Далее нам следует обратить внимание на то, как использовалась ранняя философия Индии. В ее основании лежит представление о

Брахмане - неделимом, едином, духовном, реальном и непознаваемом. С этой точки зрения старые боги выглядели преходящими, погруженными в мир явлений, способными даровать лишь преходящие блага. От них философ отворачивался, отрекаясь в состоянии санньясы от всего явленного. Он не стремился к земному, а искал освобождения от круговорота перерождений и верил, что достичь его можно только через познание Брахмана.

Но, несмотря на то, что философ отверг популярную веру, сама эта вера продолжала существовать без изменений и с прежней силой.

Мы уже видели, как брахманы ввели философию Брахмана в свои школы, как там она получила название веданты, и как древнейшие тексты этой философии, упанишады, были включены в состав брахманов Вед. Это в конечном итоге естественным образом привело к тесному союзу между ведической философией и жертвенной системой, которую она изначально отвергала. Когда именно этот союз был окончательно оформлен - мы не знаем, хотя его следы обнаруживаются уже в поздних упанишадах; но веданта-сутры свидетельствуют, что он был завершен уже ко времени Бадараяны, так что мы вправе свободно использовать Сутры и комментарии Шанкары как достоверные источники. Здесь можно отметить четыре значимых положения:

(i) Признается, что боги являются существами преходящими, конечными, смертными, подверженными перерождениям, духовными, обладающими физическим телом, как об этом говорится в ранних упанишадах. Но еще утверждается, что когда один бог умирает, его место занимает другой, совпадающий с ним во всех отношениях. Так возникает непрерывная преемственность, и так основа народной веры остается незыблемой.

(ii) Явно видно, что мысль о том, будто боги питаются жертвами, создавала трудности для философского мышления.

Действительно, Шанкара говорит, что они не “едят” жертвы, и все же признает, что они ими наслаждаются. Таким образом, акт “питания” возводится в не вещественную, утонченную форму, чтобы удовлетворить философскую строгость, но все же сохраняется как реальность ради народной веры.

(iii) Нам также сообщается, что нет затруднений в том, чтобы верить, будто боги присутствуют на всех жертвоприношениях, даже если многие совершаются в одно и то же время в их честь. Ведь благодаря своей сверхъестественной силе бог может принять столько тел, сколько пожелает. Шанкара говорит это прежде всего применительно к ведическому жертвоприношению, но его слова в равной мере обосновывают и идолопоклонство.

(iv) Признание того, что дары богов, как явленные, не имеют подлинной ценности, ибо единственно достойной цели является освобождение, сохраняется; но утверждается, что хотя плоды жертв и не представляют ценности сами по себе, поклонение богам все же полезно, так как способствует внутреннему созреванию человека для окончательного освобождения.

С. Так философия, оставаясь верной древнему учению, тем не менее нашла пути, позволяющие оправдать всю систему народной религии. Когда вайшнавизм и шиваизм включили ведантическую философию в богословие своих сект, они провозгласили Вишну (в одном случае) и Шиву (в другом) самым Брахманом. То есть, вместо того чтобы говорить, как строгие ведантисты: “все боги - сотворенные, смертные, подверженные перерождениям существа”, и каждая из сект утверждала: “все - за исключением одного”. Таким образом, теист принимал ведантическое утверждение, что освобождение достигается лишь через познание Брахмана, но добавлял к нему уточнение: человек может прийти к такому познанию через бхакти - глубокую, горячую преданность личному богу.

Исключая последствия, вызванные доктриной ахимсы (непричинения вреда), никакой мысли о реформировании религии не возникало. За пределами этого принципа все поклонение продолжалось абсолютно в неизменном виде. Пантеон не претерпел ни малейшего изменения. Вишну, хотя теперь отождествлен с непостижимым Брахманом, продолжал почитаться точно так же, как во времена, когда он считался всего лишь одним из небесных богов. То же справедливо и для Шивы. Вся мифология сохранялась в целостности.

VIII. Теперь следует обратить внимание на некоторые важные движения, возникшие как реакция на критику идолопоклонства. Ряд откровенных критических высказываний встречается в тамильской и телугу литературе, особенно в поэмах Паттанатту Пиллая, “Шивавакьяра” и Веманы. Но, поскольку точные даты этих авторов нам неизвестны, невозможно определить, когда именно они обрели свое вдохновение. Намадева, маратхский святой, живший около 1300 года нашей эры, также осуждает идолопоклонство. Однако ясно, что из этих усилий не возникло ни одного религиозного движения, категорически отвергающего культ изображений, и потому не стоит на них слишком долго останавливаться.

Совершенно иная атмосфера царит на Севере во времена мусульманского владычества. Во время завоевания мусульмане выражали свою ненависть к идолам разрушением храмов и изображений, а также убийствами жрецов. Но эти насильственные методы, по-видимому, не дали никакого религиозного результата. Зато мирное учение добились того, чего не смогли ни молот, ни меч. Через посредничество Кабира, который, как считается, был наполовину мусульманином, суровый монотеизм ислама и его неприятие идолопоклонства проникли в индуизм и обрели организованную форму. Последователи Кабира и по сегодня день представляют собой отдельную индуистскую секту, которая не посещает индуистские храмы, но собирается в собственных зданиях, где нет никаких

изображений. Еще более значимой является знаменитая сикхская секта, основанная Нанаком, учеником Кабира. Несколько позже в Ахмадабаде возникла и более малая группа - *дадупантхи*. Они также почитают Кабира как источник своих верований. Обе группы отвергают поклонение изображениям. Также существует джайнистская секта *стханаковаси*, представители ветви *шветамбара*, происходящей из Гуджарата. Вероятно, и они возникли под влиянием того же движения, что и дадупантхи.

Удивительно, но все эти секты не смогли повлиять на индуизм в целом. За пределами узких кругов собственных последователей их влияние оказалось минимальным. Даже внутри этих сообществ сохранить изначальные идеалы оказалось непросто. Хорошо известно, что некоторые группы сикхов на протяжении долгого времени практиковали идолопоклонство. В Золотом храме Амритсара их священная книга, “Грантх”, и сегодня обращается как с изображением: она лежит раскрытой в центре храма, жрецы обмахивают ее *чаури* (ритуальными веерами), а люди кланяются ей и приносят цветы. Ночью ее укладывают спать, а утром вновь выносят для поклонения. Примечательно также, что группы сикхов совершают паломничества в индуистские храмы. Когда их спрашивают об этом, они отвечают, что идут лишь взглянуть на изображения, а не поклоняться им.

Новая эпоха начинается с открытием девятнадцатого века. Смелое учение миссионеров из Серампура проникло в индуизм, и Раммохан Рой основал Брахмо-самадж - теистическое движение, решительно выступающее против идолопоклонства. Самадж оказал широкое влияние среди образованных людей, особенно на севере Индии. Его наибольшие успехи пришлось на Бенгалию, однако группы последователей имеются и в других городах, таких как Бомбей, Лахор и Мадрас. На протяжении многих лет тысячи образованных индуистов, даже не принадлежавших к Самаджу, отказывались поклоняться изображениям, и потому никогда не

посещали храмы и не участвовали в повседневном семейном поклонении домашним божествам. Пратхана-самадж в Бомбее, возникший на основе Брахмо-самаджа, столь же откровенно осуждал идолопоклонство.

В последние двадцать пять лет Арья-самадж сыграл немалую роль в пробуждении общественного мнения против культа изображений в северной Индии. Это движение было основано Даянандой Сарасвати в 1875 году. Хотя за пределами Пенджаба и Объединенных провинций его влияние невелико, внутри этих регионов его целеустремленная борьба против поклонения идолам достигла определенного успеха.

IX. Однако, вот уже несколько лет наблюдается очень яркая реакция, которая берет начало из двух источников. Первый - это учение Рамакришны Парамахамсы, о котором уже шла речь и чьи слова мы цитировали ранее. Он начал горячо защищать все, что связано с индуизмом, включая и идолов, и эту волну его ученики, особенно Вивекананда, подхватили с не меньшим рвением. Эту защиту индуистские массы восприняли с огромным энтузиазмом. Второй источник - Теософское общество, которое, несомненно, обязано своей популярностью в Индии почти исключительно защите кастовой системы и идолопоклонства. Эти движения начали формироваться около тридцати пяти лет назад; но за последние десять лет их влияние стало стремительно расти, и сегодня оно ощущается во всех уголках Индии. Вследствие этого вместо тысяч образованных людей, которые двадцать лет назад стыдились идолопоклонства, теперь десятки тысяч выступают в его защиту. Движение за избавление индуизма от идолов было откинуто в сторону и забыто. И потому для стороннего наблюдателя может показаться, будто сражение завершилось окончательной победой идолопоклонства по всей Индии - за исключением двух провинций, где позиции Арья-самаджа остаются сильны.

И все же, индуистское идолопоклонство сегодня умирает. Образованный индуист, защищающий его, по правде говоря и сам в него не верит. Это ясно видно по тем доводам, которые он приводит в его защиту.

(А) Самое распространенное оправдание - утверждение, что изображение является всего лишь символом Бога, и что обычный человек не может поклоняться Богу, не имея перед собой некоего образа, на котором он мог бы сосредоточить свое внимание. Обычно те, кто придерживается этой линии защиты, добавляют, что протестанты тоже используют символы, а потому они столь же идолопоклонники, как и индуисты. Но тут почти не нужно пояснять, насколько абсурдным является это сравнение: протестанты не поклоняются этим предметам, независимо от того, считают ли они их символами или нет. Сравнивать отношение протестанта к церкви или к Библии с индуистским питанием изображения и ожиданием, что оно заговорит это совершенно бессмысленно.

Но увы, такие иконоборцы упускают суть и цель подлинного идолопоклонства. Они не осознают, какую мощную поддержку образы оказывают в сосредоточении. Человеческая мысль, блуждая в поиске абстракции, редко достигает цели. Мы мыслим образами и формами, и когда этот образ туманен, умственная хватка слаба. Представить себе Бесформенное и удерживать его в уме - невозможно.

Протестанты считают церкви более священными, чем обычные места. Эта церковь - как бы и есть символ. Или, скажем, Книга - для них идея Священной Книги гораздо святее любого иного символа. Образ креста у протестантов занимает то же место, что и образ святого у католиков. Напрасно выступать против использования символов, и зачем вообще это делать? Нет ни одной разумной причины, почему человек не может пользоваться такими символами. Они служат представлением того, что стоит за ними. Вся вселенная - это уже символ, через который мы

пытаемся постичь сокрытую суть, стоящую за пределами видимого. Таков несовершенный человеческий строй, и мы вынуждены с этим жить. Но при этом мы стремимся проникнуть к тому, что стоит за символом - к духовному, а не к материальному. Дух - вот цель, а не материя. Формы, образы, колокольчики, свечи, книги, церкви, храмы и все священные символы - это, без сомнения, добрые и полезные опоры для растущего ростка духовности, но только до поры, и не далее.

Однако все это никак не можно назвать объяснением индуистского идолопоклонства. Если изображение - всего лишь символ, зачем тогда совершается церемония пранапратишты, в которой изображению “вводят жизнь”? Действительно, немало образованных индуистов, таких как Вивекананда, почувствовали силу христианской критики в адрес идолопоклонства, и потому больше не считают изображения реальными живыми богами, но оставаясь верными индуизму они пытаются использовать их как символы, чтобы возвысить свои помыслы к Невидимому. Но это уже не индуистское идолопоклонство. Это - не то, что значит идол для простого индийского крестьянина.

(В) Госпожа Бесант понимает это, поэтому она делает шаг дальше, откровенно признавая, что индуист не использует изображение до тех пор, пока оно не будет освящено данной церемонией, и пытается оправдать саму церемонию как акт намагничивания идола:

“Вы знаете, как издавна изображения и картины использовались в различных направлениях индуизма для поклонения... Какова же связь между священным образом и теми магнитными телами, о которых я говорила? Это одна и та же сила, но более утонченного и сложного уровня. В индуизме не берут обычное изображение или картину и не используют его сразу в поклонении. Напротив, его подвергают божественной

церемонии. Над ним читают определенные мантры, используют особые предметы, льют определенные жидкости, и только после всех этих действий изображение становится священным и пригодным для поклонения. Что вы, по сути, делаете в ходе этих церемоний, мантр, с применением этих веществ? Скажем научным языком - вы намагничиваете свое изображение или картину... И если европейский врач, скептик и атеист может намагнитить предмет с целью лечения физической болезни - разве это суеверие, верить, что человек или Девата может намагнитить другой предмет для исцеления душевной болезни или помощи в духовной практике?"

Но если идол это всего лишь намагниченный камень или кусок бронзы, способный исцелить человека от материализма и сделать его духовным, то зачем тогда ему поклоняться? Зачем петь ему гимны? Магнетизм ведь не требует поклонения, чтобы начать действовать. Так что тут очевидно, защита госпожи Бесант никак не объясняет индуистское поклонение изображениям.

(С) Другие, осознавая это, идут еще дальше. Для них совершенно ясно: индуист верит, что Бог пребывает в изображении. И пока это не будет объяснено, индуистское использование образов останется непонятным. Один известный вайшнавский ученый, понимая это, прямо признает и пытается доказать, что поклонение изображению вполне разумно, если исходить именно из этого понимания:

"Когда мы говорим об "оживленной речи", даже самый глупый среди нас не подумает, что говорящий начал жить, то есть получил свою пранапратиштху - именно в тот момент, когда произнес эту речь; но лишь

то, что его живость, его жизненная сила была воспринята аудиторией. Точно так же и никто из наших самых яростных хулителей не может обвинить нас в безрассудстве - будто мы верим, что Бесконечный и Всепроникающий Господь Васудева начал присутствовать в каком-либо изображении (в какой-либо части своей природы или вселенной) только после того, как преданный провел над ним обряд пранапратиштхи. Напротив, сам поклоняющийся, как свидетель, дающий клятву, через силу освещающей церемонии пришел к самопознанию и так ярко воспринял Божественное Присутствие (среди кучи бесчисленных возможных) в этих конкретных образах Господа и Госпожи Вселенной, что с этого момента, говоря словами самого клеветника, они становятся для него вершителями судьбы и объектами его глубокого почитания”.

Защита в данном случае заключается в том, что, поскольку Бог присутствует везде, Он пребывает и в изображении. Следовательно, нет ничего неразумного в том, чтобы поклоняться Богу, как находящемуся в данном образе. Церемония же, как утверждается, служит лишь для того, чтобы помочь поклоняющемуся осознать присутствие Бога в изображении. Однако достаточно обратиться к приведенному выше описанию обряда, чтобы понять: это не соответствует истине. Несомненно, обряд совершается с целью вселить божество в изображение. До церемонии это лишь инертная материя. После нее - это уже живой бог который говорит, движется, вкушает пищу и действует. Всеобщее присутствие Бога не объясняет смысл идолов. Если Бог присутствует в изображении лишь в той же мере, что и в любом обычном камне, почему же поклоняются именно

этому камню? Почему его вырезают в форме человеческой фигуры? И в конце концов, зачем ему приносят еду?

(D) Немногие более искренние души откровенно признают истину: индуисты действительно верят, что каждое изображение - это живое божество. Однако нигде не видно попыток обосновать, насколько разумно рассматривать каждое изображение как живое существо:

“И когда предписано поклонение гневным воплощениям или даже изображениям Бога, это означает, что Бог изволил присутствовать особенно в душе в первом случае, и в материи во втором. Поклонение изображению - это не поклонение символу как таковому, а тому, что через него передается. Видимый символ, для того, кто знает его тайну, становится самой трансцендентной личностью Бога.”

“Простая правда состоит в том, что девяносто девять из ста индуистов, поклоняющихся изображениям, убеждены, что освящаемые в храмах образы действительно являются теми богами, чьи имена они носят.”

Вполне понятно, что ни один из этих авторов по-настоящему не решается столкнуться с проблемой в лоб. Их рассуждения не дают убедительного объяснения индуистской практики изображения. На самом деле, они утратили подлинную веру в идолопоклонство. И все же они смутно ощущают, что в этом обряде есть нечто благородное и возвышенное, и, не желая признать даже самим себе, что он не выдерживает проверки современной мыслью, им не удастся ясно и убедительно раскрыть те религиозные импульсы, которые нашли в нем свое выражение.

То, что образованный человек более не верит в идолопоклонство, порой признается и наивно, и прямо. Чаше же это слышно в тоне самого автора:

“Поклонение изображениям - тема обширная. Оно подверглось яростной атаке иконоборцев, как физической, так и теоретической, со всех сторон. Иностранный миссионер направляет все усилия на эту цель, считая ее самой уязвимой точкой индуистской системы. Университетский человек подавляет усмешку, которая поднимается у него на губах, раздираемый между патриотизмом и интеллектуальной честностью. В глубине души он желал бы, чтобы эта практика исчезла, и с сожалением замечает, что не видно ни малейшего намека на это.”

“В Индии поклоняются даже “шалаграмам”, которые считают камнями особой святости, и особым обиталищем Вишну. Правоверные читают различные узоры кругов в отверстиях или простых углублениях “шалаграм” камней и отождествляют эти очертания с определенной формой Вишну.”

Что касается линги, то у нас имеются неоспоримые доказательства, что вера в нее уже угасла. Под давлением западной мысли и христианской критики ни один современный образованный индуист не может принять фаллический символ в качестве достойного образа Единого и Истинного Бога. Поэтому Вивекананда, яростный защитник веры, старается выйти из положения, заявляя, что линга вовсе не является фаллическим символом, а лишь в период глубочайшего упадка индуисты стали воспринимать ее как таковую. Это мнение, как ни удивительно, поддерживают такие уважаемые авторитеты, как доктор Кумарасвами, искусствовед, и мистер Налласвами Пиллай - выдающийся современный представитель школы шива-сиддханты. Последний предполагает, что линга изначально могла быть моделью священной горы. Однако из процитированного выше отрывка из “Махабхарат” ясно: с самого момента, как линга вошла в культ

Шивы, индусы понимали ее как фаллический символ. На самом деле, никто это даже не оспаривал до недавнего времени. Даже более того, недавно было обнаружено новое археологическое свидетельство, которое окончательно подтверждает этот факт. В храме в Гудималле, на севере округа Аркот, находится крайне древняя линга, явно относящаяся к одним из первых веков христианской эры, и представляющая собой настолько реалистичное изображение мужского полового органа, что мистер П. Т. Шриниваса Айенгар, получивший ее фотографию, не решился его опубликовать.

Таким образом, все эти доводы образованных индуистов в защиту идолопоклонства скорее обнаруживают их собственную потерю веры, чем дают объяснение самой практики идолопоклонства.

Х. Но, разумеется, не все было сказано в защиту идолопоклонства теми, кто пытался его оправдать. Рациональное объяснение использования изображений в индуизме, безусловно, может содержать нечто большее. Ведь этот способ поклонения, начавшись среди низших слоев общества, в итоге покорила сердца не только представителей высших каст, но и таких выдающихся духовных умов, как Шанкара, Маникка Вачакар, Рамануджа, Рамананда, Тулси Дас и Тукарам. В этом должен быть скрыт подлинный смысл, некая глубокая сила, подлинная ценность. Никто, кто по-настоящему чтит этих великих людей, не может поверить, будто поверхностные и убогие объяснения, приведенные выше, действительно объясняют, почему для них поклонение изображениям было столь значимо. Следующие размышления предлагаются без претензии на окончательную истину, но с искренним стремлением приблизиться к ней. Поэтому, пусть читатель сам решит для себя, удалось ли приблизиться к настоящим истокам народной любви к идолам в Индии, или все таки не удалось.

(а) Храм с его изображением, как правило, возводился и освящался потому, что верили: именно в этом месте бог явил себя, совершил какое-либо чудесное или значительное действие, и люди хотели воздать ему честь за его милость и благодать. Чаще всего храм обозначает именно то место, где, как считается, произошло богоявление. Подобных оснований для храмов можно было бы привести бесчисленное множество. Легендарные хроники храмов (*стхала-пураны*) просто кишат подобными свидетельствами. Идея о том, что Бог заботится о нас, что Он вмешался в нашу жизнь и сотворил что-то ради нас, очень глубоко трогает человеческое сердце.

(b) Изображение призвано быть точным отражением самого божества. Если бы бог явился лично, он выглядел бы именно так, как это изображение. Мы уже говорили об этом, рассматривая, как индуисты воспринимают свои идолы. Таким образом, создание изображений есть отклик на глубокое стремление человеческого сердца - понять, каков Бог, узнать Его суть и характер. И идол, по-видимому, удовлетворяет эту потребность наилучшим образом: он стоит перед человеком, непрестанно являя, каким он представляет себе своего Бога. Можно взглядеться в величественные черты, прочесть Его нрав и унести в сердце живой образ. Неизгладимое впечатление, которое произвел на греческое сознание образ Зевса в Олимпии, может помочь нам понять, каким образом идолы прочно укореняются в душе народов. Под этим очарованием даже человек, не склонный к благоговению, вдруг чувствует, что может преклониться, что способен молиться. Его бог теперь уже не просто идея или воображаемый дух, а определенная личность, с чьим характером он ощущает прикосновение. Религия становится ощутимой реальностью, живым и понятным общением.

(с) Однако если взглянуть на жизни великих святых, то становится ясно, что наибольшую радость они находили в том, чтобы видеть изображение ежедневно, обращаться к нему за советом, слышать его голос, с восторгом танцевать и петь перед ним, есть пищу и пить воду с божьего стола, предаваться экстазу бхакти. Простой индуист желает, чтобы храм находился поблизости от его дома, чтобы в любой момент можно было взглянуть на своего бога, принести ему пищу, взывать к нему в беде или опасности, излить перед ним сердце в молитве или песне прославления. Это живой, присутствующий бог, к которому сердце человека стремится в восторге и благодарности. Вот почему в Индии существует бесчисленное множество храмов, вот откуда домашние идола и крошечные придорожные святилища. Индуисту необходимо иметь живого бога, к которому он может обратиться где бы он ни находился.

Использование изображений вполне оправдано в случае людей, которые по-настоящему верят в них. Если каждое изображение - это живое божество, тогда каждый элемент культа не просто естественен, но и вполне уместен. И мы без труда понимаем почему мужчины и женщины изливают на идола всю свою любовь.

С этой же точки зрения становится понятным, почему индуистский народ постепенно принял храмовое поклонение вместо древнего обряда жертвоприношения. В храме боги близки к человеку, они доступны - в отличие от древнего культа, который не шел с этим в сравнение.

Идолопоклонство принесло народу Индии то, чего их философия никогда не могла бы дать и по своей природе не в силах дать - присутствующих и доступных богов. Брахман, как тот, кто "выше мысли и слова", никогда не может стать для человека тем, чем является идол. Лишь тот бог, к которому человек может обратиться в молитве в любой миг и

получить помощь или ответ, - только такой бог способен по-настоящему иметь место в человеческом сердце.

Таким образом становится очевидным, что идолопоклонство удовлетворяет некоторые из самых могущественных и ценных религиозных инстинктов. Вот почему оно так глубоко проникло в душу индуистского народа. Вот почему оно сыграло столь важную роль в религиозной истории человечества. Каждая нация, достигшая величия и могущества в древнем мире, склонялась перед идолами. Вспомним Вавилон и Египет - эти великие цивилизации, чьи достижения в науке и искусстве стали основанием прогресса Запада; вспомним Грецию - колыбель культуры, и Рим - деловую, рассудительную владычицу мира - все они жили под властью образов. Даже Персия, долго довольствующаясь символом огня как воплощением Божества, распространила идолов Митры по всей Римской империи. Если нужны еще какие-то подтверждения той роли, которую идолопоклонство сыграло в жизни человечества, то достаточно вспомнить что именно ему мы обязаны появлением архитектуры, скульптуры и живописи, все это - когда-то было идолопоклонством.

Но идолопоклонство у образованных индусов умирает; и требования времени скоро вынудят индийских лидеров стремиться к искоренению этой практики среди простого народа. Вера в то, что каждое изображение - это живой бог, способный благословлять или проклинать, и что пища, вода, цветы и всякая вещь, соприкоснувшись с образом, наполняются сверхъестественной силой, является главным источником огромной массы суеверий, под гнетом которых живет и страдает индийский народ. Для того чтобы в Индии возник народ энергичный и современный, необходимы как минимум две вещи: деревенского жителя нужно освободить от суеверий и дать ему образование. Таким образом, идолопоклонство - одно из главных препятствий на пути прогресса Индии. Ясный взгляд любого патриота

подскажет ему, что он должен сделать все возможное, чтобы отучить простого индуса от поклонения идолам.

Следовательно, образованные люди, уже освободившиеся от идолов, обязаны немедленно обратиться к задаче освобождения народа от этих суеверий. Но как это сделать? Человеку присуща неотступная потребность в религии. История приводит нас к самому торжественному выводу: если эти нужды не удовлетворяются духовно, они находят выход в грубых формах идолопоклонства. Один из авторов предлагает очистить храмы от идолов и использовать их как школы для религиозного наставления. Но это не помешает идолам снова появиться. Мы должны найти духовную силу столь же живую и реальную, как идолопоклонство, столь же насыщенную религиозным чувством, - духовную силу, способную сделать идолов ненужными, обращаясь к воображению и религиозным чувствам народа с той же силой, но в здоровой и благородной форме.

XI. Одно из чудес Христа в том, что Он способен пробудить именно такую силу, и пробуждает ее очень действенно; так что человек, привыкший к доступности идолов и к радости, к страстному восторгу их почитания, находит в Нем, в чисто духовной форме, нечто большее, чем все то что раньше пробуждало в нем живую любовь.

В христианстве существует самая богатая молитвенная жизнь и наиболее подлинное богочитание - без идолов, ведь Христос занимает их место. В Нем чистейший духовный монотеизм достигает высочайшей радости и благоговейного преклонения; вся полнота религиозной природы человека находит свое выражение и применение, но в наивысших, самых правдивых формах, совершенно чуждых унижающим суевериям идолопоклонства.

Идолопоклонство доказало свою силу не только тем, что покорило целые народы, но и тем, что породило архитектуру и скульптуру. Одно из наглядных доказательств того, что Христос полностью занял место идолов,

заключается в следующем: в иудаизме и исламе (двух других религиях, отвергающих идолопоклонство) осознание опасности и обаяния идолов столь велико, что верующим запрещено создавать изображения людей и животных, лишь бы не впасть в соблазн поклоняться им; тогда как христиане, познав Бога в Иисусе Христе, совершенно свободны от этого страха и потому могут с полной свободой использовать скульптуру и живопись. Христианство не только не препятствовало искусству, но, напротив, вдохновляло архитектуру, скульптуру, живопись и музыку к высочайшим свершениям.

Именно вот это и нужно Индии - чистое духовное поклонение, которое может освободить ее от нужды в идолах. Следует тут задаться вопросом: как Христос удовлетворяет те духовные стремления, которые во многих странах находили выход в идолопоклонстве? Здесь мы не стремимся доказать истинность христианской веры. Мы лишь стремимся показать, как благодаря основным положениям этой веры богопочитание осуществляется с подлинной силой и духовностью, в отрыве от суеверий, связанных с идолами.

А. Христианское понимание пришествия Христа состоит в том, что Бог, наш Отец, Который в прежние времена открывал Себя людям частично, послал Своего Сына в человеческую жизнь - чтобы завершить все предшествующее откровение и вернуть все человечество к Себе.

Иисус начал Свое общественное служение с провозглашения:

"Исполнилось время, и приблизилось Царство Божие"⁷⁸

Он называет Себя Мессией, как Тот, Кто приносит с Собой это Царство, и позволяет распять Себя, лишь бы не отречься от этого звания. Главная идея Его учения - Бог как Отец; и Он регулярно называет Себя Сыном в отношении к Отцу. Но еще чаще Он употребляет имя Сын Человеческий, тем самым подчеркивая одновременно Свою подлинную человечность и

⁷⁸ Марка 1:15

Свое главенство над всем родом человеческим. Как Сын Человеческий, Он должен умереть за людей, по воле Отца:

*"Сын Человеческий много должно пострадать... и быть убитым."*⁷⁹

*"Сын Человеческий пришел... чтобы отдать душу Свою для искупления многих."*⁸⁰

*"Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя."*⁸¹

Таким образом, Его жизнь становится центральным событием всей мировой истории; и даже Его ученики приобретают величайшее значение для всех людей:

*"Вы - соль земли."*⁸²

*"Вы - свет мира."*⁸³

Истину нужно возвестить повсюду:

*"Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари."*⁸⁴

Всю суть пришествия Христа Павел выразил одной краткой фразой:

*"Бог во Христе примирил с Собою мир."*⁸⁵

В. Далее мы видим, что Иисус мог открыть людям Отца, потому что Сам является Сыном. Об этом Сам Иисус говорит с конкретностью:

*"Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть."*⁸⁶

⁷⁹ Марка 8:31

⁸⁰ Матфея 20:28

⁸¹ Матфея 26:42

⁸² Матфея 5:13

⁸³ Матфея 5:14

⁸⁴ Марка 16:15

⁸⁵ 2 Коринфянам 5:19

⁸⁶ Матфея 11:27

Он был убежден, что это откровение - не просто дело словесного наставления: в самой Его личности, в Его характере, в жизни, смерти и воскресении, так же, как и в Его учении, Отец был явлен. Он и есть полное отображение Своего Отца:

“Верующий в Меня, верует не в Меня, но в Пославшего Меня; и видящий Меня видит Пославшего Меня.”⁸⁷

Его связь с Отцом - исключительно близкая:

“Я в Отце и Отец во Мне.”⁸⁸

Отсюда следует: Он - это совершенное откровение Отца:

“Видевший Меня - видел Отца”⁸⁹

Павел выразил ту же мысль по-своему, называя Христа:

“Образ Бога невидимого”.⁹⁰

Другой раннехристианский писатель воспользовался иными словами, но с тем же смыслом, называя Его:

“Отблеск славы Божией, точное выражение Его сущности.”⁹¹

Важно понять, в каком смысле даны эти великие утверждения. Явно, что такие качества, как всеведение, всемогущество и вездесущность Бога, не могли быть открыты в человеке. Но нам и не нужно откровения этих атрибутов: сама природа ясно свидетельствует, что Тот, Кто сотворил мир, обладает бесконечной мудростью, знанием и силой, что Он действует повсюду и всегда, и что Он есть Бог порядка и разумного устройства. Нам необходимо другое: знать, что представляет собой Бог по отношению к человеку, как Он смотрит на нашу жизнь, способен ли и желает ли Он слышать нас и действовать ради нас. Нам нужно знание Личности Бога,

⁸⁷ Иоанна 12:44-45

⁸⁸ Иоанна 14:10

⁸⁹ Иоанна 14:9

⁹⁰ Колоссянам 1:15, 2 Коринфянам 4:4

⁹¹ Евреям 1:3

Его характера - настолько, насколько это касается человека. Именно в этом трезвом и практическом смысле Иисус называется образом Бога. Его жизнь, смерть и воскресение дают нам завершенное откровение характера Бога в отношении к людям и их жизни. Кто понимает Иисуса - понимает Небесного Отца. Сын - совершенное подобие Личности Отца.

Два момента выступают на этом образе особенно ярко. Во-первых, это святость Бога - нравственное совершенство, столь действенное и живое, что Он не может успокоиться, пока люди не станут святыми также. Человек должен вести по-настоящему высокую нравственную жизнь, чтобы угодить Богу:

“Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! - войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.”⁹²

“Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”⁹³

Вторая черта - это любовь Бога к человеку, которую Иисус открывает как такую подлинную и глубокую, что Отец не остановится ни перед какой жертвой, чтобы вернуть Своих детей к Себе:

“Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.”⁹⁴

⁹² Матфея 7:21

⁹³ Матфея 5:48

⁹⁴ Матфея 18:12-14

*“Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына
Своего Единородного.”⁹⁵*

Но одного учения тут мало. Именно поэтому в Своей жизни и поступках Иисус явил ту самую любовь и святость, которые, как Он говорил, принадлежат Отцу; и они предстали перед учениками не как нечто отвлеченное, а как нечто осязаемое, зримое для человека. В обычной человеческой жизни Иисус воплотил ту праведность и ту любовь, которые Он приписывал жизни Божией.

Его совершенную святость ученики узнали прежде всего на собственном опыте. Его абсолютная искренность и чистота влекли их к новой жизни, о какой прежде они и не помышляли. Единственной альтернативой была ложь и лицемерие Иуды. То же самое происходило и с другими: несчастная женщина изливала свое раскаяние у Его ног; Закхей ощущал, что не может принять Его под свой кров, пока не вывернет свою жизнь наизнанку; разбойник был вынужден признать свою злую жизнь, даже на кресте.

О Его любви ученики знали по Его личной дружбе с ними, но она была засвидетельствована и на глазах у всех в таких поступках, каких не видели ни в одном другом человеке. Они видели эту любовь, когда Он брал детей на руки, когда коснулся прокаженного, когда прощал расслабленного, когда вкушал пищу с отверженными, когда насыщал голодных, когда открывал слепые глаза, когда исцелял больных, когда возвращал разум одержимому. Они видели ее в слезах, пролитых Им над Иерусалимом, в очищении Храма, в агонии и кровавом поте в Гефсиманском саду, в кротости перед судьями, плюющими Ему в лицо, в венце из терна и насмешках солдат, в молитве за распинавших Его, когда Он умирал, спасая других, но не Себя, и когда воскрес, чтобы подарить нам жизнь и бессмертие.

⁹⁵ Иоанна 3:16

Вот так, для Своих учеников Иисус оказался образом того Отца, о Котором Он говорил.

С. Итак, Иисус был образом Отца для тех, кто знал Его. Но каким образом это послужило созданию такого поклонения Богу, которое было бы одновременно совершенно духовным, но живым и исполненным чувства? Средства, употребленные для этого, были двоякие: во-первых, учение Христа о молитве и отклике Отца на человеческие нужды; во-вторых, Его воскресение и вознесение.

(а) Во времена Иисуса ни один народ не поклонялся Отцу с полной непосредственностью. Греки, римляне, египтяне, индуисты - все либо поклонялись идолам, либо лишь созерцали Бога как нечто лежащее за пределами мысли и слова, недоступное ни для молитвы, ни для хвалы. Даже иудей все еще ощущал необходимость в храме и жертвоприношении, чтобы приблизиться к Яхве.

Иисус учил, что все это больше не нужно. Отец столь же доступен, разумен и исполнен любви, как и земной отец:

“Просите - и дано будет вам.”⁹⁶

“Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.”⁹⁷

Его личная внимательность к человеческим нуждам так же безмерна, как и Его сила:

“У вас и волосы на голове все сочтены”⁹⁸

“Отец ваш Небесный знает, в чем вы имеете нужду.”⁹⁹

⁹⁶ Матфея 7:7

⁹⁷ Матфея 7:11

⁹⁸ Матфея 10:30

⁹⁹ Матфея 6:32

“Не заботьтесь.. что будете есть, или.. во что оденетесь... Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут... но Бог питает их: насколько же вы дороже птиц!.. Посмотрите на лилии: они не трудятся, не прядут, но и Соломон во всей славе своей не одевался, как каждая из них. Если же траву полевую Бог так одевает... насколько же более вас оденет?”¹⁰⁰

Но как бы ни было прекрасно это учение, простому человеческому сердцу очень трудно поверить в него настолько искренне, чтобы жить на его основании. Поэтому Иисус старался донести эту истину до сердца Своих учеников Своей собственной жизнью. Пожалуй, яснее всего мы поймем это, если рассмотрим Его пример в двух аспектах.

Прежде всего - Его собственная религиозная жизнь. Он жил в человеческой зависимости от Своего Отца. Ученики, ежедневно пребывая рядом с Ним, наблюдали, как Он доверял Отцу во всем, обращался к Нему в молитве в любом месте и в любое время, и Его молитвы были услышаны. Он жил в постоянном общении с Отцом, никогда не теряя чувства Его присутствия, порой с ревностным усердием стремясь познать волю Божию, никогда не сопротивляясь ей, когда узнавал ее, и всегда наслаждаясь Его любовью.

Во-вторых, следует отметить, как Иисус обращался с учениками и со всеми людьми. Он явил совершенную любовь к каждому человеку - любовь, выражающуюся в живом сочувствии к каждой скорби, каждой нужде, каждому искушению, и в готовности помочь всем, чем только располагал. Именно в этом свете чудеса, совершенные Им, особенно глубоко тронули сердца простых

¹⁰⁰ Луки 12:22-27

галилеян: проявленная в них сила была ничто по сравнению с той любовью, которая их вдохновляла. Они научились полностью доверять Иисусу. Они знали: Он всегда готов услышать их, сопереживать им и помочь изо всех сил.

(b) Когда Иисус, Которого они уже признали Христом, Сыном Божиим, был внезапно отнят у них и распят, ученики были объаты отчаянием. Но Его воскресение вернуло Его к ним, и смысл Креста начал проясняться.

Когда Он покинул их, тогда-то и началась их подлинная христианская жизнь. Осознавая, что Иисус ушел к Отцу, они поняли, что могут жить той самой жизнью молитвы, полного доверия и сыновней зависимости, какой жил Он Сам. Им больше не были нужны ни храм, ни священник, ни жертва; не было нужды в ритуале или в установленных молитвенных формах. Подобно детям, они обращались к своему Небесному Отцу со всякой нуждой, в радости или в горе, в прощении или благодарении, с такой же свободой, с какой Иисус прежде обращался к Нему. Но они делали это не так как Он - не на основании личного знания Отца. Их знание о Нем они черпали в Иисусе: Он был для них образом Бога. Через все, что они видели в Нем и слышали от Него, они были освобождены от символа, тени и формы, и потому могли обращаться к Отцу непосредственно, в любой момент, в любом месте, с полным доверием сынов. А что наполняло их сердца глубочайшим сокрушением и искренней любовью, что давало их поклонению наивысшую степень торжественности и восторженного благоговения - это была смерть Сына Божия на Кресте за людей. Радость и благоговение их поклонения достигали высшей точки в вкушении хлеба и в питье вина, знаменующих преломленное тело и пролитую кровь нашего Господа: ибо именно на Кресте Он явил Себя совершенным образом непостижимого Бога, открыв до предела жертвенность и любовь Отца.

Следующие поколения обрели ту же свободу и то же упование через посредство Иисуса. Мы не видели Его и не слышали, но у нас есть четыре Евангелия, четыре лика, четыре образа, в которых мы можем уловить Его дух и постичь Его любовь. Ни один индуист, с каким бы восторгом и внутренним трепетом он ни вглядывался в черты образа, которому поклоняется, не переживает такой глубины чувства, с какой христианин читает о своем Господе в Евангелии. Иисус в жизни христианина занимает то место, какое в идолопоклоннических системах принадлежит идолам. Он поистине становится образом Бога - ясно, убедительно и без остатка выражающим для нас волю и сердце Отца, и учит нас жить день за днем в прямом личном общении с невидимым Богом, обращаться к Нему в любую минуту и получать от Него все, в чем нуждается наше сердце ребенка: помощь, мужество, руководство, силу для земной жизни. И как было у учеников, так и у нас - именно Крест наполняет наше поклонение сокрушенным смирением, благоговением и торжеством: ведь там, согласно воле Отца, за нас умер Сын Божий.

Так мы видим: за всяким идолопоклонством скрывается великая истина - истина о том, что человек может в любую минуту, в любом месте войти в сердце Отца. Но эта истина безнадежно искажена идолами, и смешана с всякими унижающими и оскверняющими суевериями. Христос же Своей жизнью и учением показывает Отца в Его святости, в самоотверженной любви и в готовности отвечать на молитвы. Этим Он делает идолопоклонство просто невозможным, и открывает человеку путь к поклонению Отцу “в духе и истине”.

ГЛАВА IX

ВЕЛИКИЕ СЕКТЫ

I. А. Во времена Ригведы, как мы уже видели выше, народное поклонение носило многобожеский характер. О богах говорилось, что их тридцать три; и жертвы, подношения, молитвы возносились каждому из них в различных обстоятельствах - либо всем сразу, как единой группе. Каждый из великих богов имел свои особые функции, от которых зависели время и форма его поклонения.

Среди этих ведийских богов мы встречаем Вишну, про которого говорится, что он отмерил всю широкую землю тремя шагами. Он предстает как бог добрый и дружелюбный, подаривший человеку необъятную землю с ее плодородными пастбищами^ как надежное и постоянное жилище. Другим из этих богов был Рудра - бог разрушительной бури. Он поражает злодея своим могучим копытом или стремительной стрелой. Его называют лучшим из целителей. Его сыновья и спутники это хорошо вооруженные Маруты, боги грозы и небесные певцы.

Однако ни один из этих богов не занимал особенно заметного места в ведийском пантеоне. Индра и Агни считались величайшими из богов.

В. В эпоху Брахман как Рудра, так и Вишну начали пользоваться большей значимостью, чем прежде, особенно Вишну; однако и тогда они были еще далеко не верховными божествами. Первенство принадлежало довольно туманной фигуре, воспринимавшейся как Творец и называвшейся Праджапати или Брахмой.

С. Затем настала пора формирования новой индуистской системы религии и общества, как описано выше в пятой главе. Вскоре после этого зарождается и первая в Индии философия, ориентированная на

размышление, о которой мы говорили в шестой главе. Нет необходимости повторяться, но для темы этой главы важно отметить, что в ранних Упанишадах есть немало мест, исполненных явно теистического духа. В них Брахман нередко описывается как личность, как *антарьямин* - внутренний Владыка души, как Тот, Кто творит и управляет миром.

Следует также обратить внимание, что во всей ведийской литературе не встречается упоминания о Раме или Кришне как о божественных существах. Рама не упоминается вовсе. Кришна упоминается лишь однажды, и то, как простой человек, ученик-ведист. Эта единственная ссылка находится в Чхандогья-упанишаде, где он назван Кришна, сын Деваки. Очевидно, именно эта и другие подобные нити, исторические и мифологические, впоследствии были переплетены, чтобы создать образ божества.

D. В то время как в умах лидеров формировались новая индуистская система и философия Атмана, простые люди продолжали жить прежней религиозной жизнью, следуя старым формам. Формальное признание Единого Верховного Бога никак не повлияло на их веру в богов и традиционное поклонение им. Тем не менее, некоторые перемены назревали. Народ стал распадаться на секты, каждая из которых сосредотачивалась на почитании одного определенного божества, вместо поклонения всей группе богов. Среди простых людей Вишну и Рудра (теперь уже получивший более благозвучное имя - Шива) стали пользоваться особенным почтением, тогда как Творец по-прежнему оставался центральным божеством для брахманов. Представления народа о богах с течением времени стали значительно более четкими. Боги все больше приобретали человеческие черты, а их образы стали ясно сформированными, как мы уже описывали в восьмой главе. Использование изображений также распространилось, в значительной мере под влиянием анимистических представлений и обычаев племен, принадлежавших к

варне шудр, и слилось с сектантским богослужением. Стоит напомнить, что с самого начала храмовое поклонение, в отличие от древних ведийских жертвоприношений, было открыто для шудр и женщин на тех же условиях, что и для дважды рожденных мужчин.

Е. С этого момента наша тема тесно переплетается с возникновением двух великих эпосов - *Махабхараты* и *Рамаяны*.

Хотя предания, легшие в основу *Махабхараты*, несомненно, восходят к более ранним временам, чем история о Рама, все же считается вполне достоверным, что изначальная героическая поэма - *Рамаяна* Вальмики - предшествует *Махабхарате*. По форме поэма Вальмики в целом соответствует книгам II—VI нынешнего текста *Рамаяны*. Это цельное произведение, написанное, по всей видимости, одной рукой, за исключением позднейших вставок. Нет оснований сомневаться в том, что ее автором был именно Вальмики. Судя по всему, она возникла достаточно рано: в ней совершенно отсутствует влияние буддизма, а также почти не ощущается философия Упанишад. Ученые датируют ее приблизительно 500 годом до н.э.

Содержание поэмы повествует о том, как Рама, старший сын царя Айодхьи, был сослан своим отцом в лес, как его молодая жена Сита добровольно последовала за ним, и как она была похищена великаном Раваной, но в конце концов возвращена Рамой. Это - героическая поэма, и в прямом смысле не является религиозной книгой, хотя главный герой и его супруга изображены как благочестивые и верные индуисты.

Равана, великий ракшас или демон-великан, благодаря своим суровым аскезам добился от Брахмы выдающегося дара: он не мог быть убит ни богом, ни демоном. Уверенный в своей неуязвимости, он вел себя с безмерной надменностью и жестокостью, и дошел до того, что похитил Ситу, супругу Рамы. Но гордыня его нашла свое справедливое возмездие. Ему и в голову не приходило, что человек может одолеть его. Однако

именно благочестивый герой, с благословения богов, одолел его. Вель его союзник Сугрива не был ни богом, ни демоном, как заметил Хануман, обращаясь к Раване:

*“Гордость твой ум повергла в тьму
Ты думаешь, не может рук
Касаться царь ракшасов, тот,
Кого не тронет демон, бог.
Но Сугрива - не демон, не дух,
И не якша, и не божество.
А Рама - человек, родом он
От царей земных, от смертных семян.”*

Таким образом, весь сюжет построен на том, что Рама - человек, лишь человек. Он и Сита - это обыкновенные индусы. Ни малейшего намека на то, что они это воплощения богов. Учение об аватарах здесь вообще отсутствует. Рама не выступает даже как религиозный учитель. Он - великий царь, доблестный воин, справедливый и благочестивый человек, но не более. Сита - отважная и верная жена, столь же ревностно, как и ее супруг, исполняющая религиозные обязанности. Это простодушная пара многобожников, и таких можно встретить где угодно. Они исполняют свой долг друг перед другом, перед богами, перед предками, семьей и царством. Они соблюдают кастовую принадлежность, следуют семейным традициям, совершают обряды шраддха. Сита, во время их долгого пути по лесам, возносит молитвы рекам и деревьям.

Поэма дает нам живые картины народного индуизма до 500 года до н.э. Брахма, Творец, представлен как высшее из всех божеств; за ним следуют Вишну и Шива. Все прочие ведийские боги также упоминаются. У Брахмы, Вишну и Шивы уже появляются традиционные облики и атрибуты - оружие, символы; уже можно проследить зарождение обширной мифологии, которой не было в Ригведе. Шива и его супруга Ума часто упоминаются. Также названы бык Шивы - Нанди, его сын Картикея и слуга Нандишвара. Описывается история жертвоприношения Дакши и

яростного гнева Шивы; также говорится, что бог любви Кама был сожжен пламенным взглядом Шивы.

Вишну упоминается в поэме еще чаще, как и его супруга Лакшми. Иногда его называют Нараяна. Он ездит верхом на великой птице-человеке Гаруде. Время от времени упоминается его оружие, особенно диск. Змья Ананта (или Шеша) - божественный змей с тысячей голов - поддерживает землю, но пока еще не связан с Вишну. Говорится, что колесница Раваны, демонического антагониста Рамы, была покрыта изысканной резьбой, и среди этих резных изображений была фигура супруги Вишну:

*“Там Лакими, небесная царица красоты,
Художником искусным созданная,
Стояла у цветущего пруда,
Лотос держа в руке”.*

Мы не удивлены, встречая изображение Лакшми уже в первоначальной редакции эпоса; ведь из ранних Дхармасутр очевидно, что изображения божеств (идолы) уже были широко распространены в Индии к 500 году до н.э. Примечательно также, что среди самых ранних индуистских образов, запечатленных в буддийской скульптуре II века до н.э., наибольшее число изображений приходится именно на Лакшми.

Считается, что Махабхарата начала складываться в течение первой половины V века до н.э. Подобно Рамаяне, это была героическая поэма, в которой все герои - люди. Кришна - один из главных персонажей, но он никоим образом не является божеством. Он - царь Дварики в Гуджарате и доблестный воин, но не бог. Как и в Рамаяне, верховным божеством выступает Брахма, однако Вишну и Шива стоят рядом с ним. Учение о воплощениях в этой эпохе еще отсутствует.

Г. Примерно в 525 году до н.э. начал проповедовать Гаутама, Будда. Он умер около 480 года до н.э., оставив после себя общину монахов, а также большое число мирян, так или иначе связанных с монашеским

орденом. В его системе не предусматривалось никакого культа. Напротив, одним из краеугольных камней его учения был принцип *анатта* - отсутствие “я” или *атмана*. Согласно этой доктрине все в мире - преходяще; ни одно существо, ни одна вещь не обладают постоянной духовной сущностью или устойчивым внутренним ядром. Нет ни *атмана*, ни мировой души; у человека нет души, и у вещей нет неизменной, скрытой реальности. Ранний буддизм представляет собой атеистическую философскую систему, стремящуюся дать человеку утешение, подобное религиозному. Сам Гаутама воспринимал себя лишь как человека, прозревшего в самую суть бытия. Его учение полностью противоположно вере во воплощение. Человек здесь - самодостаточен; он утверждает, что ему не нужна никакая божественная помощь, что в нем нет никакого инстинкта, побуждающего к поклонению. Умирая, Будда сказал своим ученикам:

“Станьте убежищем сами себе. Не ищите внешнего прибежища. Держитесь истины как светильника. Держитесь истины как убежища. Не ищите прибежища ни у кого, кроме себя”.

Можно ли представить себе что-то более далекое от откровения, воплощения и поклонения? И все же в последующие века основное направление в истории этой системы - это постепенное обожествление Будды и становление культа его личности.

В одной из палийских сутт содержится рассказ о смерти Будды и о событиях, последовавших за нею. Хотя ясно, что изложение обросло преувеличениями, нет оснований сомневаться в основном содержании: тело великого Учителя было торжественно сожжено, а его останки распределены по надгробным холмам - *ступам*.

Разумеется, что множество последователей устремилось к этим памятным местам, и каждый выражал свое почтение великому усопшему

по-своему. Монахи и более образованные буддисты предавались размышлениям о его учении и стремились следовать его примеру; но необразованный мирянин склонился в поклоне при приближении к ступе, простирался на земле и обходил ее по кругу. Места, связанные с важнейшими событиями из жизни Будды, вскоре также были отмечены воздвижением ступ, и превратились в места паломничества. Таковы истоки буддийского поклонения.

В каждом монастыре имелся зал, где монахи собирались для исповеди, а в определенные дни туда приходили и миряне, чтобы выслушать наставления. Эти собрания стали еще одной точкой роста для культа. Позже в этих залах стали устанавливать модели ступ, служившие стимулом для медитации, или *дхармачакры* - колеса, символизирующие учение Будды, или другие знаки веры, вызвавшие у простодушных мирян проявления любви и благоговения. Вероятно, монахи в целом продолжали сосредотачиваться на медитации и лишь снисходительно взирали на нарастающие формы поклонения среди мирян.

Тем временем в монастырях и у ступ все чаще проявлялись выражения почитания Будды и его ближайших учеников. Одного только титула *Бхагаван* (Господь) стало им недостаточно. Вскоре буддисты стали называть Будду тем же словом, которое индуисты употребляли в отношении богов, *дева* (бог). И даже это оказалось слишком мало: его стали именовать *дева-ти-дева* - бог над всеми богами.

Постепенно буддисты пришли к вере, что истина провозглашалась целой чередой Будд до Гаутамы, и что в следующую эпоху явится еще один. Сначала признавались три Будды до него, потом шесть, а со временем вообще до двадцати двух. Каждый из этих Будд тоже стал объектом очень глубокого почитания.

Поначалу каждый Будда представлялся всего лишь человеком, который через бесчисленные перерождения, упорным следованием

истинному пути, в конце концов достиг ясного постижения истины и тем самым поднялся на уровень духовности, несравненно превосходящий всех богов индуистского пантеона. Но возвышение человека на ступень, религиозно выше всех божеств, неизбежно вело к наделению его и прочими божественными функциями. Таким образом становится ясно, что мирянин-буддист, в конечном итоге, логически следовал естественному ходу развития, переходя от медитаций и внутренних упражнений к прямому поклонению Буддам; и потому те самые божественные титулы, о которых говорилось выше, были не просто оправданы - они были неизбежны.

Обращение к буддизму великого императора династии Маурьев, Ашоки, около середины III века до н. э., стало событием чрезвычайной важности. Он содействовал распространению этой религии не только собственным примером и нравственными поучениями, высеченными на камнях и колоннах по всей его обширной державе, но и тем, что повелел возводить множество сооружений, предназначенных для разнообразных нужд буддийского культа. Вся религиозная система, несомненно, испытала мощный подъем благодаря его усилиям, а рост культа, безусловно, ускорился.

Следует также отметить, что некоторое время спустя после Ашоки, вероятно в I веке до н. э., буддисты начали использовать изображения. Особо поразительно то, что во всей великолепной скульптуре ступ Сандхи и Бхархут ни разу не изображен сам Гаутама. Вместо него присутствуют его следы, колесо Закона или иной символ, либо его присутствие подразумевается без прямого изображения - но его фигура нигде не представлена. Видимо, осознание того, что он достиг нирваны, было все еще слишком живым, чтобы позволить изобразить его как обычного человека. Однако уже к рубежу нашей эры буддисты свободно создавали изображения не только Гаутамы, но и других Будд. Именно в таком виде

буддизм дошел до нас практически без изменений в Бирме и на Цейлоне. Похоже, развитие джайнского культа прошло почти тот же путь, но здесь мы не будем его прослеживать.

Г. Потомки Ашоки не обладали ни его могуществом, ни влиянием; и в 184 году до н. э. династию сместили Шунги. Значение этой смены власти для нашей темы заключается в том, что Шунги были индуистами и столь же активно содействовали возрождению индуизма, как прежде Ашока и его преемники поддерживали буддизм. С этого момента старой религии представилась гораздо более благоприятная возможность для роста, и этот рост стал весьма ощутимым. Ученые склонны полагать, что индуистская литература в этот период получила мощный импульс благодаря покровительству Шунгов.

Именно им мы, вероятно, обязаны тем новым и энергичным религиозным движением, которое взяло оба великих героических эпоса - *Рамаяну* и *Махабхарату*, и переработало их в духе вишнуизма. Хотя сегодня невозможно с точностью утверждать, что редактирование этих произведений произошло непосредственно после 184 года до н. э., сомнений в том, что этот процесс начался в те годы, почти нет; и весьма маловероятно, чтобы подобная работа была осуществлена без поддержки индуистских правителей. Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что переработанные версии этих поэм относятся к первой половине II века до н. э. В *Рамаяну* была добавлена новая книга, а также значительные дополнения в других частях, тогда как *Махабхарата* претерпела еще более существенные вставки - вместо 8 800 двустуший она разрослась до 20 000.

Этот новый, энергичный всплеск религиозного литературного творчества представляет огромный интерес для нашей темы. Именно в этих переделанных поэмах впервые внезапно и, казалось бы, без какого-либо предварительного намека появляется учение о воплощениях.

В Рамаяне Рама теперь предстает как частичное воплощение Вишну, а в Махабхарате Кришна также рассматривается как его частичное воплощение. Следует особо подчеркнуть, что в тот период ни в одной из поэм еще нет намека будто Вишну - это единственный и верховный Бог. В обоих поэмах Брахма, Вишну и Шива стоят практически на одном уровне - это величайшие божества индуистского пантеона, но не более того.

Здесь крайне важно разграничить понятия простого “человекопоклонства” и доктрины воплощения. Когда индуист замечает в человеке, животном или даже предмете нечто совершенно необычное, он склонен преклониться перед этим, будь то в страхе или в благоговении. Такое стремление вполне соответствует религиозному чувству простых народов повсюду в мире. Но тот, кто впервые назвал Кришну *аватаром* Вишну, имел в виду нечто совершенно иное: он утверждал, что часть энергии великого небесного бога Вишну снизошла на землю и была рождена в облике человека. Как мы уже видели, древние индусы верили, что Вишну иногда нисходил на землю, чтобы вкусить приносимые ему жертвы; но ни один из них прежде не допускал мысли, что часть сущности небесного божества может воплотиться в человека и прожить земную человеческую жизнь.

И это еще не все. Согласно верованию, Вишну был воплощен дважды: один раз - как Рама, и второй - как Кришна. Причем Рама, как считается, жил значительно раньше Кришны. Следовательно, Вишну представляется как божество, дважды частично воплотившееся в различные эпохи.

Пока еще невозможно точно сказать, что именно привело к появлению этого учения. В буддизме того времени, насколько нам известно, не было ничего прямо ему соответствующего. Самое большее, что можно утверждать - это то, что, как мы уже видели, в рамках буддизма уже сложилось представление о чередовании высших учителей, которым

поклонялись и приписывали божественные силы; и возрастание этого культа происходило одновременно с ростом почитания Рамы и Кришны. Но признание двух обожествленных людей как повторных воплощений небесного бога, которому уже в течение веков воздавали поклонение - это идея иного рода. Она стала плодом вишнуитской секты. Единственное, что можно утверждать с полной уверенностью это то, что индуистское учение о воплощениях является совершенно новым и возникает внезапно в исторической перспективе. Индийские авторы часто утверждают, что воплощения якобы упоминаются уже в ведической литературе, но это полнейшее заблуждение. В ведах действительно встречаются некоторые сюжеты, которые впоследствии, в первые века нашей эры, были переработаны в легенды о воплощениях; однако во всей совокупности ведических текстов нет ни единого упоминания самого этого учения.

Мегасфен, посол Селевкидов при дворе Чандрагупты около 300 года до н. э., сообщает, что Геркулесу поклонялись в Метхоре и Клейсоборе. Вероятно, речь идет о Кришне, которого уже тогда почитали как божество в Матхуре и в некоем городе, ныне неизвестном, носившем тогда название Кришнапур. Если это действительно так, мы, возможно, имеем здесь промежуточное звено между образом человеческого героя и представлением о воплощении Вишну; однако опираться на столь шаткое основание с полной уверенностью невозможно.

Обзор богословия, содержащегося в этих добавлениях к Рамаяне, будет полезен для нашего изучения темы. Брахма по-прежнему выступает как Творец и великий Отец. Он постоянно появляется как советчик и утешитель богов. Ему приписан эпитет Самосуший, и его уже называют Четырехликий, что указывает на то, что традиционное изображение этого божества уже было хорошо известно.

Шива и его супруга Ума признаются весьма великими. Его время от времени еще называют Рудрой, но гораздо чаще он упоминается под

именами Шива (благой), Махадева (великий бог), Пашупати (владыка стад), Бхагаван (блаженный) или Шанкара (благодетельный). Он - бог с тремя глазами. Описывается, как он уничтожает великана Трипуру. Подробно рассказывается история о том, как он выпил яд при взбивании океана молока, и говорится, что его шея окрасилась в синий цвет в результате этого смертоносного питья. Упоминается, что река Ганг нисходит с небес на его голову, а уже оттуда падает на землю. Он носит трезубец и сопровождается быком, хотя, по-видимому, символ лингама пока еще не упоминается.

Вишну и его супруга Лакшми занимают весьма заметное место в первой и последней книгах эпоса. Его называют Васудевой, Нараяной и Хришикешей (точный смысл всех трех имен остается неясным), а также Бхагаваном (блаженным), Прабху (господином), Джагатпати (владыкой мира), Пурушоттамой (высшим духом) и Хари (спасителем). Часто говорится, что он убил демона Мадху; описываются его подвиги во время взбивания океана; приводится рассказ о том, как он в облике Капилы уничтожил шестьдесят тысяч сыновей Сагары. Его ярко описывают как обладающего раковиной, булавой и диском, четырьмя руками, сияющего блеском и одетого в шафрановые одежды.

Все эти представления по-прежнему полностью соответствуют политеистической теологии. Вишну еще не вознесен над прочими как единственная духовная Реальность. Брахма, Вишну и Шива находятся практически на одном уровне, и каждый из них по-прежнему мыслится в материальных образах, как это было в более раннем богословии. В описании одного из великих жертвоприношений читаем:

*“Там собрались все боги,
Каждый за своей долей.”*

В одном весьма примечательном отрывке Вишну и Шива названы великими соперниками. Они встречаются в бою, Шива терпит поражение, и тогда:

*“Боги и мудрецы небесные
Признали первенство за Вишну.”*

В другом месте Вишну, обращаясь к Шиве, называет его “перворожденным среди богов”.

Кришна и вовсе не появляется в этих добавлениях. Рама представлен как воплощение половины энергии Вишну, тогда как другая половина распределяется между его тремя братьями. Пропорции этой энергии даны как 4, 1/2, 1/4. Причиной воплощения Вишну в образах Рамы и его братьев называется поведение великана Раваны, которое внушает ужас самим богам. Вишну должен воплотиться в человеке, чтобы убить Равану, который неуязвим ни для бога, ни для демона. Вот как звучит мольба богов к Творцу. Разве можно себе представить более наглядное выражение политеистической веры?

*“О Брахма, по великой твоей милости,
Раван, властелин племени великанов,
Изводит нас своей безумной гордыней,
И святых отшельников также.
Этот владыка, свирепый и яростный
Терзает землю, небо и ад.
Одержимый твоим даром, он в ярости
нечестивой
Поражает святого, певца, бога, мудреца.
Само солнце скрывает свет,
Ветер боится дунуть,
Огонь сдерживает свое пламя
В присутствии страшного Раваны.
Морская волна, обвивающая его шею,
Не смеет вздыматься в его присутствии.
Даже Кубера, бог богатства,
Изгнан со своего блаженного трона.
Мы видим, мы чувствуем силу демона,
И скорбь и страх охватывают нас.*

*К тебе, о Господи, взывают твои слуги,
Умоляя даровать спасение от этой беды.”*

Богословие второго слоя Махабхараты полностью соответствует вышеописанному: Брахма, Шива и Вишну находятся на равных, а Кришна - лишь частичное воплощение Вишну.

Несколько других отрывочных свидетельств прекрасно согласуются с фактами, раскрытыми в эпосах. Упоминание Мегасфена уже было процитировано. Патанджали, около 150 года до н. э., ссылается на театральные представления, в которых разыгрывались сцены убийства Карнхи и пленения Бали - эпизоды из мифа о Кришне. Вероятно, как и в греческой традиции, индийская драма первоначально носила религиозный характер, а потому эти пьесы служат дополнительным подтверждением существования культа Кришны. Существуют также надписи, свидетельствующие о поклонении Самкаршане и Васудеве во II и I веках до н. э.; при этом последний носил титул Бхагаван, а его почитатель мог именовать себя Бхагавата. Все это прекрасно вписывается в картину сектантских культов, существовавших до начала христианской эры. Васудева являлся эпитетом Вишну; и сам он, Шива, Индра, Брахма, а также Гаутама Будда и Махавира Джина удостаивались титула Бхагаван. Одна из надписей также свидетельствует о том, что поклонник, обращающийся к Шиве как к Бхагавану, называл себя Бхагаватой.

II. Как уже отмечалось выше, главным свидетельством деятельности школы Веданты в течение пяти столетий, предшествующих христианской эре, является небольшая группа Упанишад в стихах: Катхака, Иша, Шветашватара, Мундака и Маханараяна. Они представляют интерес в контексте данной главы благодаря теистическому тону своего богословия. Эти тексты показывают, что среди мыслителей ведантической школы того времени находились такие, кто признавал Брахмана личным Богом. Они использовали в отношении Него слова *дева*, *бхагаван*, *иша*, *ишана* и

говорили о Его милости. В "Шветашватара» также упоминается бхакти - поклонение, исполненное любви и преданности. Там же Брахман отождествляется с Рудрой и наделяется эпитетом *шива* - милостивый, благой, однако слово это, по всей видимости, еще не используется как собственное имя. В этих текстах мы также находим черту, характерную для более позднего индуизма: утверждение, что гуру, философский наставник, достоин поклонения как божество. Важно понимать, что эти теистические Упанишады не свидетельствуют о существовании теистической секты с жречеством и культом, но лишь указывают на присутствие теистически мыслящих людей в рамках самой ведантической школы.

А. Ближе к началу христианской эры среди образованных мирян Индии возникают новые мыслительные движения. Эти люди тянулись к философским системам как к формам мышления и одновременно как к путям освобождения. Однако все философские школы вели к выводу, что освобождение достигается через монашеский путь, и потому каждый, кто начинал всерьез стремиться к освобождению, вскоре сталкивался с серьезной проблемой: как совместить поиск мукти с жизнью домохозяина?

В. Тогда возник новый тип учения, вероятно, навеянный буддийской мыслью. Гаутама учил своих монахов, что главным врагом человека является желание: оно порождает действия, а действия - новое рождение. Потому буддийская дисциплина строилась вокруг задачи полного уничтожения желания. Индийский монах, как мы уже видели, стремился к абсолютному бездействию и ради этого великим актом самоотречения отказывался от всех подробностей индуистской жизни, становясь существом вне общества, человеком, завершившим свой земной труд. Новое же учение предложило иную концепцию: оно выделило из всех поступков те, что предписаны Священным Писанием для домохозяина, и отделило эти поступки от наград, с ними связанных. Каждый поступок,

предписанный индуистским законом, приносит соответствующее воздаяние, как в пятой заповеди Декалога. Идея состояла в том, что, будучи заповеданными Писанием, эти действия сами по себе столь чисты, что их совершение не образует кармы и не влечет за собой новое рождение. Но если совершать их с желанием обрести плоды - карма все же образуется и перевоплощение неизбежно. Отсюда следовало новое наставление: откажись от всякого стремления к результату предписанных действий, но исполняй их, ибо они заповеданы. Так, учили они, домохозяин может оставаться в семье, исполнять свои обязанности в быту, в касте, в религии, и все же достичь не менее истинного освобождения, чем монах.

Формулами, выражающими это учение, стали: “Исполняй свой долг без привязанности к плоду”, или, говоря короче, “Действуй без привязанности”. Подобный вид действия получил названия *нишикама-карма* - действие без желания, *нивритти-карма* - сдержанное действие, и *карма-йога* - союз действия. Эти понятия и выражения мы находим в Бхагавад-гите, Законах Ману, Махабхарате и в позднейших текстах. Ту же мысль передает и великое буддийское сочинение Авагхоши “Махаяна Шрадхотпада Шастра”, выражая ее как “спонтанность действия”.

С. Но еще более значительное воздействие на мирян оказала ведантическая теология. Каким образом эта философия приобрела такое влияние это остается неизвестным. Возможно, дело в том, что она преподавалась в брахманских школах, через которые проходили дважды-рожденные юноши, и это дало ей преимущество над иными системами. Как бы там ни было, совершенно ясно, что уже в I веке нашей эры основные положения веданты, уловленные духом времени, глубоко затронули лучшие умы. Убежденность в том, что за многообразием феноменов мира стоит одна великая духовная Реальность, и, как

следствие, вывод о том, что обычные боги - всего лишь явления, смертные и лишенные какого-то бытия, стали аксиомами для мыслящих людей. И хотя идея тождества человеческой души с Божественным не получила настооко глубокого распространения, она все же оказывала свое влияние.

Для тех мирян, кто был готов признать всех богов лишь частичными проявлениями невидимой и непознаваемой Реальности, веданта служила подспорьем - как для мышления, так и для религии. Но поскольку старый ведийский пантеон пришел в упадок, и вера людей все чаще и смелее сосредотачивалась на Вишну или Шиве, возникала серьезная трудность. Человек, чья живая религия полностью вращалась, скажем, вокруг Вишну, и который в то же время ощущал силу великих идей веданты, оказывался раздираем на две стороны. Он не мог отказаться от философии, ибо она казалась ему разумной. Но он не мог и отвергнуть Вишну, поскольку без Него у него не оставалось бы подлинной веры ни для себя, ни для своей семьи.

Та же трудность ощущалась и в буддийской, и в индуистской среде, но проявлялась по-разному. Гаутама учил, что за феноменами не стоит никакой духовной реальности. Поэтому думающий буддист ощущал, как его благоговение перед Гаутамой подвергалось серьезному испытанию растущей убежденностью, что существует некая духовная Сущность, пронизывающая собой Вселенную.

Результатом этого кризиса стало то, что два великих индуистских направления - вишнуиты и шиваиты, а также две различные буддийские школы - включили в свое учение главные идеи философии веданты о Боге и начали учить, что мирянин может достичь освобождения, не становясь монахом. Новое вишнуитское учение впервые проявляется в Бхагавадгите, а шиваитское в Махабхарате, в то время как два типа нео-буддийской доктрины обнаруживаются в Саддхарма Пундарике и в трактате Ашвагхоши *“Махаяна Шраддхотпада Шастра”*.

Эти новые учения делятся на две группы в зависимости от того, воспринимается ли Высшее как личностное или как безличное. Система Ашвагхоши представляет собой безличную теологию, тогда как три остальные - личностную. Ашвагхоша, а вслед за ним и Нагарджуна, утверждают существование Абсолюта - вечного, неизменного, непознаваемого, безличного; и представляют Будд как его воплощения.

Вишнуиты, шиваиты и автор Саддхарма Пундарики, напротив, утверждают, что Высшее - это Личность. Однако эта общая вера не объединяла их: вишнуиты отождествляли Брахмана с Вишну, шиваиты - с Шивой, а буддисты - с Гаутамай Буддой.

Д. Здесь необходимо отметить еще одно важное развитие доктрины. Мы видели, что во II веке до н. э. Рама и Кришна были объявлены частичными воплощениями Вишну. Когда же Вишну отождествили с Брахманом, учение о воплощении также претерпело изменения. Кришна и Рама были признаны полными воплощениями Вишну. Таким образом, возникла такая пара двойных равенств:

$$\text{Кришна} = \text{Вишну} = \text{Брахман}$$

$$\text{Рама} = \text{Вишну} = \text{Брахман}$$

Шиваиты не приняли доктрину воплощений. В их системе соответствующее место занимают теофании Шивы. Обе буддийские школы, однако, усвоили индуистское учение об аватарах: Ашвагхоша учил, что Гаутама и прочие Будды - это “проявления” “подлинной Реальности”, тогда как Саддхарма Пундарики утверждает, что Гаутама есть единый Бог - духовный, личностный, верховный, и что он принимает телесное воплощение время от времени. Таким образом, система Саддхарма Пундарики полностью параллельна вишнуитскому учению, изложенному в Бхагавадгите - только место Вишну здесь занимает Гаутама.

Е. Теперь лучше кратко рассмотреть каждую из новых систем по отдельности. Читатель заметит, насколько отчетливо в них вновь

проступают основные контуры ведантической теологии. Высшее - одно, духовное, подлинное. Оно является источником всего, но не имеет никакой цели и не действует: Его деятельность в мире - это магия или игра, майя или лила. Оно лежит за пределами мысли и речи, а потому не может ни открыться человеку, ни принять молитву, ни принять поклонение. Следовательно, оно может быть открыто лишь через проявление, будь то в образе старых богов, в личной теофании или в воплощении.

1. Начнем с Ашвагхоши, поскольку его безличная теология стоит очень близко к системе Шанкарачарьи. Чтобы читатель мог видеть, насколько близко их родство, приведем несколько предложений и выражений из Ашвагхоши:

(О системе, для всех):

*“Да избавятся все существа от сомнений,
да освободятся от пагубных привязанностей
и, пробудив веру, унаследуют семена Будды
ради этого я пишу это поучение”.*

(Об Абсолюте):

*“Единство всего сущего.
Единство вселенной, не имеющей второго.
Полностью отделен от свойств всего нереального.
Подлинная реальность; существующая сама по себе”.*

(О неведении):

“Все формы сознания и мышления - лишь плод невежества”.

(Об иллюзии):

*“Все, что существует в мире феноменов,
воплощено и установлено только через невежество*

*и субъективность всех существ,
и обладает не большей реальностью,
чем отражения в зеркале”.*

(О Буддах):

*“Оно преобразуется и проявляется...
в образе Татхагаты.*

*Все Татхагаты - это и есть Дхармакая (т. е.
Абсолют)”.*

Какое тут поразительное развитие веры в системе Гаутамы, который учил, что у вещей нет внутренней сущности или “я”.. Здесь, таким образом, Абсолют - безличен, а Будды - это его воплощения.

2. В Саддхарма Пундарике Будда выступает как Верховное Существо, но уже личностное, и он воплощается в мире вновь и вновь. О нем говорится как о Самосущем, как о Верховном Духе, Великом Отце и Отце Мира, как о Властителе трех миров, Творце и Разрушителе, как об Отце и Защитнике всех живых, о Великом Целителе. Он вечен, всеведущ и всевидящ. Подобно Кришне, он изображен беспристрастным и одновременно исполненным сострадания.

Мир - лишь иллюзия, поскольку сотворен Буддой в игре, через силу его магии. Он не пребывает в бездействии, ибо всегда деятелен; и все же он всегда в покое, поскольку господствует над собой, а его деятельность это лишь проявление игры.

Он не достиг просветления в Бодх-Гайе, как это обычно представляется, а обрел его задолго до этого множество сотен миллионов эпох назад. Его жизнь еще простирается на неисчислимые мириады веков. Он снова и снова рождается в этом мире. Когда люди становятся неверующими, утрачивают мудрость, впадают в невежество и беспечность, увлекаются чувственными удовольствиями и по легкомыслию навлекают

на себя беду - он нисходит в мир живых, чтобы их спасти. Когда он уходит, это не означает исчезновения; он лишь создает видимость ухода ради тех, кто нуждается в утешении и наставлении.

Суть спасения здесь заключается в освобождении, в отсутствии страсти, в обладании знанием Всеведущего. Он провозглашает закон всем без различия каст. Каждый может достичь просветления и окончательного освобождения через веру в Будду и преданность ему. Таким образом, путь освобождения открыт и для мирянина. Даже тот, кто воздаст почтение любому символу или реликвии, пусть всего лишь цветком, получит неисчислимую награду. Рассказывается история о бодхисаттве, который из преданности Будде сжег свое собственное тело; и юношам и девушкам рекомендуется сжигать палец, палец ноги или целую конечность у буддийского святилища, чтобы снискать великое благо. Это обращение к древнему обряду аскезы выглядит крайне необычным в контексте буддизма.

Будда не являет своей реальной сущности, пока пребывает в мире. Он раскрывает свою истинную природу лишь душам святых. И вот в повествовании Саддхарма Пундарики он предстает в неопишемом сиянии перед несчетными множествами своих последователей так же, как Кришна в Гите.

Потому вообще неудивительно, что он произносит слова: “Будучи совершенно спокоен, я веду других к покою. Придите ко мне, вы, боги и люди!” - и потому так величественно выглядит поклонение в храмах махаяны.

3. Теперь мы переходим к вишнуитской теологии, как она выражена в Бхагавадгите. Это произведение невозможно понять, если не осознать, что в нем философия веданты и путь освобождения были сделаны доступными для обычного вишнуитского мирянина. От начала и до конца Гита исполнена живейшего интереса к положению, жизни, поклонению и

спасению домохозяина и его жены. Собеседник воплощенного Бога Арджуна, кшатрий, мирянин. Кришна говорит, что учение *Гиты* делает освобождение доступным для женщин и шудр и это глубоко значимо, ведь старая веданта была открыта лишь для мужчин, и только для мужчин трех высших каст; тогда как в храмах вишнуитов, как и других, шудры и женщины столь же желанны, как и дважды рожденные мужчины. Кроме того, на протяжении всей Гиты осуждается бездействие, которое было идеалом монаха-ведантиста, тогда как действие - единственно возможный путь для мирянина - прославляется. Новая теория освобождения через *карма-йогу*, изложенная выше, получает здесь подробное развитие. Среди множества отрывков, выражающих особый интерес к мирянам, особенно стоит отметить стихи из третьей книги, где просветленный человек предостерегается от того, чтобы смущать умы обыкновенных домохозяев своими словами о ценности бездействия. Учение о воплощениях пронизывает все произведение. В нескольких местах подчеркивается значимость обычного поклонения четырехрукого человеческому образу Кришны в храмах вишнуитов. Гита - это по сути упанишада для мирянина.

Образ Кришны раскрыт с большой полнотой. Он - Вишну и Васудева. Он - Брахман, Атман, То, Пурушоттама - Верховный Дух. Он нерожденный, вечный, не имеющий начала и конца, нетленный, непостижимый, всеведущий и всемогущий. Он - Отец этой вселенной, Мать, Законодатель, Прародитель. Он - Путь, Опора, Господь, Свидетель, Жилище, Прибежище, Друг, Начало, Упразднение, Несокрушимое Семя.

Он - источник Вселенной. Он творит все и приводит в движение, как на карусели, посредством своей магии - *майи*. Он создает касты, является истоком Веды и вкушает жертву. Но, несмотря на то, что Кришна есть высшая сила во вселенной, он совершенно не заинтересован в ее деятельности; он остается безучастным, всегда действующим, но

управляет своей собственной природой, и потому не связан результатами своих действий.

Учение о воплощениях лучше всего передается словами самого текста:

“Хотя я не рожден, и моя сущность неизменна, и я - владыка всех существ, все же, овладев собственной природой, я воплощаю посредством моей собственной майи. Всякий раз, когда Закон ослабевает, и беззаконие поднимается, о потомок Бхараты, тогда я принимаю телесное рождение. Чтобы защитить праведных, уничтожить злодеев и утвердить Закон, я рождаюсь из века в век”.

Поскольку все боги исходят из Кришны, а он, в конечном счете, является единственной реальностью, то даже поклонение, приносимое другим богам, по сути своей возносится ему. Он принимает его и вознаграждает, однако высшие благословения ниспосылаются лишь тем, кто признает его прямо. Освобождение и бессмертие могут быть достигнуты посредством знания, через чействие или через преданность (*бхакти*) Кришне. Значение личного доверия к Кришне и пламенной преданности ему многократно подчеркивается.

“Если кто-нибудь, исполненный искреннего духа, с любовью принесет мне лист, цветок, плод или немного воды - я принимаю это как приношение любви. Имей в уме Меня, будь предан Мне, приноси жертву Мне, воздавай Мне почести. Направляя себя так, вручив себя Мне - ты придешь ко Мне.”

В первоначальной веданте человек достигал бессмертия и покоя, осознавая свою тождественность с Брахманом, однако такое отождествление почти не оставляло места для личного чувства и жизни. Но с признанием верховного как личности, стала возможна и личная форма бессмертия. В Гите душа все еще слишком тесно отождествлена с

Богом, чтобы это новое и более полное представление могло раскрыться в полной мере, однако мы уже видим приближение к нему. Бессмертие, которого человек достигает через карма-йогу и преданность Кришне, склоняется к личному бессмертию. Преданный приходит к Кришне и пребывает в нем. Быть может, самое продвинутое выражение этой мысли в словах:

“Устрями на Меня свой ум, в Мне же утверди разум - и ты несомненно пребудешь потом во Мне”.

Ранее мы уже указали, что учение, побуждающее домохозяина искать освобождения через исполнение всех предписанных обязанностей индуса без стремления к вознаграждению, находит свое выражение в Гите. Теперь стоит отметить, что то же самое поэтическое сочинение делает шаг вперед: оно призывает мирянина посвящать все эти действия Кришне - исполнять их, но отказываться от плодов ради него. В других местах подобное действие, свободное от желания, представлено как жертва Кришне. И первоначальная форма учения, и эта, измененная личностной теологией, встречаются в Гите бок о бок.

Важно подчеркнуть, что Гита самым ясным образом утверждает: каждый индуист должен строго соблюдать все правила индуизма. Семейные обязанности, кастовые предписания, религиозные обряды - все должно исполняться с величайшей тщательностью. Никто не должен пренебрегать предписанным действием. Все это заключено в стихе, где *дхармашастры* возводятся в ранг нравственного закона:

“Итак, осознав шастру как меру различения добра и зла, ты должен здесь совершать дела, предписанные постановлениями шастры”.

Гита оформлена как диалог между Кришной и его другом-воином Арджуной. Когда Арджуна осознает, что Кришна не только божество, но абсолютное Единое, Основа мира и всех богов, он просит Кришну явить

ему свой верховный образ. Кришна исполняет просьбу, являясь как славное Существо неопишемого сияния, в котором заключены все миры, все боги, все существа под каждым именем. Арджуна поклоняется Ему с низким поклоном и дрожащим голосом, выражая свою радость от созерцания этой неопишемой славы, но затем умоляет Кришну вернуться в Его прежний четырехрукий облик с диадемой, диском и палицей.

Рама в Гите вообще не упоминается, однако вставка в шестую книгу Рамаяны показывает, что та же теология, которую мы находим в применении к Кришне в Гите, применялась и к Рама. Он отождествлен с Вишну, а Вишну назван истинным, вечным, несокрушимым Брахманом. Он непостижим, вне досягаемости человеческих чувств, и все же зрим во всех материальных вещах. Таким образом, мы можем проследить внутри самой Рамаяны полное развитие мифа о Рама. В середине поэмы он человек, и только человек. В первой книге он воплощение половины энергии Вишну. Здесь, он - это полное воплощение. Но для полного раскрытия Рама как воплощения Верховного нужно обратиться к поэзии Тулси Даса на хинди.

4. Учение о том, что Брахман является личностным и тождественен Шиве, зародившееся, как мы видели, в *Шветашватара-упанишаде*, впервые оформляется как учение шиваитской секты в *Махабхарате*. Но поскольку в эпосе нет ни одного целостного документа, который можно было бы использовать для изложения шиваитской теологии так, как Гиту для вишнуитской, лучше всего иллюстрировать ее на примере произведения, полностью посвященного Шиве - *Тирувачагама* Маникка Вачакара, сборника тамильских гимнов, относящегося к X веку. Следующие строки наглядно покажут, насколько глубоко в него проникла теология веданты. Выделенные выражения особенно заслуживают внимания:

“Взгляни на Него - первого! Взгляни на Него - все сущее!”

*Взгляни на Него - бесконечного! Взгляни на Него - древнего!
Взгляни на Него - великого, кого не узрели ни Брахма, ни Вишну!
Взгляни на Него - чудесного! Взгляни на Него - многообразного!
Взгляни на Него - вечного, превышающего слова!
Взгляни - Он обитает там, где мысль человека недостижима!
Взгляни - Он простирается по всей широкой земле!
Взгляни на Него - более тонкого, чем мельчайший атом!
Взгляни на Него - Господа, которого все могут обрести!
Взгляни - на Шиву, которого знают даже боги.”*

Шиваит же отрицает, что Бог может быть рожден женщиной, но твердо верит, что Шива многократно являлся в человеческом облике и продолжает являться до сих пор. Вот еще несколько строк из того же тамильского произведения:

*“Приняв множество форм и обличий,
По сотням тысяч разнообразных естеств,
Ишан, Владыка быка, дабы спасти мир,
Он и Госпожа, Его Супруга, снизошли в благодати.
Став брахманом, он милостиво принял меня в удел,
И явил иллюзию чудес.
Придя в Мадуру, великий и прекрасный град,
Он стал конюхом.
И там же, ради преданной женщины,
Он не постыдился носить землю.
В Уттара-Кадаманагае Он обитал,
И показал Свой особый лик.
В Пуванам явился в дивной красоте
И показал Свою древнюю, незапятнанную форму.
В Ватхавуре явился с нежной благодатью,
И раздался звон Его звенящих ножных колец.”*

Г. 1. Вероятно, примерно в ту же эпоху, когда буддийские и индуистские секты приняли теологию веданты, сами ведантисты начали соединять основные положения санкхьи, объясняющей эволюцию вселенной, с ведантическими представлениями о Боге и душе. Вишнуитская партия могла принять это почти без изменений. Шиваитам потребовалась отчасти корректировка. В центральной школе веданты было внесено куда больше поправок.

2. Теистические элементы в прозаических упанишадах и более развитый теизм стихотворных трактатов показывают, что внутри этой школы всегда существовали мыслители-теисты. Когда разразился великий кризис, лидеры вишнуитских и шиваитских сект, по всей видимости, обратились к сторонникам теизма внутри веданты за помощью в формулировке своей новой теологии.

Наиболее вероятно, Гита была создана внутри самой ведантической школы. Вероятно, она представляет собой древнюю стихотворную упанишаду, отредактированную и расширенную каким-то авторитетным ведантистом в ответ на нужды времени, чтобы стать нормативным пособием вишнуитской теологии. Такое прочтение истории, по-видимому, наилучшим образом объясняет все факты. Ведь речь идет не просто о синхронном возникновении ведантических форм теологии в четырех различных сектах. Речь идет о поразительном факте: Бхагавадгита, являющаяся полностью сектантским произведением, признающим Вишну как тождественного Брахману, а Кришну как Его полное воплощение, не только признается как образец ортодоксальной веданты, но входит в число трех произведений, образующих канон школы. Есть и другой интересный факт: шиваиты и вишнуиты считают себя последователями веданты столь же подлинно, как и ученики Шанкары, и признают весь ее канон как вдохновленный. Именно по этой причине каждая значимая шиваитская или вишнуитская секта имеет собственный комментарий к Веданта-сутрам, в котором старинный трактат истолковывается в соответствии с ее убеждениями. Особенно интересно, что Гита, в которой Вишну провозглашается Верховным, и где утверждается доктрина воплощения, принимается шиваитами как боговдохновенное произведение и широко используется ими, несмотря на то что они отказываются признавать Вишну Брахманом и отвергают саму идею воплощения. Однако самый поразительный факт заключается в следующем: Шанкара,

величайший из всех ведантистов, оказывается вынужденным, в силу канонического авторитета Гиты, признать Кришну воплощением Брахмана. Как объяснить такие удивительные обстоятельства? Если Гита действительно была написана внутри школы веданты и признана в ней авторитетной с самого начала, то тогда все становится на свои места.

Примечательно и то, что произведение с таким авторитетом, как Гита, называется “смысл всех упанишад” и почти столь же почитается, как они, но на самом деле оно должно бы именоваться *смрити*, а не *шрути*. Причина проста: шудры и женщины не допускались к слушанию *шрути*; а Гита - это упанишада мирянина, предназначенная для всех индуистов, принадлежащих к кастам.

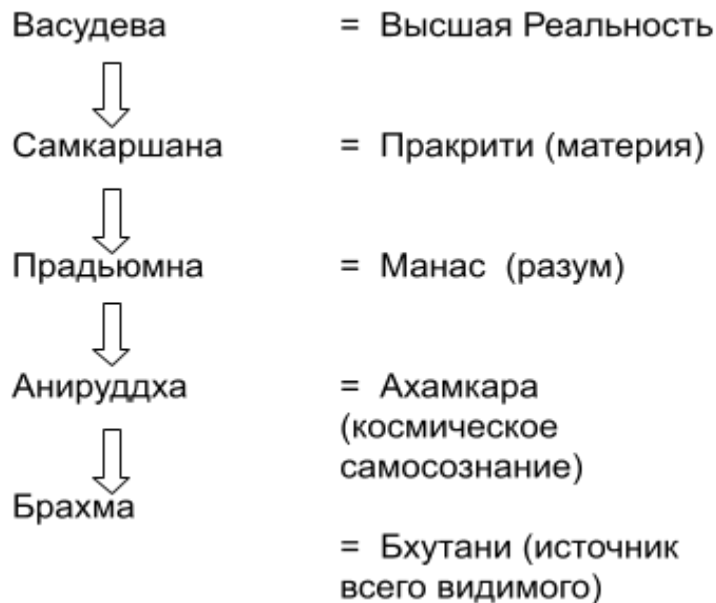
III. Теперь стоит рассмотреть историю следующих веков.

А. В Махабхарате есть один отрывок, заслуживающий особого внимания, поскольку он дает нам представление о поздней вишнуитской теологии. Это знаменитый эпизод в *Шанти Парве*, где описывается, как Нарада посетил Белый Остров, на котором он увидел, как его обитатели поклоняются Вишну и удостоился видения самого Бога. Многие считают, что в этом рассказе можно различить отголоски христианского влияния, оказанного на вишнуизм. Было бы крайне неосмотрительно утверждать, будто подобное влияние никогда не достигло, или не могло достичь, вишнуитов, ибо начиная с первого века христианство проникало в земли, прилегающие к Индии, и в саму Индию через разные каналы и с разной силой. Однако с другой стороны, честным будет признать, что если этот фрагмент действительно является эхом восприятия христианских идей, то эти идеи были настолько преобразованы, что невозможно указать ни на один элемент, который ясно и определенно восходит к христианскому источнику. Следовательно, нету необходимости обсуждать этот вопрос здесь далее.

Вишнуиты в данном фрагменте названы *бхагаватами*, то есть почитателями Бхагавана, Господа, как это уже зафиксировано в одной из ранних надписей. Система и ритуал их почитания известны как Панчаратра и Сатвата, однако происхождение этих названий до сих пор не получило четкого объяснения. Сообщается, что семеро Риши, известных как Читрашкхандины, составили Верховное Писание, по-видимому, руководство по теологии, ритуалу и закону Панчаракры. Вероятно, здесь речь идет об изначальном тексте, на котором основаны все ныне существующие самхиты Панчаракры. Главный догматический сдвиг, засвидетельствованный в данном отрывке, заключается в появлении доктрины *вьяхы* или Развертывания. Стоит привести здесь наиболее важные строки. Васудева, (то есть Вишну) говорит:

“Моя четвертая форма создает неуничтожимого Шешу. Шеша зовется Самкаршаной. Самкаршана создает Прадьюмну. Я сам воплощаюсь как Анируддха... Из Анируддхи рождается Брахма. Последний выходит из пупка Анируддхи. Из Брахмы исходят все существа, подвижные и неподвижные. Знай, что Творение таким образом возникает вновь и вновь в начале каждой Калпы. Сотворение и разрушение следуют одно за другим, как восход и закат в этом мире”.

Таким образом, Васудева, Самкаршана, Прадьюмна, Анируддха и Брахма образуют нечто вроде родословного древа. Незадолго до этого, в той же части текста, Самкаршана отождествлен с пракрити, Прадьюмна - с *манас* (разумом), Анируддха - с *ахамкара* (самосознанием); здесь же сказано, что из Брахмы возникают *бхутани* - первоэлементы материи. Это как раз та цепочка космических сущностей, которую санкхья постулирует как основу объяснения устройства вселенной, и изобразить ее можно вот так:

Очевидно, данная мифологическая родословная была предназначена для того, чтобы облегчить необразованному народу усвоение достаточно сложной для понимания системы эманаций, предложенной философией санкхья. Ее мифологическая природа становится еще более очевидной, если учесть, что Кришну называли Васудевой, что Баларама, его брат, именовался Самкаршаной - “извлеченным”, поскольку был извлечен из утробы своей матери и перенесен в Рохини, тогда как Прадьюмна - это сын Кришны, а Анируддха - один из его внуков. Имеются данные, что Самкаршане поклонялись еще до христианской эры.

Также здесь представлена доктрина аватар - учение о воплощениях. Согласно ей, в каждой Калпе Вишну воплощается десять раз: в виде лебедя, черепахи, рыбы, получеловека-коня, вепря, человека-льва, карлика, Парашурамы, Кришны и Калки.

В. Шива - фигура яркая и живописная в Махабхарате. Он обладает двумя ликами. Один - грозный и разрушительный, отраженный в именах Рудра (ревущий), Кара (тот, кто сметает все), Кала (Время). Второй - мягкий и благой, выражен в именах Шива и Шанкара. В своем грозном облике он предстает ужасающим и мрачным - смерть, мор, разрушение. Он безумный отшельник, обсыпанный пеплом, несущий череп, обитающий у

погребальных костров. В своем благом образе он танцор, любящий музыку и игру. Однако самый значимый факт, с которым мы сталкиваемся в Эпопее, это то, что поклонение Шиве теперь принимает фаллическую форму. Его популярность опирается на лингам, как у Вишну на воплощения. Теологическая система шиваитов именуется *пашупата*, от “Пашупати” что значит Владыка стад (древнее имя Шивы).

С. Введение философской теологии в сектантские культы - главная особенность их развития в поздние этапы обеих эпопей. Наряду с основным философским элементом - отождествлением Вишну и Шивы с верховным Брахманом появились и иные философские и аскетические влияния. Важнейшим среди них стало то, что высшая цель индуистской философии - освобождение, которая теперь проникла в секты и стала достижимой посредством *бхакти*, преданности сектантскому божеству. Кроме того, для того чтобы вишнуитский или шиваитский мирянин мог хоть немного приобщиться к философии, в культы была перенесена из философских школ фигура *гуру*, учителя. Преданный, будь то мужчина или женщина, выбирает себе гуру, и между учителем и учеником устанавливается прочная духовная связь. Сопутствующая идея, возникшая в то же время, заключается в том, что для ученика гуру - это сам Бог, и должен почитаться соответственно. Возможно, именно с введением института гуру связана и практика *дикиши* - сектантского обряда инициации. Само название и обряд уже давно существовали в философских школах. Наконец, представляется очевидным, что именно внедрение философского элемента принесло в секты идею *ахимсы*, то есть ненасилия. Напомним, что запрет на убийство животных возник среди отшельников (*ванапрастха*) еще в очень раннюю эпоху, а позднее проник и в дисциплину *санньяси* - индуистских, буддийских и джайнских. В их случае запрет зачастую распространялся и на растительную жизнь. Как мы уже видели, позднее это правило стало ограничиваться лишь охраной

животных, а растения перестали приниматься во внимание. Поскольку считалось, что убийство животного рождает дурную карму и мешает человеку приблизиться к освобождению, серьезный мирянин был обязан соблюдать закон ахимсы. Забота о жизни животных стала важнейшей обязанностью в обеих сектах, и отсюда проистекают два изменения.

Во-первых, жертвоприношения животных были отменены во всех храмах тех сект, которые на полном серьезе утверждали, что поклоняются Абсолюту. До сих пор ни в одном храме Вишну не допускается жертвоприношение животного, и в большинстве шиваитских храмов оно также запрещено. Мы даже можем проследить, как именно философское влияние возымело действие в одном конкретном случае. Когда Мадхва разработал собственную философскую теологию и основал свою секту, он наложил запрет на жертвоприношения в ее храмах, хотя его последователи прежде практиковали это. Вместо животных им было предписано приносить в жертву их изображения, сделанные из рисовой муки. Жертвоприношение животных в индуистских храмах, возможно, как и во многих других странах, представляло собой общую трапезу, в которой участвовали и бог, и его народ. В современных же храмах принято раздавать каждому поклоняющемуся часть пищи и воды, принесенной в дар идолу. Пища эта называется *прасада*, то есть дар милости, а вода - *тхиртха*, то есть святая вода.

Второе: мясоедство было осуждено, и с течением времени употребление исключительно растительной пищи постепенно распространилось среди населения. Вегетарианство однако не стало всеобщим среди индуистов. Существуют даже группы брахманов, которые едят рыбу и мясо. Но везде, где философские и аскетические идеи получили серьезное развитие, вегетарианство склонно было шире укореняться.

Д. Стоит сказать несколько слов о трех группах книг - Пуран, сектантских Упанишад и сектантских руководствах, известных под названиями самхиты, агамы и тантры. Все они принадлежат к одному историческому периоду. Ведущие тексты каждой из этих категорий относятся ко времени от конца эпохи Эпоса до эпохи Шанкары, около 800 года по Р. Х., но многие из них написаны позднее. Главная черта этой литературы - сектантский характер: уже не предпринимается попыток создания общенациональной литературы, как это было в случае с Махабхаратой.

1. Главный интерес Пуран для нашего исследования, помимо их ярко выраженного сектантства, заключается в том, что именно в них мы находим полный цикл поздних мифов о Кришне, связанных с Матхурой и Вриндаваной. Здесь дается в подробностях рассказ о его детстве и обо всех его проделках среди пастухов. Харивамша, Вишну-пурана и даже поздняя Бхагавата-пурана вовсе не упоминают Радху - пастушку, возлюбленную Кришны, но Падма-пурана и Брахма-вайварта-пурана уделяют ей огромное внимание. Этот новый элемент стал главным источником нравственной распущенности некоторых вайшнавских сект. Имеется также ряд Пуран, поддерживающих культ Шивы: это Сканда-пурана, Шива-пурана, Линга-пурана и Бхавишья-пурана.

2. Множество Упанишад, как в прозе, так и в стихах, принадлежащих к различным учениям и практикам, были созданы в течение первого тысячелетия по Р. Х. и условно приписаны к Атхарваведе. Среди них есть и такие, которые излагают новую философскую теологию вайшнавских и шиваитских сект. Профессор Дойссен в своем труде "Шестьдесят Упанишад Вед" переводит семь вайшнавских Упанишад и пять шиваитских. В двух из этих трактатов объектом медитации выступает верховный Вишну в образе

человека-льва, однако чаще всего почитается сам Вишну, или Рама, или Кришна. Одна из шиваитских Упанишад посвящена *трипундре* - шиваитской сектантской отметине, представляющей собой три горизонтальные линии, нарисованные пеплом на лбу шиваитом.

3. Далее следуют сектантские руководства. Вайшнавцы, как правило, называют свои книги самхитами Панчаракры, тогда как шиваиты называют свои шива-агамами. Шакты, почитающие супругу Шивы как его *шакти* - энергию, именуют свои руководства тантрами. Все эти тексты как по форме, так и по содержанию во многом сходны с Пуранами, но они имеют гораздо большее значение, поскольку представляют собой авторитетные руководства как по ритуалу, так и по теологии практически всех вайшнавских и шиваитских сект и на Севере, и на Юге Индии. Здесь мы находим полностью сформировавшиеся системы. Эти книги излагают законы построения храмов, устанавливают правила храмового ритуала и дают наставления гуру по посвящению новых членов в секту. В них также содержатся очерки основных богословских и философских доктрин сект. Это та литература, которая веками направляла деятельность жрецов и гуру, и именно она воспринималась как вдохновенная авторитетами поэтами и мыслителями, особенно в те времена, когда великие книги Веданты были малоизвестны. Существуют еще немногие храмы, в которых ритуал регулируется по калпа-сутрам, но их крайне мало. Такие храмы известны как *смартские*, потому что ими управляет смрити. Агама и самхиты до сих пор очень слабо изучены европейскими исследователями, так что говорить определенно об их датировке невозможно. Самое большее, что можно утверждать, это то, что некоторые из них, вероятно, относятся к пятому веку; значительное число

существовало уже во времена Рамануджи; однако многие были написаны еще позже.

Е. В седьмом веке и в последующие столетия вайшнавизм и шиваизм на юге Индии получили мощный импульс и поддержку благодаря двум параллельным линиям поэтов-святых - Алварам среди вайшнавов и Адиярам среди шиваитов. Эти люди черпали вдохновение преимущественно из Пуран, с одной стороны, и из агам и самхит с другой. Они также отождествляли Вишну и Шиву с верховным Брахманом. Их влияние на народ основывалось на их пламенном энтузиазме и горячей преданности Вишну и Шиве. Они проповедовали и воспевали на тамильском языке, и их воздействие ощущается доныне через их тамильские гимны. Эти гимны поются в рамках ежедневного богослужения в большинстве храмов тамильских областей, а также там, где разговорным языком является Телугу и Каннада.

Ф. Обе великие секты породили эротические подвиды с весьма развращенными культами. История возникновения этих течений пока еще не выяснена. Из шиваизма возникли две шактийские секты, то есть те, что поклоняются шакти Шивы. В рамках индуизма каждая богиня рассматривается как шакти, или энергия, своего супруга; однако секты, называемые шакта, поклоняются исключительно Уме, супруге Шивы, почитая ее в образах Дурги и Кали, и наиболее тесно связаны с Бенгалией. Правосторонние шакты считаются респектабельными, в то время как левосторонние проводят свои обряды тайно и отличаются крайней безнравственностью. Эротический вайшнавизм, по-видимому, сформировался в районе Матхуры - места, где, как повествуют предания, прошло детство Кришны. Однако, подобно шактам, эти вайшнавские подвиды встречаются во многих частях Индии. Эти движения оказали весьма серьезное влияние на индуистское общество.

Г. В начале девятого века среди аскетических учителей древней школы Веданты появился знаменитый Шанкара - выдающийся ученый, который придал философии окончательную и четкую форму. Частично благодаря блеску своего ума и способностей, частично благодаря тому, что он возглавлял школу, которой гордились все ее приверженцы, Шанкара сумел увлечь за собой почти всю страну, провозгласив монистическое (*адвайта*) толкование Веданты.

Н. Однако со временем сектанты начали ощущать, что его пантеистическая доктрина Брахмана, полное отождествление души с Богом и теория, согласно которой мир это всего лишь иллюзия, едва ли согласуются с основополагающими положениями их веры. Если они действительно правы, поклоняясь Вишну и Шиве таким образом, как делают это, то Верховное Существо должно быть личностным, душа - в каком-то смысле отличной от Бога, а мир обладать хотя бы относительной реальностью. Первые явные признаки несогласия с учением Шанкары появляются в творчестве Маникка Вачакара, уже упоминавшегося тамильского поэта. Его дата, вероятно, приходится на столетие позже Шанкары. В своих стихах он выражает отвращение к надменному вероучению Веданты под которым, без сомнения, имеется в виду именно система Шанкары. Крестовый поход против этой системы был значительно расширен в начале XII века Рамануджей, лидером вайшнавской церкви. Его комментарий к Веданта-сутрам, известный под названием шри-бхашья, представляет собой выдающееся произведение, вполне достойное стоять рядом с шедевром Шанкары. Следующим шагом можно считать деятельность Мейканда-девары - шиваитского философа, писавшего на тамильском языке в XIII веке и изложившего в народной речи систематическое выражение философско-богословских идей шиваизма. В XIV веке Мадхва основал новую вайшнавскую секту в Канарской области и с большой решимостью и успехом выступил против

системы Шанкары, написав собственный комментарий к Веданта-сутрам, тогда как Умапати продолжил борьбу за Шиву в Тамильской земле. Позднее на севере выступили Валлабхачарья и Чайтанья, и каждый из них стал лидером вайшнавской школы, стремившимся утвердиться в качестве теистического ведантиста в противовес Шанкаре. Шиваитский комментарий к Веданта-сутрам принадлежит перу Нилакантхи. Его датировка, вероятно, весьма ранняя, но пока что точно не установлена.

Философская позиция Рамануджи заключается в том, что существует только один Вечный Брахман - абсолютный, невидимый, за пределами мысли и речи. Он - бог вайшнавской секты, известный под именами Вишну и Васудева. Но, несмотря на свою абсолютность, он обладает личностью и не лишен качеств: он отделен от всякого зла и наделен бесчисленными превосходными характеристиками. Это Бог любви и благодати. Хотя он Единый Абсолют, он включает в себя все сущее. Души и мир - его тело, каждая душа - часть (*амша*) Бога. Будучи телом Бога, они существуют вечно и никогда не исчезнут. И мир, и души реальны. Однако души и материя существуют в разное время в двух состояниях: свернутом и развернутом, скрытом и причинном. Тело Бога пребывает в своем свернутом и скрытом состоянии в периоды пралай (промежутки между разрушением и новым сотворением мира), тогда как в периодах калпа (между сотворением и разрушением) оно пребывает в причинном и раскрытом виде, когда мир становится видимым и деятельным.

Души подчиняются законам перевоплощения и кармы, бесконечно перерождаясь и умирая. Освобождение из этого круга возможно лишь тогда, когда душа достигает знания о вечном Брахмане. Это знание становится возможным лишь через благодать Бога и ответную преданность (*бхакти*) со стороны души. Когда освобожденный человек умирает, его душа входит в вечное блаженство, сохраняя индивидуальность навсегда.

Освобожденная душа подобна Брахману во всем, за исключением того, что она не обладает его силой творить, сохранять и разрушать мир.

Философия шиваитов совсем немного отличается от философии Рамануджи; единственное отличие в том, что они отождествляют Брахмана с Шивой и полагают, что освобожденная душа после смерти полностью сливается с Брахманом и теряет всякое сознание индивидуального бытия. Именно по этой причине шиваиты предпочитают называть свою систему адвайта, то есть монистической. Когда освобожденная душа достигает Брахмана, по их мнению, между нею и Брахманом не остается никакой разницы.

Философия Мадхвы практически совпадает с учением Рамануджи, хотя он с еще большей силой подчеркивает различие между душой и Богом, в связи с чем называет свою систему двайта, то есть дуалистической.

Таким образом, философия теистических сект резко отличается от взглядов Шанкары, но различия между самими сектами имеют не столь большое значение, за исключением того, что одни почитают Вишну, а другие Шиву.

I. Теперь обратимся к развитию вайшнавизма в Северной Индии, где отдельные элементы системы находят более полное и ясное выражение, чем где-либо еще.

Рамананда, ученик Рамануджи, восстал против обременительных правил, касающихся пищи, одежды и омовений, характерных для секты, и около 1400 года переселился в Северную Индию, где начал проповедовать людям всех каст, используя везде народный язык. Однако даже он не стремился к полному разрушению кастовой системы. Он просто игнорировал ее в рамках проповеди и богослужения. Те секты, которые почитают его своим духовным предшественником, продолжают жить в рамках каст, как и прочие индуисты. Он сохранил традиционную

вайшнавскую теологию и форму поклонения без изменений, за исключением того, что сделал особый акцент на поклонении Раме, в то время как в исходной секте Рама и Кришна почитались в равной степени. Эта черта отличает всех, кто считает себя продолжателем его духовной линии.

Кабир испытал сильное влияние как ислама, так и вишнуизма своего учителя Рамананды, и потому в его учении проявились два значительных отступления от традиционной индуистской практики. Он воспринял гораздо серьезнее, чем вишнуиты, утверждение о том, что познание Бога не зависит от касты, и потому отказался подчиняться власти брахманского жречества. Здесь, таким образом, мы сталкиваемся с явным разрывом с кастовой системой. Он также подверг насмешке индуистскую мифологию, отверг учение об аватарах, утверждал, что все индуистские боги мертвы, и запретил поклонение идолам. Его последователи тем самым были отрезаны не только от услуг брахманов, но и от храмового культа. Они собирались на богослужение отдельно. Тем не менее, Кабир сохранил многие черты вишнуизма. Он называл Бога Рамой, придавал гуру то же значение, какое тот имеет у вишнуитов, сохранял мантру, четки из плодов тулси, вертикальный сектантский знак на лбу и освященную пищу, известную как *прасада*. Вот две цитаты Кабира:

“Индусы совершают омовения в священных реках, отправляются в паломничества, склоняются перед изображениями из бронзы и камня, и думают, что таким образом чтят Бога. Но они заблуждаются. То, чего желает Бог, - это чистота сердца; застывать в символах, предназначенных лишь вести к Богу, значит впадать в идолопоклонство.”

“Если бы можно было найти Бога, поклоняясь камням, я стал бы поклоняться горе; ведь мельничные жернова, что перемалывают зерно, полезнее этих идолов.”

Нанак, основатель сикхской общины, как утверждается, был учеником Кабира, и несомненно, в ряде важных положений он последовал за своим наставником. Он не признавал идолопоклонства; таким образом, сикхи не могут поклоняться в обычных индуистских храмах, но имеют собственные места богослужения. Это означало разрыв с брахманами в сфере культа, однако маловероятно, чтобы сам Нанак осуждал касту как таковую. Подобное осуждение было сформулировано позднее, одним из следующих гуру. Нанак был теистом, но, как и большинство индуистов, сохранял всю индуистскую мифологию. В своих реформах он не зашел столь далеко, как Кабир. В сикхскую общину кастовое деление впоследствии вернулось.

IV. Влияние доктрины воплощения, особенно в изложении Бхагавадгиты, оказалось весьма значительным. Кришна и Рама стали первыми признанными воплощениями, но вскоре ряд древних преданий из Вед и Брахман был переработан в истории об аватарах, а затем появились и совершенно новые сюжеты, так что уже в пределах Махабхараты можно встретить перечень из десяти воплощений. Некоторые из них имели полуживотную форму: человек-рыба, человек-кабан, человек-черепаха, человек-конь и человек-лев. Позже список был расширен до двадцати четырех; таковым он представлен в Бхагавата-Пуране. Без сомнений эта длинная череда образов частично, представляет собой заимствование из буддийской традиции, в которой уже в более ранние времена существовал длинный перечень Будд. У джайнов тоже есть длинный список тиртханкаров.

Позднее каждый видный вишнуитский лидер стал признаваться воплощением не самого Вишну, а одного из его спутников или символов.

Так, Рамануджа обычно считается воплощением великого змея Шеши. Его предшественник в главном храме, Ямуначарья, признается воплощением Вишваксены, военачальника Вишну. В двух его учениках - Дашаратхи и Кутее - воплотились раковина и диск Вишну. Ранние святые считаются инкарнациями ожерелья, булавы, меча, лука, драгоценного камня и орла Вишну.

Даже те секты чьи основные доктрины противоречат учению об аватарах, позже все же восприняли его в той или иной форме. Кабир насмехался над воплощениями Вишну, и все же его собственные последователи прославляют его как воплощение Высшего. Его ученик Нанак, основатель сикхизма, и все девять последовавших за ним гуру признаются сикхами как воплощения.

Еще удивительнее обнаружить учение об аватарах в древней школе Веданты. Поскольку одно из основных положений Веданты гласит, что человеческий дух и есть Бог, представляется невероятным, чтобы строгий ведантист мог принять концепцию воплощения. Ни в одном из ранних Упанишад это понятие не упоминается; оно также отсутствует в Веданта-сутрах. Однако Шанкарачарья признает Бхагавадгиту в числе авторитетных текстов Веданты и называет Кришну воплощением. Впрочем, особенно важно, что он не отождествляет Кришну с Брахманом: он считает его лишь частичным воплощением. Видимо, он осознавал трудности, которые влечет за собой эта доктрина в пределах ведантической системы, и потому ввел это уточнение, чтобы немного смягчить напряжение.

Еще поразительнее находить доктрину воплощений среди шиваитов, ведь одним из основополагающих принципов шиваитского богословия считается утверждение, что Бог не может быть рожден женщиной. Лишь в шиваизме последних веков это учение стало появляться. Осторожные авторы избегают его полностью. Почти несомненно, что идея проникла

через древнее представление о том, что всякий шиваитский гуру должен приниматься и почитаться как сам Шива. Отсюда всего один шаг до концепции воплощения. Поэтому в более поздней шиваитской литературе Шанкара и все великие ачарьи шиваитской школы прямо называются воплощениями части Шивы.

V. Теперь перед нами в общих чертах предстает вся история развития богословия внутри индуизма - от момента, когда под давлением теории кармы возникла доктрина Брахмана-Атмана, вплоть до важнейших течений, сформировавшихся под влиянием мусульманской мысли. Философия и практика Веданты остаются самым ярким достижением религиозного гения Индии на всем протяжении ее истории; но повествование, развернувшееся в этой главе, приводит нас, пожалуй, ближе к самому сердцу индуизма, чем любое другое. Стремление осмыслить Высшее как абсолютно трансцендентное, и в то же время как Личность, принимающую участие в судьбе человека - вот к чему, начиная примерно с рубежа нашей эры, тяготело главное ядро мыслящих индусов. Санкхья и Веданта привлекали умы, жаждущие интеллектуального постижения, и предложили богатейший арсенал метафизических и психологических категорий, глубоко укоренившихся в индийской мысли; но подлинно достойное теистическое учение - вот чего искал и добивался утонченный индийский дух.

Внедрение ведантического мировоззрения в культы Вишну и Шивы заметно расширило духовный горизонт сект и повлекло за собой значительные перемены как в обрядах, так и в повседневной жизни. Для простого почитателя Вишну или Шивы было вдохновляющим услышать, что его Бог есть Высшее Существо, непостижимое и в то же время исполненное любви и милости, Тот, о Котором размышляли величайшие мудрецы Индии, и перед Кем он призван питать пылкую преданность. Сильное впечатление производила также мысль, что каждый человек -

часть Божественного. Новая философская теология приближала к нему идею, что высшая цель религиозной жизни состоит не в мелких мирских просьбах, которые он обращал к своему божеству, а в полном освобождении от власти чувств и бесконечной цепи перерождений - в исходе из всего преходящего, неудовлетворительного и скорбного. Донесение этих идей до простого мирянина стало, без сомнения, значительным духовным возвышением. Вместе с идеей освобождения пришло осознание того, что умерщвление живых существ -это один из главных тормозов на пути к цели. Поэтому он охотно принял реформу, в результате которой жертвоприношения животными, к которым прибегали его предки на протяжении веков, были заменены приношениями из зерна, плодов, овощей и цветов. Еще более поразителен тот факт, что во многих районах Южной Индии, а также в отдельных областях Центральной и Северной Индии, целые группы представителей высших каст поддались влиянию этой идеи и стали убежденными вегетарианцами. С течением времени обнаружилось, что представители низших каст столь же способны постичь духовные истины, как и брахманы; и с тех пор мы повсеместно находим в теистических общинах уверенность в том, что всякий человек способен обрести спасение.

Тем не менее, приходится признать, что суеверия не исчезли. Прежде всего, идолопоклонство не было оставлено. Да, от жертвоприношений животных отказались, и это свидетельствует о пробуждении чувствительности, однако для духовной религии это не стало подлинной победой: приношение плодов и овощей каменному изваянию столь же суеверно, как и жертвоприношение мяса. Святилище, изображение божества, поднесенная пища и вода, как считается, пронизаны божественной силой. Рассказывают, как однажды пес, съев немного пищи, предложенной идолу, тут же вознесся на небо. Более того, Рамануджа уверяет, что “убийство животных в жертву способствует их восхождению в

небесный мир”. Вера в магическую силу одного лишь произнесения имени Божьего и в действенность сектантской мантры сохранилась с прежней интенсивностью. Можно сказать даже, что сама философия принесла с собой новые формы суеверий: гуру почитается как Бог в обеих сектах; пыль с его ног наделяется святостью, а вода, в которой он омыл их, воспринимается учениками как напиток бессмертия. Вишнуиты утверждают, что Вишну в полной мере присутствует в каждом шалиграме - черном окаменевшем образовании из реки Гандак, тогда как шиваиты верят, что Шива обитает в каждом круглом белом камне, найденном в Нербудде. Из этого питается целая группа опасных суеверий: вера в силу заговоров, амулетов и талисманов; в божественную сущность и власть коров, быков, обезьян, змей, а также множества деревьев и растений; в святость рек, источников и прудов; в действенность странных обрядов и магических ритуалов. Индуизм так и не преодолел своего убеждения, что святость и божественная сила заключены в вещах.

VI. Нам теперь предстоит понять, какие именно силы на протяжении веков определяли основные направления в развитии индийского теизма и придавали ему его особое, характерно индуистское лицо. Наше исследование показало, что интерес в истории религиозных сект заключается прежде всего в их смелой попытке соединить возвышенные черты ведантической теологии с народной религиозностью. Здесь нам надлежит рассмотреть, как эти два элемента - философия и народная вера - взаимодействовали между собой, насколько успешным оказался их синтез.

Как и в изначальной Веданте, здесь развитие определялось доктриной кармы. Брахман по-прежнему мыслится как недеятельный, чтобы не подпасть под власть кармы. Старая формула “Брахман вне пределов мысли и слова” повторяется тысячекратно. Рамануджа пишет, что Вишну, сотворив вселенную от Брахмы и до неодушевленных

предметов, вновь ушел в собственную природу и стал недостижим для размышлений и поклонения - как богами, от Брахмы и ниже, так и людьми.

Маникка Вачакар утверждает:

“Он обитает там, куда не достигает человеческая мысль”.

А Тулси Дас пишет:

“Рама — вне досягаемости разума, души и речи”.

В результате мы сталкиваемся здесь с теми же последствиями, что наблюдали и в ранней Веданте.

А. В начальный период, до их слияния с ведантизмом, сектантские течения даже не помышляли о том, чтобы подчинить Вишну и Шиву каким-либо моральным ограничениям. Боги находились выше нравственного закона. Обращаться к ранней мифологии за доказательствами нет необходимости. Тем не менее, важно помнить об этой особенности, ибо она продолжала оставаться живой и влиятельной на протяжении всей последующей истории.

Но серьезная попытка представить Верховное Существо как личность неизбежно влекла обе секты к сфере морали. Вишну и Шива, как и прочие индуистские божества, издавна считались милостивыми и доброжелательными по отношению к своим почитателям; и уже в стихотворных Упанишадах заложено начало учения о том, что Брахман - это личность, исполненная благодати. Следовательно, Вишну и Шива, будучи отождествлены с Верховным, не могли не быть милостивыми. В конце концов, это привело каждую из сект к четко выраженной доктрине: Верховное Существо - это Бог любви и милости. Более того, сама попытка наделить Бога реальной личностной природой вела к моральному осмыслению. Потому Рамануджа описывает Вишну как Того,

“чья сущность - полное отрицание всякого зла... кто есть безбрежный океан благих и благословенных качеств”.

А в саивагами Шива именуется *сагунья*, в смысле того, кто обладает всеми благоприятными свойствами. Это на самом деле чрезвычайно важный момент. Теистические секты решительно отвергли старую ведантическую идею о том, что Бог аморален.

Но теперь обратим внимание на следствие. Брахман мыслится как личностное и этически совершенное Существо, однако, как говорит Рамануджа, он “удалился в собственную природу” и пребывает в абсолютной недеятельности. Поэтому он не может проявить свою нравственную сущность в отношении мира или человека. Она остается далекой, в непоколебленном покое его трансцендентного бытия. Он не может быть источником и опорой нравственного порядка вселенной. Он не может править народами как справедливый Бог. Его моральная природа, таким образом, оказывается полностью неактивной. О нем нельзя сказать, что он обладает характером. Это обстоятельство необходимо ясно осознавать; иначе мы столкнемся с логическим противоречием. Если только не признать, что нравственная сущность Брахмана не действует ни на мир, ни на человека - то каким образом можно было бы совместить его характер со следующими явлениями?

1. В великих текстах сект мы по-прежнему находим ту же старую уверенность в том, что боги стоят выше морали и могут совершать поступки, которые человеку запрещено ни повторять, ни осуждать. Давайте начнем с цитаты из Бхагавата-Пураны, одного из главнейших авторитетов в традиции вишнуизма:

“Нарушение добродетели и дерзкие деяния, наблюдаемые у богов (ишваранов), не следует считать пороком этих славных существ... Никто, кроме самого бога, не должен даже в мыслях подражать такому поведению... Слово богов истинно, и поступки их подчас тоже бывают справедливы; пусть мудрый человек соблюдает их повеление,

ибо оно правильно... Поскольку мундичи ничем не ограничены и поступают как им угодно, то каким может быть сдерживающий закон для Него (верховного Дэвы), если Он добровольно принял на Себя тело?”

Та же самая мысль прослеживается и в жизнеописании Рамануджи. Однажды, во время религиозной процессии, когда несли изображение Вишну, и Рамануджа следовал за ним, на город обрушился проливной дождь. Священники внесли изображение в храм Шивы, чтобы укрыться от непогоды, но Рамануджа отказался войти следом; ибо ни один истинный вайшнав не переступит порог храма Шивы. Далее история передает такой диалог:

“Господин! Твой Повелитель укрылся внутри, отчего же ты не идешь за Ним? - Глупец! - воскликнул Рамануджа. - Если император решит предаться ласкам с блудницей, разве это значит, что его целомудренная царица тоже должна подражать ему, ступив в объятия какого-нибудь вельможи? Мы подобны целомудренной царице и не можем поступать, как поступает Господь”.

Тулси Дас, говоря о Шиве и других богах, пишет:

“Глупец, который, возгордившись знанием, решает подражать богам, утверждая: “Человеку дозволено то же, что и божеству”, - будет низвергнут в ад на весь срок существования мира”.

В подобных отрывках нет нужды долго искать аргументы: перед нами - языческое представление, согласно которому боги стоят выше морали и остаются в этом отношении неисправленными.

2. Кришна почитается как полное воплощение Вишну - Брахмана, “чья сущность есть абсолютное отрицание всякого зла”; и тем не менее в литературе, признаваемой сектами вдохновенной, он изображен как

виновный во лжи, обмане, воровстве, убийствах и беспредельной развратности. Шиве приписываются деяния во время его теофаний, на которые не решился бы ни один человек, дорожающий своей честью. Эта поразительная ситуация становится понятной лишь при условии, что мы в полной мере учтем ведантическое учение о “божественной игре” (*лила*), а также осознаем, что оно лишь прикрывает старое правило, гласящее: боги находятся вне сферы морали. Только с помощью этих двух положений можно объяснить, каким образом сектам удалось сохранить всю древнюю мифологию, связанную с индуистскими богами. Если бы хотя бы один порыв чистой нравственности пришел от Брахмана, все эти постыдные истории о богах - с их похотью и распрями, с их легкодоступными нимфами, посланными искушать аскетов, с их прелюбодеяниями и инцестами, со страхами и трусостью, злобой, ложью и местью - все это было бы развеяно и выброшено в забвение.

3. Рассказы о любовных похождениях Кришны среди пастушек в Вриндаване, и особенно его страсть к Радхе, дали начало множеству новых под-сект внутри вайшнавизма; некоторые из них придерживаются респектабельных форм культа, другие же - глубоко развращены. Корневыми идеями, позволяющими этим эротическим сектам возникнуть внутри великой вайшнавской общины, были следующие: во-первых, что божество, явившись в человеческой форме, свободно в своих играх от всякого морального закона; во-вторых, что, хотя обычному человеку нельзя даже мечтать о подражании божественным играм, в акте поклонения такое подражание становится средством наивысшего приближения к богу. Более того, если обычные миряне обязаны подчиняться нравственным нормам своего общества, то жрецы того божества, что воплотился в человеческом облике, как представители этого бога, вправе воспроизводить в своем богослужении его божественные деяния. С этой точки зрения становится объяснимой даже моральная гнусность культа Валлабхачарьи.

Как мы видели выше, левосторонние шакты (*вамачары*) являются ответвлением саиваизма и практикуют наиаморальнейшие обряды. Они поклоняются супруге Шивы, называя ее Кали и Дургой. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что этот культ, включающий беспорядочные половые связи как часть своего обряда, представляет собой форму аборигенного поклонения, подобно многим другим, интегрированного в индуизм. Религиоведение знает немало примеров богинь плодородия и деторождения, в культе которых предписываются подобные практики. Для нас же главное в том, что эта грубая система была допущена брахманами в рамки индуизма и поставлена под покровительство великого бога Шивы. Неизбежный вывод из этого таков: Шива в сознании последователей не обладал нравственной природой, которая восстала бы против настолько гнусного культа.

Великие храмовые врата Южной Индии, известные как *гопурамы*, и башни храмов Центральной Индии нередко покрыты скульптурой такой непристойной, что ее невозможно описать словами. А кое-где, как, например, во Вриндаванском вишнуитском храме в Шрирангаме, в Тричинополи, внутренние стены и потолок, по выражению Хопкинса, “разрисованы скотством” - фресками, изображающими удовольствия, которыми наслаждаются в небесах Вишну. Повозка, на которой божество шествует во время великих праздников, также часто покрыта похабной резьбой. До сегодняшнего дня в большинстве великих храмов Юга и Запада действуют целые труппы танцовщиц, так называемых *девдаси* - “служительниц бога”. Эти женщины изредка действительно участвуют в ритуалах, но их реальное занятие - это проституция. Они наносят невообразимый вред. Женщины разъезжают по стране, усыновляют или покупают маленьких девочек, чтобы воспитать их для этой позорной жизни. В храмах Шивы по всей Индии почти неизменно вместо изображения божества можно увидеть его фаллический символ - *лингу*.

При этом, как ни странно, этот знак не пробуждает нечистых помыслов у простого индуиста. Тем не менее, мы имеем здесь на лицо отражение грубой, непристойной, варварской религии, которую веками терпел ведантический теизм. Потрясает то, что эти похотливые скульптуры, эти развратные фрески, эти танцовщицы и эти оскорбительные символы находятся не в частных постройках, а в самих храмах - в тех самых высоких чертогах, освященных живым присутствием богов. Неизбежный вывод: ни Вишну, ни Шива никогда не представлялись как существа, чье нравственное сознание могло бы быть оскорблено подобными вещами. Даже величайшие философы не ощущали никакого несоответствия между этими храмами и этическим Брахманом своей теологии. Шрирангам - именно тот храм, где Рамануджа долгие годы жил и правил как верховный жрец. Там же им был написан его великий комментарий (*Бхашья*). Маникка Вачакар неоднократно в своих гимнах сокрушается о собственной слабости и глупости, из-за которых поддавался чарам *девдаси*; но он ни разу не требует изгнания их из храмов как позора для Шивы.

Жертвоприношения животных были отменены в большинстве храмов, и миллионы индуистов стали вегетарианцами, потому что ощутили: убийство живого отбрасывает душу назад на пути к освобождению. Но очевидно, что сексуальная распущенность в мифах о Кришне, в кришнаитских сектах и в храмах никогда не воспринималась их лидерами как препятствие к мокше, иначе неизбежно поднялось бы решительное движение за ее искоренение.

4. Величайшие святые совершают глубоко аморальные поступки во имя служения своим богам, и это у них считается вполне оправданным. Маникка Вачакар, один из величайших святых саивизма, уже упоминавшийся выше, был изначально первым министром царя Мадурая. Царь вручил ему крупную сумму денег, велел отправиться в приморский

город и закупить арабских коней. Но по дороге Маникка Вачакар встречает Шиву в облике гуру, окруженного девяноста девятью учениками, обращается в саивизм и становится аскетом. Он передает всю казенную сумму ученикам Шивы и беднякам. *Тиру Мангаи Альвар*, один из главнейших вайшнавских святых южной Индии, в своей официальной биографии изображается совершающим - ради служения Вишну - ложь, обман, кражу со взломом, убийство и воровство: он врывается в буддийский храм и похищает золотое изображение Будды. Можно привести множество подобных историй, где преданные, и мужчины, и женщины, совершают грубейшие аморальные поступки во имя бога или гуру. Более того, этот принцип прямо вкладывается в уста самого Вишну в одной санскритской цитате:

*“Если ты грешишь ради Меня - это становится заслугой;
все добро, совершенное не ради Меня - становится грехом”.*

5. Если бы Брахман действительно осмыслялся как абсолютно святой, то мысль о том, что сектантские гуру и святые могут быть его подлинным проявлением, была бы попросту невозможна. Как иначе нам понять следующие утверждения? *Унмай Вилаккам*, один из четырнадцати авторитетных тамильских текстов Саива сиддханты, гласит:

*“Те, кто считает и почитает Гуру, Лингу и преданных
Бога за самого несравненного Господа, не будут подвержены
рождению и смерти”*

А в одном из вайшнавских *Самхит* мы читаем:

“Гуру — это сам Парабрахман”.

Эти высказывания и поклонение таким людям как спасителям доказывают, по крайней мере, одно: что в данном контексте совершенная нравственная природа, приписываемая Брахману, была либо забыта, либо оставлена без внимания; ведь люди с глубоко несовершенными характерами признаются

самим Брахманом и получают поклонение, которое должно принадлежать одному лишь Богу.

6. Одним из самых драгоценных положений, на которых строится индийское теистическое учение, является вера в то, что Бог исполнен любви и милости. И вишнуиты, и саивиты одинаково искренне и страстно утверждают эту истину. Она вдохновила немало прекрасной религиозной литературы и тронула сердца тысяч простых людей. Особенно ярко это проявляется в произведениях великих поэтов сект - Маникки Вачакара, Тукарама, Тулси Даса и других.

Однако именно под крылом этой веры как на Севере, так и на Юге укоренилась практика сожжения вдов. Именно в рамках этой самой веры долгое время терпелось умерщвление новорожденных девочек и все прочие жестокие и бесчеловечные проявления кастовой системы. Обе эти секты официально утверждают, что низко кастовый человек способен к бхакти и может достичь освобождения столь же истинно, как и брахман, - следовательно, он тоже является предметом божественной любви. Но, несмотря на это, внутри этих могущественных сект ни разу не возникло движения, которое стремилось бы освободить неприкасаемого от невыносимого положения, в которое ставит его кастовая система. Рамануджа, несомненно, был глубоко впечатлен духовной восприимчивостью людей из низших каст- его жизнь содержит множество трогательных эпизодов, свидетельствующих об этом. Однако он ни разу не предложил изменить их социальный статус.

Осуждаем ли мы Рамануджу и прочих вождей, как саивитов, так и вишнуитов? Вовсе нет. Кто бы ни проникся искренностью и благородством этих мужей, их высокими побуждениями, их героическими трудами и жертвами ради исповедуемой веры? Но ясно одно: та вера, которую они унаследовали, не обладала ни нравственной силой, ни теплом, достаточными, чтобы осудить сожжение вдов, убийство

младенцев-девочек и ту жестокую тиранию, под которой живет неприкасаемый.

Истинная причина такого положения дел состоит в том, что индуистская система, как мы уже видели в пятой главе, сформировалась еще в эпоху полного политеизма - за много веков до того, как секты усвоили ведантическую теологию и поднялись до высокой веры в то, что Брахман - это Личность и нравственный Дух. При этом и духовные вожди, и простой народ продолжали считать, что древняя система религиозной, социальной и семейной жизни была установлена Богом, священна и неизменна во всех своих частях, как это изображается, например, в Бхагавад-гите. А нравственное качество, приписываемое Брахману, будучи заключенным в его трансцендентальной природе и никогда не проявляясь в действиях среди людей, оставалось совершенно бессильным, чтобы побудить даже лучших людей к моральному негодованию перед лицом безнравственности и социальной жестокости, на которых зиждилась эта система. Какова бы ни была теоретическая ценность нравственного характера Брахмана, она никогда не вдохновляла ни одного теистического мыслителя на этическую критику индуистского строя. Брахман так и не был по-настоящему осмыслен как нравственная сущность.

В. В веданте Шанкары Брахман понимается как безличный. Для теиста же ключевая мысль заключается в следующем: если Брахман отождествляется с Вишну (или с Шивой), то он должен быть истолкован как Личность. Обе секты - и вишнуиты, и саивиты, последовательно утверждают личностную природу Брахмана. Таким образом, перед нами пункт, по которому секты совершенно расходятся с центральным течением веданты.

С. Все теистические мыслители полностью принимают учение Упанишад о том, что Брахман, как сущий “по ту сторону мысли и речи” не может принимать ни жертву, ни молитву. Приведенные выше слова

Рамануджи, Маникки Вачакара и Тулси Даса наглядно свидетельствуют, как глубоко они прониклись этой идеей. Подобные утверждения можно найти и у других богословов. Это означает, что одним из высших положений индуистской теологии остается то, что Высшее Существо не принимает жертв и не слышит молитв. Без ясного осознания этой мысли невозможно понять, каким образом развивалась теология сект.

Но если Бог не принимает приношений и не отвечает на молитвы - то в чем же тогда смысл религии, спросит кто-нибудь, и как могли появиться теистические секты? Разве подобное может быть частью индуизма? Факт остается фактом: все серьезные мыслители всех сект последовательно и строго осмысливают абсолютную природу Бога. Он представляется неизменно глухим к молитвам и невосприимчивым к жертвоприношениям. То, что почитается в сектах, это его представители.

Вот почему, даже после внедрения ведантической теологии, культ в обоих направлениях продолжался без изменений. Поскольку Брахман не может быть предметом поклонения для *санньяси*, то и Вишну-Брахман не может быть объектом поклонения для вишнуита. Однако поскольку Рама и Кришна уже рассматривались как *аватары* Вишну, и поскольку каждое изображение Вишну считалось столь проникнутым его сущностью, что представляло собой живого и могущественного Бога, в этом находилось и основание, и возможность для поклонения. Точно так же Шива-Брахман был недоступен для размышлений, молитв и жертв саивитов; но его присутствие, по их вере, наполняло каждое изображение Шивы и каждую лингам по всей стране, так что с поклонением не возникало трудностей. Все древние сказания и мифы о Шиве бережно сохранялись и переосмысливались как *теофании* - явления Бога во благо его преданных. В саивизме они заняли то же место, какое занимали воплощения в вайшнавизме. И в обеих этих сектах существовал еще один объект поклонения.

В ранних школах веданты учитель именовался гуру, и связь между учеником и наставником была чрезвычайно тесной и сохранялась на протяжении всей жизни. Ученик никогда не писал книгу, не выразив в ней своей глубокой почтительности к своему гуру - живому ли, усопшему ли. Никто не мог быть признан гуру, если не достиг *джнаны* - знания, которое и есть освобождение, то есть ясного осознания, что он и есть Брахман. Поэтому в *Шветашватара-упанишаде* мудрый ведантист питает к своему гуру такое же благоговение (*бхакти*), как и к самому Брахману. Когда сектанты приняли ведантическую теологию, они приняли вместе с нею и эту традицию. Для серьезного вишнуита или саивита стало обычаем избрать себе гуру, чтобы тот наставлял его в богословии. Однако с самой традицией пришло и учение о том, что гуру - это и есть Брахман. В обеих сектах ученика учат поклоняться своему гуру как Богу. Таким образом, самому Вишну в его внутренней сущности поклоняться нельзя, но Вишну, проявленному в гуру, следует и можно поклоняться. Та же самая доктрина принята и у саивитов. Затем это правило распространилось и на святых, помимо гуру. Но речь идет не просто о воздании чести достойному. Согласно всем авторитетам, поклонение гуру является подлинным богопочитанием. Более того, гуру - это Спаситель, и преданность ему может даровать освобождение. В биографии Рамануджи читаем:

“Когда милостивый взор доброго гуру падает на человека, его спасение обеспечено - будь он глух, нем, неуч или мудрец, младенец или старец”.

“Помимо Рамануджи, для меня нет иного Бога.”

“Гуру - выше самого Бога”.

“Нараяна может как спасти, так и погубить, а Рамануджа - может лишь спасти”.

Вот почему изображения всех великих гуру помещаются в главных храмах - как саивитских, так и вишнуитских: они установлены там для того, чтобы люди могли достичь спасения через поклонение этим гуру.

Поздний господин судья Ранаде из Бомбея, лидер Пратхана-самаджа и движения за социальные реформы, сказал в одной из своих речей:

“Это противоречие между монотеистическим духом и политеистической практикой поражает всякого, кто изучает нашу религиозную жизнь, как неразрешимая загадка... Я сам не предлагаю сейчас никакого решения, ибо, хотя и размышляю об этом долгое время, пока еще не смог найти разумного и последовательного объяснения этой трудности”.

Исторический анализ теперь раскрывает подлинную причину. В силу теории кармы Брахман мыслился как пребывающий в бездействии, “по ту сторону мысли и речи”, не колеблемый ни молитвой, ни жертвой. Следовательно, Высшему невозможно было поклоняться, и потому не могло возникнуть основополагающее правило монотеизма:

“Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи”¹⁰¹.

Обе секты называют себя *экантинами*, то есть “признающими одного Бога”, но под этим разумеется признание лишь трансцендентного Единого, и не более. Культ же не входит в сферу этого признания. Если бы истинно монотеистическая идея когда-либо утвердилась среди вишнуитов или саивитов, она бы немедленно смела несметных “господ”, коим

¹⁰¹ Второзаконие 6:13

поклоняются в каждом храме, и гуру, признанных Спасителями и окруженных благоговением.

D. Наконец, остается убеждение, что Брахман, будучи лишен действия, не может творить мир. Он, несомненно, является источником вселенной; но способ, которым она из него исходит, не может быть творением, ведь это бы означало целенаправленное действие, делающее его подвластным карме. Но Брахман не имеет ни желания, ни плана, ни намерения, которое побуждало бы его к творческому акту. Тем не менее, поскольку мир действительно исходит от Него, Он в каком-то смысле является субъектом деятельности, которая, по сути, не есть действие. Решение этой загадки впервые было предложено автором Шветашватара-упанишады. Как боги, по верованиям, могут силой сверхъестественной скрывать свою сущность под любой формой, какую пожелают, так и он вообразил Брахмана как мага, а мир - как некое видение, вызванное его волшебством. То же самое повторяется и в Бхагавад-гите:

“Господь... своим волшебством заставляет все существа вращаться, как будто на карусели”.

Отныне деятельность Брахмана в мире всегда истолковывается как *лила* - божественная игра. Он поэтому неизменно именуется фокусником, магом, действующим лицом у всех лучших писателей.

В первоначальной Рамаяне, как мы уже видели, Брахма - Творец и величайший из всех богов, Вишну - один из двух, что ближе всего к нему, а Шеша - это огромный змей с тысячей голов, поддерживающий землю. Эти трое никак не связаны между собой теснее, чем кто-либо из обитателей небес. Однако с того момента, как Вишну стали отождествлять с трансцендентным Брахманом, появляется новый мифологический образ:

Шеша своими кольцами образует ложе для Вишну, а из его пупка вырастает лотос, на котором сидит Брахма - Творец. Эта поразительная концепция воплощает в наглядной форме основные элементы ведической теологии вишнуитов. Она призвана научить народ, наглядно и образно, что Вишну есть верховный Брахман, что Брахма, хотя и Творец, - он всего лишь временное существо, исходящее из источника всей жизни, и что Вишну, хотя от него исходит вся вселенная, сам пребывает в покое, в бездействии, возлежащий на символе вечности. Этот миф упоминается во вставке к шестой книге Рамаяны, на которую уже было сослано выше, и описывается также у Рамануджи. Именно этот образ Вишну почитается в главном храме Тируччираппалли. Здесь он называется Ранганатхой - Владыкой сцены, а сам храм называется Шрирангам. Он - Господь, наблюдающий за тем, как разыгрывается драма мира. Это его игра, его *лила*.

Так же, когда Шиву стали отождествлять с Брахманом, его почитатели стали представлять себе, что он творит мир в игре. Поэтому его деятельность, как в мире, так и в душе - символизируется танцем. Он называется Натешей - Владыкой танца, Натараджа - Царь танца, и в тысячах прекрасных произведений искусства изображается в движении, в танце.

Но иной способ понимания был разработан на основе санкхьи в каком-то из центров культа Кришны в более позднюю эпоху эпоса. Согласно санкхье, нет никакого Верховного Духа, и мир возникает из бесформенного начала, называемого *пракрити*. Каждая группа ведантистов приняла теорию санкхьи о происхождении видимого мира, и каждая, по-своему, вписала ее в свои базовые концепции. Так, для вишнуита мир реален, как и для санкхьи, но он верит, что мир исходит от Вишну-Брахмана, который личностен, но лишен действия. Как же

соединить это? Упомянутый выше миф о Вишну, Шеше и Брахме - один из способов, и его достоинство в том, что он сохраняет за Брахмой его древнюю роль Творца. Но он не оставляет места для эволюционной последовательности санкхьи. Именно такие соображения привели к созданию “цепи эманаций”, о которой говорится выше - в *Шанти Парване* Махабхараты. Как в гностических системах Верховное Существо стоит на несколько ступеней выше Демиурга, так и здесь. Однако если гностики стремились избежать соприкосновения Бога с материей, то индуистский мотив состоял в отделении его от действия.

Существовал и иной способ связать далекого, вовлеченного Бога с миром. Новая идея состояла в том, что жена бога - существо куда более доступное, стоящее ближе к миру и людям. Ее обычно представляют как его энергию в действии, тогда как он остается абсолютным и недвижимым. Так, у вишнуитов Лакшми называется *шакти* - силой, энергией Вишну, тогда как саивиты называют Уму *шакти* Шивы. О масштабах и популярности этой идеи можно судить по тому, что она даже проникла в буддизм. В тантрическом буддизме каждому великому Будде и Бодхисаттве приписывается наличие шакти - жены.

Однако именно концепция *лилы*, божественной игры, получила самое широкое распространение. Шанкара, Маникка Вачакар, Рамануджа и все прочие авторитеты используют слово *лила* - “игра”, чтобы обозначить активность Верховного в сотворении мира. Все теофании Шивы, явленные его почитателям, также называют игрой. Отсюда ожидание, что они будут капризны, непредсказуемы, своенравны, далеки от логики. В них нет последовательной цели, они не подчиняются никакому закону. Таким образом, все древние мифы о Шиве, сложившиеся задолго до того, как кто-либо стал именовать его Верховным, были пересказаны заново - как милостивые явления Шивы-Брахмана; и все

ранние легенды о Вишну, такие как спасение земли, были переосмыслены как воплощения Вишну-Брахмана.

Именно с этой позиции можно понять мальчишеские шалости Кришны и его аморальные поступки среди пастушек. Он был богом во плоти, а значит, все его деяния должны были быть *лилой*, игрой. Если в них было веселье и забава, значит, они достойны божества. Судить бога по человеческим нормам - значит не понять его природы. Наложить на него моральные рамки - значит лишить его божественной свободы. Неоиндуисты, которые пытаются оправдать все эти аморальные эпизоды, истолковывая их как аллегории, на самом деле лишь уводят в сторону. Как широко, и с каким удовлетворением улыбнулись бы авторы Падма-Пураны и Бхагавата-Пураны если бы они слышали такие подобные трактовки их текстов!

Благодаря всему вышеперечисленному мы можем ясно увидеть, насколько на самом деле далека индийская мысль от представления о Верховном как о Творце.

ГЛАВА X

БОГ С НАМИ

В этой главе мы попытаемся привести христианское учение к точному сопоставлению с доктриной кармы, с теологией Веданты и великих сект, а также с индийским идеалом воплощения. Связь между этими учениями столь тесна, что для ясности мысли лучше рассматривать их как одно целое.

I. Начнем с природы Бога. Свидетельства будут приведены посредством прямых цитат из Ветхого Завета и из Евангелий, с отдельными поясняющими фразами из Посланий.

A. В христианстве Бог рассматривается как абсолютно духовное и совершенно трансцендентное Существо. Он - верховный Дух:

*“Бог есть Дух”*¹⁰²

*“Господь превознесен над всеми народами, И слава Его
превыше небес”*.¹⁰³

Он - единственный Бог всей вселенной:

*“Я - первый, и Я - последний; кроме Меня нет Бога.”*¹⁰⁴

Он вечен:

*“От века и до века Ты - Бог”*¹⁰⁵.

Он пребывает вне времени:

*“..Высокий и Превознесенный, Живущий вечно..”*¹⁰⁶

Он неизменен:

*“Я - Господь, Я не изменяюсь; посему вы, сыны Иакова,
не уничтожились.”*¹⁰⁷

¹⁰² Иоанна 4:24

¹⁰³ Псалом 112:4

¹⁰⁴ Исаия 44:6

¹⁰⁵ Псалом 89:3

¹⁰⁶ Исаия 57:15

¹⁰⁷ Малахия 3:7

Он невидим:

“..как бы видя Невидимого, пребывал тверд.”¹⁰⁸

Он непостижим:

“Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя?”¹⁰⁹

Его разум не имеет предела:

“Велик Господь наш и велика крепость Его; разум Его неизмерим.”¹¹⁰

Он всеведущ:

“Нет твари, сокровенной от Него; но все обнажено и открыто пред очами Его...”¹¹¹

Он всемогущ:

“воцарился Господь Бог Вседержитель.”¹¹²

Он вездесущ:

“Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь.”¹¹³

Он имманентен как в природе, так и в человеке:

“Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.”¹¹⁴

И в то же время Он превосходит все:

“Вот, небеса и небеса небес не вмещают Тебя”¹¹⁵

Таким образом, Бог Библии столь же трансцендентен, духовен и абсолютен, как и Брахман в Упанишадах.

В. Следующий аспект, который необходимо осознать, — это нравственная природа Бога. Он абсолютно праведен Сам в Себе. Ни один

¹⁰⁸ Евреям 11:27

¹⁰⁹ Иова 11:7

¹¹⁰ Псалом 146:5

¹¹¹ Евреям 4:13

¹¹² Откровение 19:6

¹¹³ Иеремии 23:24

¹¹⁴ Ефесеянам 4:6

¹¹⁵ 3 Царств 8:27

человек не может быть сопоставлен с Ним по характеру: Он нравственно абсолютен и трансцендентен. Он:

“Высокий и превознесенный, вечно живущий, имя Ему - Святой”¹¹⁶

“Он твердыня; совершенны дела Его, и все пути Его праведны; Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен;”¹¹⁷

“Господь праведен, любит правду.”¹¹⁸

“Слово Господне право”¹¹⁹

“Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы”¹²⁰

“Господи! милость Твоя до небес, истина Твоя до облаков! Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои - бездна великая”¹²¹

“Правда Твоя - правда вечная, и закон Твой истина.”¹²²

“Поднимите глаза ваши к небесам, и посмотрите на землю вниз: ибо небеса исчезнут, как дым, и земля обветшает, как одежда, и жители ее также вымрут; а

¹¹⁶ Евреям 11:27

¹¹⁷ Второзаконие 32:4

¹¹⁸ Псалом 10:7

¹¹⁹ Псалом 32:4

¹²⁰ 1 Иоанна 1:5

¹²¹ Псалом 35:6-7

¹²² Псалом 118:142

Мое спасение пребудет вечным, и правда Моя не престанет.”¹²³

Он - Центр и Источник нравственного порядка во вселенной, Законодатель нравственности, Творец нравственной природы человека:

“Господь царствует: да радуется земля; да веселятся многочисленные острова. Облако и мрак окрест Его; правда и суд - основание престола Его.”¹²⁴

“Он любит правду и суд; милости Господней полна земля.”¹²⁵

*“Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней, ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее. Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно”*¹²⁶

“от края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его. Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых.”¹²⁷

“И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над

¹²³ Исаия 51:6

¹²⁴ Псалом 96:1-2

¹²⁵ Псалом 32:5

¹²⁶ Псалом 23:1-4

¹²⁷ Псалом 18:7-8

скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.”¹²⁸

“Он призывает на всех, живущих на земле: Он создал сердца всех их и вникает во все дела их.”

В главе III мы видели, что почти все слабые места доктрины кармы и переселения душ возникают из-за того, что она понимается как автоматическая, самодействующая. Система и законы кармы не исходят от Брахмана. Моральный порядок отделен от Бога.

Эта роковая ошибка устранена в христианстве. Бог осмысливается как по существу нравственный. В самой Своей сущности Он - моральное Существо. Он - Бог праведности не меньше, чем Бог разума и силы. Он трансцендентно и абсолютно благ. Он не способен поступать неправо, праведен в мыслях, в чувствах и воли Его совершенна в правде. Он - Источник всей нравственности, вплетенной в устройство мира и в природу человека. Нравственный закон столь же подлинное выражение Его суверенной воли, как и закон природы. Между Богом и нравственным порядком вселенной не может быть и не должно быть разделения.

С. Бог, таким образом, есть нравственный Абсолют; и, обладая совершенным нравственным характером, Он способен действовать. Так раз и навсегда решается та проблема, что на протяжении всей своей истории терзала индуистскую теологию. Нет никакой причины, по которой нравственная Душа вселенной должна быть бездеятельной.

Стремясь лишь к целям, исполненным совершенства, и руководимый исключительно праведными побуждениями, Бог может управлять каждым элементом физического мира, вступать в личное общение с человеческими нуждами и скорбями, руководить судьбами народов, внимать хвале и

¹²⁸ Бытие 1:26

молитве людей, говорить в совести каждого, порицая или одобряя поступки, терзать преступника раскаянием и утешать кающегося Своим присутствием, и при этом оставаться всеобщим, совершенным, неизменным Богом, славным в действии и исполненным милости к людям.

Это поразительное сочетание Божьей связи с миром и человеком ясно осознавалось еврейским умом. Бог - один, превознесенный выше всякой высоты, живущий в вечности, и в то же время - близкий смиренному сердцу, величественный в Своем возвышении и при этом нисходящий до самых простых и ничтожных вещей. Об этом великом контрасте Его величия и активной заботы о мельчайшем червяке и бедственном человеке свидетельствуют такие строки:

“Кто, как Господь, Бог наш, Который, обитая на высоте, приклоняется, чтобы призирать на небо и на землю;”¹²⁹

“Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, — Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных.”¹³⁰

“Уповайте на Господа вовеки, ибо Господь Бог есть твердыня вечная”¹³¹

¹²⁹ Псалом 112:5-6

¹³⁰ Исаия 57:15

¹³¹ Исаия 26:4

“Прибежище твое Бог древний, и ты под мышцами вечными; Он прогонит врагов от лица твоего и скажет: истребляй!”¹³²

Теперь обратим внимание на основные проявления Божьего действия в мире.

1. Будучи совершенен в праведности, наполнив мир праведностью и создав человека как нравственное существо, Бог способен воздействовать на моральную жизнь мира в каждом ее аспекте. Он управляет ходом событий, правит среди народов. Он наблюдает за всем, что происходит в сердце каждого человека, говорит в совести каждого, побуждая грешника к раскаянию, а праведника - к стойкости. Бог с нами в нашей нравственной жизни:

“Но хвляющийся хвались тем, что понимает и знает Меня, что Я Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне, говорит Господь.”¹³³

“Господь на Сионе велик, и высок Он над всеми народами.”¹³⁴

“Ты страшен; и кто устоит пред лицом Твоим во время гнева Твоего?”¹³⁵

“Ты поставил землю на тверди ее: не поколеблется она во веки и веки.”¹³⁶

¹³² Второзаконие 33:27

¹³³ Иеремия 9:24

¹³⁴ Псалом 98:2

¹³⁵ Псалом 75:7

¹³⁶ Псалом 103:6

“Истребит Господь все уста льстивые, язык великоречивый.”¹³⁷

“Где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня и видели дело Мое.”¹³⁸

“Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих.”¹³⁹

“О, человек! сказано тебе, что — добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим.”¹⁴⁰

“Если бы я видел беззаконие в сердце моем, то не услышал бы меня Господь.”¹⁴¹

“Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое, испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный.”¹⁴²

“Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня.”¹⁴³

¹³⁷ Псалом 11:4

¹³⁸ Псалом 94:9

¹³⁹ Псалом 145:17

¹⁴⁰ Михей 6:8

¹⁴¹ Псалом 66:18

¹⁴² Псалом 138:23-24

¹⁴³ Псалом 51:10-11

“Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, Господи! кто устоит? Но у Тебя прощение, да благоговеют пред Тобою.”¹⁴⁴

“Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив.”¹⁴⁵

“Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим”¹⁴⁶

“Притом, если мы, будучи наказуемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?”¹⁴⁷

“Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: "мы Его и род”¹⁴⁸

“Сзади и спереди Ты объемлешь меня и полагаешь на мне руку Твою. Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?”¹⁴⁹

“Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;”¹⁵⁰

¹⁴⁴ Псалом 129:3-4

¹⁴⁵ Псалом 102:8

¹⁴⁶ Псалом 93:2

¹⁴⁷ Евреям 12:9

¹⁴⁸ Деяния 17:28

¹⁴⁹ Псалом 138:5-7

¹⁵⁰ Матфея 6:9-10

“Если терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли такой сын, которого бы не наказал отец?”¹⁵¹

“Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.”¹⁵²

3. Бог пребывает в самом тесном религиозном отношении с каждым человеком. Это непрерывное религиозное действие, это неограниченное участие в духовной жизни людей возможно потому, что Бог абсолютно независим от человека, от его хвалебных слов и жертв. Он принимает их поклонение и слышит их молитвы ради их же блага, а не ради Себя. Христос ясно выразил это: Бог - наш Отец, и движим любовью. Он может действовать целенаправленно, со всей серьезностью, не становясь при этом эгоистичным или зависимым от объекта Своего действия. Бог с нами и в религии.

Он говорит с людьми, открывая им Себя и Свою волю:

“Он показал пути Свои Моисею, сынам Израилевым дела Свои.”¹⁵³

“Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил.”¹⁵⁴

“Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах;”¹⁵⁵

¹⁵¹ Евреям 12:7

¹⁵² Матфея 7:11

¹⁵³ Псалом 102:7

¹⁵⁴ Евреям 1:1-2

¹⁵⁵ Матфея 16:17

Он знает о нас все, и сочувствует нам:

*"Он проращивает траву для скота и зелень на пользу человеку, чтобы произвести из земли пищу"*¹⁵⁶

*"Потому что всего этого ищут язычники; и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом."*¹⁵⁷

Он слышит молитвы и отвечает на них:

*"воспойте славу имени Его, воздайте Ему хвалу и славу."*¹⁵⁸

*"Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят."*¹⁵⁹

Он защищает бедных и униженных:

*"И будет Господь прибежищем угнетенному, прибежищем во времена скорби."*¹⁶⁰

*"Бедные и нищие ищут воды, и нет ее; язык их сохнет от жажды. Я, Господь, услышу их, Я, Бог Израилев, не оставлю их."*¹⁶¹

Он - наш Утешитель:

*"Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме."*¹⁶²

*"Он исцеляет сокрушенных сердцем и врачует скорби их."*¹⁶³

¹⁵⁶ Псалом 103:14

¹⁵⁷ Матфея 6:32

¹⁵⁸ Псалом 65:2

¹⁵⁹ Матфея 7:7-8

¹⁶⁰ Псалом 9:9

¹⁶¹ Исаия 41:17

¹⁶² Исаия 66:13

¹⁶³ Псалом 146:3

*"Ибо Агнец, который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их."*¹⁶⁴

Он ни в чем не зависит от человека:

*"Знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною. Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе: ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее."*¹⁶⁵

*"Бог, сотворивший мир и все, что в нем... Сам, дающий всему жизнь и дыхание и все."*¹⁶⁶

Тем не менее, Бог ожидает от нас любви, поклонения и послушания; Это обязанность каждого человека: любить, чтить и повиноваться одному только Богу.:

*"Сын мой! отдай сердце твое мне, и глаза твои да наблюдают пути мои."*¹⁶⁷

*"Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи."*¹⁶⁸

*"Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим"*¹⁶⁹

Всякий грех тем самым становится личным восстанием против Него и заслуживает самого сурового наказания:

*"Вот, все души Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои; душа согрешающая, та умрет."*¹⁷⁰

¹⁶⁴ Откровение 7:17

¹⁶⁵ Псалом 49:11-12

¹⁶⁶ Деяния 17:24-25

¹⁶⁷ Притчи 23:26

¹⁶⁸ Матфея 4:10

¹⁶⁹ Матфея 22:37

¹⁷⁰ Иезекииль 18:4

Но Бог Сам обращается к каждой душе с призывом к покаянию и предлагает прощение тому, кто готов отвернуться от греха:

*"Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю."*¹⁷¹

*"Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов."*¹⁷²

Он послал в мир Своего Сына и предал Его позору, страданиям и смерти, чтобы Своих детей вернуть к любви:

*"Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную."*¹⁷³

Бог совершенно ясно и определенно мыслится как Творец вселенной. Это становится возможным именно потому, что Он есть нравственный Абсолют. Его святая природа делает невозможным растворение в творении или подчинение ему. Его совершенный нравственный характер позволяет Ему замышлять самое высшее, сотворить мир как арену для осуществления этого замысла и направлять ход событий к исполнению того, что составляет Его внутреннюю цель. Бог присутствует с нами и в наших физических отношениях.

*"В начале сотворил Бог небо и землю."*¹⁷⁴

"Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет... От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли... дабы они искали Бога, не

¹⁷¹ Исаия 1:18

¹⁷² Марка 1:4

¹⁷³ Иоанна 3:16

¹⁷⁴ Бытие 1:1

ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас."¹⁷⁵

Он не просто пребывает в мире в смысле вездесущности: Он поддерживает самую тесную и действенную связь со всей природой - как живой, так и неживой - и с духом человека. Его рука лежит на каждом участке материальной вселенной:

*"Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас."*¹⁷⁶

*"Он исчисляет количество звезд; всех их называет поименно."*¹⁷⁷

*"Ибо велик Господь и достохвален, страшен Он падче всех богов."*¹⁷⁸

*"Облекающийся светом, как ризою, простирающий небеса, как шатер; устрояющий горние чертоги Свои на водах; делающий облака Своей колесницей, шествующий на крыльях ветра; творящий Ангелами Своими духов, служителями Своими — огонь пылающий."*¹⁷⁹

*"Ты послал источники в долины: между горами текут, поят всех полевых зверей; дикие ослы утоляют жажду свою."*¹⁸⁰

*"Он послал на них дожди градом, пламень огня на землю их."*¹⁸¹

Он возвращает растения и деревья:

¹⁷⁵ Деяния 17:24, 26-27

¹⁷⁶ Ефесеям 4:6

¹⁷⁷ Псалом 146:4

¹⁷⁸ Псалом 95:4

¹⁷⁹ Псалом 103:3-4

¹⁸⁰ Псалом 103:10-11

¹⁸¹ Псалом 104:32

*"Он проращивает траву для скота и зелень на пользу человеку, чтобы произвести из земли пищу"*¹⁸²

*"Насыщаются древа Господни, кедры Ливанские, которые Он насадил."*¹⁸³

Он заботится обо всех животных:

*"дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему."*¹⁸⁴

*"Не две ли малые птицы продаются за ассарий? и ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего;"*¹⁸⁵

Он печется о человеке во всех его нуждах - телесных, душевных и духовных:

*"Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим. Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни."*¹⁸⁶

Особую заботу Он проявляет о теле человека:

*"У вас же и волосы на голове все сочтены;"*¹⁸⁷

*"Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом."*¹⁸⁸

¹⁸² Псалом 103:14

¹⁸³ Псалом 103:16

¹⁸⁴ Псалом 146:9

¹⁸⁵ Матфея 10:29

¹⁸⁶ Псалом 22

¹⁸⁷ Матфея 10:30

¹⁸⁸ Филиппийцам 4:19

Он охраняет человека от опасности:

*"Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах,
поэтому не убоимся, хотя бы поколебалась земля и горы
двинулись в сердце морей."*¹⁸⁹

Та великая проблема, что с начала времен тревожила индийскую мысль, проблема, лишившая Бога живой и деятельной природы, сделавшая невозможным представление о высшей Личности, пребывающей в постоянном практическом соприкосновении с каждым человеческим духом, воздвигшая непреодолимую преграду между поклоняющимся и Брахманом, "превосходящим мысль и слово", породившая идею, будто единственное действие Бога - это игра, и открывшая тем самым дорогу множеству унижительных мифов, - эта древняя проблема решается в христианстве. Праведный Отец Иисуса Христа - это и есть итог того долгого, благородного и страстного поиска, которым жила индийская философия.

II. Второе основополагающее учение Веданты - это схожесть души и Бога. Мы уже говорили о ценности этой идеи и о том возвышенном свидетельстве, которое она дает о божественной стороне человеческой природы. Невозможно выразить величие человека более высоко, чем через утверждение его родства с Богом.

Однако индийская мысль ясно осознавала, что эта доктрина не способна в полной мере учесть нравственную природу человека. Если человек действительно тождественный Богу, то человеческое зло стоит признать несущественным, поскольку невозможно вообразить присутствие зла в Абсолюте.

Но тогда теряют смысл любовь к Богу и стремление к единению с Ним, ибо эти духовные акты предполагают различие между человеком и

¹⁸⁹ Псалом 45:1

Богом, возможность духовного общения между двумя различными, хотя и родственными, началами.

Если же удерживать эту доктрину во всей ее полноте, то Бога придется считать безличным началом. Потому что с того момента, как божественная личность обретает ясные черты, идея тождества рушится: различия становятся слишком явными. Между тем вся религиозная история Индии на протяжении веков настойчиво требует личностного Бога - таково свидетельство всей истории великих сект, а также буддизма и джайнизма. Даже веданта Шанкары вынуждена признать это: чтобы объяснить религию и дать ответ живым нуждам человеческого сердца, в строгом ведантическом учении рядом с великим Брахманом возникает тусклая тень — личный, но временный и нереальный Брахма. Вся история индуизма подтверждает: человек не может жить без личного Бога.

Но если принять личностного Бога, то тождество между Богом и человеком исчезает. И потому во всех сектах человеческий дух уже не есть тот же самый Верховный Дух, целостный и неделимый, но представляет собой лишь его частицу - *амшу*. Шиваиты по-прежнему называют свое учение адвайтой, чистым монизмом, и утверждают, что освобожденный человек после смерти растворяется в Боге и теряет свое индивидуальное сознание. Однако в то же время между человеческим и божественным духом проводится ясное различие, и идея амши утверждается вполне определенно.

Учение о том, что человек это всего лишь часть Божественного Духа, позволяет избежать трудностей, которые возникают при утверждении тождества, и сохраняет возможность представлять Бога как личность. Но же оно ставит перед нами другие не менее серьезные вопросы. Как может часть Бога быть личностью? Откуда берется у человека личная воля, насыщенные эмоции, и яркое самосознание?

Но теперь обратимся к учению Христа о человеке. Каждый человек - это дитя Божие, созданное по образу Отца, обладающее духовной природой, которая хоть и ограничена, но по своим способностям соотносима с Божественной. Человек столь близок к Богу, что способен на непосредственное, личное и духовное общение, как сын с отцом; и при этом, оставаясь сыном, он не теряет своей личности в Боге. Таким образом, человек возведен на ту же высоту, что и в древней Веданте, но в отличие от нее, здесь сохраняются все священные отношения - молитвы, поклонения, любви к Богу. Поскольку он есть сын личного и праведного Бога, его самосознание и нравственная свобода уже не вызывают недоумения; а человеческая слабость и грех, хотя и представляются чуждыми и недостойными его высокого происхождения, все же не становятся совершенно непостижимыми. Индийские теисты глубоко чувствовали, что Бог - это Бог любви и милости, и они воспринимали как естественным, так и должным, чтобы человек испытывал *бхакти*, глубокое доверие и горячую привязанность к Богу. Эти возвышенные духовные истины получают свое полное обоснование только в учении Иисуса. Если Бог действительно есть Отец всех людей, а каждый человек - это Его ограниченное дитя, созданное по образу вечного Отца, тогда совершенно естественно ожидать, что Бог изольет на нас Свою любовь и благодать, и наивысшая привилегия и обязанность человека - это доверять, любить и повиноваться своему Отцу. Учение Христа о человеке это окончательная истина, к которой ведут лишь отголоски в строгой Веданте и в индийском теизме.

III. Третье великое учение - это вера в воплощения, о которой речь шла в предыдущей главе. Оно подводит нас к одной из сильнейших духовных сил в индуизме. В данном случае мы имеем дело не просто с идеями отдельных личностей или разрозненных групп, но с теми скрытыми силами, которые невозможно подчинить воле человека и

которые веками формируют грандиозные исторические явления. Тот факт, что учение о воплощении, возникшее изначально в древней вишнуитской секте, проникло почти во все ответвления индуизма и распространилось по всей Восточной Азии, служит убедительным свидетельством того религиозного значения, какое оно имеет для индийского и азиатского духа. И нет сомнений, какой именно элемент этого учения придал ему такую силу: вера в то, что Бог действительно появился на земле как человек, что Он родился, жил и умер среди людей. Это ясно отражено в религиозной литературе, но еще яснее ощущается в живом общении с народом.

А. Теперь, следует обратить внимание на ряд примечательных изменений, которые претерпела доктрина воплощения в умах образованных индусов. Эти изменения касаются как сужения, так и расширения ее значения.

Известно, что в обеих великих сектах на протяжении столетий было принято считать выдающихся духовных деятелей воплощениями - таких как Сатхакопа, Ямуначарья и Рамануджа у вишнуитов, Шанкара, Швела-чарья и Нилакантха у шиваитов, а также десятки других святых и ученых разных традиций. В наши дни ни один серьезный индуист не станет воспринимать это буквально. Слишком уж многое требует от нас такая вера - трудно всерьез утверждать, будто ожерелье Вишну или его диск могли воплотиться в человеческом облике. Действительно, некоторые восторженные последователи называли воплощениями Рамакришну Парамхамсу и даже госпожу Бесант, но никто из мыслящих людей не относился к этому как к богословскому утверждению - это лишь поэтический способ выразить признательность за их вклад в индуизм. Вера в зооморфные воплощения Вишну также исчезла. Современному человеку попросту невозможно поверить, что Бог мог явиться в образе чудовища - наполовину человека, наполовину льва. Все это слишком очевидно мифология, чтобы вызывать сегодня доверие.

Единственные воплощения, за которые в наши дни всерьез держится индуизм - это Рама и Кришна. И хотя он может признать существование более ранних преданий, он уже не берет на себя ответственность за их достоверность. Но Раму и Кришну он защищает. Одним из ярчайших признаков нео-индуистской литературы становится тот факт, что целые книги были написаны с целью доказать историчность описаний жизни Рамы и Кришны, содержащихся в эпосах. Мыслители осознали: если не удастся убедительно доказать, что эти события действительно происходили, вера в древние воплощения неизбежно исчезнет. Но эти труды читаются с трудом, и не случайно, ведь они берутся за невозможное. В последние годы индуисты чаще всего ограничиваются уверенными заявлениями: насколько известно автору, ни одного серьезного богословского труда на эту тему в последнее время не появлялось.

С другой стороны, мы наблюдаем весьма значительное расширение прежнего понятия, включающее в себя Христа, Магомета, Конфуция и других великих религиозных учителей. Многие современные индуисты полагают, что обладают философией религии, не только разумной, но и либеральной, поскольку признают всех великих учителей человечества воплощениями. Такое понимание вызывает глубочайшую симпатию. Современному человеку действительно необходима рабочая концепция религии, способная охватить все многообразие ее проявлений. Но сколь глубокую перемену это влечет за собой для всего индуистского мышления! Будда, конечно, был признан воплощением Вишну еще в древности, но лишь в том смысле, что Вишну воплотился в нем, чтобы ввести людей в заблуждение и обратить их к ложной религии. А теперь все великие религии мира признаются благими и основанными на истинных воплощениях. Осознают ли сами индуисты, какую революцию в индуистской мысли и практике влечет за собой искреннее принятие подобного учения?

В. Мы не можем удивляться столь глубокой утрате веры, ведь, как показало наше изучение истории, все индийские предания о воплощениях не имеют под собой никакого основания. Рама, Кришна и Гаутама Будда, в том виде, в каком они впервые появляются в литературе - это просто люди, и при том настолько далекие от божественного, насколько это вообще возможно. Рама и Кришна даже не являются религиозными учителями, они всего лишь цари и воины; и только спустя примерно три столетия после их появления в литературе возникло убеждение, будто они были воплощениями. Лишь гораздо позже их стали называть полными воплощениями Верховного. История Гаутамы Будды иная. Он был одним из величайших духовных учителей, которых знало человечество. Огромная часть мира до сих пор черпает свое религиозное вдохновение от него. Однако его учение принципиально противостояло самой идее воплощения. Мысль о себе как о воплотившемся боге была бы для него глубоко отвратительной. И лишь спустя не менее пяти столетий после его смерти его последователи осмелились связать его имя с учением о Едином живом Боге. А ведь только на основании такого учения вообще возможно говорить о воплощении. Прошло пятьсот лет после смерти Гаутамы, прежде чем его впервые стали называть аватарой. Таким образом, каждое индийское предание о воплощении - это лишь миф.

Философский индуизм независимый от истории: не имеет значения, когда и кем были впервые высказаны те или иные идеи, их внутренняя ценность сохраняется неизменно. Индусы остро осознают это и часто на это ссылаются. Но этот принцип неприменим к вере во воплощения: суть этого учения - в реальном явлении Бога в человеческой истории. Как мы уже видели, сила этой идеи над сердцем индуса заключается именно в вере, что в определенные моменты Бог рождался, жил и умирал в Индии как человек.

И если каждое из индуистских воплощений - полностью миф, тогда все учение обречено на угасание. Те изменения, которые оно претерпело в образованной среде за последние полвека это симптомы его умирания.

Патриотически настроенный индус не может и не должен желать, чтобы это учение продолжало жить. Он не может желать, чтобы народ питался одной лишь мифологией. Великая индийская нация не может быть воспитана на таком корме.

С. Именно западный дух послужил причиной этих сдвигов в понимании доктрины воплощения. Два потока западного влияния особенно сильно затронули эту область индуизма. Во-первых, чувство историчности овладело самыми просвещенными людьми и побудило их честно и открыто исследовать развитие индуистской религии. Так появились те, кто открыто признал: рассказы о воплощениях - миф. Но большинство предпочитает молчать или, подобно Банкему Чандре Чаттерджи, пытается убедить себя и других в том, что человек-бог Кришна - это историческая фигура. Во-вторых, огромное воздействие оказало представление об историческом Иисусе. Его несомненное место в истории мира, Его личные притязания, Его безграничная заинтересованность в человеке, историческая достоверность Нового Завета - все это пробудило серьезный отклик в индуистском сознании.

Д. С другой стороны, тот факт, что столь огромные массы индийского и восточноазиатского народа приняли рассказы о воплощениях, становится еще более поразительным, если вспомнить, что все они безосновательны. Насколько же должен быть глубок и силен тот инстинкт, которому эти мифы служат откликом! Стремление к живому Богу, несомненно, это глубочайшая и неистребимая из всех наших природных религиозных способностей; но вместе с тем едва ли найдется более яркое и мощное стремление, чем жажда увидеть Бога, явленного во плоти.

Е. Но вот здесь возникает вопрос: если все аватары - лишь миф, то что же тогда остается делать индуисту? Просто отбросить это учение и жить без него? Та роль, которую оно играло в индуизме более двух тысяч лет, свидетельствует о том, насколько глубоко индуистский религиозный дух ценит саму идею “Бог с нами”. Отказаться от нее значит признать не только то, что индуистский ум принял миф за историю, но и то, что он глубоко заблуждался в одном из своих главных религиозных прозрений. Если мы не можем доверять индуистскому духу в таком великом деле, то чему тогда вообще можно доверять?

Е. Христианская точка зрения куда менее скептична. Тот, кто верит в Иисуса как во воплощенного Сына Божия, конечно, признает, что индуизм принял мифы о Раме и Кришне за историческую правду; но он также убежден, что сам индуистский дух был прав, ожидая явления Бога во плоти. И разве истинный индийский патриот не должен принять именно такую позицию? Верность истине не позволяет ему продолжать верить в мифологические воплощения; но если он доверяет духовной интуиции своего народа, он непременно будет ожидать, что в истории человечества действительно произошло подлинное нисхождение Божества в человеческую жизнь. Таким образом, Иисус, чье учение столь дивно завершает идеи индуизма, необходим, чтобы придать прочность и реальность вере в воплощение. Без Него она исчезнет, как сон, утративший всякую опору.

Е. Но есть ли у христиан разумное основание, чтобы предлагать индуисту принять Иисуса как воплощенного Сына Божия? Ниже мы изложим несколько мыслей, которые могут помочь читателю увидеть, на чем все таки строится христианское убеждение.

1. Те, кто знал Иисуса лучше всех, утверждали, что в Нем они увидели откровение Бога. Весь Новый Завет свидетельствует о том, что

они думали и насколько глубока была их вера. Вот что говорит один современный историк об этом факте:

“Где в истории человечества мы найдем нечто подобное тому, что люди, евшие и пившие с Учителем своим, прославили Его не только как откровение Бога, но как Владыку жизни, как Искупителя и Судию мира, как живую силу его бытия, и что хор иудеев и язычников, эллинов и варваров, мудрых и неразумных, вместе с ними единодушно исповедал, что из полноты одного Человека они получили благодать за благодатью?”

2. Вся история христианского влияния в мире неопровержимо доказывает, что христианская истина оказывает свое подлинное воздействие на общество только тогда, когда Иисус признается Сыном Божиим. Унитаризм - это прекрасное растение, но оно всегда будет хилое. У индусов перед глазами стоит наглядный урок: жизненность христианской Церкви по сравнению со слабостью Брахма Самадж.

3. Если обратиться к учению Иисуса, как оно передано нам в Евангелиях Его учениками, мы обнаружим, что Иисус не только называет Себя Сыном Божиим, но что все Его учение от начала до конца проникнуто такими мыслями, какие могли возникнуть лишь в уме, сознающем себя наделенным божественной властью.

(а) Иисус призывает слушающих к личному подчинению Ему, к полной покорности, к открытому исповеданию верности Ему, к готовности страдать или даже умереть ради Него:

“Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу

свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее”¹⁹⁰

“Что вы зовете Меня: «Господи! Господи!» — и не делаете того, что Я говорю?»”¹⁹¹

“Итак, всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным;””¹⁹²

“Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня.””¹⁹³

Он также провозглашает Себя примером, которому мы должны подражать:

“Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим.””¹⁹⁴

Примечательно, что люди обнаружили: чтобы жить той жизнью, к которой зовет Иисус, необходимо не только внимательно слушать Его наставления, но и предать себя Ему как Господу именно в той форме, какую предписывают приведенные выше слова. Требование Иисуса об абсолютной покорности Себе подтверждается в христианском опыте как религиозно обоснованное. Вот что говорит об этом Гарнак:

“Евангелие может быть понято и прочно удержано только через веру и самоотдачу личности Христу.”

Джеймс Драммонд, один из виднейших унитарных авторов последних лет, пишет следующее:

¹⁹⁰ Матфея 10:37-39

¹⁹¹ Луки 6:46

¹⁹² Матфея 10:32

¹⁹³ Матфея 5:11

¹⁹⁴ Матфея 11:28-29

“Для любящего сердце Иисус - «оживляющий дух», Тот, Кто формирует внутреннюю жизнь и наполняет ее изобилующей энергией.”

(b) Что же подразумевается в этом удивительном духовном отношении между Христом и душой? Именно этот вопрос Иисус задает Сам. Он не навязывает нам Свою Личность, но становится нашим слугой и помощником, совершая для нас тем больше, чем полнее мы предаемся Ему. Затем Он обращается к каждому из нас в тишине сердца с тем же вопросом, который однажды задал Своим ученикам:

“А вы за кого почитаете Меня?”¹⁹⁵

(c) Когда мы впервые знакомимся с Иисусом, нас особенно озадачивает то, что Он чаще всего называет Себя Сыном Человеческим. При внимательном изучении становится ясно, что Он воспринимал Себя как Главу рода человеческого и ощущал Свою непосредственную связь с каждым мужчиной, женщиной и ребенком. Он верил, что всякий человек нуждается в Нем:

“И блажен тот, кто не соблазнится обо Мне.”¹⁹⁶

Как Сын Человеческий, Он верил, что имеет на земле власть прощать грехи. В конце концов, Он был убежден, что как Сын Человеческий Он должен умереть за людей:

“Ибо Сын Человеческий пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.”¹⁹⁷

(d) Осознавая столь остро, что все люди нуждаются в Его наставлении и помощи, Он говорил, что Его ученики, которым было поручено продолжить Его дело, занимают в отношении к человечеству

¹⁹⁵ Матфея 16:15

¹⁹⁶ Матфея 11

¹⁹⁷ Марка 10:45

крайне ответственное положение, и настоятельно побуждал их исполнять это призвание:

*“Вы — соль земли. Вы — свет миру. Итак, идите, научите все народы.”*¹⁹⁸

(е) Поскольку Иисус сам мыслил о Своей жизни и Своем деле именно так, неудивительно, что, обращаясь к еврейскому народу, Он называл Себя Мессией и утверждал, что пришел установить Царство Божие. Когда Его судил иудейский Синедрион, председатель ясно задал Ему этот вопрос. В ответ Иисус прямо провозгласил Себя Мессией и, в конце концов, предпочел быть распятым, нежели отказаться от Своего утверждения.

(ф) В отношении к Богу Отцу Иисус называл Себя Сыном и утверждал, что только Он один может открыть Отца:

*“Все предано Мне Отцом Моим; и никто не знает, кто Сын, кроме Отца, и кто Отец, кроме Сына и того, кому Сын хочет открыть”.*¹⁹⁹

Таковы, в самой краткой и простой форме, основания христианского убеждения, что Иисус - воплощенный Сын Божий. Мы не говорим о логическом доказательстветого, что Он - Сын. Как и все самое глубокое в религии, это не предмет умозаключения, а дело нравственного и духовного прозрения. Иисус приходит ныне к каждому образованному индуисту и спрашивает: “Во свете всей истории индуизма, всей истории мира, Моего учения, Моего Креста, и твоего собственного религиозного опыта - за кого ты считаешь Меня?”

IV. Следующие абзацы призваны пролить свет на то, каково соотношение исторического Христа с мифическими воплощениями Индии. Поэты воспевали аватар, а святые разных школ размышляли о них,

¹⁹⁸ Матфея 28:19

¹⁹⁹ Луки 10:22

пока из этих размышлений не сложился единый образ - общенациональный идеал; так что главные черты этого образа можно найти в Кришне «Бхагавад-гиты», Будде “Сутры о Лотосе Благого Закона”, Раме у Тулси Даса, и даже в представлении Маникка Вачакара о многочисленных теофаниях Шивы.

А. Центральная мысль этого учения состоит в том, что Бог стал человеком, родился, жил и умер как человек. Именно в этом, как мы уже видели, заключается подлинная сила всего движения в его воздействии на разум и сердце Индии и других народов, принявших его. В текстах встречается множество мест, выражающих изумление перед этим верованием и пробужденное им смиренное благоговение. Так, в Гите, когда Кришна открывает Арджуне Свою преображенную сущность, тот восклицает в гимне преклонения, из которого приведем несколько строк:

“Да будет хвала Тебе - тысячу раз хвала!

И вновь хвала Тебе, и снова и снова хвала!

Ты - Сила без меры, Ты —-Мощь без предела,

Ты все объемлешь, ибо Сам Ты - Все.

Если же, считая Тебя лишь другом, я взывал к Тебе:

“Кришна!” или: “О Ядава!”, о Друг,

Не зная Твоего величия,

*И обращаясь с Тобой без благоговения в нежности
любви;*

Если в шутке я проявлял к Тебе неуважение

Во время игр, в покое, за столом,

Один на один, или в кругу друзей

Прости мою вину, о Безгрешный, о Безграничный!

И потому я припадаю к Тебе ниц

И телом своим поклоняюсь Тебе, как должно.

Благослови меня, как отец - сына,

Как друг - друга, как возлюбленный - возлюбленного.”

Мы видим воздействие того же чувства в пламенной любви индуистов к младенцу Кришне и в бесчисленных изображениях ползущего ребенка, украшающих жилища по всей Индии. Так, Тулси Дас преисполнен благоговейного изумления перед смирением и самоуничижением Рамы, родившегося как человек; а Маникка Вачакар не перестает изливать хвалу Шиве за любовь и снисхождение, проявленные в Его богоявлениях.

И все же во всех индийских представлениях об аватарах человеческая природа, которую якобы принимает бог, лишь кажущаяся. Его человеческое тело - всего лишь маска; его человеческая слабость и эмоции - всего лишь игра; его ограничения - лишь видимость. Слава Всевышнего едва ли омрачена мутной оболочкой плоти, в которую Великий Действующий на мгновение облачается, словно в театральный костюм. Индийское сознание сочло бы неуместным и унижительным для Высочайшего нечто большее. Нет ни малейшего предположения, что воплощенный бог действительно был ограничен человеческими условиями или подчинен законам человеческой природы. В «Гите» все ударение падает на божественность Кришны: он имеет человеческий облик, но никогда не мыслится как истинный человек. Он всегда - бог, скрытый в личине человеческой формы.

Та же концепция встречается и в отношении к Гаутаме в “Сутре о Лотосе Благого Закона”. Все, что он делает - это лишь Лила, игра. Его пришествие на землю и уход в Нирвану - всего лишь притворство: все время он пребывает на Гридхракуте. Его смерть - лишь уловка, хитроумный прием, обман, необходимый ради блага людей. Похожие выражения использует Маникка Вачакар, говоря о Шиве. Все Его действия, будь то в мироздании или в душе человека, лишь игра, Лила.

Они воплощаются в Его танце. Все Его теофании - иллюзия. Его не раз называют Великим Обманщиком. Он появляется и действует как носильщик, как конюх, и в прочих образах; но каждый раз это - бог, играющий роль: в этом нет ни подлинного труда, ни настоящего человеческого опыта.

Те же формулировки находим у Тулси Даса. Все, что делает Рама это игра. Он - актер; он - великий повелитель иллюзий; он непрестанно использует силу обмана и иллюзии. Он лишь притворяется, будто чувствует боль, печаль, удивление или радость - все это только спектакль:

“Ради верных Своих, Сам Бог, наш господь Рама, воплотился как царь и для нашего великого освящения жил, словно простой человек. Подобно актеру, который во время представления надевает разные костюмы и изображает разных персонажей, сам при этом оставаясь тем же, - таково развлечение Рамы, смятение для демонов, но радость для верных”

Совсем иная картина в случае с Иисусом. Он был истинным человеком. Он не был актером, не был иллюзорным игротворцем. Все было подлинным - от начала до конца. Он родился беспомощным младенцем и возрастал в знании, как возрастал в теле. “Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков”. Как младенец, Он не проявлял божественной силы, чтобы устрашить мать, как это делает Рама в поэме Тулси Даса. К двенадцати годам Он знал и любил Отца Своего Небесного, но оставался послушным Своим родителям. “...Разве вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? И они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет, и был в повиновении у них”. Он был обучен ремеслу плотника: “Не плотник ли Он, Сын Марии...?”, и он трудился в мастерской, зарабатывая хлеб для Себя, Матери и других, в поте лица

Своего. Он не пользовался никакой божественной силой, чтобы облегчить труд. Это был не краткий миг притворной работы, как у Шивы в образе носильщика. Он делал ярма, плуги и прочее подобное до тридцати лет, освещая тем самым весь человеческий труд.

На протяжении всей Своей общественной жизни Он оставался подлинным человеком, нашим братом, проживающим ту же обыкновенную человеческую жизнь, подверженную всем ограничениям и сужениям, которые стесняют и сдавливают нас. Он не имел дома, страдал от жажды, от голода, от усталости. Его знания были ограничены: Он часто спрашивал, никогда не притворялся незнающим, и, по крайней мере, однажды прямо сказал, что не знает. Чудесные силы были дарованы Ему для выполнения Своей миссии, но применялись исключительно ради других - никогда для Себя, ни в голоде, который последовал за сорокадневным постом, ни в страданиях распятия. Любимым именем, которым Он называл Себя, было Сын Человеческий. Его слава как Сына Человеческого заключалась в том, что Он разделил с братьями и сестрами по человеческому роду весь труд, скорбь и страдание.

Здесь мы подходим к точке наибольшего расхождения между индуистским идеалом воплощенного и Христом. “Как Иисус может быть Божественным, если Его распяли? Если бы Он был Богом, разве не смог бы Он с легкостью одолеть Своих убийц? Бог не может быть побежден человеком” - именно так рассуждали многие индуисты. То же самое говорили иудеи, стоявшие у Креста:

“И было третий час, и распяли Его. И была надпись вины Его: Царь Иудейский. С Ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону. И проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: разрушающий храм и в три дня созидающий, спаси Себя Самого и сойди с креста! Подобным образом и первосвященники, насмехаясь между собою с книжниками, говорили: других спасал, а Себя не может спасти.

Христос, Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, чтобы мы увидели и поверили”.

Но разве не очевидно, что если Иисус пришел на землю как Спаситель, то Его долгом было спасать других, а не Себя? Внутренний нерв метода Христа - в том, что Он отдает Себя в жертву, чтобы вернуть грешника к Богу. Распятие - лишь последняя демонстрация перед всем миром того, что происходило в жизни Иисуса с самого начала:

*“Сын Человеческий пришел не для того, чтобы
Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу
Свою для искупления многих.”*

Благочестивый индуист, вероятно, будет глубоко удивлен самой мыслью о том, что Воплотившийся мог быть подлинным человеком, ведь это резко расходится с индуистскими представлениями. Но именно здесь, в центральной тайне Слова, ставшего плотью, в Единородном и Возлюбленном Сыне, отдавшем Себя на крест заключено самое сердце христианской веры, самый источник христианской жизни.

Индийская религиозная интуиция предчувствовала, что Бог может стать человеком, но не осознала всей глубины Божественного смирения и самопожертвования. Главная идея была верной, но ее развитие— неудачным. Даже в своем наилучшем виде индуистское воплощение не является подлинным воплощением: Бог лишь кажется человеком. Даже если у некоторых авторов человеческое тело воспринимается как нечто реальное, то Бог, в их представлении, не становится человеком, а лишь проявляется внутри человеческой оболочки. В Христе же Сын Божий действительно становится человеком, разделяет наши боли и скорби, наши искушения и моральные затруднения, живет в тех же условиях, что и мы. Таким образом, Иисус исполняет индийскую мысль - Он ее осуществление; но, как и всегда, посланная Богом реальность оказывается несравненно выше и прекраснее человеческого воображения.

В. Образ Воплотившегося описывается в ряде книг достаточно подробно и рассматривается современными индуистами как нечто весьма значительное. У этого образа есть два аспекта.

(а) Мысль о том, что Воплотившийся должен быть примером для людей, почти не встречается в литературе. Тем не менее, вот уже много веков «Рамаяна» Вальмики используется как нравственное зеркало, где Рама рассматривается как идеал мужа и мужчины, а Сита - как идеал жены. Народ Индии вправе считать себя счастливым, имея такое произведение. Рама и его верная супруга - действительно прекрасные и здоровые примеры индуистской жизни. Люди любого народа искренне восхищаются ими. Но все же было бы ошибкой думать, что они способны оказать серьезное этическое влияние на человечество. Они добрые индуисты, и в их характерах есть много благородного и поучительного; но они не ведут за собой человечество. Важно также отметить, что именно в той части поэмы, где Рама и Сита остаются сугубо человеческими фигурами, этот образ оказался плодотворным.

С тех пор, как Раму и Кришну стали воспринимать как воплотившихся Богов, исчезла сама мысль о том, что их земная жизнь может служить людям моральным примером. Вот почему в Бхагавадгите вообще не говорится о земной жизни Кришны; за исключением того, что подразумевается в ее сценах. Чтобы изучить черты характера и поведение, приписываемые ему в литературе, нужно обращаться к Махабхарате и Пуранам, а там материал, мягко говоря, неблагоприятен. К счастью, нам не нужно этим заниматься: Бхагавата-пурана, один из главных авторитетов кришнаитской традиции, настойчиво предостерегает, что люди ни в коем случае не должны подражать действиям богов. Тулси Дас полностью разделяет эту точку зрения. Оба эти места уже были процитированы.

Несмотря на столь серьезное предупреждение, один из современных индусов, вдохновленный христианским отношением ко Христу, написал

книгу под названием “Подражание Шри-Кришне”. Это ежедневное наставление, составленное из отрывков из Гиты, Махабхараты и той самой книги, которая осуждает подобное подражание - Бхагавата-пураны.

Чтобы избежать недоразумений, следует уточнить, что в Бхагавад-гите действие вне действия трансцендентного Кришны-Брахмана предлагается как образец карма-йоги, которому следует следовать человеку. Но это не действие Воплотившегося.

(b) Однако характер и жизнь Воплотившегося везде рассматриваются как откровение непостижимого Брахмана - личностного, или безличного. Очертания этого образа в разных книгах описаны с поразительным единодушием.

Его наиболее яркая черта - игривость: он полон игры, шалостей и притворства. Его иллюзорная сила позволяет ему делать все, что угодно, и принимать любой облик. Никогда не знаешь, что он сделает в следующий момент. Таким образом, вся древняя мифология, связанная с Шивой, Вишну, Рамой и Кришной, которая возникла еще до доктрины воплощений и гуманитарных теофаний, сохраняется и используется для разнообразия образа и событий в его жизни. Следом по значимости идет его безразличие. Он относится ко всем живым существам одинаково. Он так же добр к злым, как и к добрым. В Гите сказано, что он ни к кому не питает ни любви, ни ненависти. Хотя он постоянно действует, его деятельность - не целенаправленное действие, а всего лишь игра. Поэтому он всегда пребывает в покое. До сих пор черты его характера в точности совпадают с теми, которые приписываются Атману в Упанишадах.

Однако, когда Бог осмысливается как Личность, в образе Воплотившегося проявляются и иные черты. Он исполнен сострадания ко всем, готов даровать благодать тем, кто являет преданность Ему. Он - их прибежище, друг, утешитель; и Он готов освободить их от греха. Начиная с поэтов-мистиков тамильской традиции, Воплотившийся в индийском

сознании неизменно описывается как Бог любви. Поэтому фраза из Гиты, процитированная выше, более не повторяется. Маникка Вачакар неустанно подчеркивает смирение Шивы, и Тулси Дас говорит о Раме в том же духе. Наконец, Маникка говорит о страданиях Шивы ради людей, и Тулси Дас столь же настойчиво подчеркивает страдания Рамы.

Это поразительный факт, что характерные черты самого прекрасного нравственного идеала, созданного Индией, а именно - идеала для аскетов, о котором уже шла речь, ни разу не приписываются Воплотившемуся. Отречение от мира, самоотверженность, кротость, мягкость, прощение и стойкость - все это было знаками монаха, но не считалось свойственным аватаре, поскольку он воспринимался как божественное существо под видом человека, а не как настоящий человек.

Теперь же обратимся от этих удивительных созданий индуистского религиозного воображения к образу исторического Иисуса.

(1) Поскольку Он был истинным человеком, Его характер был подлинно человеческим. Мы видим, как постепенно формировалась Его нравственная природа, и узнаем в Нем всю ту же борьбу и напряжение, которые знакомы нам самим. Его характер развивался и созревал. Ему приходилось пробивать себе путь сквозь искушения - так же, как и нам; с той лишь разницей, что Он никогда не уступил, но оставался свободен от всякого греха. Он был зависим от Отца, как и обычные люди. Это совершенно ясно проявляется в Его молитвенной жизни. Он сражался, чтобы познать и исполнить волю Отца, усмиряя человеческое сердце, которое склонно было воспротивиться ужасному испытанию, через которое Ему надлежало пройти. Он проводил ночи в молитве, взывал к Отцу со слезами и с великим напряжением духа. В борьбе с искушением и в перенесении гонений Он учился послушанию и достиг совершенства зрелой нравственной личности.

(2) Самый удивительный факт, касающийся Его характера, состоит в следующем: Он - Тот, в Ком нравственный идеал был столь высок и строг, Кто столь глубоко знал природу греха, что ненавидел его абсолютно, Кто требовал покаяния и приводил к нему многих, никогда не проявлял никакого осознания собственного греха, ни малейшего признака раскаяния или исповеди. Очевидно, Он был тем величайшим чудом - безгрешной душой. С детства, через юность и до зрелых лет, Он жил так близко к Своему Отцу, что оставался совершенно чистым. Именно это более всего выделяет Его среди величайших людей. Только Он был абсолютно без порока. В Нем нравственный идеал воплотился в полной мере. Он Прекраснейший из сынов человеческих, весь исполненный благодати. Люди всех народов признавали: характер Иисуса - совершенен, и между Его учением и Его жизнью нет ни малейшего противоречия.

(3) Поскольку Иисус жил в полном соответствии с высочайшим нравственным идеалом, когда-либо постигнутым человечеством, Он - высочайший пример для нас. В Нем мы видим то, чем должны стать. Он - наш религиозный и нравственный образец; ибо, будучи истинным человеком, Он жил молитвой, упованием на Бога, поклонением как и мы. Читатель поймет, насколько невозможно было бы представить нечто подобное в случае с индуистскими воплощениями.

(4) Но, поскольку Иисус явил в Себе высоту нравственного идеала и в жизни, и в характере, Он одновременно стал откровением Бога. Когда мы говорим, что Бог - нравственен, мы имеем в виду, что Он Сам соответствует тем нормам, которым повелевает следовать нам; но ни одна религия, кроме иудаизма и христианства, не имела смелости сказать это прямо. Это послание Ветхого Завета. Оно получает наглядное выражение в характере Иисуса, Который, будучи

откровением Отца, образом праведного Бога, становится примером для человека.

В Нем индуистский идеал воплощения исполнен с избытком. Контуры божественного характера, очерченные индийскими авторами, здесь наполнены славой и красотой, которых они даже не воображали. И то, что, по словам индуистских книг, было невозможно, чтобы Воплотившийся стал образцом для человека, в Иисусе стало реальностью. Являя Отца, Он стал нашим Образцом. Главные черты характера, приписываемые аватару, обретают в Нем высшее выражение. Он жил в мире с Отцом и стремился привести к Нему людей. Безразличие к людям, составляющее идеал Индии, в Нем превратилось в любовь к человечеству, ставшую источником всей Его жизни. Его смирение превзошло все, что рассказывалось о Шиве. Его сострадание проявлялось в каждодневном труде ради больных и страждущих. Тулси Дас и Маникка Вачакар описывают своих героев как страдающих ради людей; но ни один из них не дал образа, сравнимого с Крестом Христовым.

(5) Но удивительно и то, что Иисус исполнил и индийский идеал аскета. Главное отличие между Ним и индийским отшельником в том, что Он не искал страдания и не причинял Себе боли. Унижение, презрение, поношение, насмешки, стыд, одиночество, предательство, голод, жажда, боль, пытка, смерть - все это пришло к Нему в ходе ежедневного труда ради служения людям. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни. “Посмотрите и посудите - есть ли страдание, подобное страданию Его?” И все же, вся та кротость, мягкость и прощение, которые предписаны как идеал для монаха, явились в Его обыденной жизни как плод любви, которая вдохновляла Его.

С. Воплощенный Бог в индуизме и буддизме - великий учитель.

Этот аспект идеала весьма слабо выражен во всей литературе, касающейся Рамы. В «Рамаяне» Вальмики он вовсе не предстает как учитель; то же самое можно сказать и о поздних Упанишадах Рамы. Даже у Тулси Даса, где Рама изредка дает благочестивые советы, их едва ли можно назвать полноценным учением.

Изначальный человеко-бог Кришна, фигурирующий во втором этапе Махабхараты, также не был учителем: его задачей было истребление чудовищ. Но в Бхагавад-гите ситуация иная. Божеству больше не вменяется в обязанность очищать землю от демонов. Появляется иная потребность: вайшнавскому мирянину необходимо теистическая теология. В результате Кришна преобразуется в учителя школы веданты и начинает излагать древнюю мудрость Упанишад, добавляя к ней утверждение, что он сам - воплощенный Брахман. Поэтому его называют “Учителем мира, достойным поклонения и глубочайшего почтения”. В Саддхарма-пундарике Гаутама, превратившийся во воплощенного бога, учит так же, как он это делал при жизни, лишь с тем отличием, что его послание теперь иное. Вероятно, именно пример Кришны привел к появлению идеи, будто Шива нередко является на землю в образе гуру. Маникка Вачакар приписывает свое обращение в веру именно такой теофании.

Гита оказала исключительное влияние в Индии, которое продолжается уже не менее семнадцати веков; *Саддхарма-пундарика* сыграла почти столь же важную роль в Китае и Японии. Но хотя мы и чтим труды, так глубоко затронувшие сердца людей, мы уже не можем читать их как подлинное учение Кришны и Гаутамы. Эти произведения как сестры, рожденные в один и тот же наполненный откровениями период, но имена великих людей, написавших их, навсегда остались неизвестны.

В Евангелиях же, напротив, мы имеем несомненно подлинное учение Иисуса из Назарета. Именно от Него берет начало христианство.

Так утверждают древние римляне, иудеи, а также Его собственные последователи. Что касается истока христианства, то в нем нет ни тени сомнения, точно так же, как никто не сомневается в происхождении ислама, буддизма или системы Рамануджи.

Иисус признает Себя как Учителя всего мира. Он призывает всех прийти и учиться у Него. Его приглашение обращено ко всем без исключения. Он говорит, что Его ученики - соль земли и свет мира, а Его Благовестие будет рассказано по всей вселенной. Его учение не знает национальных границ. Он рассматривает всех людей как детей Божиих, а Божию любовь как благословение, обращенное ко всему человечеству. Когда же Он сядет как Судия, перед Ним соберутся все народы.

В предыдущих главах этой книги мы уже отчасти прикоснулись к характеру и силе учения Иисуса к его духовной глубине, всеобъемлемости и поразительной способности откликаться на потребности современной Индии, венчая собой наивысшие идеалы древней веры. Как уже было сказано, Его учение отличается от всех иных религиозных систем тем, что Он не предлагает подробных правил и предписаний, но формулирует универсальные духовные принципы, лежащие в основании человеческой жизни и поведения. Вот в чем заключается тайна того, что Его нравственные и религиозные идеи применимы в любой стране мира и на любом этапе цивилизации. Всякий раз, когда какая-либо религия берется формулировать свод подробных обрядовых или моральных законов, она тем самым ограничивает себя рамками определенной культуры. Как бы ни были хороши такие законы, они не могут быть универсальны. Трудно представить, что предписания Ману были бы возложены, скажем, на эскимосов, или что Закон Моисеев мог бы быть дарован племени каннибалов в Центральной Африке. В учении Христа нет ничего, что сковывало бы свободу человеческого духа, ничего, что противоречило бы здравому смыслу или нарушало бы естественные законы здоровья. Он дает

нам великие принципы, и каждое общество свободно вырабатывать собственную практику в согласии с последними достижениями науки, в духе своей истории и в условиях своей среды. Учение Христа применимо везде, и всюду оно становится основанием свободы.

Каждый может своими глазами увидеть, как эти истины сбываются в современном мире. Учение Христа действительно проповедуется по всей земле. На самом деле, едва ли найдется сколько-нибудь значительный народ на земле, в котором не было бы христиан. Весть Иисуса уже на опыте доказала свою всеобщность.

Хотя Иисус обращается к универсальным истинам, Его слова поражают своей исключительной простотой. Его фразы кратки, афористичны, запоминаются навсегда. Они до предела просты, насыщены образами, полны притчевой выразительности. В результате Его учение не похоже ни на одно другое литературное произведение в мире. Оно оформлено таким образом, что становится понятным для всех, даже для тех, кто лишь недавно вышел из состояния дикости. Вот почему Евангелия с такой легкостью переводятся на любой язык земли. Переведенные, эти книги остаются не только доступными для самого простого человека: они сохраняют живую силу оригинала; они столь же могущественны в том, чтобы тронуть сердце, пробудить раскаяние, веру и стремление к святости, как и сами первоисточники. Где еще в мире найдется книга, обладающая такой универсальной приспособляемостью и простотой? Представьте себе, что Бхагавад-гиту или Чхандогья-упанишаду перевели бы и вложили в руки людоедов Новой Гвинеи, дикарей Огненной Земли или даже неприкасаемых Индии! А ведь Евангелия действительно известны и дороги этим народам, и благодаря Христу они вышли из состояния дикости. Вы можете пойти и услышать, как они читают Евангелия во время семейной молитвы. Так Христос ежедневно доказывает Себя на деле как Учитель всего человеческого рода.

D. Воплощенный приходит, чтобы спасти.

На ранней стадии формирования этой доктрины спасительная миссия Рамы и Кришны заключалась в уничтожении чудовищ. Кришна убивает Камсу, жестокого царя, Путану, демоническую кормилицу, и Калиею, змеиного царя. Рама побеждает царя-демона Равану. Помощь была нужна богам в их борьбе с Раваной: именно как их Спаситель Вишну воплощается в четырех сыновьях Дашаратхи. В Гите уже открывается гораздо более широкий взгляд. Там Кришна говорит:

“Во спасение праведных, в уничтожение злодеев и в утверждение закона я рождаюсь из века в век”

Теперь он не только уничтожает демонов, но и спасает праведников, утверждает дхарму.

В Саддхарма-пундарике делается еще один шаг вперед. Разрушение исчезает из числа задач Воплощенного. Гаутама там говорит:

“Многokrатно я рождаюсь в мире живущих. Я - Татхагата, Владыка, не имеющий себе равных, Я являюсь в этот мир, чтобы спасти”

То же самое утверждается и у Авагхоши: целью Будд, сказано, является спасение всех живых существ.

Как мы уже видели, Шива не воплощается, но проявляется в человеческом образе. В этих теофаниях он обычно выходит из лингама или же принимает облик шиваитского гуру, но может явиться и в любой другой форме. Он появляется либо чтобы учить, либо чтобы прийти на помощь преданным. Маникка Вачакар говорит следующее:

“Принимая различные облики и разнообразные привычки... Он, Владыка с быком, дабы спасти мир, в благодати явился вместе со Своей спутницей”.

Тулси Дас включает в миссию Рама множество элементов, но никогда не называет его учителем. Вот как он формулирует причины его воплощения:

“Когда добродетель приходит в упадок, и злые духи, возгордившись, совершают невыразимые злодеяния, принося смятение брахманам, коровам, богам и самой земле, тогда милосердный Владыка принимает новое телесное обличие, избавляет верных от страданий, уничтожает злых духов, восстанавливает богов, утверждает путь спасения и изливает сияние Своей славы на весь мир. Таковы цели воплощений Рама”

Он откровенно признает, что Рама не был Спасителем людей, когда жил на земле; но заявляет, что «его имя» спасло миллионы:

“Сам Рама спас лишь одну женщину - жену отшельника; но Его имя исправило заблуждения миллионов грешников”

Эти два автора также вводят трогательную мысль о заместительном страдании. Маникка Вачакар пишет:

“Ты сделал меня Своим; Ты принял огненный яд, жалея бедные души; чтобы я, ничтожнейший, мог вкусить Твою амброзию”

Тулси Дас пишет:

“Из любви к Своим последователям Рама принял облик человека и, претерпевая страдание, даровал им счастье”.

Поразительно, как со временем грубая первоначальная идея о воплощении, предпринятом ради избавления богов от всемогущего демона, постепенно очищалась. Прогресс, достигнутый в Гите, весьма значителен, но наивысшая мысль - это идея заместительных страданий, выраженная тамильскими и индуистскими святыми.

Из этих пленительных образов мы вновь обращаемся к реальной жизни Иисуса. И здесь самое важное, что стоит отметить: вся Его публичная жизнь была сплошной цепью разных спасительных действий.

Он стал первым религиозным Учителем, занявшим здоровое и уважительное отношение к человеческому телу. Он глубоко осознавал ценность души:

“Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?”²⁰⁰

и все же признавал, как и современная мысль, законное место тела в жизни человека, показывая нам собственным примером, что о нем следует заботиться с любовью и вниманием. Значительная часть Его времени и сил была отдана исцелению телесных недугов. Все, что утверждает современная наука о необходимости заботы о физическом здоровье, целиком соответствует духу Иисуса. Все, что мы делаем для того, чтобы принести медицинскую помощь больным, внедрить санитарные меры в деревнях Индии, уничтожить микробы болезней, изменить нездоровые условия жизни, а также все наши усилия по организации физической активности, игр на свежем воздухе, занятий гимнастикой - все это полностью находится в согласии с Его учением и практикой. Индии предстоит еще научиться заботиться о теле.

Он стремился спасти человеческое общество, сделать общение между людьми радостным, здоровым, чистым и свободным. Обладая сердцем брата для каждого сына Адама, Он был самым общительным и самым гостеприимным из людей. Он не допускал, чтобы кто-либо оставался голодным, или чтобы радостное торжество было омрачено нехваткой. Именно поэтому Он накормил более пяти тысяч гостей, усадив их на зеленой траве в Вифсаиде. Он прекрасно понимал, насколько сильно влияет каждая сторона общественной жизни на формирование характера, и

²⁰⁰ Матфея 16:26

потому хотел наполнить ее собственным духом любви. Он желал преобразить не только религию, но и само общество. Он также использовал такие моменты, чтобы завоевывать сердца людей, приближая их к Своему Отцу.

Одной из главных целей Иисуса в сфере общественной жизни было разрушение социальных барьеров и практическое установление нового общественного принципа: человек может с честью вкушать пищу рядом с другими, независимо от их расы или социального положения. Каждый, кто изучает древнюю историю, особенно историю Индии, знает, насколько это было новым, даже взрывоопасно революционным понятием в то время. Иисус охотно садился за стол с кем угодно. Он обедал с богатыми людьми из числа самых строгих религиозных кругов - фарисеев; Он ел вместе с теми, кого общество считало навсегда отверженными и безнадежно далекими от всякой добропорядочности и религиозности.

Но Иисус идет еще дальше. Для Него человеческое общество - нечто мистическое, одухотворенное, обладающее неизмеримым влиянием. Наш насущный хлеб - из руки Отца; трапеза, разделенная с другими, будь то семейная еда или большое собрание, должна не только соединять нас друг с другом, но и с Великим Подателем. Смысл ее неисчерпаем. Вот почему Он выбрал Свою последнюю вечерю с учениками, чтобы она стала Памятованием Его умирающей любви, и одновременно центральным, самым драгоценным элементом христианского богослужения.

Но Иисус пришел в этот мир, чтобы спасти человека от греха, и потому главной деятельностью Его жизни было учение, а величайшим из всех Его поступков стала искупительная смерть. Маникка Вачакар и Тулси Дас постигли, что Воплощенный в Своем милосердии и любви будет страдать ради людей; Иисус исполнил это откровение на кресте Голгофы. Каждый внимательный читатель Евангелий осознает: в Своей смерти Иисус сознательно, добровольно отдал Свою жизнь в полном повиновении

воле Отца, понимая, что Крест необходим, чтобы освободить нас от уз греха. Его кровь - единственный возможный выкуп. Она пролилась за нас. Он умер на древе, прочно пригвожденный к жертвенному столбу, как жертва, принесенная за наши преступления. Великий Первосвященник всего человеческого рода, Он принес в жертву Самого Себя, и как Священник, и как Жертва, дабы мы, искупленные Его смертью, могли разделить Его жизнь здесь и в вечности. Когда Он висел на кресте, враги говорили в насмешку: *“Других спасал; Себя не может спасти”*, не осознавая, что их издевка стала величайшей хвалой: ведь именно этой фразой они, не ведая того, окончательно и навсегда провозгласили Его Истинным Спасителем.

ГЛАВА XII

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОРГАНИЗМ

I. Корень всякой религиозной жизни заключается в отношении между Богом и личностью; но в действительной жизни религия никогда не встречается в столь голем виде. Как явление, поддающееся наблюдению, она всегда обнаруживается в рамках сообщества, в организованной, исторической форме; и каждый человек принимает ее от своего окружения именно в этом облике. В этом и заключается главное отличие религии от простой теории - философской или религиозной. Религия есть религиозная теория, взявшая в организованные рамки жизнь сообщества. Голая теория может представлять большой интерес для ума, и даже способна в какой-то мере влиять на поступки отдельного человека; но ее действие в мире ни в какое сравнение не идет с действием настоящей религии. Один-единственный факт с достаточной очевидностью раскрывает коренное различие между теорией, будь она философской или религиозной, и подлинной религией: за всякой теорией, какой бы ни была ее природа, неизменно стоит организованная религиозная система, из которой она возникла и в пределах которой продолжает существовать. Если теория достигает успеха и становится религией, как случилось, например, с буддизмом, старая религия будет отвергнута и покинута; но чтобы существовать независимо от прежнего религиозного организма, теория должна непременно обрести облик живой религиозной системы, и немало теорий, религиозных или философских, оказываются совершенно неспособны на такое превращение.

Истинная религия (в противоположность теоретическим построениям) проявляет особую силу. Она формирует общество и семью по своему образу. Она рождает мораль и навязывает ее обществу. Из ее

центрального вероучения возникает столь глубокое чувство, что оно неизбежно находит выражение в поклонении.

II. Индуистская система, в ее наиспростейшем виде, как мы ее рассматривали в пятой главе, на протяжении многих столетий оказывалась по-настоящему живой религией. Люди верили в нее и жили по ней. Она направляла их мышление, регулировала общественную и семейную жизнь, и выработала особый моральный уклад. Ее религиозная энергия прежде всего проявлялась в культе, который не только оказывал могучее влияние на индийский народ, но выразился в богатейшей и разнообразной литературе, а также вдохновил архитектуру, скульптуру, живопись и музыку. Сама устойчивость расы в значительной степени объясняется устройством социальной и семейной жизни в рамках индуизма. Подобное явление мы наблюдаем и в Китае. Поэтому неудивительно, что эти формы так прочно держат людей. Осознание их важности для всего народа глубоко укоренено в сознании, посажено историческими событиями и закреплено в глубинах ума через наслоения наследственности.

A. Однако из предыдущих глав мы получили убедительное свидетельство, что большинство элементов, из которых складывается индуистская система, приводят к пагубным последствиям; под давлением западного влияния эта система ныне рушится. Характерные черты индуистской семьи, подвергнутые самой радикальной критике со стороны движения за социальную реформу, проистекают из религиозных убеждений, которые образованные люди более не разделяют. Индийские политики и социальные реформаторы едины в осуждении кастовой системы как главной причины слабости индуистского народа; и мы видели, что за каждым правилом касты стоит религиозная доктрина, в которую ни один культурный человек уже не верит. Положение брахмана-священника, а вместе с тем и вся система индуистского богослужения и учительства, подорвана в корне. Ни один образованный

человек сегодня не верит, что души, рождающиеся в касте брахманов, являются наиболее духовными во всем мире; между тем, именно этот догмат составляет единственное основание исключительной священнической власти брахманов. Идолопоклонство, являющееся главным источником той огромной массы суеверий, что мешает жителям деревень Индии вырваться из оков нищеты и невежественности, восходит к вере (уже утратившей силу среди образованных людей), что каждый идол - это живой бог. Вся история религии Индии - это непрерывное усилие мыслящих индуистов уйти от безличного Бога и достичь Бога любви и милости. Садху - живое порождение философско-аскетического движения - признан современным человеком бесполезным. И вот наконец, мы убедились, что учение о карме и переселении душ, самое проникновенное и влиятельное из всех индуистских представлений, оказало на богословие на протяжении веков крайне вредное воздействие; оно стало главной опорой и оправданием тех верований, на которых держится кастовая система, и дало индуисту глубокое религиозное обоснование для самого скрупулезного соблюдения каждого мелкого правила религиозного закона и обычая. Средний образованный человек, не вполне отдавая себе отчет в основаниях веры и практики индуизма, думает, что все еще придерживается этой теории, и утверждает, что она - одно из величайших достижений человеческой мысли; и все же мы нашли обильные доказательства того, что западная мысль и ее влияние подорвали веру в глубинные и наиболее значимые аспекты этой доктрины.

В. Важно понять: хотя бесчисленные суеверия, под тяжестью которых живет индуистский народ, пагубно влияют на ум и характер, все же за каждым из них пробивается отблеск духовного мира. Эти проблески, конечно, не изменяют вредной сути или губительных последствий соответствующих практик; но именно они делают эти обряды и обычаи в глазах индуиста подлинно религиозными. Приведем несколько примеров.

1. Возьмем достаточно грубый (на наш взгляд) обычай - омовение в водах Ганга ради очищения от греха. Этот обычай не только абсурден, но и нравственно порочен. Вот как пишет об этом один индуист:

“Если мы можем грешить, а затем омываться в водах некой реки и таким образом избавиться от последствий, то насколько же легким становится путь! Подобные идеи - это страшная угроза нравственному развитию человека. Они поощряют грех, внушая надежду на очищение через священные воды Ганга”

И все же за этим стоит подлинный религиозный инстинкт: человек ощущает, что должен существовать путь, ведущий к прощению греха; что, если есть Бог, то должна быть и очистительная купель для вины и нечистоты.

3. На первый взгляд трудно понять, как индуисты могли на деле практиковать те жестокости, которые ранее регулярно совершались в некоторых сектах. Британское правительство запретило самые ужасные из них: подвешивание на крюках, вырывание языка, пронзание бедра, насаживание животных на кол. Самоистязания аскетов мы уже рассмотрели ранее. И поныне можно видеть паломников, которые, распростершись на землю, измеряют собственным телом дорогу к какому-либо знаменитому святилищу. И все же, сколь бы бесчеловечными и иррациональными ни казались подобные практики, из них исходят два длинных луча света: во-первых, пусть даже тщетная, но все же надежда, что страсти тела можно побороть сдерживанием и подавлением; и, во-вторых, мысль о том, что человек вправе вынести любую боль и отказаться от всего, если в этом есть шанс снискать Божье благоволение.

4. Мы уже увидели, что *сати*, тот самый обычай, одна только мысль о котором приводит современного человека в ужас и стыд, - в своей глубинной основе строится на очень высоком идеале супружеской

верности и чистоты, а также на живой вере в небесную реальность и в возможность воссоединения с любимыми на том свете.

5. Религиозное самоубийство встречалось в Индии нередко как в джайнизме, так и в индуизме. В сознании современного человека тот, кто отнимает у себя жизнь, предстает и безбожником, и трусом: он не хочет ни покориться Божьей воле, ни мужественно принять бой, к которому призывает жизнь. И все же, за религиозным самоубийством стоит благородное стремление сбросить с себя этот плотский покров, отказаться от бренного бытия ради обретения подлинной жизни. Это жалкое искаженное отражение великого принципа Христа:

*“Кто хочет душу свою сберечь - потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия - тот спасет ее”.*²⁰¹

6. Не найти более поверхностного суеверия, чем широко распространенная среди индуистов вера в духовную силу одного лишь произнесения имени почитаемого божества или многократного повторения сектантской мантры - священного лозунга. Два момента лежат у истоков этих безрассудных убеждений: во-первых, тот факт, что божественное имя и священная мантра (выражения глубочайшего благоговения души) произносятся с предельной искренностью и чувством; а во-вторых, убеждение в том, что идея, содержащаяся в мантре, и есть квинтэссенция всей духовной истины, то есть, по сути, пища, которую душа должна усвоить, чтобы жить.

7. Суеверия простого деревенского индуса относительно брахмана, служащего в их деревне, едва ли можно описать иначе как абсурдные и невообразимые. В его представлении брахман не только приносит жертвы богам и возвещает их волю, но и обладает безграничной властью над природой и людьми. Он, по поверью, может одним словом затмить солнце,

²⁰¹ Марка 5:23

одним кивком уничтожить целую деревню с ее жителями. И все же в корне этого опаснейшего суеверия лежит убеждение, что брахман есть духовное существо высшего порядка и что именно благодаря этой духовности он был избран и поставлен богами быть посредником между народом и божеством: в жертве, в откровении воли богов, и в проявлении сверхъестественной силы.

8. Вот как один индуист описывает жертвоприношения деревенским божествам:

“И до сих пор с печалью наблюдаешь, как индусы продолжают поклоняться деревенским богам и богиням самым отвратительным и суеверным образом. В моей местности есть каву - храм, где каждый год забивают тысячи кур и овец в угоду мнимым божествам. Святое место буквально превращается в бойню. Разве можно представить себе более ужасную и унижительную форму поклонения Верховному Отцу Вселенной”

Тем не менее, жертва это возможно самый устойчивый и самый реальный элемент в повседневном индуистском поклонении. Как же объяснить ее живучесть, сохраняющуюся на протяжении тысячелетий? Мы должны признать, что она отвечает глубочайшим потребностям человеческого сердца: стремлению выразить благодарность Богу, желанию установить с Ним добрые отношения, жажде примирения за совершенное зло. За этими грубыми обрядами стоит целый пласт благородной веры и чувств, и все это необходимо учитывать. Но также важно ясно осознать, что подобные практики не исчезнут, пока не будет предложено нечто столь же действенное, но уже на духовной основе.

9. В большинстве современных индуистских сект ученик склоняется перед своим гуру и сыплет на голову пыль с его стоп. В некоторых случаях он даже пьет воду, в которой гуру мыл ноги. Все это - это не просто жесты

смирения или знаки почтения: так, по их мнению, передается духовная сила. Как вообще возможно, что человек может верить в подобное? Очевидный, грубый суеверный характер этих практик бросается в глаза; и все же в их основании лежит истинный инстинкт: Бог пошлет нам Учителя, и в этом Учителе будет столь великая благодать и мудрость, что от него будет исходить духовная сила и исцеление другим.

10. И по сей день, в определенных кастах, если индуист пересечет океан, по возвращении он обязан пройти *прайичитта*, обряд очищения. Это гнусная, отвратительная церемония, на которую ни один человек, уважающий себя и обладающий современным сознанием, не может согласиться с честью. И все же, несомненно, первые, кто сформулировал этот ритуал, были исполнены сознания совершенного греха и осознавали необходимость некоего серьезного акта, который бы загладил вину. Поразительно, но отталкивающий характер этого обряда объясняется в значительной мере тем, насколько священной индуист считает корову.

11. Совершалось ли когда-либо нечто более отвратительное во имя религии, чем то, что делает индуистская мать, посвящая свою дочь жизни религиозного позора? И все же даже в этом порочном поступке затаилась мысль: ничто не может быть слишком ценным, чтобы не быть принесенным в дар Богу; преданность Ему должна быть безграничной и лишенной всяких условий. Именно эта идея и поддерживала жизнь этой практики, о чем ясно свидетельствует литература.

Современному человеку едва ли возможно постичь, как столь истинные идеи и благородные порывы могли обрести выражение в столь унижительных формах, о которых шла речь. Но, как только мы осознаем, что в индуистском сознании Бог необязательно воспринимается как нравственное существо, мы начинаем понимать, как такое стало возможным.

Таким образом, индуистская система, несмотря на то что она пронизана суевериями, ослабляет народ и должна быть оставлена, все же является темным апокалипсисом. Это царство заблуждений и позора, суеверий и безумия - и все же в нем повсюду мерцают отблески света. В нем живет некая одержимость символами и намеками. Потому душа несет в себе двойную тяжесть и может лишь взывать с величайшей мольбой, чтобы пришел день, когда индуистский народ, по словам эпитафии Ньюмена, *ex umbris et imaginibus in veritatem*.

С. Именно смутное сознание наличия духовного основания и крупиц истины даже в самых пагубных элементах индуистской религии вызывает у образованного индуиста жгучее негодование, когда он слышит христианское осуждение индуизма. Он сам испытал силу этих явлений в собственной жизни; и потому, хотя он столь же ясно, как и христианин, осознает нелепость и аморальность многих практик, ему кажется крайне несправедливым отвергать все это без всяких оговорок. И, без сомнения, он в этом прав. Миссионер, который отказывается признать наличие истинных интуиций посреди всей этой порочности, жестокости и суеверия, не заслуживает доверия со стороны образованного класса.

Средний образованный человек испытывает особенно острое отвращение к статьям, подобным тем, что были процитированы во Введении и в данной главе, статьям, написанным самими индусами с целью разоблачить суеверия своей религии. Он воспринимает их как предательство, как игру на руку врагу. Что касается этого упрека: любой мыслящий человек сочувствует авторам этих статей, а не их обвинителям. Но есть и более глубокая, более серьезная причина их недовольства: они чувствуют, что подобные обличения не ведут ни к чему. Они не дают ответа на главный вопрос. Да, пороки и суеверия существуют, в этом никто не сомневается. Но ведь для деревенского жителя это единственная форма

религии, какая у него есть. Нас не нужно лишний раз убеждать, что она зла и унижительна. Нас волнует другое - как же ее изменить?

Д. Немного размышлений достаточно, чтобы понять: каждый из тех духовных мотивов и представлений, которые мы обнаружили в основе грубых суеверий индуизма, заново обретается в Личности Христа, но уже очищенный, укрепленный, воплощенный в здоровых институтах и духовных практиках. Он дал человечеству религиозную систему, одновременно действенную и истинно духовную.

III. Вот теперь, мы должны понять, в каком отношении индуистская система на протяжении веков находилась к философии, аскетизму и теистической теологии Индии.

А. Философии и теологии Индии по своей сути представляют собой череду попыток превзойти и превзойти организованную религию. Их метафизические и нравственные принципы неизмеримо выше идей древней веры. Оттого и санньяси в Упанишадах отвергли всю индуистскую систему - отбросили ее литературу, богослужение, общественный и семейный уклад, и попытались вести совершенно новую жизнь в высшем измерении, за пределами богов и жертв, которых они презирали, превыше кастовых различий, мирской выгоды и домашних удовольствий. То же самое справедливо и в отношении джайнов и буддистов. Философская теология вайшнавских и шиваитских сект ищет не жалкие дары, которые божества преподносят в обмен на жертвы, но избавление от чувственного мира и освобождение от круговорота перерождений. Все движение в целом есть радикальная критика организованного индуизма.

В. Но стоит взглянуть на Шанкару, в чьем лице мысль Упанишад впервые обрела завершенное и стройное выражение, и мы увидим, что он защищает, объясняет и принимает всю индуистскую систему: богов, их жертвоприношения, жречество, литературу и законы. К своей философии

он механически присоединяет все то, что ранние монахи отклонили как не имеющее никакой ценности.

Буддизм и джайнизм изначально вовсе не имели культа; но со временем они осознали потребность в богослужении, и заимствовали его в форме идолопоклонства, которое окружало их повсюду, того самого внешнего культа, который их основатели презирали и от которого с отвращением отвернулись.

Вайшнавцы и шиваиты в своей теологии возвышенно рассуждают о духовном, невидимом, непостижимом Брахмане - “превыше мысли и речи” но личностном, обладающем всеми добродетелями и исполненном любви и благодати. Однако их реальное поклонение, как в храме, так и дома, сводится к подношениям еды и питья идолу, в одном случае, или фаллическому символу - в другом, причем и то и другое воспринимается как живое существо, которое питает себя этими дарами.

С. Чем объясняются эти поразительные исторические факты? Тем, что Веданта - будь то безличностная в интерпретации Шанкары или личностная, как в учениях вайшнавцев и шиваитов, равно как и системы, разработанные Махавирой и Гаутамой - представляют собой философские теории, полностью лишенные творческой силы, которая одна лишь способна породить живую религию. Эти теории могут привлекать и сильно влиять на личность, но они не обладают тем чудесным свойством, которое позволяет захватить целое общество, сформировать его, создав культ, мораль, общественный и семейный строй. Ни одна из этих могучих философских систем не сумела стать полноценной религией и организовать себя как религиозное тело. В каждом случае культ представляет собой не что иное, как идолопоклонство традиционного индуизма, механически прикрепленное к философской теологии и грубо, неуклюже оправданное. Безличный пантеизм Шанкары, атеистическая метафизика Гаутамы и Махавиры, личностный теизм великих сект - все

они, выражая глубочайшее благоговение своих последователей, приходят в итоге к политеистическому идолопоклонству.

Д. С точки зрения религии индуистская система оказалась куда более действенной, чем философия. На протяжении веков она выполняла функции религии для индийского народа. Она поддерживала его, утешала, направляла в те времена, когда философии только формировались, предоставляя не только семена этих систем, но и плодородную почву, и питательную среду, необходимые для их роста. Когда же стало ясно, что философские построения сами по себе неполны, индуистская система вновь пришла на выручку, пусть в виде неудобной, но уютной и привлекательной оболочки для этих нагих теорий. Без древней системы простому народу пришлось бы довольствоваться лишь анимистическими верованиями своих далеких предков. Таким образом, роль индуистской системы в истории была воистину велика.

Е. Однако, несмотря на признание религиозной силы индуизма в сравнении с философией, мы вынуждены также признать, что эта система стала тюрьмой для философии. Панцирь, в котором она существовала, сковывал ее. Духовное поклонение стало невозможным. Она не смогла избавиться от кастового деления. *Бхагавадгита* предлагала освобождение женщинам и шудрам, но им по-прежнему не позволялось читать *Упанишад*ы. Рамануджа, Нилакантха, Рамананда, Тулси Дас и многие другие признавали, что представитель неприкасаемой касты способен к духовной религии, но при этом его все равно не освобождали от унижительного положения. В отдельных местах изображения святых неприкасаемых почитаются, но ни один из них никогда не становился жрецом в каком-либо храме. Любовь к Богу так и не прорвала границ кастовой системы. Время от времени какой-нибудь лидер заявлял: “Если неприкасаемый духовен - поешь с ним”, но это оставалось лишь красивыми словами. В конечном счете философу и богослову приходилось

соглашаться со всем безрассудством и грязью индуистского культа и всего, что с ним связано. Единственной точкой, в которой философия смогла пробиться сквозь древние обычаи, стала критика жертвоприношений животных. Индуистская система, таким образом, оказалась сильнее философии и подавила ее естественное развитие во всех направлениях.

IV .А.Примечательно, что современные защитники индуизма все чаще, по тем же причинам, вынуждены принимать всю полноту древней индуистской системы. Двадцать пять лет назад ни один образованный индуист и не помышлял защищать идолопоклонство, кастовую систему или наиболее грубые стороны индуистской семейной жизни. Сегодня же почти каждый тип индуистского возрождения стремится отстаивать весь индуизм без исключений. Арья-самадж продолжает полемику с политеизмом и идолопоклонством (хотя немало последователей арья-самаджа сами склоняются перед идолами); кое-где встречаются индуисты, осуждающие отдельные черты традиционного индуизма; но все прочие защищают систему в целом. Причина этого раскрывается историей: индуистская система - это подлинная религия, тогда как индуистская философия, при всей своей духовности и мощи, не в силах самостоятельно развиваться в религиозную систему.

В. Совершенно очевидно, что народ Индии не сможет обрести свет и свободу, пока не освободится от индуистской системы. Тем не менее, современные индуистские лидеры и теософы приводят определенные доводы в защиту своей политики сохранения всей древней веры. Вивекананда пишет:

“Реформаторам я скажу: я реформатор куда больший, чем любой из них. Они хотят реформировать мелочи. Я хочу реформу с корня и до ветвей. Различие между нами - в методе. Их путь это разрушение, мой путь это созидание. Я не верю в реформу. Я верю в рост.. Я не могу присоединиться ни к

одному из этих обществ, занятых лишь осуждением. Зачем осуждать? Во всяком обществе есть зло; это знают все; каждый ребенок знает; он может встать на трибуну и прочесть речь о пороках индуистского общества. Каждый невежественный иностранец, оказавшийся в Индии проездом, с видом большого знатока читает нам лекции об ужасах индийской жизни. Мы это признаем. Каждый может указать на зло, но друг человечества - это тот, кто найдет выход из беды”

Эти апологеты индуизма указывают на отблески духовного света, которые просвечивают в обычной индуистской практике; о некоторых из них мы уже говорили выше. Они утверждают, что именно эти истины являются настоящим источником и основанием религии, тогда как аморальность и суеверия, существование которых признают все, лишь позднейшие наслоения и искажения. Сама же религия, по их словам, совершенно свята и чиста. Поэтому, утверждают они, ничего нельзя терять: каждая традиция, каждый закон, каждое установление имеют неопределимую ценность. Реформа, проводимая по линии, предлагаемой социальными реформаторами, во-первых, разрушает то, что представляет собой сокровище неопределимой ценности, а во-вторых - остается поверхностной. Сделайте дух народа правильным - и подлинная реформа последует сама собой. Приведем вновь слова Вивекананды:

“Поэтому скажу я социальным реформаторам Мадраса, что питаю к ним величайшее уважение и любовь. Я люблю их за их великодушие, за любовь к родной земле, к бедным, к угнетенным. Но что я хочу сказать им с братской любовью так это то, что их метод ошибочен. Большинство реформ, за которые велась борьба в течение последнего столетия, были лишь внешними. Каждая из этих реформ

касалась лишь двух высших каст и не более. Вопрос о вдовьем браке не затронет семидесяти процентов индийских женщин, и все подобные темы касаются лишь высших слоев индийского общества - образованных, заметьте, за счет масс. Все усилия этих классов были направлены на то, чтобы привести в порядок собственные дома, сделать себя красивыми и выглядеть пристойно в глазах иностранцев. Но это не реформа. Нужно добраться до самой основы, до корней. Вот что я называю радикальной реформой. Зажгите огонь внизу, и пусть он разгорится вверх, возродив индийскую нацию”

С. Однако наш анализ семьи, кармы, касты и идолопоклонства убедительно показал, что подобное рассуждение глубоко ошибочно. Проблема в самой природе индуистской системы. Именно законы индуистской семьи нуждаются в отмене. Именно доктрина кармы ослабила индуистскую теологию. Основополагающие идеи кастового устройства должны быть отвергнуты, если индуистское общество хочет стать здоровым. Вся система идолопоклонства, по своей сути, политеистична и язычна. Те отблески света, что исходят из этих явлений, не оправдывают их. Приведенные выше абзацы, раскрывающие линии духовности, видимые даже в самых грубых аспектах религии, лишь подтверждают это правило.

Д. Возьмется ли сегодня хоть один современный индуист защищать религиозную проституцию только потому, что на протяжении веков мать, посвятившая свою дочь, якобы имела благородное намерение? Готов ли читатель на этом основании посвятить собственную дочь? Будем ли мы обращаться к британскому правительству с просьбой отменить законы против сати, жестоких религиозных обрядов и непристойности лишь потому, что в каждом из этих действий можно углядеть отблеск некоего идеала? Если мы примем такую логику, то окажутся допустимыми даже

самые крайние формы каннибализма и религиозной распущенности - ведь в каждом таком ритуале можно отыскать какую-нибудь “высокую идею”; Однако благородные мотивы, сопутствующие постыдным действиям, не освящают их и не теряются, когда аморальные и суеверные обряды и установления отбрасываются.

Абсурдность такой политики особенно очевидна, когда речь идет о касте и идолах, хотя именно защита этих институтов принесла популярность партии Вивекананды и теософам. Как может хоть один патриот Индии или разумный западный человек следовать их курсу, защищающему кастовую систему? Совесть самого индуизма уже восстала против отношения к неприкасаемым. Если касту можно оправдать, то на каком основании эти люди должны быть освобождены? Индуизм не оставляет в этом сомнений: если следовать законам Ману, им предписано навеки пребывать в унижении и деградации. Придумать оправдания и изощренные интерпретации в защиту идолопоклонства несложно, но настоящий вопрос, стоящий перед современным человеком, таков: желаем ли мы обречь индийский народ на вечное заточение в унижающем суеверии? Будем ли мы отстаивать институты, подрывающие жизненные силы и разум Индии, только потому, что они являются частью традиционной индуистской системы? Настал час, когда патриот Индии должен сделать выбор между преданием и здоровьем своей страны.

V. Мы уже показали, что Христос воплощает в Себе исполнение всех высших стремлений и целей индуизма. И если вдуматься в материал, изложенный в этой главе, становится ясно, что каждый луч света, видимый даже в самых грубых проявлениях индуистской религии, вновь сияет в Нем, но уже в контексте здоровых институтов и духовного поклонения. Каждое подлинное побуждение, которое в индуизме нашло свое выражение в нечистых, унижительных или недостойных практиках, в Нем получает полное и чистое осуществление - в служении угнетенным,

невеждам, больным и грешным. В Нем сосредоточен каждый луч света, сияющий в индуизме. Он - венец веры Индии.